

У(с) 55
КМ 847

История
ПРОШЛОЕ
КАЗАХСТАНА

В ИСТОЧНИКАХ
И МАТЕРИАЛАХ

3
154.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ИМЕНИ 10-ЛЕТИЯ КАЗАХСТАНА

ПРОШЛОЕ КАЗАХСТАНА

В ИСТОЧНИКАХ
И МАТЕРИАЛАХ

СБОРНИК ВТОРОЙ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
ПРОФ. С. Д. АСФЕНДИАРОВА

КАЗАХСТАНСКОЕ КРАЕВОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
АЛМА-АТА — 1936 — МОСКВА

Второй том „Прошлого Казахстана в источниках и материалах“ охватывает период завоевания Казахстана и Средней Азии царизмом до 1870 гг.

Отрывки из сочинений иностранных и русских авторов царских военных деятелей, администраторов, миссионеров разоблачают грабительскую колонизаторскую политику царизма.

Работа является пособием при изучении истории Казахстана.

Расчитана на широкого подготовленного читателя: партийный и комсомольский актив, научных работников, студентов. Может быть использована для самообразования.

Важнейшие опечатки

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
14	21 сверху	Проложить туда	Проложить туда дуть
26	7 сверху	И. И. Неплюев. Оренбургский край	И. И. Неплюев и Оренбургский край
26	18 сверху	из XVIII тома „Киргизский край“	из XVIII тома „Россия“ — „Киргизский край“
36	4 снизу	разных людей	ратных людей
38	19 сверху	ясака	ясака
42	8 снизу	общая	общая
59	23 сверху	Найсаны	Найманы
60	26 сверху	с киргизами	с киргизскими
70	2 снизу	себе	себе невольников
78	4 снизу	наш	ваш
79	10 сверху	Дугалнев	Дусалиев
82	21 сверху	имеющая	имевшая
101	6 сверху	Почти —	Поти —
107	25 снизу	1850	1860
107	21 снизу	определил	опередил
111	10 сверху	1812	1872
112	11 сверху	Кауман	Кауфиан
112	24—25 сверху	отступать	не отступать
114	10 сверху	свое	себе
120	20 сверху	иногда	никогда
120	28 сверху	степными	степенными
120	36 сверху	царя	цезаря
122	7 сверху	Римское	Раимское
122	14 снизу	438—9	488—9
125	20 сверху	разновременны	рановременны
126	10 снизу	на каждую	на южную
126	7 снизу	Веньков	Венюков
127	7 сверху	удалось	удалилось
127	28 сверху	С. Алиханов-Аварский М	М. Алиханов-Аварский
134	8 снизу	по сказочному	по сказанному
135	6 сверху	туры	туры
135	11, 14 сверху	неверных	неверных
147	7 сверху	воображениям	соображениям
149	18 сверху	иргизские	киргизские
151	25 сверху	в отдельную	в отдаленную
152	18—17 снизу	зырянских	Зырянских рудников
165	28 сверху	Нурали-хана	Нурали-ханова
169	9 сверху	ханам	ханом
171	21 сверху	Джикова	Джайкова
204	14 сверху	Ф. Рязанов „Восстание Исатая Тайманова“ А	А. Ф. Рязанов „восстание Исатая Тайманова“
214	22 сверху	Кунимжан Хэв	Куным-Джаг
219	27 сверху	будете	не будете
221	10 снизу	вместе	вместе
227	17—18 сверху	названия	назначения
228	3 снизу	С. Турбин	П. Назаров
231	4 снизу	наследственной	к наследственной
232	23 сверху	ханом	ханам
241	23 сверху	гомудов	номудов
250	26 сверху	1816	1861
255	14 снизу	Товарные	Торговые
260	5 сверху	которые	некоторые
261	15—14 снизу	переписи	переписи имеющихся
263	3 снизу	Карачуйлы	Карагуйлы
264	12 сверху	Кукур, Кукур, Карта	Кукур, Карта
266	15 сверху	чем	чем дальше
269	16 снизу	12	12
269	14 снизу	6765	5765
270	8 сверху	Ара-Караганской	Ара-Карагайской
270	11 сверху	70	700
270	8 снизу	Джигитской	Джигитаринской
270	4 снизу	Ара-Караганской	Ара-Карагайской
271	30 снизу	36	—
283	2 сверху	путем	путей
289	25 сверху	власть	плоть
293	9 снизу	Алмолы	Акмолы

Стр. 21, конец гл. 1-ой не указан источник последней цитаты: М. Венюков, „Опыт военного обозрения русских границ“

Стр. 96, 113 и 120: фамилия Bouiget дана по-русски ошибочно: Бультер вместо Бульжер.

На стр. 204, 205, 206, 208 и 209 слова казаков, казаки, казакам следует читать: казахов, казахи, казахам.

На владном листе иллюстрации между страницами 160—161 в подписи на строке 3-ей сверху напечатано: Космеев следует читать: Костеев.

ОТ РЕДАКЦИИ

Второй сборник „Прошлое Казахстана в источниках и материалах“ посвящен периоду завоевания Казахстана и установления господства царизма в Казахстане и Средней Азии (вторая половина XVIII столетия до 1860-70 г. г.).

Ставя себе задачей обслуживание широких кругов читателей аналогично I сборнику „Прошлого Казахстана“, мы охватили огромную литературу по истории казахов указанного периода. Главное внимание в книге уделено сущности царской колониальной политики, характеристике общественно-экономического строя казахов, борьбе казахских трудящихся масс против царизма и политике предавшихся царизму казахских эксплуататорских классов. Освещению этих основных вопросов истории Казахстана XVIII и XIX столетия и посвящен настоящий сборник.

Первый вопрос—о сущности и характере колониальной политики царизма. По этому вопросу необходимо прежде всего остановиться на теории „культурной“ и „прогрессивной“ роли царизма на Востоке. Эта великодержавническая точка зрения культивировалась не только официальными представителями царского правительства, но и всей буржуазной историографией.

Несмотря на явную фальшь утверждений „истинно-русских людей“, монархистов и черносотенцев, писателей и ученых из помещичьего лагеря, теория „культурной“ миссии царизма, под прикрытием подчас весьма резкой критики отрицательных сторон политики царизма, проводилась целым рядом мелко-буржуазных и „марксистских“ исследователей.

Основной предпосылкой мнения этой группы исследователей Казахстана является мелко-буржуазная, народническая, а также меньшевистская концепция понимания исторического процесса. Согласно этой точки зрения, поскольку общественно-экономический строй царской России несравненно выше строя „диких“, „кочевых инородцев“ Востока, постольку завоевание этих „инородцев“ Россией, при всех отрицательных сторонах этого завоевания, являлось якобы прогрессивным фактором.

Такая неверная в основе установка приводит к неверным выводам по тем или иным частным вопросам казахской истории, ведет к ошибкам „левацкого“ и правооппортунистического порядка. По существу, эта система взглядов помогает защите и оправданию грабительской колониальной политики капиталистических стран по отношению к отсталым народам.

Поэтому мы подробно остановились в комментариях к отдельным главам книги на выяснении существа колониальной царской политики в Казахстане, как политики разбоя, грабежа, часто бес-

смысленного истребления покоряемых народов (в том числе и казахов), политики, прикрытой высокопарными словами о введении начал „культуры и цивилизации“, о введении гражданственности и „истинно-христианских начал“ в среду „полудиких народов“. Мы стремились показать, что эта грабительская политика царизма по существу оправдывается такими столпами буржуазной историографии, как известный ориенталист проф. Григорьев, известный путешественник и этнограф П. П. Семенов-Тяньшаньский или „марксист“ П. Румянцев (в 1905 г. большевик, а потом перешел на службу в царское Переселенческое управление).

Из этой трактовки вопроса о роли завоевания царизмом Казахстана вытекают и ошибочные взгляды на общественно-экономический строй казахов описываемого периода.

С точки зрения царских деятелей казахи — „дикий“ или „полудикий“ кочевой народ — „ордынцы“. Другими словами и другими глубоко „научными“ обобщениями буржуазные ученые приходят по существу к тому же выводу. Казахи — народ „полупервобытный“, у них господствует родовой строй. Отсюда сравнение казахов с краснокожими индейцами Америки или другими „дикими“, „первобытными“ племенами Старого и Нового Света.

В самом ли деле дореволюционный казахский общественно-экономический строй был столь примитивен и неразвит?

Материалы 1-го сборника, касающиеся исторического периода до завоевания Казахстана царизмом, уже опровергают это представление о казахах. В XVIII и XIX столетиях мы видим в Казахстане развитой феодально-патриархальный строй, сложившееся классовое общество, определенную систему зависимости и господства, наблюдаем классовую борьбу поработенных скотоводов против эксплуататоров.

Всякое иное представление об общественно-экономическом строе казахов ведет к неправильному подходу к истории казахов, к левацким „архи-революционным“ суждениям с нигилистическим отрицанием всякой истории казахов и к представлению об этой истории, как о системе предательства родовых вождей: ханов, аксакалов и баев, насилий миссионеров и колонизаторов, причем казахские массы изображаются в виде забитой, бессловесной, страдающей жертвы этих событий.

С другой стороны, взгляд на казахский общественно-экономический строй, как на примитивный и патриархальный, создавал идеализацию казахского родового строя, казахской родовой общины, помогал затушевыванию классовых противоречий в казахском ауле это — концепция казахских буржуазных националистов, начиная от Чокана Валиханова, кончая алаш-ордынцами и русскими буржуазными народниками или либералами, исследователями Казахстана типа Ядринцева, Потанина, Швецова и др.

Конечно, следует предостеречь от того, чтобы „модернизировать“ казахский общественно-экономический строй. Казахстан — несомненно был страной отсталой, влияние родовых пережитков было здесь велико. Но в то же время нельзя утверждать, что казахи находились на низшей общественной ступени развития. Поэтому мы видим, что завоевание царизмом Казахстана отнюдь

не являлось легкой „военной прогулкой“, как это рисуют официальные отчеты. Оно стоило царскому правительству больших жертв людьми и средствами. Взаимоотношения между царским правительством и завоеванным казахским народом были очень сложны. Это не было простое истребление и вытеснение „дикарей“, как это было в Америке или Австралии. Царское завоевание встретило упорное сопротивление со стороны казахских масс. Несмотря на хищническую, бесчеловечную политику царизма, не отступавшего ни перед какими зверствами, несмотря на предательство феодальной и феодально-патриархальной верхушки, казахские массы упорно боролись против царизма, начиная с первого периода завоевания, т. е. со второй половины XVIII столетия, до восстания 1916 года и дальше, вместе с революционным российским пролетариатом в эпоху гражданской войны против контрреволюции.

Третий вопрос, освещенный в нашем сборнике, — это борьба казахских трудящихся масс против царизма и его союзников внутри казахского общества. Эта борьба в описываемый период, по нашему мнению, носит характер крестьянского стихийного восстания, происходящего в обстановке военно-феодального грабежа царской помещицей России и феодально-родовой эксплуатации со стороны ханов, аксакалов, батырей и проч. Отсюда борьба казахских масс против царизма и его ставленников из казахских эксплуататорских классов.

Буржуазные историки рассматривали эти восстания, как „бунты“ отдельных непокорных феодалов, как реакционные движения родовых казахских вождей, противящихся водворению „мира, спокойствия и порядка“, которые насаждал в казахских степях царизм.

Казахские националисты и русские народники и либералы рассматривали эти движения как борьбу казахского народа за освобождение во главе с народными общенациональными героями и вождями.

Обе эти точки зрения искажают в определенных классовых целях действительные исторические события. На этом мы подробно останавливаемся в комментариях к соответствующим главам. На самом деле это были массовые крестьянские восстания, вовлекавшие в движение и часть феодально-патриархальной верхушки; и на той ступени общественного развития, при отсутствии организующей и руководящей силы пролетариата, они принимали характер стихийных восстаний, не приводивших к положительному результату, к победе. Однако значение этих событий в многолетней борьбе казахских масс против царизма и его приспешников из казахской эксплуататорской верхушки весьма велико, и его нельзя преуменьшать.

Эти три основные вопроса истории казахов XVIII—XIX столетий составляют канву нашего сборника.

Выбор необходимого материала из обширной литературы был весьма затруднителен. Мы остановились на извлечениях из английских авторов (Краусса, Бульджера), дающих факты в свете англо-русского соперничества в дележе Средней Азии. Целый ряд

обстоятельств хода царской экспансии в Среднюю Азию вскрывается этими представителями главного конкурента царской России — английского капитализма. Работа американского журналиста Скайлера наделала много шума в свое время, как разоблачавшая отвратительные стороны царской политики.

Далее мы взяли выдержки из сочинений царских военных деятелей, администраторов и миссионеров (Витевский, Венюков, Гейнс, Романовский, Хрулев и др.), которые при всей неприкрытости их взглядов, как проводников царской политики, все же не смогли скрыть тех примеров разбоя и грабежа, которыми отличалась царская колониальная политика. Кроме того, в их произведениях отчетливо вскрываются движущие пружины царской политики.

Обширный материал имеется в „Записках Русского Географического Общества“, учреждения, помогавшего царскому правительству в деле колонизации края, доставления разного рода сведений о вновь завоеванном крае. Вокруг этого общества группировались ученые различных специальностей, хлынувшие вслед за царской армией в Казахстан и Среднюю Азию, администраторы, деятели переселенческого ведомства и т. д. Политическое направление сотрудников „Записок“ было различно: от либералов до монархистов.

Заканчивается сборник 1860-1870 годами, т. е. тем периодом, когда закончилось завоевание Казахстана, продолжавшееся около 150 лет.

Колониальная система царизма, начавшая развиваться и укрепляться после пореформенного периода, явится содержанием следующего III сборника „Прошлого Казахстана“.

Книга рассчитана на широкий круг читателей и должна ответить выросшим потребностям обширных слоев советской общности Казахстана к вопросам истории казахов. Книга может служить пособием для студентов вузов и техникумов и преподавателей средней школы.

В составлении сборника участвовали научные сотрудники Казахской Государственной Публичной Библиотеки под руководством и редакцией проф. С. Д. Асфендиарова. Организацией всей работы по подготовке сборника руководил директор Гос. Публ. Библиотеки Казахстана Б. А. Джумабаев.

I.

**ПЕРВЫЕ ШАГИ ЦАРИЗМА
ПО ЗАВОЕВАНИЮ КАЗАХСТАНА**

ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XVIII века)

Материалы по истории казахов XVIII века вошли в первый том нашего сборника. Однако, для уяснения колониальной политики царизма в XIX веке необходимо дополнить материалы первого тома. Первые шаги по завоеванию Казахстана царизмом были начаты в XVIII веке. Поэтому прежде всего нужно осветить причины и значение царской колониальной политики XVII столетия.

Со времени Петра I начинается период завоевания царской Россией Казахстана. Этот период продолжался свыше ста лет.

Товарищ Сталин в своей беседе с немецким писателем Людвигом так характеризовал роль Петра I.—„Да, конечно, Петр Великий сделал много для возвышения класса помещиков и развития нарождавшегося купеческого класса. Петр сделал очень много для создания и укрепления национального государства помещиков и купцов. Надо сказать также, что возвышение помещиков, содействие нарождающемуся классу торговцев и укрепление национального государства этих классов происходило за счет крепостного крестьянства, с которого драли три шкуры“.

Укреплял Петр это государство также путем ограбления остальных народов Востока и завоевания новых областей и территорий. Политика Петра интересна в том отношении, что он пытался склонять казахских, узбекских и др. ханов к „добровольному подданству“, обещая им поддержку против восставших народных масс. Таким образом легенда о „добровольном подданстве“ казахского народа царской России, усиленно распространявшаяся как колонизаторами (которым выгодно было представить дело завоевания и ограбления царизмом казахских масс, как „благодеение“), так и казахскими националистами (которым это было нужно для блока с русской буржуазией, как доказательство их дружбы и верности „великой России“), ведет начало со времен Петра I.

Под флагом „покровительства“ и „дружбы“ проникал царизм в Казахстан, но под этой фальшивой оболочкой скрывался обман, скрывалась хищническая, грабительская политика. Екатерина II в своих указаниях местным представителям царской власти совершенно не скрывает этого, проповедуя лозунг: „разделяй и властвуй“.

Приводимые отрывки полностью подтверждают эти положения. Мы даем наши переводы выдержек из книги англичанина Krausse'a, автора капитального труда „Россия в Азии“ (Krausse, Alexis. Russia in Asia. A record and study. 1558—1899. London. 1899). Английская литература XIX века (особенно 2-й половины) по вопросам колониальной политики царизма весьма богата. Англия была главным конкурентом России при дележе Азии.

Далее мы приводим выдержки из указа Петра I князю Бекovichу-Черкасскому и его указания одному из верных слуг Петра — башкирскому помещику Кутлу-Магомету Тевкелеву о казахах.

Как пропагандировали великодержавную политику царизма „ученые люди“, можно видеть из отрывков работ проф. Григорьева — („Сборник Гос. Знаний“ под ред. В. П. Безобразова; В. В. Григорьев. „Русская политика в отношении к Ср. Азии“. СПб. 1877 г.); П. П. Семенова-Тяньшаньского („Россия“. Под общим руководством П. П. Семенова, т. XVIII; „Киргизский край“, Отд. II. Население“, стр. 151—2. Изд. Девриена СПб. 1903 г.); М. Венюкова („Опыт военного обозрения русских границ“... СПб. 1873 г.) и В. Н. Витевского („Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г.“, т. I, 1897 г.).

Из всех этих отрывков читателю будут ясны первые шаги завоевания Казахстана царизмом и причины этого завоевания.

ЦАРСКАЯ РОССИЯ И ЕЕ АГРЕССИВНАЯ ПОЛИТИКА

...Рост Российской империи представляет собой одну из наиболее замечательных черт современной истории. Зародившись из слияния большого количества оседлых и кочевых племен, московское княжество основалось вскоре после того, как страна подверглась опустошению со стороны татарской Золотой Орды. Благодаря своему географическому положению, столица княжества сохранила свое положение как при монголах, так и при вторжении Тамерлана — втором татарском нашествии. Монархическая форма правления была учреждена Иваном III, принявшим в 1482 году титул московского царя и своим умелым, хотя и деспотическим правлением чрезвычайно укрепившим основы будущей империи.

В момент смерти Ивана Васильевича Московское царство имело территорию, размер которой немного превышал $\frac{1}{2}$ миллиона кв. миль.

В настоящее время Российская империя занимает площадь в 9 миллионов кв. миль, охватывая большую часть Восточной Европы и целиком Северную и Среднюю Азию.

Громадное расширение территории было достигнуто в период, немного превышающий четыре столетия. И в то время, как поступательное движение Московии было непрерывным, не известно ни одного примера какого-либо значительного отступления из уже занятой территории. Короче сказать, вся история России представляет собой летопись агрессий, завоеваний и поглощения покоренных стран.

Это началось с Тулы, Перми и Новгорода и остановилось сейчас на Мерве и Маньчжурии. Соответствующим порядком и в короткие промежутки времени Эстония, Лифляндия и область Каспийского моря были поглощены Российской империей. Финляндия и Польша подверглись покорению, Азов, Керчь и Крым были заняты Россией. В 1795 году осколки Польши оказались

под эгидой царя, в 1801 г. Грузия была отнята у Турции, в 1813 г. был захвачен лакомый ломоть Персии, а в 1828 г. был отнят второй ее кусок. В 1858 г. была занята территория Амура, в 1865 г. захватом Ташкента началось завоевание Средней Азии. Вслед за этим быстро последовало занятие Кульджи, Хивы, Коканда и Мерва.

В настоящее время Россия остается магнитом, притягивающим к себе внимание всех государств, наблюдающих за ней и интересующихся тем, куда в ближайшее время будет направлена ее империалистическая алчность...

Krausse, с. 1—2

ЗАВОЕВАНИЕ СРЕДНЕ-АЗИАТСКИХ ХАНСТВ

Точная дата начала сношений России со Средней Азией неизвестна. Однако, официальные данные говорят о том, что по крайней мере в начале XVII столетия московский царь Михаил Федорович находился в сношениях с хивинским ханом, который был вынужден к этому действиями уральских казаков, совершавших частые вторжения на хивинскую территорию.

Жители Хорезма, однако, оказались сильнее своих завоевателей, и русские неизменно должны были терпеть поражения. Иногда целые отряды их подвергались истреблению. В 1703 г. хивинский хан, несомненно под впечатлением известий о храбрости русских в Сибири, добровольно объявил себя подданным царя и направил в Москву своего посланца с ходатайством о том, чтобы Петр взял Хиву под свое покровительство. Из этой просьбы не вышло ничего, и положение оставалось по-старому до тех пор, пока, десять лет спустя, вести о богатствах реки Аму, рассказываемые туркменом Хаджи-Нефесом, прибывшим в качестве купца в Астрахань, не привлекли внимания русских к странам Средней Азии. Нефес заявил, что в Хиве и поблизости от нее должно находится много золота. Его рассказам поверили.

Вскоре после этого князь Гагарин, губернатор Сибири, известил, что им получено достойное доверия сообщение о большом открытии золотых залежей в Бухаре, — стране, в то время фактически неизвестной.

Эти слухи вызвали у Петра сильное желание заняться исследованием неизведанных областей по ту сторону Каспийского моря. В целях получения более подробных сведений о долине реки Аму он распорядился, чтобы Нефес прибыл в С.-Петербург. Его приезд имел место в 1713 г., и рассказы, привезенные туркменом, чрезвычайно усилили корыстолюбие царя. Момент был благоприятный. С Карлом XII было, наконец, покончено, а война с Турцией доведена до конца. Поскольку на западе не было больше стран для завоевания, Петр решил повернуть на восток. Глубокое впечатление, видимо, произвело на Петра сообщение Нефеса о течении реки Аму, которая, по его словам, некогда впадала в Каспийское море, но была отклонена от своего тече-

ния узбеками, преградившими дамбой старое русло из-за боязни нападения русских и заставившими реку течь в Аральское море. Петр решил направить в Туркестан экспедицию с двумя целями: исследовать богатства края и попытаться повернуть Оксус в его старое русло, чтобы река снова несла свои воды в Каспийское море и тем обеспечила русским возможность достигнуть хивинской территории прямо из Астрахани.

Петр доверил командование экспедицией князю Бековичу-Черкасскому, служившему в императорской лейб-гвардии и дал ему инструкцию — до начала каких-либо военных операций посетить хана и тайком ознакомиться со страной.

Бекович последовал его указаниям и по своем возвращении доложил Петру о том, что р. Аму или Оксус, как было установлено, впадала раньше в Каспий, и что во время его исследования он был у старого русла реки, восстановить которое, по его мнению, не представляло больших трудностей. В результате этого донесения князь получил новое приказание — взять командование над экспедицией в составе трех тысяч человек пехоты, казаков и драгун, чтобы вернуться в Хиву, предложить хану покориться и стать вассалом России; самому же Бековичу — обосноваться в Хиве в качестве представителя русского царя. Из Хивы должны были быть отправлены два каравана: один в Бухару, а другой — вниз по Оксусу для его изучения, в то время как по берегам реки должна быть развернута торговля с туземцами.

Экспедиция выступила из С.-Петербурга в начале 1717 г. и, направившись по пути на Астрахань и Гурьев, достигла в июне плоскогорья Усть-Урт. Прибыв в среду киргизских племен, экспедиция узнала, что хивинцы намереваются воспрепятствовать вступлению на их территорию столь большой армии. Экспедиция быстро тронулась в поход с целью достичь Оксуса, прежде чем хан будет иметь время, чтобы собрать сильную армию... Начальник экспедиции отправил вперед посланца, чтобы предупредить хана о своем приближении и в надлежащий срок получил любезный ответ, содержащий многочисленные выражения ханской благосклонности. Торжественно заявляя о своих чувствах вечной дружбы к эмиссару царя, прибывшему сюда, чтобы нанести ему почетный визит, хан собрал свои войска и выступил из своей столицы во главе 24-тысячного войска, чтобы дать бой русскому гостю.

Лишь только Бекович услышал о намерении хана дать ему бой, он расположил свой отряд в удобной позиции на берегу реки и стал ждать нападения. Когда хивинцы пришли к реке, русские позиции были укреплены земляными окопами, с шестью батареями в боевой готовности. Атака туземцев была бешеной, но безуспешной. Они ходили в наступление в течение целых двух дней с небольшими перерывами, не выбив русских из их позиции. Многие из них были убиты выстрелами казаков. На третий день командующий хивинской армией пришел к заключению, что было бы бесполезно продолжать нападение на позицию русских, отозвал свои войска и удалился.

На следующее утро к русским явился с белым флагом посланец с сообщением от хана. Согласно этому сообщению, нападение на русских было произведено без распоряжения хана, который заверял Бековича, что он желает оставаться в самых дружеских отношениях с русскими. Он настаивал, чтобы один из русских офицеров был послан в Хиву для получения лично от хана выражения его дружественных отношений к царю и его народу... Получив это сообщение, Бекович устроил совещание и решил, что было бы смешно отвергнуть предложения мира, поскольку они сделаны...

В то время как совещание обсуждало еще предложение хана, хивинцы возобновили нападение. К хану тотчас же был отправлен посланец, чтобы уведомить его о происходящем. Русские сдерживали нападающих, которые через некоторое время были отозваны. Хан прислал многоречивые извещения, объясняя, что отряд, нанесший оскорбление русским, не принадлежит к его регулярным войскам, а состоит из туркменов, которые без его ведома и распоряжения напали на русских. В доказательство справедливости этого объяснения и дружеских чувств, выражаемых им в отношении к русским, хан отдал распоряжение наказать двух человек, подозреваемых в подстрекательстве к нападению. Наказание должно было состоять в том, чтобы провести виновных перед войсками с помощью тонкой бичевки, продетой через ноздрю одного и ухо другого. Когда эта кара была приведена в исполнение, два дипломатических представителя хана посетили русский лагерь, где было подписано формальное соглашение. Хан заявил Бековичу, что он был бы рад принять русское войско в городе, но что здесь нет соответствующих помещений для столь большого количества. Для преодоления этой трудности хан предложил князю, чтобы он послал в лагерь распоряжение о приходе части его сил в город. Остальная часть должна остаться в лагере.

Бекович согласился с этим планом и послал распоряжение майору Франкенбергу, оставшемуся его заместителем, — о разделении войска... Три раза посылалось это распоряжение Франкенбергу без всякого результата, но когда распоряжение было послано в четвертый раз, с угрозой военным судом в случае неповиновения, то распоряжение было выполнено, и русские были разбиты на небольшие отряды, приблизительно по 600 человек в каждом, и разведены в различных направлениях.

Новость об успехе ханской тактики немедленно достигла Хивы, Бекович и его сотоварищи — офицеры были схвачены и убиты...

Получив известие о судьбе своей экспедиции, Петр отдал распоряжение войскам, находившимся на Каспийском море, выступить в поход, чтобы отомстить хивинцам. Но несчастье преследовало русские войска. Флот, на который они были погружены, чтобы переплыть Каспийское море, попал в большой шторм, при котором многие суда потерпели крушение. Остальным судам после больших трудностей удалось достигнуть восточных берегов Каспия, и войска в истощенном состоянии высади-

лись на берег. Однако, не могло быть предпринято ни одной попытки проникнуть на туркменскую территорию, и оставшиеся в живых много претерпели от повторявшихся нападений со стороны кочевников на их лагерь. В конце концов им была оказана помощь многочисленными судами, высланными на их поиски и в начале 1718 года они были доставлены обратно в Астрахань.

Crausse

ЭКСПЕДИЦИЯ БЕКОВИЧА-ЧЕРКАССКОГО

„...К завоеваниям в ней (Ср. Азии) он (Петр I) не стремился; манили его другие идеи: 1) проложить русскому купечеству через степи ее дорогу к сокровищам Индии, которыми, знал он, обогащались проникавшие туда морями приятели его голландцы и другие народы, 2) привлечь в Россию то золото, которое, как доходили до него слухи, промывались громадами на реке при городе Иркуте, в стране, о которой сказывали, что лежит она во владениях калмыцкого конташи, где-то на юг от Сибири и к востоку за Бухарою.

Несмотря на такую неопределенность сведений о местоположении Иркуте и дороги из Бухары в Индию, Петр не задумался над возможностью проложить туда для своих подданных вооруженной рукою, не завоевывая однако при этом стран, через которые шел предполагаемый путь. Это была гениальнейшая комбинация, которой до сих пор не отдана должная справедливость биографами великого императора, потому что не в состоянии были оценить ее по достоинству сами биографы, не знакомые с историей Востока. Осуществимость этой комбинации основывалась на глубоком понимании тогдашнего политического положения стран Средней Азии, каким, должно сказать, к сожалению, Петр обладал первый и последний из наших государственных деятелей XVIII века. Через посольства из Хивы, являвшиеся в Москву, еще в самом начале того века (в 1700 и 1703 гг.), с предложениями от ханов ее о подданстве, и других источников, известно было Петру, что хивинские и бухарские ханы так мало были действительными владыками своих подданных, так „бедствовали“ от них, по меткому выражению самого Петра, что для подчинения их себе охотно приняли бы всякую помощь извне.

На основании этих данных и решился он послать в Хиву и Бухару военный отряд значительной силы (до 5 тысяч человек); часть этого отряда предводитель его должен был оставить при хивинском и бухарском ханах, в виде гвардии, которая бы обеспечила им покорность их подданных и, вместе с тем, личную зависимость их от России, а затем озаботиться разведкою пути в Индию и Иркуте, и отправкою туда русского торгового каравана. Затея эта несколько не была рискованною и могла бы увенчаться полною удачею, не испорти государь всего дела возложением его на князя Бековича-Черкасского. Петру тогда, как и многим в настоящее время, естественно могло думаться, что в делах с хитрыми азиатцами всего лучше употребить хитрого же,

но вполне преданного ему „восточного человека“. Это было великою ошибкой... — Черкасский, с азиатской хитростью своею, дался в обман, и погубил, как известно, и себя, и сподвижников, безо всякой пользы для дела.

В. В. Григорьев. Русская политика в отношении к Средней Азии („Сб. Знаний“, СПб. 1874).

УКАЗ КАПИТАНУ ОТ ГВАРДИИ КНЯЗЮ ЧЕРКАССКОМУ

(из указа Петра I на имя князя
Бековича-Черкасского)

1) Надлежит над гаваном, где бывало устье Аму-Дарьи, построить крепость человек на тысячу, о чем просил и посол хивинский.

2) Ехать к хану хивинскому послом, а путь иметь подле той реки, и осмотреть прилежно течение оной реки, такоже плотины; ежели возможно оную воду паки обратить в старый ток, к тому ж протчие устья запереть, которые идут в Аральское море, и сколько к той работе потребно людей.

3) Осмотреть место близ плотины, или где удобно на настоящей Аму-Дарье реке, для строения крепости тайным образом; а буде возможно будет, то и тут другой город сделать.

4) Хана хивинского склонять к верности и подданству, обещая наследственное владение оному, для чего представлять ему гвардию к его службе, и чтоб он за то радел в наших интересах.

8) Будучи у хивинского хана проведать и о бухарском, не можно ль его хотя не в подданство, (ежели того нельзя сделать), но в дружбу привести таким же манером, ибо и там такоже ханы бедствуют от подданных.

9) Для всего сего надлежит дать регулярных четыре тысячи человек, судов сколько потребно, грамоты к обоим ханам, также купчине к ханам же и к моголу.

По сим пунктам господам сенату с лутчею ревностею сие дело как наискоряя отправить понеже зело нужно.

Сие писано его царского величества собственной рукой:

Петр в Либоу в 19 день февраля 1716 г.

ПРОДВИЖЕНИЕ В КАЗАХСТАН СО СТОРОНЫ СИБИРИ

В 1713 году сибирский генерал-губернатор князь Гагарин доносил Петру I о возможности построить по Иртышу ряд крепостей. В 1715 году был послан бригадир Бухгольц с 3 тыс. человек привести это намерение в исполнение. Ему удалось заложить крепость у Ямышевского озера, но, осажденный джунгарами, он вынужден был с большими потерями отступить к устью Оми, где на высоком левом берегу Оми была заложена крепость Омская. В следующие годы стремление русских к завладению Ир-

тышем привелось в исполнение: джунгары разрешили построить крепость у Ямышевского озера и укрепление Семипалатинское.

В 1720 г. Лихарев с 440 чел., с пушками, поплыл в озеро Зайсан и далее в Черный Иртыш; на обратном пути он основал крепость Усть-Каменогорскую. С этого времени движение по Иртышу стало более доступным, хотя бухарские и другие караваны отправлялись еще с охраной.

Для усиления русской власти к Ямышевой крепости велено было приписать ссыльных в качестве постоянных жителей и навести торговые отношения с Джунгарией, Тибетом и Китаем... В 1745 году правительство прислало пять полков пехоты и конницы для охраны границ, причем велено было устроить ряд новых крепостей.

С этого времени началась усиленная колонизация края военным населением и постепенное расширение русских границ на юге и вглубь степей.

В 1752 году ген. Киндерман построил крепость Петропавловскую и линию редутов от Омской крепости до Оренбургской крепостной линии (2 шестиугольные крепости, 9 четвероугольных, 33 редута и 42 маяка, население в них 3642 чел.); места для крепостей выбраны были неудачно (но по кратчайшему расстоянию), — близ цепи горько-соленых озер, отчего и вся линия стала называться Горькой...

После победы китайцев над джунгарами русские хотели занять весь Иртыш до Зайсана, но последнее озеро было уже захвачено китайцами; русские довели свои крепости только до Бухтармы (1760 г.) Китайцы выстроили ряд своих крепостей по р. Нарыму до южных отрогов Калбинского хребта... Столкнувшись с китайцами, русское правительство начало обращать внимание на внутренние киргизские степи, население которых, то переходило в подданство России, то уходило к китайцам.

В конце XVIII столетия значительная часть кочевников Киргизского края признала русскую власть и кочевала в русских пределах.

Россия. Под общ. рук. П. П. Семенова, т. XVIII. стр. 151. т. 2.

ПОЛИТИКА ПЕТРА I ПО ОТНОШЕНИЮ К СР. АЗИИ

...П. И. Рычков в своей „Оренбургской истории“ замечает, что — „Петр, по победоносном окончании шведской войны, изволил особливое попечение иметь и о том, чтобы безопасность на самых тех местах, где ныне, с помощью божиею, Оренбургская линия строится, действительно основать, а через то героичным своим намерениям путь во всю полуденную Азию отворить, а своевольный башкирский народ на вечное время обуздать... но нечаянная Его Императорского Величества кончина все оное в действо произвести не допустила“.

Витевский, В. Н. т. I. стр. 130—3.

...Киргиз-кайсаки не менее должны были озабочивать Русское Правительство. К счастью русских, среди киргизов, еще в нача-

ле XVIII в. начались междоусобия. Соседи киргизов, пользуясь этими междоусобиями, начинают теснить их со всех сторон: с юго-запада нападают калмыки, с севера — башкиры и сибирские казаки, а с востока главный враг киргизов, владетель Зюнгарский, Галдан-Цырен. Вследствие этих давлений извне и беспорядков внутри, киргизы около 1710 года решились было искать защиты у Русского Царя; но известный киргизский батырь и старшина Букан-бай, на сейме в Кара-Кумах, склонил народ к нападению на калмыков. Букан-бай был избран в предводители восставших киргизов, а ханское достоинство было вручено Абул-Хаиру. Калмыки действительно были побеждены, благодаря ловкости и изворотливости отважного батыря; но киргизы должны были снова обороняться от башкир и каракалпаков. Тогда киргизские ханы Тявка, Каип и Абул-Хаир обратились к Петру Великому с просьбой о принятии их в свое подданство; но Петр, занятый войной с Швецией и видя внутренние междоусобия среди киргиз, не решился на этот раз принять непосредственное участие в делах киргиз-кайсаков. Между тем, Зюнгарский хан, видя неудачу киргизов в их расчетах на русскую помощь, в 1723 г. овладел Туркестаном и думал уже подчинить себе все киргизские орды, как Средняя и Малая Орды быстро откочевали из северной части за Урал, а перейдя Эмбу, в среднем ее течении, подвинули калмыков далее на запад. Но это удаление киргиз от их исконного и главного врага приблизило их к границам России, которая не могла оставаться равнодушной к набегам и грабежам...

Россия рано или поздно должна была подчинить себе этот кочующий народ, чтобы через то проложить путь торговому и политическому влиянию на Среднюю Азию. К этому стремился и Петр, который первый понял и указал на то значение, какое имеет для России киргизская степь с ее обитателями. Отклонив в начале добровольное подданство киргиз, Петр не оставил, однако, этого без внимания; но ему нужно было прежде окончить войну с Турцией и Швецией, заключить выгодный для России мир и приобрести западный берег Каспийского моря. Достигнув этого, Преобразователь мог смелее и решительнее приняться за дело и на востоке. К сожалению, Петру пришлось покончить со шведами и Турцией незадолго до своей смерти, а между тем на очереди стоял восточный вопрос. Петр намерен уже был отправить в Киргизскую орду старшего из своих переводчиков по секретным делам — сына и внука выезжих ордынцев, Кутлу-Магомета Мамешева, или Алексея Ивановича Тевкелева.

В бумагах, сохранившихся после Тевкелева, частью напечатанных во „Временнике“ Имп. Росс. Общ-ва, мы находим указания на планы и намерения Петра по отношению к киргиз-кайсакам. Намереваясь отправить Тевкелева в орду, Петр высказал следующее: „Буде оная орда в точное подданство не пожелает, то стараться, не смотря на великие издержки, хотя бы до мели она держать, но токмо чтоб только одним листом под протекциею Российской империи быть обязались“. Бывши в 1722 году в Астрахани, во время персидского похода, Петр, по словам Тев-

келева — „через многих изволил уведомить об оной орде, токмо де всем азиатским странам и землям оная де орда ключ и враты и той ради причины оная де орда потребна под Российской протекцией быть, чтобы только чрез их во всех странах комони-канцею иметь и к Российской стране полезные способные меры взять“. Таким образом, по мысли Петра, Киргиз-кайсацкая орда имела значение ключа и ворот, которыми необходимо было овладеть, чтобы завести торговые и другие сношения России со Средней Азией.

Т а м ж е, стр. 134—5.

ХАРАКТЕРИСТИКА ЦАРСКОЙ КОЛОНИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

...Особенно интересовали меня русско-мусульманские училища, так как именно в этих училищах всего более выражается влияние русского просвещения на туземное население. Одно из этих училищ, посещенное мною, произвело на меня самое благоприятное впечатление. Местное население охотно посылает своих детей в эти школы, где они научаются языку, и нет сомнения, что через несколько поколений население Сыр-Дарьинской и Ферганской областей будет ассимилировано Россией в той же степени, как татарское население бывшего Казанского царства.

...В заключение я считаю долгом разъяснить, по моему крайнему уразумению, еще один вопрос, так часто задаваемый мне, как близко знакомому с естественными условиями наших средне-азиатских владений и историческим ходом занятия этого края: случайно ли, или, наоборот, вызвано историческими причинами расширение наших владений в Средней Азии, полезно ли или вредно оно для России и, наконец, какое значение могут иметь для нас эти, так быстро приобретенные, обширные территории.

Вспомним, что Россия, с большим трудом собранная из верхне-волжского бассейна московскими князьями, стала значительным и сильным государством с тех пор, как овладела, после продолжительной и тяжелой борьбы, ключом к обладанию Волгой — Казанью, а вслед за тем, в самое короткое время, распространила свое владычество по Волге до Астрахани и Каспийского моря, а по Каме до Урала, а затем и по всей Сибири. Этим способом Россия не уничтожила однако же, а только загнала в наши нынешние средне-азиатские владения те подвижные народные массы, которые в течение трех столетий тяготели над Россией и задерживали ее развитие. Побежденные, но свободные еще, кочевники из средне-азиатских степей, с кавказских предгорий и из Крыма громили однако же все наши, прилегающие к ним, окраины до такой степени, что развитие русской гражданственности во всех наших заволжских землях и Западной Сибири было невозможно; для общей экономики русского государства обширные эти края не могли быть производительны без обуздания хищничества средне-азиатских кочевников; борьба с ними нашей заволжской и сибирской колонизации была, следовательно, борьбой за существование. Ныне наше Заволжье и

южная полоса Западной Сибири не только прокармливают 15 миллионное, преимущественно русское и только отчасти обрусевшее, население, но и служат одной из богатейших житниц и одним из богатейших производительных пространств Русской Империи. Для того, чтобы развить и обеспечить безопасное существование этой столь производительной интегральной части государства, в конце прошлого века была проведена от Уральска на Оренбург, Орск, Петропавловск, Омск и далее по Иртышу до Усть-Каменогорска длинная и круглая оборонительная линия из казачьих станиц и фортов, которая, конечно, сослужила России свою службу.

Обнятые с двух сторон этой линией, средне-азиатские кочевые орды были обузданы и не могли более производить безнаказанно своих опустошительных набегов на русские земли, но с другой подвергались сами набегам своих ближайших и более сильных соседей. В силу этого обстоятельства одна орда за другой шли под защиту могущественной России, в ее подданство. Умиротворив по отношению к себе этих подвижных и беспокойных соседей, мы не могли отказываться от обеспечения их безопасности и, таким образом, очутились незаметно и постепенно владельцами областей Уральской, Тургайской и всего нынешнего Степного генерал-губернаторства с их $2\frac{1}{2}$ миллионным населением.

Но уже круглая наша пограничная Оренбурго-Сибирская линия не могла обеспечить защиты этого необъятного пространства и России пришлось не только основать опорные пункты в самой Киргизской степи, но и выдвинуть передовые пункты на южную ее окраину. Такими передовыми пунктами были тридцать лет тому назад форт Перовский на Сыр-Дарье и Верный за рекой Или, и не особенно глубокомысленные соображения должны были привести к убеждению о необходимости, вместо содержания круглой границы от Уральска до Усть-Каменогорска, оставлявшей наши тогдашние средне-азиатские владения снаружи, несравненно проще и удобнее сомкнуть Перовск и Верный в несколько раз более короткой пограничной линией. Это решение и вызвало пограничные военные экспедиции, сначала Циммермана, а потом Черняева в 1860-х годах. Конечно, провести такую пограничную линию было невозможно без столкновения с находившимся совершенно вне сферы нашего влияния Кокандским ханством, а столкновение это кончилось, как известно, взятием Ташкента.

П. П. Семенов Туркестан и Закаспийский край в 1888 г. „Изв. Имп. Рус. Геогр. Общ.“, т. XXIV, 1888 г., вып. V. стр. 318, 320—21

РУССКО-АЗИАТСКИЕ ГРАНИЦЫ

Начало завоевания русскими северной Азии относится к XVI столетию.

... Нет возможности определить даже приблизительно цифру этого варварского населения северной Азии перед приходом в нее русских. Можно только сказать, что некоторые племена, например, татары в Западной Сибири и на Енисее, вогуличи в Приуралье,

остяки, коряки, камчадалы были многочисленнее, чем теперь. Напротив того, число бурятов и якутов возросло с того времени. Впрочем, с некоторой уверенностью можно сказать, что все население нынешней Сибири не достигло и миллиона душ¹.

Соседями с юга той земли, которая теперь называется русской Азией, были:

1) На юго-западе, в Туркестане, туркмены, узбеки, таджики и киргизы.

2) В теперешней Чжунгарии-калмыки, в XVII и XVIII веках составлявшие сильное государство, простиравшееся от Алтая до Тибета.

3) В бассейне озера Убса — владения Алтын-хана.

4) В северной Монголии — владения разных ханов, почти тех же, что и теперь, т. е. Цецен-хана, Соин-ноина и проч.

5) В Маньчжурии — охотничьи племена тунгусской расы, едва лишь в одном месте, по верховьям Сунгари, сгруппировавшиеся в небольшое государство, а на остальном пространстве ведущие независимую, бродячую жизнь.

Все эти народы, даже те из них, которые сливались в политические группы, как сибирские татары, чжунгарские калмыки и маньчжуры, не знали употребления огнестрельного оружия, или, как говорят о них наши летописи, имели только „лучной бой“. Следовательно, не могли они уже по одному этому держаться против пришельцев-завоевателей, владевших ружьями и пушками.

... Во вторую половину царствования Петра, т. е. в начале XVIII века, мы подвинулись в Западной Сибири, по Иртышу, до Бухтармы и даже до Зайсана и Верхнего Иртыша, куда в 1715 году отправлялась экспедиция Бухгольца и Лихарева, с целью отыскать пути в Яркент. В это время иртышская линия была продолжена до Усть-Каменогорска и основаны крепости Семипалатинская, Железинская и другие вдоль границы с Киргизской и Чжунгарской степью.

... Но попытка Петра Великого сделать шаг к утверждению русского влияния в Средней Азии, со стороны Каспийского моря, кончилась злополучно, истреблением в 1717 году всего высланного с этою целью отряда князя Бековича-Черкасского в Хиве. Таким образом, к 1725 году граница наша в Азии шла по рекам Уралу, Миасу, на Курган к Омску, отсюда по Иртышу, потом по предгорьям Алтая южнее Бийска, севернее Телецкого озера и мимо вершин Абакана, на теперешнюю нашу пограничную черту с Китаем, а от устья Горбицы в Шилку по самой Горбице и по Становому хребту до реки Уды.

... Вообще, в первые 10 — 15 лет после смерти Петра, когда на военно-политические дела у нас имел такое сильное влияние Миних, приверженец системы кордонов, на всех наших границах возникли длинные ряды укреплений и военных постов, и уже в 1734 году мы видим стремление сомкнуть их в одну непрерывную

¹ Есть свидетельство, что в юго-западных частях Алтая, незадолго до прихода русских в Сибирь, жили китайцы; но это, вероятно были лишь немногие торгаши и беглые. В Западную Сибирь, даже до Тобольска, приходили, уже в первые годы ее завоевания, бухарские купцы и частью там селились. К их-то потомкам принадлежат троицкие и петропавловские татары.

линию. Именно тогда основана Уйская линия, долженствовавшая сомкнуть Уральскую (Яикскую или Оренбургскую) с Иртышской (Сибирской), Бийская на Алтае и проч. И такое устройство настойчиво продолжалось по всей окраине территории, занятой нашими поселениями, несмотря на то, что уже в 1732 году государственная граница в Средней Азии ушла далеко на юг, благодаря добровольному подданству киргизов Малой и Средней Орды. Оно, как известно, оставило глубокие политические следы до самого последнего времени и совершенно обособило степи, которые во многих отношениях, например, таможенном и служебном, считались местами заграничными и до самых 1860-х годов.

При преемнице Анны, которой присягнули в 1732 г. киргизские ханы Абульхайр и Шемяка (Самеке), императрице Елизавете, русские владения в Азии несколько расширились в местах, соседних Иртышу: нам достались те части падшего в 1756 году чжунгарского царства, которые прилежали к Иртышу у владения Ульбы, Бухтармы и Нарына до верховья Оби, т. е. Катуня и Бии. Около того же времени, именно в 1750-х годах, в видах выпрямления кордона, устроилась известная Горькая линия — первый ряд насильственно-водворенных станиц в степи, между Иртышем и Тоболью.

В европейское царствование Екатерины II мы не сделали ни шагу вперед на материке азиатском. Мудрая императрица предпочитала заниматься гражданскими улучшениями в приобретенных уже тут землях, чем делать завоевания вновь¹. Но никак нельзя сказать, чтобы и военно-политическое устройство наших азиатских окраин не занимало Екатерины. Напротив, в ее-то царствование Россия пустила истинно прочные корни для своего политического могущества в Азии. Только цель эта достигалась почти без наступательных действий наших военных отрядов и без основания крепостей. В Средней Азии, т. е. там, где легко было применить принцип *divide et impera*, (разделяй и властвуй Ред.) пользуясь племенным антагонизмом башкиров, киргизов и калмыков, губернаторы оренбургский и сибирский получили в руководство правило: ослаблять один из этих беспокойных и нам неприятных народов посредством других², а в Восточной Сибири все внимание было обращено на расширение мирных торговых связей с Китаем. Даже Япония входила в круг соображений Екатерины, которая в 1792 году пробовала завести дружеские сношения с ней через посылку корабля под командою Лаксмана, и имела успех, по крайней мере в том смысле, что русским дозволено было прибыть для переговоров в Нагасаки, чем впрочем мы не воспользовались до 1805 года.

Хотя в инструкции, например, начальнику сибирской линии предписывалось стремиться к занятию и упрочению за нами долины Зайсана и даже Черного Иртыша, для чего разрешалось посылать туда, под благовидными предлогами, отряды. В 1792 году в этих видах основана и Усть-Бухтарминская крепость.

Особенно строго этот принцип был применен в 1771 г. к бежавшим в Китай калмыкам. Впрочем, истинной целью имп. Екатерины всегда было умиротворение степей и соединенное с ним благосостояние их и приграничных частей России и Сибири, а указанный прием составлял только средство, и притом крайнее, употреблявшееся лишь изредка, с непосредственного разрешения государыни.

II

ВОЕННАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ КРАЯ

В завоевании казахских степей царизмом большую роль играла военная колонизация края. Эта система широко применялась не только в Казахстане, но и на других окраинах. В XVI—XVII веках бежавшие от невыносимой крепостной эксплуатации крестьяне стали селиться по восточным „украинам“ Московского государства, образуя казачью вольницу; отчасти эта вольница создавалась из беглой бедноты завоеванных народов (мордва, мари и др.)

Казачи селились по Днепру, Дону, Волге, Яику (Уралу), в Западной Сибири и вступали в борьбу с местными народностями, „инородцами“. Помещичье-крепостное государство следовало за ними, закрепляя за собой захваченные казачеством земли и постепенно превращая их в собственный аппарат угнетения и эксплуатации завоеванных народов.

Таким образом создались казачьи войска. Конечно процесс формирования из казачьей вольницы, не только завоевавшей народы, но и нередко выступавшей против Московского государства, „верноподданного, казачьего, православного войска“ длился чрезвычайно долго: он закончился, примерно, в конце XVIII столетия после Пугачевского восстания. В более ранний период мы наблюдаем нередко выступления казачества вместе с завоеванными народами Поволжья, Урала и Сибири против наступающего царизма. Особенно ярко этот момент может быть отмечен в крупнейших восстаниях крепостного крестьянства и казачества (Степан Разин и Пугачев). Но по мере укрепления помещичье-крепостнического государства положение изменяется.

Царское правительство наделяет казачество льготами и привилегиями, натравливает казачество против местных „инородцев“, поощряя и наталкивая его на грабежи последних, организует и укрепляет казачью имущую верхушку (атаманство) и таким образом образует казачьи войска.

В казачьих станицах и поселках вводится особое управление, к ним присоединяют принудительно водворяемых переселенцев из центральной России (в порядке отбывания воинской повинности), а также небольшие группы обращенных в православие „инородцев“ (татары, башкиры, тептяри, мешчеряки и т. д.). Образуются „военные линии“: крепости, кордоны, пикеты, маяки и т. д., которые во второй половине и середине XVIII столетия охватывают Казахстан полукольцом: с запада, севера и северо-востока, от берегов Каспийского моря до Алтая и шаг за шагом постепенно все глубже и глубже проникают в степи.

Пришлое население этих „линий“, поощряемое царским начальством, ведет постоянные войны с казахами-киргизами, разоряя аулы, угоняя скот, продавая в рабство захваченных в плен казахов. Каза-

хи отвечают тем же, и эта упорная борьба казахских масс против завоевателей тянется вплоть до середины XIX века.

В настоящей главе мы приводим материалы из истории формирования Уральского (яицкого) и Сибирского казачьего войска, а также и образования военных линий в Казахстане.

Первую выдержку берем из обширного труда В. Н. Витевского „И. И. Неплюев. Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г.“ К. т. I. Витевский принадлежал к числу учеников знаменитого миссионера-колонизатора Ильминского, создавшего целую школу миссионеров, подвизавшихся во второй половине XIX столетия среди народов Поволжья, Сибири, Казахстана, и Средней Азии. В истории Уральского казачьего войска Витевский использовал большой архивный материал: как центральный, так и местный (уральский и оренбургский).

Вторую выдержку приводим из книги Н. Бородина („Уральское казачье войско“, т. I. Уральск, 1891 г.)— выходца из русско-казачьей атаманской верхушки. Далее мы даем краткий материал по истории Сибирского казачьего войска из XVIII тома „Киргизский край“ П. П. Семенова. Статья А. К. Гейнса, занимавшего крупный административный пост, („Киргизские очерки“. Воен. Сборник, № 6, 1866 г., стр. 331 — 333) сообщает об истории захвата прииртышской полосы Сибирским казачеством.

УРАЛЬСКОЕ КАЗАЧЬЕ ВОЙСКО

„Яицкие казаки происходят от Донских, которые сами первоначально образовались от Азовских около половины XVI века. Начало организации Яицкого (ныне Уральского) войска, на основании исторических данных, мы относим к концу XVI в., именно к последним годам царствования Иоанна Грозного (1584); о службе же Яицких казаков в первый раз упоминается в актах под 1591 годом, когда астраханским воеводам князю Ситицкому и Пушкину повелено было отправить войско против „царского непослушника“ Шахмала; тогда же было приказано взять в поход 500 яицких казаков.

... Главное место первоначального поселения яицких казаков было не там, где нынешний Уральск, а верстах в трех от верхнего Кошевского устья по течению р. Яика, на месте остатков так называемого Голубого Городища. Впоследствии казакам не понравилась эта местность, и они переселились к Красным Кирсановским ярам, несколько ниже Орешной луки, где теперь находится Киргизский форпост, отстоящий на 85 в. от Уральска по направлению к Оренбургу. Частые столкновения с кочевниками и некоторые климатические невыгоды этой местности заставили казаков покинуть и Кирсановские яры: в половине XVII в. город был перенесен на то место, где находится и теперь, т. е. к устью р. Чагана, впадающей с правой стороны в Урал и принимающей в себя р. Деркул; следовательно, настоящий Уральск существует около 250 лет.

... Со времени подчинения Яицкого казачьего войска ведомству оренбургского губернатора, начинается и укрепление Нижне-яицкой

линии. До Неплюева по нижнему течению реки Яика, начиная от Рассыпной крепости и до Гурьева - города, на протяжении более 500 верст, были только два укрепления: Яицкий городок, или нынешний Уральск, и Гурьев-городок, находившийся на самом устье Яика.— Такая беззащитность Нижне-Яицкой линии от соседних кочевников давала киргизам полную возможность свободно переходить на правую сторону реки, выше и ниже Яицкого городка, и производить грабежи и угон скота у самих Яицких казаков и у кочевавших по рекам Яику и Волге калмыков. Киргизы строжили казаков не только на левой, так называемой Бухарской стороне Урала, но и в других местах, например, по дорогам в Самару и Сызрань.

В 1713 году партия каракалпаков и киргизов, в числе 800 человек, напала на возвращавшихся из Сызрани с хлебом казаков, из которых одни были убиты, а другие взяты в плен и увезены в степь. Подобное же несчастье случилось в 1725 году и с казаками, которые везли из Самары хлеб. В 1723 году шайка киргиз и каракалпаков, состоявшая из 300 человек, явилась под самый Яицкий городок; захватили в плен пятерых казаков и угнали несколько голов скота. В погоню за ворами отправились 150 казаков, под начальством атамана Ивана Тимофеева, но киргизы и сообщники их, каракалпаки, успели скрыться в свои улусы, и погоня вернулась ни с чем. На обратном пути в Яицкий городок отряд казаков встретился на р. Утве с новой толпой киргиз, состоявшей из 300 человек, и вступил с ними в упорный бой, но казаки были разбиты и пятеро из них попало в плен к киргизам, что, между прочим, видно из доношения в Военную Коллегию яицкого казака Михаила Бородина, захваченного в это время в плен и проданного киргизами в Хиву, откуда после выкупил его приказчик казака Ивана Сидорова Лобика татарин Мабет Мергенев за полтора рубля. Из архивных бумаг XVII в. видно, что у Яицких казаков на реке Утве, а также и за Утвою, побоища с киргизами бывали не редко.

Воспоминания об утвинских побоищах Яицких казаков с киргизами доселе сохранились в народных преданиях и песнях Уральского казачьего войска: особенною популярностью пользуется на Урале следующая песня, отличающаяся плавным, заунывным напевом:

 Как за славною за речкой за Утвою,
 За утвинскими-то было за горами,
 Да распахана там пашня яровая,
 Пашня пахана не плугом, не сохою,
 А распахина та пашня яровая
 Мурз киргизских да хивинских копьями;
 Выборонена та пашня яровая
 Лишь копытами киргизских диких коней,
 И засеяна не житом, не пшеницей,
 А засеяна та пашня яровая
 Удалых наших казаков головами.
 Добрый молодец засеял, сам уехал.
 Ты расти, мол, моя пашня, зеленейся,
 На поливочку уж ты, мол, не надейся.
 Кто польет тебя? — Разве что с неба дождик,
 Иль источит горьки слезы мать родная!

Река Утва, о которой здесь говорится, находится в киргизской степи и впадает в Урал с левой стороны между Илецким городком и Уральском; протяжение ее около 300 верст; берега поросли тальником и камышем. Киргизы думают, что в Утве есть золотой камень, но открыто об этом не говорят из опасения, что русские сами поселятся на Утве оседлою жизнью и овладеют ее богатством. Кстати заметим, что Утва действительно удобна для поселения: по сторонам ее — прекрасные луга, а в самой реке довольно рыбы.

...Охраняя свою жизнь и имущество, Яицкие казаки, по самому своему положению, как пограничная военная сила, должны были защищать и других поселенцев обширного Оренбургского края, входивших в состав московского государства. В 1736 г. и в начале 1737 г. киргизы, напав на Волжских калмыков, многих из них взяли в плен; в 1738 г. повторилось то же, причем были захвачены в плен и русские. В 1739 г. пострадали от киргизов рыболовы на Каспийском море; вслед затем улусы калмыцкого владельца Бая должны были выдержать нападение 2700 киргизов; в том же году на калмыков напали каракалпаки в числе десяти тысяч человек, а киргизы, оставив на время в покое калмыков, грабивших в свою очередь русские селения близ Саратова, продолжали беспокоить Илецких казаков и башкир и увлекая за собою последних, снова обращались к грабежу русских селений, как это, например, было в 1740 г., или же угоняли скот у Яицких казаков, а иногда захватывали в плен и самих владельцев скота. Но особенно много привелось вынести горя от киргиз пограничным русским селениям в 1743 г., когда толпы киргиз, заключавшие в себе по тысяче и по две человек, нападали на русских и увлекали за собой все, что только не могло спастись от них или быть истреблено ими. Главным подстрекателем киргизов в это время был Абул-Хаирхан, который желал, чтобы его сын Хаджи-Ахмет, бывший атаманом в России, был возвращен к отцу и заменен его побочным сыном Чингизом; но русское правительство отказало ему в этом и тем самым еще больше усилило ненависть Абул-Хаира против русских.

...Яицкие казаки, как пограничная военная сила, должны были не только защищать себя, но и отражать набеги киргиз, каракалпаков, калмыков и башкир на русские селения, а также не допускать эти народы и до взаимных столкновений. Кроме постоянной службы внутри Яицкого городка, им не редко приходилось снаряжать особые команды или отряды и на линию: так, в 1739 году они должны были защищать башкир Ногайской дороги от киргизов, при чем ими было убито 10 чел., 50 чел. взято в плен и отбито до 1000 лошадей.

В 1740 году был командирован новый отряд Яицких казаков, под командой атамана Ивана Осипова и есаула Андрея Бородинна, на низ Яика „за воровскими киргиз-кайсаками“; а в следующем году тот же Бородин отправлен был на нижнюю дистанцию „за прошедшими на волжских калмык“ киргизами. Бывали даже такие тяжелые времена, когда не довольно было сил у

одних Яицких казаков для защиты края от кочевников и требовалась помощь со стороны их старших братьев — Донских казаков или драгунских рот: так, вследствие предписания кн. Урусова от 23 октября 1739 г., была командирована рота драгун Астраханского гарнизона, чтобы удерживать киргизов от нападения на калмыков. Все это, при отсутствии должных укреплений по линии, осложняло обязанности Яицких казаков и увеличивало их ответственность за спокойствие края. Поэтому правительство должно было позаботиться о том, чтобы сбереечь лучшие военные силы края, тем более, что число Яицких казаков, способных носить оружие, простиралось до трех с небольшим тысяч человек.

...Укрепляя Нижне-Яицкую линию и стараясь обезопасить ее от кочевников, Неплюев всегда старался действовать согласно с мнением, желаниями и доводами самих казаков, которым лучше была известна местность по р. Яику и нравы соседних кочевников-барантачей. Так, когда полковник Пальчиков, при особом рапорте, сообщил Оренбургской канцелярии мнение Яицкого войска относительно того, что особенно нуждается в наилучшем укреплении и наибольшем числе казаков местность около и ниже Индерских гор, то Неплюев отвечал:

„Означенное ваше мнение по рассмотрении, для показанных от вас обстоятельств, здесь апробуется“. Мнение это состояло в следующем: так как, по наблюдениям казаков, киргизы чаще всего перебирались на правую сторону Яика, особенно в летнее время, около Индерских гор и ниже их к Гурьеву, а зимой проходили даже ниже устья реки по льду, то Пальчиков доносил, что Яицкое войско считает необходимым увеличить комплект сторожевых казаков в той части линии, которая находится между Индерскими горами и Гурьевом, представляя при том, что „если те форпосты поставить до Гурьева в семи местах, команду по сту человек поровну, то видится весьма можно быть неудобно; к тому-ж, ежели по ровной дистанции по сту верст те команды поставить, то в проезд чрез Яик воров никакого препятствия быть не может, ибо-де те команды чрез сто, или хотя в середине чрез пятьдесят верст, скоро поспешить не могут“.

Неплюев, согласившись с мнением войска, предписал, чтобы, как только будут назначены определенные пункты для форпостов, войско немедленно указало их кондуктору Куликову, который должен был измерить расстояние между форпостами, описать местность каждого из них в отношении удобства, составить ландкарту и учинить реэстр поверстного их расстояния. Вместе с тем Неплюев распорядился, чтобы и на левой стороне Яика имелись караулы и „в степь подъезды“, желая через то предотвратить возможность неожиданной атаки со стороны киргизов. При всех форпостах велено было устроить на более возвышенных местах „маяки высокие“ и обвязать их камышем или другою какою судою травой. При появлении хищнических шаек, если они только были довольно значительны числом, маяки эти зажигали один за другим и в несколько часов давали знать

всей полинейной страже о приближавшемся нападении киргизов. Форпосты, заключающие в себе не менее ста человек, должны были иметь по одной пушке и какое-либо укрепление, а в две крепости Неплюев приказал дать по две пушки со всеми снарядами, чтобы, в случае нападения сильного отряда, можно было безопасно и с большим успехом вести оборону. Казакам приказано: „Всякое старание иметь быть доброконным, а во время нужды о двух-конь, ибо киргизы на воровство всегда поднимаются не меньше, как о двух или и трех-конь, — так без доброконных лошадей над ними ученить и ничего невозможно“. Севернее Яицкого городка, где так же нередко появлялись киргизы, Неплюев приказывал до самого Илецкого городка в удобных местах сделать зимовки, учредить и содержать при них постоянный караул зимой и летом. Место для таких зимовок и караулов должны были указать сами казаки, а кондуктору Куликову велено описать те места, измерить их взаимное расстояние и составить им ландкарту.

Из этих-то зимовок и возникли впоследствии так называемые реданки и трети, расположенные по правому и левому берегу Урала. На реданках и третях в прежнее время всегда находилось несколько казаков из линейной стражи, как передовой караул; они-то и зажигали маяки в случае нападения киргизов. Вследствие этих распоряжений со стороны Неплюева возникла следующая цепь форпостов, существующих доселе: Сарайчиков, Яманхалинский, Баксаев, Тополевой, Зеленый Колок, Гребенщиков, Кош-Яик, Харькин, Красный Яр, Котельный, Антонов, Каменные Орешки (ныне Калиновский), Сахарный, Мергенов, Чуядаев, Кожахаров, Бударин, Кош-Яик, Чаганский и крепости: Кулагинская и Калмыковская, называвшиеся городками. Во всех поименованных форпостах казаки постоянно обязаны были содержать два полка в полном комплекте; при чем число всех казаков, вместе со старшинами, должно было равняться 1016 чел.

... Таким образом, благодаря стратегическим заботам Неплюева и частью его предшественников, Оренбургский край сделался „довольно оборонительным“ и безопасным от опустошительных набегов и грабежей киргиз-кайсаков, каракалпаков, зюнгоров и других кочующих орд. Вся Башкирия и другие части Оренбургской губернии были защищены несколькими линиями военных поселений, крепостей и редутов от беспокойных соседних орд и склонных к бунтам башкирцев. Центральным укрепленным пунктом сделался настоящий Оренбург, от которого на запад шла Самарская линия крепостей, на юг Нижне-яицкая, на север Сакмарская и Орская дистанция Верхне-яицкой линии, на восток — Красногорская дистанция Верхне-яицкой же линии и Уйская линия, соединявшаяся с Западной Сибирью.

Самарская линия соединяла Нижне-яицкую с Волгой и отделяла башкирцев от калмыков, кочевавших в степях между реками Яиком, Самарой и Волгой. В состав ее, кроме Самары и пригорода Алексеевского, входило 8 крепостей и три редута, которые были расположены в таком порядке по направлению к Оренбургу: кр. Красносамарская, Борская, Ольшанская, Бузу-

луцкая, ред. Погромный, кр. Тоцкая, Сорочинская, ред. Крестовый, кр. Новосергиевская, ред. Платовский и крепость Переволоцкая. Все эти крепости, как мы уже знаем, были заведены еще Кирилловым, за исключением Ольшанской, застроенной в 1741 г. князем Урусовым, и Новосергиевской, основанной еще В. П. Татищевым в 1738 г.

Нижне-яицкая линия, начинаясь Чернореченской крепостью в 18 верстах от Оренбурга, простиралась до самого Каспийского моря на протяжении более 700 верст. Кроме городков Гурьева, Кулагина, Калмыкова, Илека и Яицкого городка (Уральска), она имела четыре крепости: Чернореченскую, Татищеву, Нижнеозерную и Рассыпную и 19 казачьих форпостов.

Сакмарская линия получила свое начало и устройство при Неплюеве и состояла, кроме Сакмарского городка, из двух крепостей: Предтеченской и Воздвиженской, и двух редутов: Никитского и Желтого. Эта линия служила как бы соединительным звеном между внутренними крепостями Башкирии, основанными еще при Кирилове, и военными поселениями по рекам Яику и Самаре, входя таким образом и в связь с городами: Уфой, Мензелинском, Бирском и Осой.

Верхне-яицкая линия заключала в себе 9 крепостей и 16 редутов, расположенных на протяжении 56½ верст. Направляясь от Оренбурга на восток и частью склоняясь к юго-востоку, соответственно течению р. Яика, она от Орской крепости, как и самая река, круто, почти под прямым углом, поворачивала на север и шла в таком направлении до Верхне-яицкой крепости. Верхне-яицкая линия крепостей разделялась на две дистанции: Красногорскую и Орскую; первую составляли следующие укрепления: редуты Нежинской и Вязовый, крепости Красногорская, р. Гирьяльский, крепость Озерная, р. Никольский, кр. Ильинская, р. Подгорный, кр. Губерлинская и ред. Разбойный. В состав Орской дистанции входили крепости: Орская, редуты Калпацкий и Тереклинский, кр. Таналыцкая, Урдасымская, ред. Орловский, Березовский, Урдасымский, Грязнушинский, кр. Кызильская, ред. Сыртенский и Ангельский, кр. Магнитная и редуты Верне-кызильский и Спасский, от которого до Верхне-яицкой, крепости считалось 15 верст. Все эти укрепленные места были устроены Неплюевым, за исключением 4 крепостей: Красногорской, Озерной, Губерлинской и Верхне-яицкой, основанных его предшественниками.

Уйская линия шла на протяжении 753 верст и заключала в себе 9 крепостей и столько же редутов; она начиналась в Верхне-яицкой крепости и оканчивалась Звериноголовской, за которой в 59 верстах находилась первая из Сибирских крепостей, Пресногорьковская. Эта линия разделялась, как и Верхне-яицкая, на две дистанции: Верхне-уйскую и Нижне-уйскую: первую составляли 8 укреплений: креп. Верхне-яицкая, ред. Свяжский, кр. Уклы-Карагайская, ред. Ерзединский, кр. Петропавловская и Степная, редуты Подгорный и Санарский; в ведомстве же Нижне-уйской дистанции находилось 10 укрепленных мест; крепость Троицкая, ред. Ключевской, креп. Каракульская, ред. Березов-

ский, кр. Крутоярская, р. Луговой, кр. Усть-уйская, р. Кагардыцкий и Озерной и кр. Звериноголовская, отошедшая от Сибири к Оренбургской губернии в 1753 году. За исключением крепостей Уклы-Карагайской и Звериноголовской, остальные укрепления по этой линии были заведены Неплюевым.

В и т е в с к и й В. Н. Том I, стр. 248—253, 257—259, 275—278.

МЕТОДЫ ОККУПАЦИИ КРАЯ

Большая часть писателей, занимавшихся исследованием о начале заселения теперешней земли Уральского (ранее Яицкого) казачьего войска русскими людьми, относит это начало к концу XVI столетия и связывает появление казаков на реке Яике с поражением, нанесенным волжской вольнице царскими войсками (1577 г.). Этим погромом на Волге „воровских казаков“ объясняется, что казаки разбрелись в разные стороны: одни к Каме и Чусовой, другие — к Тереку, третьи — к Яику. Часть их, под предводительством Ермака, направилась в Сибирь. Одновременно с этим, другая часть из устьев Яика поднялась вверх по реке и разорила столицу ногайцев Сарайчик, лежащий в 60 верстах от устьев (1580 г.). Большинство историков Уральского войска и считает это событие началом появления на реке Яике казаков и началом заселения этой местности. Казаки поднялись вверх по реке и поселились при устье реки Рубежной на урочище Орешная лука, верстах в 40 или 50 выше нынешнего г. Уральска. Паллас же со слов казаков указывает, что раньше Яицкий городок стоял на Верхнем Кирсановом яру, верстах в 80 от г. Уральска где он лично видел окопы и остатки землянок (1769 г.). Было ли это первое казачье поселение, или уже не первое, несомненно однако, что на этом месте действительно был прежний городок яицких казаков, и что из этого городка уже в начале XVII столетия казаки переселились на то место, где теперь находится г. Уральск.

Есть много оснований предполагать, что заселение р. Яика происходило не только сюга — „поднялись по реке после разгрома Сарайчика“, — но и с севера. Если на Волге задолго раньше жили казаки, то весьма вероятно, что они неоднократно бывали на реке Яике и первые селения свои завели именно в северной части теперешней земли Уральского казачьего войска, лежащей ближе всего к Волге. Еще более вероятным сделается это предположение, если принять во внимание, что некоторые данные указывают, как на первоначальный пункт заселения казаков на реке Яике, на „Голубое городище“, находящееся верстах в 18 от г. Илецка „на старом русле Урала—Кош-Яик“. Паллас (1769 г.) видел в этом месте остатки прежнего города, но принял его, на основании показаний илецких казаков, за развалины бывшей здесь крепости ногайских татар. Но, как показали собранные И. И. Железновым сведения о „Голубом городище“, это было несомненно русское селение, так как река Урал, сорвавшая к концу 50-х годов текущего столетия почти все то место, где была прежде

Байгуш (казах-нищий)
(к главе X).

Уральские казаки
(к главе II).

Семиреченское казачье войско.
Старые казаки, бывшие в рядах войск при завоевании Семиречья.
(Из кн. „Азиатская Россия“. СПб, изд. Пересел, упр-ния, т. I, 1914 г.).

крепость, нередко вымывала гробы — несомненный признак христианского поселения. Тот же Железнов указывал на то, что приведенные сведения о казачьем городке на Кош-Яике подтверждаются еще и книгою „Большого Чертежа“, в которой говорится, что против устьев реки Илека есть остров Кош-Яик, а на этом острове казачий городок.

Что касается до элементов, вошедших в состав Яицкого войска, они в высшей степени разнообразны. Очень характерны в этом отношении слова одного старика, приводимые И. И. Железновым в предании „Казак Терский“. На вопрос о происхождении предков уральских казаков старик этот ответил следующей притчей: „Пчелка берет со всякого цветка по капельке соку, что выходит? — Мед. — Отгадал! подобно сему и наше дело: со всякого, значит, сословия по молодцу, и вышло славное войско Яицкое“...

Не касаясь сущности народного понятия о „молодце“, эти слова старика вполне соответствуют имеющимся историческим документам о первоначальном составе Яицкого войска. Неоцененным в этом отношении документом, добытым из Московского архива тем же Железновым и напечатанным после смерти его Курилиным, является перепись яицких казаков, произведенная в 1723 году полковником Захаровым. Из нее видно, что в состав Яицкого войска действительно вошли самые разнообразные элементы: кроме выходцев с Дона и беглых крестьян всех наименований, тут были стрельцы, посадские люди, пушкари, государевы неводчики, самарские дворяне, подъячие, гребенские казаки, запорожцы, волохи, черкесы, татары, мордва, чуваша, вотяки, калмыки и много других народностей: например, несколько пленных турок, шведов и немцев. Но весь этот разноцветный люд к тому времени, с которого имеются об яицких казаках более или менее подобранные этнографические сведения (вторая половина XVIII века), представлял из себя совершенно самостоятельный тип казаков, резко отличающихся от соседних крестьян: все особенности разных элементов, вошедших в состав Яицкого войска, современем очевидно сгладились, и образовался совершенно особый этнографический тип; лишь татары с калмыками, вошедшие в состав войска, сохранили вместе с религией свои этнографические особенности.

Как быстро увеличивалось число пришлых людей на Яике, можно судить потому, что всего десять лет после официально известного появления там казаков (1580 г.), в походе против „непослушника царского, Шевкальского“ (т. е. Шахмала) в 1591 году участвовало уже 500 человек; это — первая известная служба яицких казаков, и с этого года считается официальное начало существования Яицкого, ныне Уральского, войска.

По переписи Захарова (1723 г.) было уже 3196 казаков; по переписи Медера (1801 г.) — 29.588 душ обоего пола, а к концу тридцатых годов считалось более 50 тысяч душ обоего пола.

Сначала правительство, очевидно, покровительствовало колонизации диких степей по реке Яику, так как яицкие казаки служили для государства живым оплотом от вторжения азиатских орд

с одной стороны, а с другой (впоследствии) не мало способствовали задержанию тех диких народов, которые были покорены и находились в пределах государства (астраханские калмыки). Но вместе с возрастанием силы государства и развитием крепостного права в нем, особенно после Пугачевского бунта, в котором яицкие казаки принимали деятельное участие, правительство начало стеснять прием в общину беглых из России, и с этой целью, кроме издания строгих указов, принимались очень энергичные меры (осмотр при Самарской заставе всех отправляющихся на Яик и т. п.).

Первоначально все население общины, повидимому, сосредоточивалось в Яицком Городке: более или менее заметных селений, кроме того, у казаков не было, — по крайней мере на их существование нет никаких исторических указаний. Впоследствии казаки начали селиться вниз по течению реки Яика. Наиболее древний список казачьих селений по реке Яику относится к 1743 году.

Правительству необходимо было оградить всю линию по реке Яику от самовольных переходов диких орд с одного берега на другой, и с этой целью в половине прошлого столетия проектировалось поселить по нижнему течению реки казанский драгунский полк, самарских и алексеевских дворян и казаков. Благодаря энергичным настояниям тогдашнего Оренбургского губернатора Неплюева, который убедил правительство, вместо упомянутых новых элементов, заселить низовья реки яицкими казаками, эти последние начали селиться по низовой линии: первоначально они обязались построить 2 городка — Кулагин и Калмыков — и содержать в них по 500 человек линейной стражи. Кроме того, казаки должны были содержать сотенную команду в Гурьеве-городке.

В награду за это правительство обязало откупщика Гурьевских казенных в устьях р. Яика учугов отворить в них ворота с каждого берега по 8 сажень для свободного прохода рыбы вверх по реке (1743 г.).

Впоследствии (1752 г.), благодаря ходатайству того же Неплюева, казаки получили в откупное содержание казенный учуг за определенную ежегодную плату и таким образом сделались полными хозяевами нижнего течения реки Яика.

После заселения и укрепления низовой линии, началось заселение верхнего течения реки между Яицким и Илецким городками.

Уже в конце XVIII столетия замечается стремление казаков расселяться по направлению внутрь страны, по рекам Чагану, Таловой, Иртеку, Ташле, отчасти и по Чижам. Так, есть указание, что в 1780 году начали заводить хутора по верховьям рек Чагана и Таловки; в 1790 году появились селения по рекам Чижам; в 1798 году многие из войсковых чиновников (Бородины, Буренины, Донсковы, Михайловы) завели хутора по рекам Иртеку и Ташле.

В 1801 году войсковое население распределялось так: на низовой линии — 6 тысяч, на верхней линии (выше города Уральска) — до 7 тысяч, в городе Уральске — 17 тысяч. Расселение по-

следующего времени шло в том же направлении—на север, северо-восток и запад (от г. Уральска) и в район теперешней хлебопахотной полосы, ближе к границам войсковой территории. Такое направление расселения вызывалось необходимостью оградить войсковые пределы от самовольных вторжений поселившихся по соседству крестьян (по границе с теперешней Самарской губернией), и киргиз Букеевской орды (по р. р. Узеньям). С указанной целью по определению войсковой канцелярии еще в 1815 году учреждено несколько пикетов по реке Малому Узенью. В виду больших удобств этих мест для скотоводства, зажиточные казаки стали нагуливать здесь свой скот, а впоследствии переселились на эти места на постоянное жительство.

В 1816 году для охранения солевозного тракта от Илецкой Защиты на Самару и конвоирования казенных транспортов соли была устроена Новоилецкая дистанция, часть которой — форпосты Затонный, Сухореченский и Озерский, заселена переселенцами из Уральского казачьего войска и вошла в его состав...

Еще более заметно стремление местного населения переселяться в менее заселенные места за время 60-х и 70-х годов, что тесно связано с развитием в войске хлебопашества...

Результатом расселения казаков в указанном направлении были следующие изменения в распределении войскового населения по занятой им территории (1857 год): по визовой и внутренней линиям — менее 21 тысячи, по верхней линии и вообще в северной полосе до города Уральска—более 45 тысяч, в городе Уральске—менее 11 тысяч.

При сравнении этих цифр с таковыми же 1801 года ясно видно направление местной колонизации в северную хлебопахотную полосу.

Перейдем теперь к рассмотрению изменений в устройстве управления Уральским казачьим войском. С начала поселения казаков на реке Яике до 1613 года, к которому относятся официальные сведения о подчинении их русскому правительству, яицкие казаки из себя представляли вполне самостоятельную демократическую общину, устроившую свои общественные отношения по типу вольных казацких общин. В основе лежала свобода, равенство и отрицание принудительной власти. Все общественные вопросы решались в кругах, происходивших обыкновенно на площади или у атаманского дома (впоследствии у войсковой избы). Народ созывался на это собрание колокольным звоном; порядок обсуждения дел в них отличался крайней простотой. Письменного производства не существовало. Собравшимся казакам разъяснялось обсуждавшееся дело и затем предлагалось известное решение его с вопросами: *любо ль, или не любо?* Ответ толпы отменял или утверждал это решение. Войсковой атаман и его помощники—есаулы—были лишь исполнителями народной воли. Право суда и расправы принадлежало так же народу, и приговоры произносились всем войском. Со времени официального подчинения русскому царю, который, как указывается всеми историками войска, дал яицким казакам грамоту на *«владение рекою Яиком с сущими при ней реки и притоки и со все-*

ми угожьями, от вершин той реки и до устья“, с дозволением „набираться на житье вольными людьми“, внутреннее устройство в общине в сущности осталось без всяких изменений, сношения же с центральным правительством ограничивались поставкой, когда то требовалось, готовых к бою воинов со стороны войска и выдачей казакам пороха, свинца, жалованья, присылкой грамот и указов— со стороны царского правительства. „Взаимные выгоды вызывали на любовную сделку“.

Только с 20-х годов XVIII столетия, и особенно после переписи Захарова (1723 г.), вызвавшей открытое заявление недовольства казаков, начинается для Яицкого войска новый период. До этого времени Яицкое войско находилось в ведении разных приказов, впоследствии в ведении Правительствующего Сената; в 1719 г. оно перешло в ведение Коллегии Иностранных Дел, а через год — в ведение Военной Коллегии, которая сразу ввела правительственный контроль во всех внутренних делах общины. Казакам это сильно не нравилось, и при первых же действиях правительства в этом направлении они отказались повиноваться, что и вызвало посылку на Яик полковника Захарова, усмирившего волнение и произведшего перепись всем казакам. Это событие повлекло за собой важное последствие — лишение права самим казакам выбирать атамана. С этого времени войсковой атаман, избранный войском, утверждается высочайшей властью.

Вся последующая история Яицкого войска, вплоть до Пугачевского бунта, представляет мало отрадных фактов; постоянная борьба партий, ссоры, жалобы, доносы, следствия, экзекуции и т. п. так сильно волновали войско, что вынудили правительство на вооруженное вмешательство, которое однако не помешало казакам, спустя два года, принять деятельное участие в Пугачевском бунте.

После усмирения этого последнего, „для предания всего случившегося полному забвению“, повелено было яицких казаков переименовать в уральских и реку Яик — в реку Урал. Вместе с тем войсковой круг и народное правление были отменены; право выбора войсковых атаманов окончательно отошло к правительству. Главное заведывание Уральским войском, как и другими казачьими войсками, перешло в это время к Потемкину, который испросил у императрицы прощения казакам и настоял, чтобы при войсковом атамане была попрежнему войсковая канцелярия, но с советниками, назначаемыми по рекомендации Оренбургского военного губернатора.

Бородин Н. стр. 1—13, 19—20

СИБИРСКОЕ КАЗАЧЬЕ ВОЙСКО

Основанием Сибирского казачьего войска послужили первые военные колонисты края — „крепостные казаки“, состоявшие из разного рода разных людей — городских, донских, уральских казаков, башкир, татар, украинцев и т. д.

Известный казачий писатель Усов так характеризовал Сибирское войско: „Оно не было, подобно Донскому и Яицкому,

самобытным продуктом земской колонизации окраин, но во всеоружии вышло из рук администрации и своим существованием совершенно обязано правительству. Эта черта запечатлелась на всей его последующей истории; во все время его существования правительство без посредства самого народа производило в нем реформы, увеличивало его состав посредством принудительной колонизации; открыло ему способы к внутреннему, естественному размножению, доставляя жен из ссыльных преступниц и освобожденных из острогов колодниц; сплотило его из различных элементов... из ультра-плебейского уровня массы выдвинуло путем служебной выслуги... привилегированный класс личных дворян и офицеров ...

В 1808 году было утверждено положение о Сибирском линейном казачьем войске, как отдельном сословии с особыми правами, привилегиями и обязанностями. В 1846 г. было введено новое положение... В 1881 году было учреждено новое положение о службе казаков, которое действует до настоящего времени. Войско разделяется на три военных отдела, из них первые два входят в состав Акмолинской обл., последний в состав Семипалатинской обл. и частью Томской губ.

„Россия“, под ред. П. П. Семенова, т. XVIII, стр. 176.

МЕТОДЫ КОЛОНИАЛЬНОЙ ЭКСПЛУАТАЦИИ

История приобретения Сибирским казачьим войском луговой стороны Иртыша весьма любопытна.

При устройстве сибирских линий требовались особые меры к удержанию киргизов от хищнических набегов, которым подвергались не только прилинейные жители, но и горнозаводские селения далеко за Иртышем. На этом основании, командовавший всеми сибирскими линиями ген.-поручик Шпрингер, в инструкции, данной комендантам крепостей от 31-го декабря 1765 года, между прочим, говорит: „чтобы киргиз-кайсаки, как сами кочевкою, так и скотские их табуны держались своей стороны и до наших крепостей ближе десяти, а по крайней мере пяти верст, со взятием от них лучших людей аманатами, отнюдь не приближались“.

Вследствие этого циркуляра, весь левый берег Иртыша на десятиверстное расстояние стал в непосредственное подчинение к линейному начальству.

С течением времени соседние к линии киргизы сблизились с русскими и, узнав на опыте выгоды спокойной и мирной жизни, прежде других обратились к покровительству русской власти. Вскоре они стали обращаться за фактической помощью и вооруженною защитою против баранты и хищничества дальних киргизов. Наше правительство не только приняло под свою охрану тех из киргизов, которые просили нашего покровительства, но даже, чтобы совершенно обезопасить наиболее преданных из них, предоставило им право кочевать на правой стороне Иртыша, на пустопорожних землях Кулундинской степи. За подобное покрово-

вительство было справедливо требовать некоторого возмездия. Рескриптом на имя генерал-лейтенанта Нефедьева, от 7-го августа 1800 года, император Павел I постановил, чтобы с киргизов, приходящих в наши пределы, собирались со ста лошадей по одной годной на ремонт драгунских полков; с прочего же скота собирать такую же подать в пользу госпиталей и полков, на линии расположенных.

На основании циркуляра Шпрингера и рескрипта императора Павла, линейное начальство стало собирать ремонтную пошлину с киргизов, прикочевывавших ближе десяти верст и к левому берегу Иртыша. Мотивом тому служила охрана, доставляемая прикочевавшим киргизам от набегов и грабежей отдельных племен. С превращением прииртышных жителей-поселенцев в казаки, войсковое начальство стало собирать ремонтную пошлину в пользу войска. С открытием округов в степях Сибирского ведомства в 1824 году, все вообще киргизы были обложены ясаком. Рядом энергических усилий беспорядки и баранта уничтожены и повсеместно в степях водворено спокойствие. Несмотря на то прилинейные киргизы, кроме исака, равного для всех, продолжали платить ремонтную пошлину в пользу Сибирского казачьего войска за право кочевания в прибрежном десятиверстном пространстве. В последствии ремонтная пошлина была заменена денежною повинностью, с особыми подразделениями платы за места под летние и зимние стойбища. В настоящее время ремонтная пошлина, собираемая Сибирским войском, достигает 15.000 р. серебром в год.

Таким образом, весь левый берег Иртыша, по исторически сложившемуся праву, достался казачьим поселениям, расположенным на правом берегу. Огромная полоса земли по левому берегу Иртыша, называемая „десятиверстным расстоянием“, состоит почти вся из богатых заливных лугов. Луговые места разбиты на участки или пай, которые ежегодно, по жребию, распределяются между жителями станиц, смотря по чину. Косить участки не трудно. За самую ничтожную плату сотни киргизских рук всегда готовы к услугам казаков. Сено, скошенное с нескольких паев, дает совершенно безбедное и обеспеченное существование. Полезно или вредно для развития богатства и распространения цивилизации такое, постоянно обеспеченное, положение русских поселений по Иртышу, предоставляю решить другим.

А. К. Гейнс. „Воен. Сб., 6. 1866 г. стр. 331-333“.

III.

ЦАРИЗМ И КАЗАХСКИЕ ФЕОДАЛЫ

Устанавливая свое господство над кочевыми казахами путем военной колонизации (военные линии, создание казачьего войска), царизм в течении XVIII столетия овладел значительной территорией западного, северного и сев.-восточного Казахстана. Какую же политику проводило царское правительство в отношении казахской феодально-родовой верхушки и казахских масс?

В настоящей главе мы остановимся на политике царизма в отношении казахской феодальной аристократии. Этот вопрос необходимо обследовать полнее.

Материалы, характеризующие отношение царского правительства к казахской феодальной аристократии (ханы, султаны, феодалы из крупных и влиятельных родов: аксакалы, бии, баи, батыры и т. д.), сводятся к следующим. Первая точка зрения такова: феодальная казахская аристократия продалась царизму и была его верной опорой; эта характеристика слишком обща, не выясняет внутреннего механизма отношений друг к другу двух эксплуататорских классов: завоевателей — русских помещиков-крепостников и побежденных — казахских феодалов и ведет к некоторому упрощению. Вторая точка зрения является миссионерско-колонизаторской. Она рисует казахских феодалов вероломными, неверными союзниками, а царское правительство „благодетелем“ казахского народа.

Как обстояло дело в действительности?

Казахская феодальная аристократия перешла на сторону царизма, ища в нем опоры для упрочения господства над казахскими трудящимися массами. Каждая группа феодалов стремилась захватить в свои руки монопольное право эксплуатации казахских масс и отстранить всех своих конкурентов. С другой стороны царское правительство старалось укрепить свое господство в степях Казахстана и превратить казахских феодалов в свое послушное орудие. Таким образом, и те, и другие стремились к закабалению казахских масс.

Поэтому отношения между царским правительством и казахскими феодалами складывались как отношения двух „союзников“, подозревающих друг друга в кознях, готовых перегрызть друг другу горло за лакомую добычу. Царизм, как более могущественный союзник, иногда прибегал к открытому насилию, к военной силе, иногда к подкупам, иногда кидал своему союзнику кость, ссорил казахских феодалов друг с другом, натравливал на другие народы, хитрил и обманывал и т. д. Царское правительство в первый период завоевания, вплоть до конца 60-х годов XIX столетия, главным образом стремилось обратить казахских ханов и султанов в своих верных слуг, применяя репрессии

ж непокорным, выдвигая ханов вопреки воле масс и вооруженной рукой добиваясь авторитета своих ставленников.

В свою очередь казахские ханы и султаны противопоставляют политике царизма целую систему обмана, лжи и вероломства. Нередко они апеллируют к массам, встают в позу „защитников“ народа, не брезгают никакими средствами для укрепления своего положения и господства. Наиболее непокорные (в силу ли несговорчивости и стремления получить большой куш, чем мог дать царизм, в силу ли поражения со стороны более счастливых конкурентов и т. д.) подымали восстания против царизма, используя недовольство масс двойным гнетом и эксплуатацией, и иногда становясь во главе народных восстаний. Другие, наоборот, „верой и правдой“ служили царизму, считая более надежным и устойчивым свое господство под эгидой царского правительства.

В настоящей главе мы даем материалы, характеризующие отношения между царским правительством и казахскими ханами и султанами в XVIII веке. К этому вопросу еще придется вернуться и в последующих главах. В книге Витевского („И. И. Неплюев“...), характеризуется политика губернатора Оренбургского края Неплюева к известному казахскому хану Абул-Хаиру. Между прочим, не доверяя ханам, царское правительство всегда требовало с ханов — „аманатов“ — заложников из числа ханских сыновей. Сообщения американского путешественника по Средней Азии во второй половине XIX века Скайлера (Schuyler E. Turkistan... London. 1876) а также уже цитированного англичанина Краусса (Krausse) нами приводятся для сравнения с взглядами русских писателей.

Царизм пытался через казахских ханов овладеть и Хивой. Об этом пишет известный ориенталист проф. Н. И. Веселовский („Очерк физико-географических сведений о Хивинском ханстве от древнейших времен до настоящего“, 1877 г.). Мы не вдаемся в изложение подробностей этой политики, и не останавливаемся на том, почему Хива выбирала казахских султанов к себе в ханы (эта тема выходит за пределы нашего сборника).

Характерно отметить здесь попытки царского правительства сделать казахских ханов орудием в деле дальнейшего продвижения в Среднюю Азию. Эта попытка привлечения того или иного феодала, хана или эмира на свою сторону в целях недопущения своего конкурента и опережения его в деле захвата территории отсталых народов, практиковалась очень широко царской Россией и Англией, главными конкурентами в политике дележа Азии. Общая „дружба“, „покровительство“ и нередко „поддержку“ против своих же восставших подданных, царское правительство старалось склонить на свою сторону ханов и эмиров и в этом отношении его „вероломство“ было не лучше того, которым не устают упрекать своих партнеров (т. е. ханов и эмиров) „просвещенные“ царские правители и деятели. Традиция политиче-

1 См. по поводу этой книги Скайлера у Бартольда: „История культурной жизни Туркестана“, СПб.

ского покровительства со стороны царизма ханам и эмирам установлена еще Петром I.

Царизм до конца своего существования проводил эту традиционную политику, содержа ряд „претендентов“ на Кашгарский (Китайский Туркестан), на афганский, персидский (иранский) и прочие „престолы“, изгнанных либо волной народного восстания, либо конкурентами и т. д. Эту же политику широко применяла и применяет Англия до сих пор на Востоке.

ПРИНЯТИЕ КАЗАХАМИ РОССИЙСКОГО ПОДДАНСТВА

События, совершавшиеся внутри киргиз-кайсацких орд, шли на помощь планам русского правительства. Джунгарский (Зюнгорский) хан овладел Ташкентом, продолжал теснить самих киргиз, между которыми шли постоянные распри, мешавшие им соединиться и действовать единодушно против притязаний Галдан-Цырена. Хан Малой орды, Абул-Хаир решился просить русское правительство о помощи. Это был человек умный, но, к несчастью киргизов, всегда действовавший без строго обдуманного и определенного плана. Абул-Хаир, как энтузиаст, в начале действовал смело и решительно, но, при первой же неудаче задуманного им предприятия, брался за другое, третье средство и так далее. Средства, избираемые им для достижения цели, иногда бывали и удачны, но результаты всегда непрочны. Соединяя с лживостью и хитростью корыстолюбие и уклончивость, — Абул-Хаир никогда не мог достигнуть прочного положения и влияния на дела среди своих соплеменников, у которых гораздо больше имели власти их батыри и родоначальники, зорко следившие за каждым властолюбивым движением хана, не давая ему усилиться ни богатством, ни людьми; поэтому желание Абул-Хаира сделаться подданным России не могло нравиться киргизским старшинам.

Как бы то ни было, только в то время, как императрица принимала богатых лисиц и куниц из рук башкирских старшин (Таймаса Шаимова), в Петербург были отправлены от Абул-Хаира два посла: Кулумбет Коштаев и Сейткуль Кудайкулов, с просьбою о принятии Малой Киргизской орды в подданство России. Киргизские послы были приняты милостиво и в орду был отправлен для переговоров известный уже нам Тевкелев, которому даны жалованная грамота, сабля, шуба из соболей, шапка с чернолисым околышем и цветные сукна, — все это Тевкелев должен был вручить Абул-Хаиру, который с своей стороны обязывался привести к присяге всю Малую орду, платить ясак и выслать заложников в Уфу, освободив при том русских пленных. В сопровождении 2 геодезистов, Писарева и Зиновьева, нескольких казахов, уфимских дворян и двух башкир Айдара и Таймаса, Тевкелев прибыл к Абул-Хаиру и увидел, что сами киргизы вовсе не были расположены вступить в подданство России. Народ взволновался; начались упреки хану; положение Тевкелева сделалось небезопасно, а между тем он имел в распоряжении,

вместо обещанного некогда Петром „мелиона, только 2400 р. и 500 р. на проезд; с такими средствами трудно было обратиться в свою пользу корыстолюбие киргизских вожаков. Время шло, средства экспедиции истощались, а надежды на благоприятный исход дела еще не было видно. Тевкелев, рискуя вовсе остаться без средств, решился отослать своих спутников в Уфу, а сам остался при хане, который со всеми улусами своими перекочевал к Аральскому морю.

Прошло уже около двух лет, как Тевкелев жил в орде; казалось, что дело было проиграно; в Уфе уже шли приготовления к выкупу Тевкелева. Но присоединение к Абул-Хаиру каракалпакского хана Хаип-Хали дало перевес партии Тевкелева. Киргизы не устояли против доводов Тевкелева, который, испытывая „смертельные опасности и голодные терпения“, сделался еще красноречивее и находчивее в обращении с киргизами. Особенно старался подействовать Тевкелев на киргизов теми радужными надеждами, которые могли осуществиться с построением русского города вблизи их кочевьев, „толкая им многие разные ординские их пользы в торгу, а в самом деле, чтоб положить на них узду, чтоб они впредь непоколебимо в верности и послушании были“. Киргизы, уступая доводам Тевкелева, согласились принять русское подданство и просить о построении города на Яике (Урале), при устье р. Ори, обещавшись отправлять туда выборных из каждого рода по одному человеку в качестве судей для разбора киргизских дел; хан Абул-Хаир дал в аманаты своего сына Ерали-Салтана и отправил с Тевкелевым старшин; ханы Каракалпакской и Средней Киргизской орды также послали выборных для переговоров.

Посольство прибыло в Петербург в начале 1734 г. и было помещено на Васильевском Острове. Здесь киргизы в первый раз познакомились с разными „курьезными“ вещами в Академии Наук, побывали также в Кронштадте и других местах. Такой исход дела не мог не радовать тех, кого занимало решение вопроса об управлении восточным краем Европейской России; Тевкелев был произведен в полковники, Абул-Хаир получил похвальную грамоту, а ханам Большой и Средней орды и к Хаип-Хали (каракалпакскому хану) были отправлены призывные грамоты на подданство.

Витевский В. Н. т. I, стр. 130—138

НЕПЛЮЕВ И АБУЛ-ХАИР-ХАН

В 1739 году из Оренбурга (Орска) были отправлены еще два каравана, которые невдалеке от города, в степи, были разграблены киргизами Малой орды. Дети хана Абул-Хаира прибывшие в Оренбург в 1740 году, обещались кн. Урусову, преемнику Татищева, возратить товары двух последних караванов; но обещание это не было исполнено. Плата за охранение караванов во время пути была несравненно менее той прибыли, какой киргизы пользовались при грабеже торговых караванов. С другой стороны, отсутствие точных топографических сведений

о киргизских степях, через которые пролегал караванный путь служило большим препятствием развитию меновой торговли с Средней Азией. Киргизы-проводники могли намеренно заводить караваны в безводные и песчаные места, чтобы с большим удобством произвести здесь грабеж и оставить предприимчивых смельчаков в незнакомой им степи одних, на произвол судьбы.

Правительство сознавало это, и потому еще Кирилову было приказано, чтобы с каждым караваном отправлялись геодезисты для описания и нанесения разных мест на карту; уже были сделаны и попытки в этом отношении, но несчастный исход первых трех караванов помешал осуществлению этого дела при Татищеве. Наиболее посчастливилось в этом В. А. Урусову, который, вследствие просьбы Абул-Хаир-хана, командировал в 1740 году на Сыр-Дарью и в Хиву геодезиста Муравина и инженера Назимова.

... Почти одновременно с прибытием Неплюева в Самару для управления краем, сюда явился и поручик Оренбургского полка Дмитрий Гладышев, находившийся в киргизской степи с 1741 г. Гладышев представился Неплюеву и доложил ему, что когда он был у Абул-Хаира, к нему явилось шестеро каракалпакских старшин и трое ходжей и просили его, Гладышева, о принятии их в русское подданство со всем ниже-каракалпацким народом, численность которого простиралась до 30000 кибиток, вследствие чего Гладышев, в присутствии Абул-Хаира привел каракалпакских старшин и ходжей к присяге; каракалпаки клялись: „Божием повелением по своей вере пришли в российское подданство и, поцеловав Коран, присягали мы, нижепоименованные каракалпаки“. Вручая Неплюеву присяжные листы, Гладышев также передал и письмо каракалпакских старшин, с приложением трех чернильных печатей. В этом письме говорилось, между прочим, о давнишнем желании каракалпаков принять русское подданство и о намерении их старшин посетить Оренбург для личных переговоров о том с пограничным начальником. В том же году каракалпакские депутаты Шамор и Куган были приглашены Неплюевым в Оренбург, куда они прибыли, в сообществе с Абул-Хаиром, и здесь, от имени всего своего народа, торжественно повторили присягу, данную раньше Гладышеву.

Переход каракалпаков в русское подданство обещал большие выгоды для развития внешней торговли Оренбургского края, почему Неплюев всячески старался приохотить новых подданных к поселению в самом Оренбурге. Отправляя Гладышева вторично к каракалпакам, он приказал ему: „приохачивать каракалпаков, истолковывая им Оренбургскую привиллегию, не только к Оренбургскому торгу, но и на поселение в Оренбурге, и кои пожелают при Оренбурге жить, тех отправлять и о тамошних их обращениях якоже и осмежных к ним народах, разведывать, а особливо об аральцах узнать и стараться, чтобы от них с равномерным же прошением, как и от каракалпаков, посланцы посланы были.“

... Когда, казалось, не было ни малейшего сомнения в союзе России с каракалпаками, и когда в голове Неплюева роились

разные планы относительно развития торговли, — киргизский хан Абул-Хаир совершенно изменил свой образ действий: содействуя сам принятию каракалпаками русского подданства, он напал на их аулы, многих лишил имущества и даже жизни и еще больше взял в плен, отогнав в свои кочевья 20000 рогатого скота и столько же овец. Неплюев, между прочим, доносил в Сенат, что Абул-Хаир „на каракалпацкий народ с своими единоплеменниками неприятельское учинил нападение и весьма их разорил аки-бы за то, что они по его ханскому требованию не отправили в образ пода-тей, которые он наперед с них несколько раз бирывал, отговариваясь тем, что они так же, как и он, хан, подданные ее императорского величества, а в самом деле за то, что возымел на них подозрение, яко-бы они, согласясь с российскими людьми, хотят киргиз-кайсак воевать; и при таком их разорении каракалпацкого хана Урускула захватил и ныне у себя держит, да и еще-де с такою ж наглостью на оных каракалпаков иттить был намерен“

Когда каракалпацкие посланцы, представлявшие государыне, возвращались в свои кочевья, Неплюев отправил с ними капитана Гладышева, вручив ему высочайшую грамоту на подданство каракалпацкого народа. Путь лежал через владения Абул-Хаира, к которому посланцы, в сопровождении Гладышева, и заехали; но хан не только принял их недружелюбно, а просто „ограбил и данную к ним от ее императорского величества все-милостивейшую грамоту от одного капитана насильственным образом отобрал и, распечатав, читал; и тако тех посланцев, ограб-бя, тайно от себя отпустил“. Унтер-офицер, возвратившийся из степи и сообщивший о том Неплюеву, высказал даже предполо-жение, что едва ли хан „не убил“ каракалпацких посланцев. В то же время Абул-Хаир ограбил и астраханских купцов, проезжа-вших через его владения „для торгу в Хиву и Бухару.“ Не смот-ря на дерзость и вероломство Абул-Хаира, Неплюев все-таки счел за лучшее держаться нейтралитета в этом деле.

...Между Неплюевым и Абул-Хаиром начинается с этого време-ни непримиримая вражда, от которой „многие затруднения, бес-покойства и опасности происходили“, как свидетельствует о том бригадир Тевкелев, главный примиритель враждующих сторон. Вражда эта усилилась еще более, когда Абул-Хаир встретил пре-пятствие со стороны Неплюева к обмену своего сына Ходжи-Ах-мета, находившагося аманатом в России с 1738 г., на Чингиза, рожденного от наложницы, калмычки. Неплюев настаивал на том, чтобы Абул-Хаир дал в аманаты вместо Ходжи-Ахмета другого законного своего сына от ханши Пупай, отличавшейся редким природным умом, а не Чингиза, „яко оный Чингиз (доносил Неп-люев в Сенат) киргиз-кайсакам ни в какое обязательство служить не может“. Сенат, разделяя мнение Неплюева, отказал хану в удовлетворении его просьбы.

Ходжи-Козь-Ахмет-Салтан из предосторожности содержался в Сорочинской крепости, в 176 верстах от Оренбурга по тракту на Самару. Получив отказ на свою просьбу, Абул-Хаир задумал тай-ным образом похитить своего сына, подсылая к нему киргиз, ко-торые бы могли содействовать его побегу.

. Продолжая уверять Неплюева в своих верноподданических чувствах, Абул-Хаир решил силою отнять и возвратить к себе Ходжи-Кось-Ахмет-Салтана: около 2000 преданных ему киргиз пробрались на Самарскую степь к Крестовому редуту, находившемуся в 22 верстах от Сорочинской крепости; несколько киргизцев намерены были ночью прокрасться в крепость и тайно увезти с собой Ходжи-Ахмета, но попытка их кончилась безуспешно: со стороны Неплюева все было предусмотрено и, благодаря бдительности коменданта крепости Лазарева, захватить Ходжи-Ахмета киргизцам не удалось; за то озлобленные киргизцы, на обратном пути в свои аулы, многих русских забрали в плен, других убили и отогнали много скота у мирных жителей края.

В и т е в с к и й, т. 1.

...Неплюев хорошо сознавал и понимал планы Преобразователя России (Петра I. Р е д.) и обратил особенное внимание, как начальник края, на отношения киргизов к русским. Долго ему пришлось бороться и хитрить с киргизским ханом Малой орды Абул-Хаиром, злейшим врагом русских и личным врагом самого Неплюева, и только смерть Абул-Хаира, убитого Барак-Салтаном, развязала ему руки. Воспользовавшись междоусобиями в Орде, Неплюев направил выбор в ханы в пользу Нурали-Салтана, старшего сына Абул-Хаира, который 10 июля 1749 года, при многочисленном собрании народа, и был торжественно подтвержден в киргизские ханы в Оренбурге, на особенно приготовленном для того месте, за р. Яиком, при чем хан получил, с высочайшего соизволения, особый патент на ханское достоинство и в дар — присланные из Петербурга парчевую шубу на собольем меху и шапку из чернобурой лисицы, стоившие 1674 р. 87 коп., а также „оправную“ саблю с надписью на русском и татарском языках, оцененную вместе с поясом в 85 руб. 77 коп. Неплюев щедро одарил и мать Нурали-Хана, Пупай-Ханшу, его братьев, знатных старшин, киргизских биев и простых киргизцев, бывших в свите Нурали; не раз угощал гостеприимно их и обедами, сопровождаясь музыкой и пушечными салютами; потешал фейерверками и танцами; развлекал прогулками по городу и за город и т. п., употребив на подарки и угощение киргизцев, во время конфирмации Нурали-Хана, свыше 3000 руб.

Обласканный и щедро одаренный Неплюевым, Нурали-Хан обещался заботиться о безопасности торговых караванов, во время проезда их чрез киргизские степи.

В и т е в с к и й, т. 3, из предисловия.

АБУЛ-ХАИР-ХАН

...В 1734 г. вожди киргизских орд, узнав о готовящейся против них русской экспедиции, заявили формально о своем подданстве Анне Ивановне. В 1740 г. их примеру последовал хивинский хан, что было, несомненно, одной из главных причин, подстрекнувшей Надир-шаха дать распоряжение убить его.

Освободившийся хивинский престол был предложен Надир-шахом Абул-Хаиру, хану Малой Киргизской орды, уже заявившему о своем подданстве царице. По просьбе Абул-Хаира в Хивинское ханство была направлена русская миссия, вступившая в столицу вместе с ее новым правителем, что свидетельствовало об одобрении русским правительством назначения Абул-Хаира ханом Хивы. Через несколько дней после своего вступления на престол, Абул-Хаир получил распоряжение шаха явиться к нему для беседы о государственных делах. Зная кое-что о характере своего сюзерена, Абул-Хаир испугался за свою безопасность и бежал из Хивы в сопровождении трех русских офицеров, вместе с ним вступивших в столицу. После бегства Абул-Хаира ханство было пожаловано его сыну, Нур-Али, хорошо расположенному к русским...

Краусс.

...В 1723 г. хан Джунгарии захватил город Туркестан. Чтобы избежать подчинения Джунгарии, Средняя и Малая орды сделали отчаянную попытку продвижения на запад, оттеснили башкир и заняли всю степь между Аральским морем, Каспием и р. Уралом, оказавшись, таким образом, в непосредственном соседстве с русскими. Малая орда начала причинять русским главное беспокойство. В Малой орде ханствовал в то время Абул-Хаир, человек замечательный по своему энтузиазму и способностям, но лукавый и вероломный, не умевший, вследствие этого, долго сохранять свое влияние и реализовать свои планы. Являясь ханом Малой орды, он был избран также в ханы Большой орды, но затем низложен с последнего ханства. Короткое время он был также ханом в Туркестане и правил Хивой, пока весть о приближении Надир-шаха не заставила его бежать оттуда.

В один из затруднительных моментов, жестоко теснимый своими соперниками, Абул-Хаир с кучкой своих приверженцев выразил намерение подчиниться России. Это было в 1730 г. Его предложение было, однако, отвергнуто большинством киргиз, и лишь после значительных распрей киргизы снова признали в нем своего хана. Наконец, в 1734 г. было заключено соглашение, по которому Абул-Хаир обязался не беспокоить русские границы и защищать русские торговые караваны. Русские, в свою очередь, согласились на признание ханского достоинства за потомками Абул-Хаира. Это соглашение вместе с незнакомством русских с подлинными настроениями и желаниями киргизского народа были, вероятно, причиной всех смут, имевших место в степи. Принцип свободного избрания ханов был уничтожен заключенным соглашением и потомки Абул-Хаира, не пользовавшиеся личной популярностью среди своего народа и не являвшиеся представителями наистарейшего рода или поколения, никогда не смогли бы стать ханами при добровольном избрании.

Скайлер.

...В 1739 г. Абул-Хаир, хан Малой Киргизской орды, просил русское правительство помочь ему сведущими людьми для основа-

ния города близ устья реки Сыра. Для предварительного осмотра местности, где предполагалось построить город, отправлены были нашим правительством, в сентябре 1740 г., поручик Оренбургского драгунского полка Дмитрий Гладышев (как знающий татарский язык), геодезист Муравин, инженерный надзиратель Назимов, переводчик Усман Арасланов, и с ними несколько казаков... 2-го ноября прибыли они в Аральский городок Шахтемир, а на другой день отправились с ханом в Хиву, куда он выехал по приглашению хивинцев, угрожаемых персидским шахом Надиром...

Дорогою Гладышев отстал и прибыл в Хиву уже после Абул-Хаира. За версту до города встретили его 5—6 узбеков, посланных Абул-Хаиром на встречу нашему офицеру. Люди эти объявили Гладышеву, что „Абул-Хаир у них в Хиве ханство принял“. Когда Гладышева ввели к Абул-Хаиру, хан сидел на ханском месте, „которое учреждено амбоном, и оно покрыто персидским ковром, а на ковре подушка бархату красного, на котором сидел хан, и на нем надета челма красная, шелковая, и по сторонам его сидели знатные хивинские старшины, человек с 40, и он Гладышев ево Абул-Хаир-хана поздравил с принятием в Хиве ханства“. На это Абул-Хаир отвечал: „Благодарю бога, что теперь Хива в подданстве ее императорского величества и я в оной ханом“. Сидевшие же при этом старшины молчали. Но новый хан понимал, что положение его очень опасное. Войско персидское, находившееся в Ханках, не сегодня-завтра могло подступить к этому городу, а бороться с шахом Абул-Хаир не мог. Тогда обратился он к Муравину съездить к шаху Надиру послом и просить его пощадить город, избравший владельцем своим русского подданного.

Ноября 9-го Надир принял Муравина, обошелся с ним ласково, обещал оставить Абул-Хаира ханом в Хиве, только требовал его личного прибытия в лагерь. Исход обещал быть для Абул-Хаира благоприятным; но оказалось не то: хан перехватил в то же время письмо к хивинцам, в котором узбеки Ханка от имени Надир-шаха к жителям Хивы давали совет не выпускать хана из города до его, шахова, в Хиву прибытия. Тогда Абул-Хаир, не надеясь более на своих подданных, решился бежать из Хивы.

Н. Веселовский.

НУР-АЛИ-ХАН

В начале джумадия II (в августе 1741 г.) Надир-шах, находившийся тогда в Дагестане, узнал о происшествиях в Хорезме (Хиве) и избиении персидских советников вместе с ханом Тагиром. Главным действующим лицом в этом деле явился сын Абул-Хаира Нур-Али со своими Аральцами и бежавшими из Хивы узбеками. Он обложил Хиву и взял ее; хана же Тагира с его приверженцами убил и сам сел на ханство... Вскоре после этого ему, как русскому подданному, послан был присяжный лист „для принесения присяги в верности Российской империи“. Результат этого сношения нашего правительства с Нур-Али ханом нам неиз-

вестен, так как из показания Гладышева, относящегося к 1742 году, видно, что ответа на этот лист получено не было. Да едва ли Нур-Али-хан мог утвердить лист, не до того уж ему было...

Усмирить Хиву шах Надир отрядил своего сына Наср-Уллу-Мирзу, с артиллерией в полном составе, да приказал еще несколькими военачальникам двинуться в Хорезм и около нового года присоединиться к армии принца. Когда аральские и хивинские сообщники узнали о движении Надирова сына в Хорезм, то поспешили принести повинную... Не имея точного указания о времени бегства Нур-Али из Хивы, не можем точно установить и время его ханствования. Вероятнее, однако, предполагать, что Нур-Али бежал из Хивы в конце 1741 г., а в таком случае ханствование его длилось не более полугода.

... С ханствования Ильбарса, Абул-Хаира и сына этого последнего Нур-Али, начинается, с перерывами впрочем, период избрания хивинцами на ханство ханов из киргизских султанов. Причина такого странного, повидимому, явления объясняется как нельзя лучше нашими писателями, касавшимися событий в Хиве того времени. Рычков пишет: „У хивинцев было обыкновение ханов своих тайным образом умерщвлять, когда увидят от них к себе озлобление, чем настоящую ханскую породу у себя вывели, и уже чрез несколько лет берут в ханы из посторонних салтанов“...

Такое толкование несколько не противоречит ходу событий в хивинском ханстве, а напротив многое еще объясняет. Хань, избранные из чужого народа, избранные не по праву наследства, естественно должны были находиться в зависимости у тех лиц, от которых зависело избрание хана. Призванный хивинцами Абул-Хаир-хан занимал только почетное место хана, а распоряжался за него в то время кто-то другой... — Это избрание киргизских султанов на ханство имело важное влияние на умаление значения хана в Хиве. Теряя мало-помалу свою власть в деле управления ханством, ханы обратились наконец в ничего незначащих кукол, которые, как увидим, сидели на престоле только для виду...

Веселовский.

КАИП-ХАН

В конце 40-х годов XVIII столетия видим в Хиве ханом Каипа, сына Батыря, султана Малой Киргизской орды. Когда вступил на ханство Каип, мы не знаем. Те отрывочные сведения, которые попадают у нас о Хиве за время с 1742 по 1750 год, не выясняют нам, как попал Каип в Хиву... 25 апреля 1750 года прибыл в Оренбург посланец Каипа Ширбек. Посольство из Хивы явилось в Оренбург в первый раз, и Неплюев не знал, как поступить в этом случае. Он снесся с Коллегией Иностранных Дел (дело 9 мая 1750 г.). В своем рапорте по поводу этого посольства Неплюев доносил, что хивинцы всегда имели своих ханов, но узбеки, пользуясь своей силой, убивают ханов по своему произволу и на место их нередко сажают султанов киргизских, при-

сгнущих на подданство России. Поэтому он просил разъяснения, как поступать генерал-губернатору в случае такого избрания, что может повторяться часто, особенно с тех пор, как хивинцы сделались независимы от Персии. На это Коллегия указом от 13 августа 1750 г. дозволяла султанам киргизским вступать в ханство в Хиве и отменила указ 21 октября 1745 г., изданный во время владения Хивой шаха Надира. Оренбургскому генерал-губернатору вменялось в обязанность приветствовать новоизбранного султана, одарить его и требовать поощрения торговли и возможно большей посылки купцов в Оренбург...

Императрица Екатерина II, тотчас же по вступлении на престол, обратила внимание на развитие торговли Астрахани с Хивой и Бухарой. Это видно из ее письма Дмитрию Волкову. Может быть, вследствие этой заботливости и образовалась в Астрахани в 1762 г. „компания русских купцов“, для торговли с Хивой. В это же время приезжал в Россию посланец от хивинского хана. Приходило ли это посольство от Каипа — сведений нет. Но в 1771 г. Каип не ханствовал уже в Хиве, это мы знаем положительно. Хивинцы изгнали его.

IV

ЦАРСКАЯ ПОЛИТИКА ПО ОТНОШЕНИЮ
К ЗАВОЕВАННЫМ НАРОДАМ:
КАЗАХАМ, БАШКИРАМ И ДР.

Если царское правительство не слишком церемонилось со своими союзниками — казахскими феодалами, то по отношению к завоеванным казахским трудящимся массами политика царизма носила явно грабительский характер. Основы этой политики можно свести к следующим положениям: 1) отбирание лучших земель под военную и крестьянскую колонизацию, 2) насильственное обращение „инородцев“ в православие, 3) раздувание национальной вражды, натравливание завоеванных народов друг на друга и натравливание русского казачества и крестьянства на них 4) развитие торговли — „выгодной коммерции“ с восточными странами, в частности поощрение торговли людьми, путем предоставления права помещикам и дворянам покупки пленных из калмыков, казахов и др. народов.

Неприглядных фактов царской колониальной политики не могли скрыть „просвещенные“ деятели царской эпохи, трактующие о „культурной миссии“ царизма среди „варварских“ народов Востока. В этой главе мы приводим цитаты из работ таких деятелей, которые далеко не были заинтересованы в преувеличении этих фактов.

Книга деятеля царского министерства народного просвещения конца 90-х годов В. Н. Витевского („И. И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г.“, историческая монография в 3-х томах, Казань, 1897 г.) дает целый ряд фактов, собранных из архивных документов, рисующих основы колониальной политики царизма. Витевский старается оправдать эту политику тем, что жизнь народов колонизируемых якобы менее ценна, чем жизнь „православных“ и т. д. Опуская эти рассуждения, мы приводим факты, которых Витевский не мог скрыть. Начинаем главу краткой выдержкой, рисующей историю башкирских восстаний, в которых принимали участие также и казахи. Далее мы даем материалы, характеризующие политику Неплюева в отношении казахов, его стремление развит торговлю и в частности цитируем сведения о торговле рабами. Провокационная политика Неплюева по отношению к башкирам и казахам достаточно ярко изображена в работе Витевского. Наконец, приводим краткую выдержку о торговле рабами среди казахов.

Чрезвычайный интерес представляет собой воззвание главаря башкирского восстания 1755 — 56 г.г. Батырши. У нас не имеется подлинного текста, и мы берем перевод воззвания из книги Витевского. По свидетельству Витевского, текст этого воззвания хранится в сенатском архиве; возможно, что там уцелел и татарский его текст. Политика царского правительства настолько была неприкрыта, что Батырша поразительно верно, — для своего вре-

мени и своего социального положения,— определяет эту политику и тот ущерб, который она наносила всем завоеванным царизмом малым народам.

БАШКИРСКИЕ ВОССТАНИЯ

Долго русские поселенцы не могли ужиться с башкирами. Впрочем, главной причиной недовольства башкир были злоупотребления администрации и чиновников края. Насилия воевод и их клевретов раздували эту вражду до опасных восстаний, несмотря на постоянные предписания правительства смотреть за тем, чтобы отношения к башкирам были несколько не стеснительны для них; но в то же время правительство, не довольствуясь сбором ясака, хотело еще, чтобы башкиры платили так называемые „подымные деньги“, или пошлыны, и „выводные“ — со свадеб. Башкиры, кочевавшие по реке Уралу и степям, не хотели платить податей и среди их являются предводители недовольных, действовавшие при участии и содействии киргизов и калмык. Вследствие этого недовольства башкир существовавшими порядками, возникают башкирские бунты, начиная с конца XVI стол., и продолжаются около двух веков, с небольшими промежутками.

В первый раз волнение среди башкир обнаружилось в 1584 году. В 1645 г. захват башкирских земель русскими колонистами послужил причиной бунта в Уфимской провинции: башкиры подступили к Мензелинску, но были отражены; многие из них были пойманы и преданы казни. В 1662 году взволновались снова уфимские башкиры, для усмирения которых было послано из Москвы войско, под начальством стольника и воеводы Языкова. В 1664 г. башкиры восстали под предводительством старшины Сеита, имени которого и самый бунт получил название „Сеитовского“; этот бунт продолжался около пяти лет. Много было разграблено и сожжено русских селений в Уфимском и Казанском уездах и перебито русских людей. Воззвания воевод и разные обещания правительства мало способствовали усмирению бунта, и только отпадение от башкир калмыцкого хана Аюка, принявшего русское подданство, ослабило силы бунтовщиков и успокоило страну, но не надолго.

В 1677 г. башкиры, идут против Уфы, но, не дойдя 19 верст до города, возвращаются, благодаря, как говорит предание, помощи чудотворной иконы Казанской божьей матери, найденной при колодце в селе Богородском. Несмотря на это, волнение башкир не утихает до 1680 г., когда бунтовщики были усмирены малороссийскими и яицкими казаками, под начальством присланного из Москвы воеводы Федора Васильевича Зеленина. В 1683 г. возникает новый бунт башкир около Мензелинска, потребовавший для его потушения пятисотенную команду яицких казаков.

Но с 1704 г. башкиры снова начинают волноваться, а в 1707 году злоупотребления и насилия Уфимского комиссара Сергеева вызвали сильное возмущение башкир, ничем не уступавшее

Сеитовскому и известное под именем „Алдаро-Кусюмовского“. Башкиры склонили в этот раз на свою сторону каракалпаков, часть татар, мещеряков и других ясачных инородцев. Для усмирения бунта и поимки главного возмутителя башкир, Кусюма, из Уфы был отправлен военный отряд в 900 человек, под начальством Петра Хохлова, а из Казани на помощь к нему шел Сидор Аристов с конным отрядом в 770 чел. и полковник Рыдарь с солдатскими полками. Хохлов встретился с бунтовщиками при урочище Юрактау, в 90 верстах от Уфы. Башкиры, бывшие в отряде Хохлова, изменили ему и соединились с бунтовщиками; осадив русский отряд в степи, они не давали ему в течение десяти дней ни пить, ни есть, ни спать, и когда русские от истощения совершенно обессилели, башкиры отняли у них провиант, побили и взяли в плен 400 чел. Хохлов с остальными 500 чел. пробился сквозь неприятеля и ушел в Табынск, куда прибыли к нему на помощь Аристов и Рыдарь.

В 1717 г. киргизы, соединившиеся с башкирами, в числе десяти тысяч человек, взяли Новошешминск, и только храбрость и распорядительность полковника Суяза заставила их отступить в свои кочевья. Волнение охватило громадное пространство; бунтовщики не дошли только 30 верст до Казани. Все селения по рекам Каме, Белой и Самаре были разграблены; церкви, дома помещиков и хлеб были сожжены; крестьян убивали и уводили в плен, нередко с женами и с детьми, и продавали в Хиву, Бухару или в Крым...

Бунт разгорался все более. Казанский вице-губернатор Кудрявцев доносил царю, что многие татары Казанского уезда присоединились к мятежникам и что, кроме того, башкиры возмущают чуваш. Петр Великий, занятый войною с Карлом XII, поручил князю Петру Ивановичу Хованскому уладить дело мирным образом. Хованский послал из Казани толмача и несколько татар для переговоров с башкирами; но бунтовщики не унимались; русские и вотяцкие села и деревни, расположенные между Камой и Волгой, почти все были разорены; люди (побиты или пленены. Тогда Хованский отправил на Арскую дорогу отряд, под начальством Бартенева, который прогнал башкир в Уфимский уезд; около Билярска бунтовщики потерпели поражение от атамана Невежина, который имел при себе около 200 русских и 100 чел. чуваш. Наконец, когда выступил из Казани сам Хованский, бунтовщики оробели и стали с ним пересылаться. Хованский вступил в переговоры. Зачинщики бунта были пойманы и казнены; прочим было объявлено прощение. Тогда же было приказано повесить в Казани главного виновника бунта, уфимского комиссара Сергеева, на страх другим. Сергеев был повешен, но это не исправило других и волнение башкир не улеглось: через четыре года вспыхнуло новое восстание. Башкиры отправили нарочных послов в калмыцкие, кубанские и крымские улусы с приглашением восстать против русских; но, к счастью, послы попались в руки русских, не достигши места и цели своего посольства.

Таким образом правительство должно было наконец убедиться

в том, что для удержания в покорности башкир и для спокойствия русских поселенцев края, необходимо было обезопасить свои владения на востоке рядом укреплений; нужно было содержать постоянную военную силу внутри и на границе Оренбургского края, защищая в то же время добровольно покорившихся инородцев от фанатического мщения их единоверцев и оберегая от отступничества обратившихся в православие язычников и магометан. Отсюда вытекает необходимость мер для укрепления и заселения русскими Оренбургского края в стратегическом отношении. Первый обратил на это внимание Петр Великий; он принимал всевозможные меры к тому, чтобы дать новое направление этому краю...

В и т е в с к и й, т. I, стр 130 — 138.

ПОЛИТИКА ЦАРСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В ОТНОШЕНИИ КАЗАХОВ И БАШКИР.

... По случаю постоянных волнений среди башкир, русские купцы боялись ездить в новопостроенный Оренбург (Орск), тем более, что проезд туда был соединен с большими опасностями; но азиатские купцы и киргизы не переставали посещать новый город и в это время, выменивая нужные для них вещи, хотя эта мена в первое время была весьма незначительна и совершалась беспошлинно. Преемник Кирилова — В. Н. Татищев поручил Рычкову — отцу составить купеческий тариф, но престарелый Рычков, как мы уже заметили, не успев окончить этого дела, скончался в 1738 г. В том же году было положено завести с киргизами торговлю для вымены у них верблюжьей шерсти, которая шла на приготовление английских комлотов и других шерстяных материй. Татищев приказал построить вне города Меновой Двор с потребным числом лавок и открыл в городе ярмарку, стараясь привлекать на нее киргизов, хивинцев, бухарцев и узбек. Посетив первоначальный Оренбург, для приведения к присяге Абул-Хаир хана, Татищев снарядил и отправил в Ташкент первый торговый караван, в котором разного товара было на 20000 рублей. Начальником этого каравана был назначен поручик Миллер, при коем находился офицер-геодезист для топографических работ. К сожалению, исход этого предприятия был печальный: на расстоянии двухдневного пути от Ташкента караван был разграблен киргизами Большой орды. Такой исход первого русского каравана в Среднюю Азию тем более был неприятен Татищеву, что часть его товаров была казенная...

Пригласив атамана яицкого казачьего войска и несколько лучших старшин, а также ген. майора фон-Штокмана и ассесора Рычкова, Неплюев составил совместно с ними „запасный план“ к обузданию киргиз-кайсаков и при особом мнении представил его на рассмотрение и заключение Правительствующего Сената. Киргиз-кайсаки не могли не озабочивать Неплюева; они делали частые и опустошительные набеги на пограничные селения русских и башкирцев, грабили и увозили в плен калмыков; отгоняли

в громадном количестве лошадей и рогатый скот; иногда выжигали подножный корм в степи и служили главным препятствием развитию внешней торговли России с бухарцами, хивинцами, узбеками и другими средне-азиатскими народами. Занимая громадное степное пространство от р. Яика и Каспийского моря до Аральского в одну сторону и от Тобола, Ишима и Иртыша до 44° с. ш. в другую, киргизы, при своей кочевой жизни, представляли почти непреодолимые трудности к их обузданию. Они разделились на три главные орды: Большую, Среднюю и Меньшую.

Большая Киргизская орда, не смотря на ее название, по численности была меньше остальных орд: Рычков замечает, что „более десяти тысяч человек на войну никогда из них не собирается“. Она кочевала близ Туркестана и Ташкента по рекам Чирчику, Арышу и Калясу и находилась под протекцией зюнгорского владельца, занимаясь грабежом купеческих караванов и ташкентских обывателей...

Средняя Киргизская орда зимою кочевала по р. Тургаю и по Сыр-Дарье, при урочище Кара-Кум, и частью при Аральском море, а летом занимала место, лежащее при верховьях рек Тобола, Ишима и Иртыша, по р. Ую и верхнему течению р. Яика до Орской крепости. В Средней орде, наиболее зажиточной и смирной, считались четыре главные рода: Найсаны, Аргинцы, Увак-Гирейцы и Кипчаки, из коих Аргинский род подразделялся на девять колен, а Кипчаки — на пять колен.

Малая Киргизская орда была ближе к русской границе, составляя самую беспокойную и коварную ее соседку. Она занимала Бухарскую сторону, начиная от Орска до устья р. Эмбы и Каспийского моря, кочуя не в далеком расстоянии от р. Яика, а зимой углубляясь в степь к Аральскому морю, где обитали нижние каракалпаки, принявшие русское подданство, главное же ядро ее или центр находились на реках Илеке и Иргизе с их притоками.

Относительно численности киргиз-кайсаков положительных данных, конечно, тогда быть не могло, но, без сомнения, их было не мало. Неплюев в своем доношении Сенату о Средней и Малой орде говорит: „Какое людство в обеих ордах, о том подлинных известий при Оренбургской Комиссии не имеется, ибо киргиз-кайсацкие владельцы в некоторых своих письмах о числе подвластных им людей хотя и показывали, но, по своему обыкновению, только умножительно, что верить невозможно, и один другого улусы себе присвоят; однако, по рассуждению от Оренбургской Комиссии усмотренного их состояния, по их природной к войне, а паче к воровству, склонности, мнится, что при случае их генерального к войне предвосприятия или замешания легко может собраться в обеих тех ордах, т. е. Средней и Меньшей, до тридцати тысяч человек и более люду с огненным ружьем (ибо стрел мало употребляют, а имеют большие карабины без замков, с фитилями), из которого они всегда, слезши с лошадей, на сошках целко стреляют, и порох каждый про себя делать умеет, также и в свинце у них не оскудевает“

Таким образом оказывается, что киргизы и по своей численности, и по оружию могли наносить значительный вред русским, тем более, как доносил Неплюев в Сенат, что они имели у себя „довольное число исправных лошадей и, во время нужд, избирая крепкие места, соединенными силами обороняются, наибольшее же их воинское искусство в том состоит, чтобы уметь тайно воровские подбеги чинить, а паче лошадиные табуны отгонять и в разъездах находящихся или за каким либо делом отправившихся людей, внезапно набегая, крадут; разделяясь на разные партии, выжигают степь, отчего конский корм пропадает, и на то всегда больше надеются, нежели на воинское сопротивление. Имея исправных лошадей, ретируются с великим поспешением, но когда разбиты и куражу не возымеют, то по своейвольности их, кто бы предводителем их ни был, паки собрать и к военному делу обратить их трудно“

В то время, как русские военные отряды нуждались в рационах и порциях, киргизы довольствовались немногим: „Провианта с собою (доносил Неплюев) они никогда не возят, но питаются летнею порою кумысом, который делается у них из кобыльего молока, также и лошадиным мясом, употребляя на то более присталых лошадей, зимою же и к весне как они сами, так и лошади, за недовольством корму бывают и в худшем своем состоянии. При всем том, около себя никаких тягостей, кроме их кибиток и скота, не имеют, ибо все их богатство состоит в скоте, а больше в лошадях и в овцах“.

Для безопасности и защиты пограничных с киргизами степями мест Неплюев нашел необходимым и более целесообразным действовать против киргиз-кайсаков не одним корпусом, а несколькими и с разных сторон, а именно: 1) от Яицкого городка, 2) от Оренбурга, 3) от Орска, 4) от Уйской линии и 5) от Сибирской линии укреплений, сосредоточив в этих пяти пунктах регулярные и нерегулярные войска. Главным военным базисом по мнению Неплюева, должен быть служить Оренбург. Кроме трех регулярных полков (один конный и два пехотных), в состав Оренбургского корпуса должны был войти: тысяча донских казаков, три тысячи уфимских башкир, 500 мещеряков, 300 ясачных татар, от 300 до 500 ставропольских крещеных калмык и от трех до четырех тысяч из Казанской губ. татар, приписанных к адмиралтейству, и других инородцев. На Орскую линию Неплюев определил командировать 2000 уфимских башкир, 500 мещеряков, 500 яицких казаков, на Уйскую—1000 чел. зауральских башкир, мещеряков и служилых татар из Исетской провинции, 500 крестьян „обыкновенных к военному делу“ из Екатеринбургского ведомства, 500 таких же крестьян из Исетской провинции, 500 яицких казаков, 500 крепостных (из новостроющихся крепостей) казаков, и до 300 красноуфимских, нагайбацких и ельдяцких казаков и три роты (в полном комплекте) из Уфимского гарнизонного полка.

На Сибирской границе, прилегающей к киргизским степям, Неплюев положил собрать до 1000 крестьян, до 500 служащих татар из уездов Тобольского, Тюменского, Ялуторовского и Вер-

хотурского, а казаков и регулярных сколько окажется возможным, назначив главным командиром над ними опытного в военном деле полковника Павлуцкого. Нижне-яицкую линию должны были стеречь от нашествия киргизцев: яицкие казаки, а со стороны Астрахани — волжские калмыки в числе 5000 чел. с лучшими и надежными зайсангами, под командою опытного и надежного лица.

... Несмотря на вероломство, интриги и препятствия со стороны Абул-Хаира, Неплюев не терял надежды на развитие меновой торговли и в Троицкой крепости: он склонил к принятию русского подданства хана Средней Орды, Абул-Махмета, а весной 1743 г., благодаря его же заботам, был освобожден из зюнгорского плена Аблай-Салтан, пользовавшийся большим влиянием на киргизцев Средней орды.

Надеясь на содействие этих лиц, Неплюев мог рассчитывать на развитие торговли в степи и в пограничных с русскими селениями местах. Надежды не обманули Неплюева. Аблай-Салтан сам обратился к нему с просьбой, чтобы в Троицкой крепости был открыт меновой торг для киргизцев Средней орды, которым ездить в Оренбург было далеко и неудобно. Неплюев с радостью готов был удовлетворить просьбу Аблая, тем более, что это вполне было согласно и с видами правительства, и с интересами торгово-промышленного класса; но чтобы не подорвать оренбургского торга, Неплюев приказал всех средне-азиатских купцов, которые явятся в Троицк с своими товарами, отсылать для торга в Оренбург, в Троицкой же крепости должна была производиться мена товаров только с киргизцами Средней орды.

Киргизцы Средней орды, приезжая в Троицкую крепость для меновой торговли, нередко привозили с собою и живой товар, состоявший из пленных калмыков и особенно калмычек. Командир Троицкой крепости подполковник Ренненкампф, 31 августа 1756 г. рапортовал в Оренбургскую губернскую канцелярию: „Приезжающие в Троицкую крепость для мены из киргиз-кайсацкой Средней орды, владения Аблай-Салтана, киргизцы объявляют: имеющихся де у них завоеванных зюнгорских калмык некоторые желают креститься и требуют, чтоб дозволено было им их калмык российским купцам променивать на товары, а без того де они тех калмык не отпускают“.

Ренненкампф, донося о том в Оренбургскую губернскую канцелярию, просил указаний, как ему поступать в таких случаях: В ответ на это состоялась следующая резолюция канцелярии „Тех привозимых киргизцами зюнгорских калмык штаб и обер-офицерам и другим чинам, кои из дворян, покупать и через купцов на товары выменивать тех калмык позволить, с запискою в канцелярию и со взятием обязательств, чтоб их, по надлежащем наставлении, приводили в православную христианскую веру греческого исповедания единственно, а не в другую, и по таким запискам давать на них тем людям из канцелярий, со взятием поголовных денег, в силе указов, выписки; что же до купцов и до прочих чинов надлежит, и им вымен оных калмык дозволить на предписанном же основании, давая им в том из канцеля-

рии одни письменные свидетельства по указам в коих прописывать именно, каким образом то им дозволение учинено, и сколько их всех по тому в вымене будет, о том в Оренбургскую губернскую канцелярию рапортовать, токмо при том накрепко смотреть и наблюдать, чтобы под видом тех зюнгорских, волжских, яко подданных, они киргизцы привозить променивать и продавать не допускать, но так, как подданных, от них киргизцев отбирая, при рапортах сюда присылали".

Согласно этому определению Сената, Неплюев, при особых рапортах, от 13 февраля, 12 июня, 16 октября 1756 года, препроводил в Сенат ведомости о числе вымененных у киргизцев калмык, заключающие в себе весьма интересные данные. Из этих ведомостей видно, сколько было выменено калмыков: в течение года, начиная с сентября 1756 г. по сентябрь 1757 года, и кто именно приобретал их от киргизцев: в первую треть года было выменено 16 чел. (11 м. и 5 ж. пола), во вторую 21 ч. (15 м. и 6 ж. пола) и в третью 149 ч. (124 м. и 25 ж. пола), а всего в течение года 186 ч., в том числе 150 м. и 36 женского пола. Мена товаров на калмык почти исключительно происходила в Троицкой крепости, в Оренбурге же подобные случаи были большою редкостью: из 186 ч. поименованных в реестрах за отчетный год только четыре калмыченка были выменены в Оренбурге московскими купцами Иваном Журавлевым и Николаем Скобейниковым да оренбургским купцом Ильей Коченовым, мена же остальных 182 калмык была совершена в Троицкой крепости и преимущественно летом.

... Таким образом оказывается, что в Троицкую крепость, не смотря на отдаленность ее от центральной России и опасности в пути, съезжались для торга с киргизцами купцы московские, казанские, тульские, ростовские, ярославские, воронежские, курские, тюменские, сибирские, путивльские, уржумские и др. Вышепоименованные купцы достаточно уже свидетельствуют о выгодах меновой торговли в Троицкой крепости: не будь этих выгод, не поехали бы они из отдаленных городов в Троицк и при том с риском в пути за целостность своих товаров; но сюда, без сомнения, приезжали и другие купцы, которые меняли свои товары не на калмычат (и потому не занесены в реестр), а на скот, шерсть и другие предметы торговли, вывозимые киргизцами Средней орды.

... Чтобы приучить башкир и других инородцев к более мирной и оседлой жизни, правительство старалось о распространении между ними христианской веры, в духе православия. Особенно энергично и настойчиво действовал в этом отношении Дмитрий Сеченов, начальник миссии в Волжско-Камском крае, знаменитый впоследствии архипастырь русской церкви: в два года (1740—42) им было обращено 17362 человека в христианство при самом незначительном числе священников. Назначенный в 1742 г. на архиерейскую кафедру в Нижний-Новгород, Дмитрий Сеченов, в течение четырех только лет, крестил в тамошней епархии 30000 инородческих душ; но в действительности почти все крестившиеся инородцы были христианами только по имени.

Башкиры, как и другие инородцы, крестились или из-за материальных выгод, с которыми было соединено их крещение, или же из опасения преследования со стороны властей. Сенат между прочим постановил, чтобы холопы и крестьяне иноверных земледельцев, принявшие крещение, освобождались от крепостной зависимости, а если сами владельцы примут христианство, то снова получают своих холопов и крестьян. Кроме того, принявшие крещение инородцы освобождались на три года от всех поборов, которые разлагались на оставшихся в иноверии; всех крещенных велено оставить на прежних местах их жительства, а их односельцев, не желавших креститься, перевести в другие места; находившиеся под судом и в тюрьмах могли быть освобождены от всякого наказания, если бы пожелали креститься. Ввиду таких житейских выгод, инородцы крестились толпами, а нежелавшие креститься скрывались в лесах или других местах, чтобы не платить непосильных податей за своих крещеных однопородцев...

... Подстрекаемые муллами башкирцы, уже принявшие христианство, обращались иногда к своим начальникам с просьбой о дозволении снова возвратиться в магометанство. В большинстве случаев такие просьбы оставлялись безо всяких последствий, но иногда просителей подвергали наказанию, что только еще больше озлобило башкирцев. Не нравилось башкирцам и то, что в волости, вместо прежних волостных старост, велено было выбирать по два или по три человека старшин и не более как на год, и взыскивать с них всякое преступление и не исправку, а блюстителям магометанской веры—ахунам позволено быть на каждой дороге лишь по одному, с обязательством никого из другой веры в свой закон не приводить и не обрезать, мечетей и школ без указов не строить. Но число недовольных еще более увеличилось, когда в 1754 г. был издан указ, в силу которого башкирцы обязывались, взамен ясака, покупать соль из казны, тогда как раньше они пользовались даровой солью из соляных озер, в изобилии находящихся на их земле. Озлобленные башкирцы заявили, что соль покупать из казны они не желают, а будут брать ее, как раньше, „из казны господа бога нашего“.

В Уфу был командирован ген.-майор Алексей Тевкелев, который должен был уговорить башкирцев, чтобы они покупали соль из казны, угрожая им в противном случае силою: „За противные ваши слова и дела бороды ваши уже щипаны“,—говорил им Тевкелев, — „а далее в чем проговоритесь или в какую вину впадете, то и головы свои потеряете“. Башкирцы хотя и согласились покупать соль из казны, но тайно, в душе, еще более озлобились против русских. Взятки и своеволие чиновников все сильнее и сильнее раздражали башкирцев, а без посул нельзя было и начинать какое-либо дело: „которое можно было в один день окончить—месяц таскали; которое в месяц кончить было можно, ради взяток год продолжали, а пьяные командиры и людей саблями рубили и руки отрубали“. Чтобы избавиться от притеснений и довести о них до сведения государыни, башкирцы решились восстать.

„Нападки и утеснения, — говорили старики, — не от государыни, а от командиров и генералов чинятся. Видите вы, что сей диавол и зломышленный генерал (Неплюев), желая государыне прибыль чинить, в милость придти и великий чин себе получить, под командою своею находящихся всякими мерами отягощает, нескольких (к крещению) склонными пишет и по принуждению тамги прикладывать велит. О нашем народе он государыню в худое размышление приводит и своею глупостью на государыню злое имя налагает. Он воров правыми делает, правых — ворами, нежелающих — желающими, и так государыне доносит“.

Главою восстания недовольных и руководителем бунта на этот раз сделался мещерякский мулла Абдулла Мягзилдин, известный в народе под именем Батарши...

... Большая часть мятежников, видя невозможность сопротивляться одними своими силами, бросилась за Яик, имея в виду возвратиться оттуда, вместе с киргизцами, и обратить дело восстания в свою пользу. Не смотря на то, что Неплюев принял все меры предосторожности, дабы не допустить башкирцев к переходу за Яик, трудно было удержать всех башкирцев на протяжении слишком триста верст, и более 50000 башкирцев, считая в том числе жен и детей, успели уйти в Киргизскую степь. Сверх того, при переходах через Яик, не мало было побито их донскими казаками и некрещеными калмыками, которым была вверенна оборона линии. Чтобы усилить и поощрить их ревность, Неплюев приказал разделить имущество убитых башкирцев между бывшими в битве с ними казаками и калмыками. После этого башкирцы, вознамерившиеся бежать за Яик, видя к тому препятствие, стали возвращаться в дома и приносили повинную.

Прощая их, Неплюев не успокоился, „потому что сие было сделано от них“, замечает он, „по нужде, и что мне толикого войска содержать в губернии не всегда возможно, то посему обратил я мое внимание на искоренение этой надежды, которую башкирцы на киргизцев имели“. Таким образом мы видим, что Неплюев не хотел довольствоваться простым потушением мятежа, подобно своим предшественникам, сознавая, что дружба и соседство киргиз с башкирцами поведет правительство к новым затруднениям, а потому дальновидный начальник края решился так поссорить башкирцев с киргизцами, чтобы согласия между ними не могло возникнуть и в будущем, дабы через то навсегда лишить башкирцев возможности действовать против русских совместно с киргизцами. С этою целью он отправил в Киргизскую орду несколько человек из сентовских татар, снабдив их грамотами, в которых было сказано, что „ее императорское величество, примечая непоколебимую верность к себе киргизского народа, хотя некоторые из молодых людей, и то самая малая часть, поползнулись, будучи обмануты башкирцами, делать внутри границ набеги, но сих по их преступлению наказать предоставляет киргизскому хану, однако с тем, чтоб никто из них не лишен был жизни; прочих же того народа жалует ее величество женами, и дочерьми и имением перебежавших к ним башкирцев,

но с тем, чтоб мужчины отвезены в Россию или бы выгнаны были из их кочевья, за исполнение чего, сверх того, награждение получит каждый по мере своего в том услуги“...

... Открылось междоусобие. „Башкирцы, — говорит Неплюев, — мужа и сыны, увидев в своих защитниках и обнадеживателях такое над женами и их дочерьми насильство, принуждены нашлись защищать их с потерянением жизни, и сим способом погибло не мало башкирцев и киргизцев“.

Семя раздора, брошенное Неплюевым между башкирцами и киргизцами, пало, как оказалось, на плодотворную почву, и дело, предпринятое им для разъединения башкир и киргиз, приняло желаемый им исход...

... Неплюев, видя невозможность содержать в Оренбургском крае значительные военные команды, решился прибегнуть к тому средству, которое он употреблял для порождения взаимной вражды киргиз и башкирцев. Задумав этот план, он был убежден, что междоусобия и внутренний разлад среди башкир и киргизцев принесут не вред, а пользу для России, так как они лишили эти два народа возможности единства, чтобы сделаться более сильным и опасным врагом России, и действительно эта вражда между киргизами и башкирцами, посеянная Неплюевым, мешала им в последствии действовать за одно против неудержимо стремящейся русской колонизации вглубь средне-азиатских земель. Эта вражда, по нашему мнению, отчасти помогла русским пройти в Ташкент и Туркестан, овладеть Хивой и Ферганской областью. Башкиры после этого не отважились бунтовать одни; киргизы же, по причине ненависти к ним башкир, сделались менее опасными для русских.

... Обратимся к дальнейшему изложению башкирского бунта. Киргизы, отобрав жен и дочерей у башкирцев, бежавших к ним в аулы, должны были, в силу полученных от Неплюева грамот, выгнать самих мужей и отцов, вообще мужчин, из своих кочевьев, они так и поступили. Выгнанные из орды башкирцы, лишившись имущества, жен, сестер, матерей и дочерей, должны были ни с чем возвратиться на прежние места жительства. Между тем Неплюев дал приказ всем командам, расположенным по р. Яику, не препятствовать башкирцам в „перелазах“ на правый берег реки. Вскоре к Неплюеву явилось несколько башкирцев, возвратившихся из Киргизской орды, с просьбой о дозволении им переправиться через Яик, чтобы отомстить за обиды обманувшим их киргизам. Неплюев, стараясь еще более раздуть начавшуюся вражду двух народов, ответил, что он без особого на то указа императрицы не может позволить им ехать в улусы киргиз-кайсаков, а что довольно с них и той милости, что они за их возмущение остаются не наказанными, так как-де киргизский поступок с женами их и дочерьми довольно для них наказателен. В то же время, тайно от башкирцев, он велел сообщить им через переводчика, что генералу де ехать позволить нельзя, а буде вы поедете, и киргизцев разобьете, так надеемся, взыскивать на вас не будут.

Тогда же командирам пограничной с киргизскими степями

ливии дано было знать, что если башкирцы, вооруженные и без семейств будут переходить за Яик, то чтобы они их не останавливали, а вели бы себя так, как будто того не замечают. Башкирцы, разжигаемые ненавистью к оскорбителям чести их жен и дочерей, были рады воспользоваться советом толмачей Неплюева и стали собираться большими партиями, чтобы двинуться в аулы киргиз-кайсаков, которые, овладевши башкирскими красавицами, и не думали о том, что обессиленные и разоренные башкирцы решатся открыто напасть на них. Но беспечность и непредусмотрительность киргизцев скоро дали себя почувствовать; башкирцы со всею яростью и необузданностью бросились на киргизские аулы, захватили жен, детей и скот степных похитителей башкирок и жестоко отомстили им. Нурали-хан узнав о том, немедленно дал знать Неплюеву о происшедшем и требовал отпущения башкирцам, рассчитывая на вражду к ним русских за мятеж. Неплюев ответил хану, что „если бы они киргизцы, тех злодеев прежде не принимали, тоб и сего никогда произойти не могло и что, сколько им известно, весь башкирский народ только о том и мыслит, как погублять киргизцев, и если бы им не были удерживаемы, тоб киргизцы скоро увидели истину его слов“.

В и т е в с к и й т. 3, стр. 675—679, 681—686, 736—738, 848—850, 874—877.

ИЗ ВОЗЗВАНИЯ БАТЫРШИ

„Я Абдулла Мягзялдин, уповая на бога и милость пророка, вразумляю высшее повеление вам, в российском государстве живущим и от неверных россиян разными нападками и коварствами обидимым и пришедшим в изнеможение и в том пребывающим правоверным.., без всякой нужды им неверным и обидящим россиянам поддались и собственно друг на друга коварством, сварами и разорением им неверным россиянам в послушание подверглись и подняв их неверную руку к подкреплению веры их сами причиною сделались...“

Да нескротно же и то, что в сим краю от них неверных россиян от построения города Оренбурга, между нашим народом какие неистовства и разорения явились.., а детей мужского и женского полу в плен и в слуги брать подвергли, которые многих правоверных и распродали... и раздали и какой плод быть может в том народе, который между собой не имеет союза, и к одной гибели своей сам причиною, какой же покой и благоденствие тот народ получит...

Вы, други мои верные, чистую веру к богу имеющие, старайтесь, старайтесь, военных лошадей и оружие приготовляйте, сабли, копья, луки, стрелы припасайте, божию повелению повинуйтесь... оных неверных россиян разорять начнем, их земли сгубим, в их жилищах свои мечети и училища построим...

¹ Перевод с татарского, произведенный Оренбургской губернской канцелярией 15 сентября 1755 года. Приводим в переложении на современный язык.

Будьте ведомы, что они неверные россияне разными умыслами и лестью и многими подарками киргиз-кайсаков обманули и сына Абул-Хаира хана от них с некоторыми служителями в аманаты к себе в Оренбург взяли, в таком предприятии, чтоб через него всех их киргиз-кайсаков себе в подданство привести и потом день ото дня между ними вмещаться и, построив на землях их города и крепости, их изгнать и тем победу получить так, как они уфимского уезда народу учинили, тако же и ближние правоверные города, яко Ташкент, Бухарию и прочие разорить и над правоверными победу получить желают так, как они над болгарским нашим градом сделали и Оренбургу подчиненных наших правоверных, обременяя многими податями и делами, приведя в изнеможение (т. е. ослабляя — Р е д.) в свою веру привести хотят....

Ежели бы им была возможность, то бы они всех живущих в государстве их правоверных, наложив на них несносные тяжелые подати и приведя их в несостояние (т. е. в полное разорение. — Р е д.) в свою суетную веру силою привести, однако учинить столько силы у них не достает. Притом страх имеют и рассуждают, что из Уфимского уезда всех четырех дорог народ правоверный сообщась с киргиз-кайсаками могут восстать и свой правоверный меч подняв, их россиян разорить и к себе в помощь из прочих правоверных городов войска испросить. В прошлом году они неверные страх возоимели по той причине, что проводили они четырех дорог народа правоверного тайное между собою о выезде к разорению их неверных, советывание, и с киргиз-кайсаками согласие, и то, что через некоторых нечестивых старшин за невозможностью к отвращению (т. е. сопротивлению. — Р е д.) по прежнему своему обыкновению умышленно и лестно к успокоению их, старались единым только оплошных верных наших, обманом, т. е. с башкирцев и мещеряков сложением ясака и с некоторых товаров пошлины и речных перевозных денег. Всех четырех дорог народ то почел к себе за милость государеву и остался без движения.

Еще будьте ведомы, что оные неверные россияне хотят послать войска на киргиз-кайсаков и с ними нас, для разорения их за недачу ими ясака и за неподданство послать, чтобы по приведении их киргиз-кайсаков всех в подданство нас в середине их оставить и день ото дня нам притеснения чинить и с ними киргизцами поссоря, кровь пролить и впредь с ними, имеющими с нами мир и согласие и восстановя между нами с ними крамолу, надежду нашу и верность к ним имеющую уничтожить; и сие дело оные неверные вскоре учинили бы, только страх имеют оттого, что правоверные сообщась с ними киргиз-кайсаками могут вооружиться и на них россиян напасть, в рассуждении чего оные неверные и всегда пребывают.

Еще знайте, что киргиз-кайсаки с нами в одном слове и совете состоят, да от прочих правоверных им неверным россиянам в нынешнем времени боязнь и страх есть и так вы правоверные извольте надеяться, что если бог захочет, то мы от него помощь получим и правую веру нашу укрепим“.

ТОРГОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ СО СРЕДНЕЙ АЗИЕЙ

Овладев „вратами и ключем“ в Среднюю Азию, Неплюев завел торговые сношения с Хивой, Бухарой, Ташкентом и др. средне-азиатскими ханствами и городами. В Оренбурге и Троицкой крепости были устроены за городом меновые дворы, куда ежегодно приезжали для торга, кроме киргизов, узбеки, хивинцы, бухарцы, каракалпаки и др. азиатские народы, вывозившие много золота и серебра в рупиях (монета) и слитках. Неплюев, между прочим, замечает в своих записках: „С 1745 года знатный торг в Оренбурге возымел начало, так что я уже в состоянии был, вместо получаемых от начала той экспедиции ежегодно до 30000 р. из казны, содержать оную от доходов пошлины, а сверх того ввезено торгом в Россию 5000 р. серебра, а более того числа вошло, какое не было в объявке, и не мало золота, а пошлинный сбор доходил до 50 т. в год. Прежде меня от бывшей коммерции никогда трех тысяч в год не приходило“.

Это свидетельство Неплюева совершенно подтверждается многими официальными данными. В делах Московского архива Министерства Юстиции, между прочим, сохранилась ведомость, из которой видно, что разного рода сборы и подушные деньги, не достигавшие раньше и до шести тыс. в год, при Неплюеве считались сотнями тысяч. Взаимная вражда киргизского Нурали-хана и хивинского Каип-хана особенно мешала успехам караванной торговли России с Средней Азией, но Неплюев и в этих затруднительных обстоятельствах нашел исход. Узнав о взаимных переговорах Нурали-хана с зюнгорским владельцем Нямгалом, который хотел жениться на сестре Нурали, Неплюев не только расстроил эти планы, а даже поссорил киргизцев с зюнгорцами, вооружив их друг против друга, и Нурали-хан снова вынужден был сделаться орудием в руках Неплюева, для достижения намеченных им торгово-промышленных целей.

Киргизцы Средней орды, приезжая в Троицкую крепость, выменивали иногда русские товары на пленных калмыков и особенно подростков и калмыцких детей, захваченных ими в плен. Начиная с сентября 1756 г. по сентябрь 1757 г. было променено киргизцами русским купцам на разный товар 186 ч. калмыков, в том числе было 150 чел. муж. пола и 36 чел. женского пола. Но особенно бойко шла торговля на скот: с 1745-1759 г. одними киргизцами было променено более 800000 голов разного скота, что по тарифным ценам того времени стоило около 4 миллионов рублей.

Витевский, т. 3, из предисловия*

РАБСТВО В СРЕДНЕЙ АЗИИ И СИБИРИ

...Дозволено русским подданным свободных состояний покупать и выменивать киргизских детей, которые затем по достижении 25-л. возраста, делаются свободными. „Указом этим нанесен первый удар развитию в Сибири рабства или невольничества, ведущего

свое начало с первых времен покорения Сибири русскими, которые свыклись в России с кабалою и холопством, перенесли это с собою и в Сибирь",—говорит Усов в „Историч. очерке Зап. Сибири в царство имп. Александра II“ („Памятн. кн. Запад. Сиб.“)

„Сначала холопы набирались из военнопленных, а затем воеводы и в мирное время, разъезжая для сбора ясака по инородческим улусам, а также и казаки и стрельцы и разные служилые люди отнимали силою жен, детей и работников; особенно же развит был захват женского пола; некоторые из воевод находили для себя весьма выгодным составлять таким образом целые гаремы и из оных производить торговлю этим живым товаром. Вместе с сим и сами инородцы пускали в продажу своих жен и детей, иногда за ничтожную цену. Так, березовские казаки покупали семилетних девочек у остяков по 20 к., мальчиков по 25 к., на взрослых инородок цены колебались от 10 до 20 р.

В XVIII в. неоднократно посылались в Сибирь указы с воспрещением обращать инородцев в неволю, „чтобы сибирская земля не пустела“ и с предписанием возвратит пленных в их дома, но указы эти большею частию не исполнялись. При этом, еще для более прочного закрепления инородцев в рабство, их крестили в православную веру, а крещеных инородцев и само правительство считало несогласным с благочестием возвращать вновь в их язычную среду“.

Ирбитская ярмарка была центром для торга невольниками из киргизов и калмыков. Приобретенных захватом, покупкою и менсю инородцев чиновники, купцы, казаки и ямщики употребляли на разные работы. Некоторые же покупали в казне, у казаков или инородческих общин земельные участки и селили на них своих невольников. Таким путем явилось в Сибири немало помещиков-вотчинников не только из числа дворян, но и излодатного сословия, причем некоторым удавалось также приписывать к своим имениям, сверх поименованных рабов, также и бродяг и ссыльных, в виде крепостных“.

Окончательно рабство было уничтожено в Сибири в 1825 г. „Вместе с тем покончили свое существование и многие незаконными путями возникшие дворянские и недворянские недвижимые имущества и села, обращенные в государственное достояние“.

А л т а й. Историко-статистический сборник. Томск. 1899 г. стр. 12-13.

Массу киргизских рабов и невольников в XVIII столетии составляли люди, захваченные в плен во время многочисленных стычек одних племен с другими. Не мало и русских людей в XVIII столетии перебивало в плену у киргиз, но калмыки и башкиры, находившиеся в долгой и упорной борьбе с киргизами, доставляли наибольшее количество рабов. В 1757 году киргизы Средней орды во главе с султаном Аблаем и батырем Кошкарбаем вторгаются в Алтай и уводят массу пленных теленгутов (калмыков). Калмыки веледствие строгих мер русского правительства вздумали перекочевать в Китай, но из 300 тысяч их достигли Джунгарии не более половины, остальные были перебиты или

захвачены в плен киргизами... От избытка пленных развилась торговля невольниками — рабами. 5 сентября 1755 года на имя хана Нур-Али, султанов, старшин и всего киргиз-кайсацкого народа дана грамота, в которой им объявлялось, что им от высочайшего имени жалуются жены, дети, скот и все имущество беглых башкир.

Киргизы едва ли особенно нуждались в санкции существующего у них факта рабовладения, и киргизские рабовладельцы, высказывая свои претензии на тех или других лиц, как на своих рабов, никогда не ссылались в подтверждение своих прав на те или другие русские государственные акты, положившие начало или узаконившие рабство в степи. Наоборот, русские власти должны были выслушивать от киргизских рабовладельцев заявления и ссылки на древние киргизские обычаи, на давность пленения самих рабов или их предков и т. п.

Копия указа 1757 г. (9 января), найденного в делах бывшего Семипалатинского окружного начальника: „По рассуждению коллегии иностранных дел, привозимых киргиз-кайсаками в Ямышевскую и Семипалатинскую крепости, разных наций пленников всякого звания людям покупать или на товар обменивать, а по покупке крестить и обселять немедленно, в тех крепостях командирам допрашивать продавцов киргиз-кайсаков и давать тем людям, кто у них пленников купит, свидетельство, что оные пленники подлинно куплены, а не украдены и силою не взяты“...

Среди способов приобретения невольников первое место занимает захват и пленение калмыков. Природный киргиз также шел в невольники к другому богатому киргизу за неоплаченный долг. Киргиз также делался рабом султана другого рода, являясь искупительной жертвой за воровство и грабеж скота (баранту), произведенного обществом, к которому он принадлежал.

Какое же применение делали из рабов киргизские рабовладельцы? Рабы прежде всего были даровыми и неприхотливыми работниками своего владельца. Они пасли и оберегали огромные стада баранов и лошадей, устраивали баранту, дрались за своего хозяина.

Введение в устав „Об управлении сибирскими киргизами“ 1822 г. выражения „невольник“ — означало киргизских рабов, на всю жизнь прикрепленных вместе со своим потомством к хозяину. Такие невольники по киргизски называются „кул“, а невольница — „кун“; слова эти ближе всего передаются по русски: раб и рабыня.

Вскоре по устройству округов и открытии приказов русской администрации пришлось встретиться с непредвиденным явлением киргизской жизни — теленгутами, положение которых уставом 1822 г. было совершенно не предусмотрено. В положении указаны: султаны, народ и невольники, но не указаны теленгуты; теленгуты же не были невольниками. В списке невольников по Аягузскому округу указано, что сами теленгуты приобретали себе

V

**КАЗАХСКИЕ ВОССТАНИЯ ПРОТИВ
ЦАРИЗМА В XVIII ВЕКЕ**

В предыдущих главах читатель ознакомился с основами царской колониальной политики. Ясно, что на подобную грабительскую политику казахские народные массы не могли не отвечать, не могли не сопротивляться ей. Эти выступления казахских народных масс в условиях господства феодально-крепостных порядков в России и феодально-патриархального угнетения среди казахов, могли принимать формы только стихийных крестьянских восстаний.

Таково было участие казахов в Пугачевском восстании, таково же восстание, известное под названием восстания батыря Сырыма (Сырыма Датова). Эти народные восстания использовались феодальной аристократией (султаны) и феодально-родовой верхушкой (батыри, бии, аксакалы) в своих классовых интересах. „Вожди“ выступавших масс нередко изменяли народу, пытались за его спиной договориться с царизмом и с ханами. Этой стороны дела не следует упускать из виду.

Для нас эти движения представляют интерес со стороны выявления стихийного протеста масс против угнетателей, против эксплуататоров. Но мы в то же время при оценке роли тех или иных руководителей восстания не упускаем из виду того обстоятельства, что многие из них принадлежали к эксплуататорской верхушке. Этим объясняется их роль в движении. Ход и результаты этих восстаний наглядно и убедительно показывают, что восстания угнетенных колониальных народов против поработителей будут иметь успех лишь при руководстве крестьянскими восстаниями революционным пролетариатом передовых стран. Не видеть этих сторон вопроса в крестьянских восстаниях эпохи позднего феодализма, значит впасть в ошибку, становиться на антимарксистские, антиленинские позиции.

„Просвещенные“ и „ученые“ деятели царской эпохи рассматривали казахские восстания, как борьбу против „культуры“ и „цивилизации“, которые якобы несло царское завоевание. С другой стороны, казахские националисты расценивали руководителей этих восстаний как народных героев, народных вождей, идеализировали сами эти восстания в целом, давая им неверную националистическую оценку.

Нам кажется, что к казахским восстаниям XVIII века, также, как к позднейшим (первой половины XIX века) можно полностью применить анализ, данный тов. Сталиным в вопросе о крестьянских восстаниях в России (см. беседу с немецким писателем Эмилем Людвигом, „Большевик“, № 8 от 30 апреля 1932 г., стр. 27).

„Мы, большевики, всегда интересовались такими историческими личностями, как Болотников, Разин, Пугачев и др. Мы видели в выступлениях этих людей отражение стихийного возмуще-

ния угнетенных классов, стихийного восстания крестьянства против феодального гнета. Для нас всегда представляло интерес изучение истории первых попыток подобных восстаний крестьянства. Но, конечно, какую-нибудь аналогию с большевиками тут нельзя проводить. Отдельные крестьянские восстания даже в том случае, если они не являются такими разбойными и неорганизованными, как у Стеньки Разина, ни к чему серьезному привести не могут. Крестьянские восстания могут приводить к успеху только в том случае, если они сочетаются с рабочими восстаниями, и если рабочие руководят крестьянскими восстаниями. Только комбинированное восстание во главе с рабочим классом может привести к цели. Кроме того, говоря о Разине и Пугачеве, никогда не надо забывать, что они были царистами; они выступали против помещиков, но за „хорошего царя“. Ведь таков был их лозунг. Как видите, аналогия с большевиками никак не подходит“.

Участие казахов в Пугачевском восстании и восстание Сырыма-батыря носит характер стихийного крестьянского протеста против гнета царизма. Но руководители восстания были не только „царистами“; в первом случае сами принадлежали к казахским султанам, а во втором случае к казахской феодально-родовой верхушке. Поэтому в их действиях сказывается непоследовательность, имеются попытки сговориться с царизмом. Они за „хорошего хана, они „верноподданные царя“. Масса же выражала стихийный протест против царизма, против „белой кости“ — ханов и султанов, против двойного гнета. Особенно отчетливо выражена эта борьба масс против царизма и своих угнетателей — ханов и султанов в восстании Сырыма-батыря.

Казахские восстания XVIII века изучены весьма недостаточно. Приводим отрывки из работ покойного краеведа А. Ф. Рязанова, много работавшего в оренбургском архиве. Его статьи, появившиеся в журнале „Советская Киргизия“, представляют собой сырой фактический материал. В оценке движений А. Ф. Рязанов идеализирует роль руководителей восстаний, возводя их в степень „народных вождей“, превращая само движение в „национально-революционное“ движение и в борьбу за национальную независимость. Это точка зрения буржуазного национализма. В приводимых отрывках нами взята фактическая сторона хода восстаний.

ПУГАЧЕВСКОЕ ВОССТАНИЕ И КАЗАХСКИЙ НАРОД

...Предлагаемые нами очерки содержат описание дел о крестьянах Уральских заводов, башкирах, казахах, и т. д. Здесь же впервые, насколько нам известно, мы предлагаем очерк о влиянии Пугачевского восстания на внутренние отношения Киргиз-Кайсацкой Малой орды, составленный нами по делам Оренбургской Экспедиции Пограничных дел за 1775 г. и 1776 г., из которых мы приводим подлинные письма хана и султанов, воззвания Рейнсдорпа, воззвания султана Сеидалия к башкирскому народу, никогда еще не появлявшиеся в печати.

В 1766 г. и 1767 г. в Уральском войске вспыхнули мятежи, но были жестоко подавлены. Казаки попробовали добиться правды у „самой царицы“, для чего тайно отправили свое посоль-

ство в Петербург. Президент военной коллегии граф Чернышев приказал схватить казачьих делегатов и наказать их, как бунтовщиков.

Между тем правительство отправило несколько сот Яицких казаков в Кизляр. Ходили слухи, что из казаков будут формировать гусарские эскадроны и будут им брить бороды.

В 1771 г. в войске снова вспыхнул бунт. Против казаков выступил с отрядом генерал Траубенберг. Казаки разбили правительственные войска и овладели пушками. Генерал был убит; войсковой атаман Тамбовцев повешен. Войско выставило во все стороны заставы и приготовилось к защите.

Для усмирения их из Оренбурга был отправлен сильный отряд под командой генерала Фреймана. Казаки вышли к нему навстречу. После жарких боев они были разбиты. В войске начался сыск и жестокие казни.

А. Рязанов. „Пугачевское восстание 1773-1774 г.г.“ Жур. „Советская Киргизия“, № 1, 1925 г. стр. 64-65,

...Пугачев засылал в орду свои письма, именуя себя императором Петром III; он предлагал хану Малой орды Нурали присоединиться к нему, требовал к себе в заложники ханского сына и вспомогательного войска 100 человек. С своей стороны Пугачев обещал хану подарить киргизам во владение яицких казачьих жен и детей.

Одно из писем Пугачева, написанное на татарском языке, хан переслал Оренбургскому губернатору генералу Рейнсдорпу:

„Мы, люди живущие в степях,— писал хан Нурали губернатору,— не знаем, кто сей, разъезжающий на берегу: обманщик или настоящий государь: посланный от нас воротился, объявив, что того разведать не мог, а что борода у того человека русая“.

Хитрый ординец, оценив положение русского пограничного начальства, предъявил генералу Рейнсдорпу ряд требований о возвращении аманатов, отогнанного скота и выдачи бежавших из орды невольников. Во избежание возможных осложнений, генерал Рейнсдорп поспешил удовлетворить предъявленные ханом требования.

Рейнсдорп при этом писал хану Нурали, что император Петр III умер, что он видел его в гробу и целовал его мертвую руку. Он увещевал хана, в случае побега самозванца в киргизские степи, выдать его правительству, обещая за это милость императрицы.

Хан Нурали, вооружив большие толпы подвластных ему киргиз, прикочевал по близости к русской границе и выставил свои караулы, ожидая исхода событий, происходящих на русской окраине.

Между тем в настроении киргиз наблюдались весьма тревожные симптомы: они оказывали пограничному начальству некоторые признаки неповиновения. Так султан Айчувак, получив приказ Оренбургского губернатора прибыть с вспомогательным войском к Оренбургу, приказа не исполнил и даже не удостоил генерала Рейнсдорпа ответом.

Впоследствии в переписке с председателем Оренбургской экспедиции пограничных дел хан Нурали писал следующее:

„В бытность от государственного злодея и вора Пугачева возмущены уральские казаки, бывшие на форпостах, походных атаманов умертвили и, прилепясь к злодею, делали немалые пакости; и тогда бывший в Уральском городе комендант Симонов с письмом к нему (хану) присылал татарина Кучуя, извещая, что все уральские казаки сообщались с означенным Пугачевым и так бы и он, хан, прилепившись к нему, шел русских калмык рубить. Но он (хан) внушал киргизам, что тот Пугачев обманщик и чтоб они не утверждали его и не подвергали себя гибели“.

Однако „вооруженный нейтралитет“, занятый ханом Нурали по отношению к событиям, происходящим на правом берегу Урала, продолжался недолго.

Лишь только Пугачев разгромил русские укрепления по р. Уралу, и уничтожил их гарнизоны, для киргизской вольницы открылся полный простор для вторжения в русские и башкирские поселения.

Киргизы вспомнили старые обиды, нанесенные им казаками и башкирами, карательные экспедиции русских войск, угон скота, разорение аулов и баранту. Скоро киргизы под предводительством своих батырей ринулись на правый берег Урала.

Набеги киргиз-кайсаков в 1773—1774 г. г. отличались особенной отвагой, они доходили до Новоузенского и даже Казанского уездов и достигали берегов р. Волги. В своем донесении в Государственную Коллегию Иностранных Дел от 15 ноября 1775 г. генерал Рейнсдорп пишет следующее:

„А как по возмущению известного государственного злодея и самозванца Пугачева весь обитающий здешней губернией Российский и иноверческий народ поколеблен, тогда и они, киргиз-кайсаки, узнав отнятые внутренними изменниками к воздержанию их воровских нападений способы, паки пустились на такое злодейство, что многие линейные крепости, государственные и помещичьи селения разорили, при чем не только скотом, но и увозами Российских людей трех тысяч человек воспользовались. И хотя к утешению неустройства разными труднейшими случаями до трех сот возвращено, прочие и по ныне в ордах их киргизских, другие будучи проданы в Бухарию и Хиву в порабощении находятся, о выручении коих оставшиеся здесь отцы и родственники всегда с неусыпным плачем приходят“.

После ликвидации Пугачевского восстания русское правительство предъявило хану длинный счет убытков, причиненных киргизскими набегами и потребовало их возмещения. Генерал Рейнсдорп „сильным образом“ требовал от хана Нурали и султанов выдачи плененных киргизами русских людей и возврата отогнанного ими скота. Но ни хан Нурали, ни султаны не располагали в орде фактической властью, которая могла бы вынудить киргиз-кайсацкие роды к выполнению требования русского правительства.

„Сей грубый и непостоянный народ,— доносит генерал Рейнсдорп:— не взирая на ханское и братьев его увещевания, не помышляя обратиться к спокойствию и возвращению Российских пленных, а расширяют злодейство свое и воровство до самой р. Волги“.

Хан Нурали, „видя усилившееся их плутовство и удачу“, в январе 1775 г. обратился к генералу Рейнсдорпу с просьбой сделать над киргизскими улусами воинский поиск.

А. Рязанов: Пугачевское восстание и хан Малой орды — Нурали, „Советская Киргизия“, 1924, № 8 — 9 стр. 153-5.

ОТГОЛОСКИ ПУГАЧЕВСКОГО ВОССТАНИЯ СРЕДИ КАЗАХОВ

Киргиз-кайсацкая орда не оставалась безучастной к событиям 1773—1774 гг., хотя хан Нурали с подвластными ему улусами и не примкнул к Пугачеву. Не вмешиваясь в борьбу с ним русского правительства, он занял выжидательное положение.

Между тем восстание быстро разрасталось. Успехи Пугачева приобрели ему приверженцев и в орде. Управляющий киргизами Табынского и Таминского родов — султан Дусали Эралиев, племянник хана Нурали, признал Пугачева за нового государя и отдал ему в аманаты своего сына Сеидалия.

Осенью 1774 г. восстание было подавлено, но Оренбургская линия была в жалком состоянии. Все крепости, находящиеся между г. Оренбургом и Орском, за исключением кр. Верхне-Озерной, сожжены. Гарнизоны уцелевших крепостей были крайне малочисленны.

По Оренбургской линии, от Верхнеуральска до Оренбурга, на протяжении 66 верст, войска находились только в крепостях Верхнеуральской, Кизильской, Орской, Верхне-Озерской и Красногорской. В кр. Кизильской стояло, например, всего 50 донских казаков, в Красногорской — 60 чел. гусар и 40 оренбургских казаков. Пользуясь этим обстоятельством, киргизы продолжали свои набеги на внутреннюю линию. В течение 1774 г. они увели около 2000 чел. в неволю.

Хан Нурали и султан Айчувак, не будучи в состоянии сдерживать киргиз-кайсаков от „воровских“ набегов обратились с просьбой к оренбургскому губернатору генералу Рейнсдорпу, послать в степь воинские отряды, чтоб сделать поиск в улусах киргиз-кайсаков и разгромить их „хищнические гнезда“.

В феврале месяце 1775 г., Рейнсдорп приказал послать в киргизские улусы отряды для наказания киргиз за „воровство“. Два отряда казаков и драгун под командой Мансурова и Голуба, усиленные 500 башкир, вторглись в степь со стороны г. Уральск и г. Гурьева; они напали на зимовки киргиз, кочующих вблизи линии, и учинили „столь храбрый достохвальный поиск, что без всякого урону нескольких русских людей из варварских рук выручено, да и сей ветренный народ в такой страх привели, что и поныне они чувствуют“.

Карательная экспедиция русских отрядов в степь была неожиданна и произвела на киргиз потрясающее впечатление. Киргизы были терроризованы; они начали было выдавать из плена захваченных в годы пугачевского восстания русских и башкир.

Летом 1775 г. регулярные части войск по приказанию вице-президента военной коллегии графа Потемкина были сняты с

Оренбургской линии и уведены в Россию. Защита пограничной линии была возложена на слабые силы иррегулярных войск — казаков и башкир. Киргизы, осведомившись о том, что регулярные части сняты с линии, бросились мстить башкирам за февральский набег на киргизские улусы и за „измену новому государю“.

Бывший аманат Пугачева — султан Сеидали Дусталиев, Тутай — батырь, Кадырь — батырь, Нурабай — батырь, собрав до 400 киргиз Чиклинского, Чумекейского и Байбактинского, Табынского и Джагалбейдинского родов, двинулись на внутреннюю сторону.

Переправившись через р. Урал, ниже кр. Верхнеозерной, 8-го ноября 1775 г. киргизы напали на две маленьких башкирских деревушки, сожгли их, захватили скот, имущество, 33 чел. башкир и скрылись в степь, где приступили к допросу пленников, стараясь выпытать, где находится „новый государь“ (т. е. Пугачев).

Не добившись от башкир все же никаких сведений о новом государе, султан Сеидали вручил старшине Исямгулову два письма, написанные по-татарски бывшим при нем муллою, послал его обратно в Башкирию, чтобы тот объявил там башкирским людям и их начальникам.

Исямгулов с письмами султана Сейдали прибыл в деревню Канчурину, откуда был доставлен в кр. Верхнеозерную к бригадному генералу Корфу. Корф, по допросе Исямгулова, представил эти письма в г. Оренбург ген. Рейнсдорпу. Приводим здесь перевод писем:

„Если бы Сан был добр, то между вашими и нашими улусами сообщение было; ибо хотя с Россиею у киргизцев от времени Абулхайра хана и было мирно, однако с прибытием нового государя, с генералом (Рейнсдорпом) находимся раздоре, а с теми, кои к государю преклонны, мирными. При чем детям мусульманским бесчестие одно быть может: от враждующих на нас русских никакого предосуждения мы не имели, только от преклонных государю башкирцев великое разорение претерпели, которые сею весною отовсюду как людей, так и лошадей и верблюдов много взяли, девок и женок да служанок погубили не мало.

Да от враждующих на нас россиян, при настоящем их спокойном пребывании, придерживающимся государя, вам и нам добра быть не может. А лучше, ежели бы мы обе стороны, будучи мусульмане, утвердись между собою согласием и миром, и пойти совокупя до прибытия нового государя на Россию воевати.

С самого основания наша такого башкирского разорения слышать вам случалось ли? Мы не могли вытерпеть вашего поступка. Один улус забрали. Если бы самым делом захотели забирать, то бы половину орды (башкирской) сокрушили. Только мы по воупованию нового государя находимся и повеления его нарушать не хотим. А вы, видно, от государя отчаялись? Сей наш поступок советуем вам оставить. Если же не оставите, то в середине улусов ваших увидите готовьтесь. Буде господь бог великого государя принесет, то каждого преступления ему представить

имеем; и преступление чье есть, то во первых бог, а за тем государь рассмолрит. Ежели вы склонны будете, то с нами сношения имейте и помощью займстуйте.

Буде же вопреки сего поступите, то на нас не пеняйте. Если же у вас худые мнения будут и вы в неверность обратитесь, то однако ж мы правоверия держаться не оставим. Если же вы от чаемой беды убегнуть желаете, то пребывание ваше учредите по Орь реке, где по состоянию общему списываться можете, если вы на сие согласны будете.

В заключение сего письма Сеидали султан Дугалиев сын собственноручно печать приложил, какова с изображением имени его отца. Дусали султана чернильная приложена“.

Набег султана Сеидалия и его „возмутительное“ послание к башкирам сильно встревожили администрацию края. Отец Сеидалия султан Дусали, племянник хана Малой орды Нурали, управлял сильными Табынским и Таминским родами. Соединение киргиз-кайсаков с башкирами для совместных действий против России могло иметь весьма опасные последствия.

Донося о действиях султана Дусали и его сына Сеидалия в коллегию иностранных дел, генерал Рейнсдорп пишет, что султан Дусали „в бывшее замешательство приобщился к Пугачеву, отдал к нему в аманаты своего сына Сеидалия и несколько киргиз, и служил Пугачеву со всею преданностью до самого истребления сего злодея“. А как скоро тот злодей с его толпами сокрушен, то он, Дусали, писал о своих худых поступках и просил о исходатайствовании ему в том всемилостивейшего прощения и прежнего содержания. Я, получа то письмо, уважая легкомысленное состояние сего народа, не оставил в надлежащих терминах представить по зависимости начальства, командовавшему здешнюю губернией генерал-аншефу графу Панину, от коего представлено е. и. в.; на что 12 августа настоящего 1775 г. е. и. в. своим указом всемилостивейше указать соизволила, содержать его, Дусали султана, по-прежнему и довольствоваться по обыкновению жалованием. Сие монаршее соизволение, ему, Дусалию, пристойным образом объявлено было. И хотя он, Дусали, получа сие всемилостивейшее прощение и успокоясь было, но между тем, не оказав никакой здешней стороне пользы, забыв то матернее е. и. в. милосердие, паки отважился ныне пуститься на злодейство, как сам и дети его имеют влечение к тому злодею самозванцу.“

Ген. Рейнсдорп сделал распоряжение в спешном порядке разведать, кто этот башкирец Сан, которому было адресовано послание Сеидалия и каковы настроения у башкир.

Для разведывания в Башкирию, в Уфимскую провинцию, был командирован переводчик губернской канцелярии Бекчурин, которому было поручено: 1) отыскать старшину Сана, на имя которого было адресовано послание Сеидалия; если он будет найден, схватить его и доставить в Оренбург под надежным конвоем; 2) разведать, „в каких мыслях они, башкиры, находятся и не имеют ли иногда согласия и преклонности в сообществе ворами-киргизам“.

В январе 1776 г. Бекчурин донес из Уфы, что среди башкир Ногайской дороги старшины Сана не оказалось, а что „башкирский народ по-прежнему пребывает в должной тишине“.

Между тем в башкирских деревнях был пойман „иноверец“ Уширов, участвовавший в толпе султана Сеидалия при набеге его на башкирские деревни. Уширов, как оказалось, происходил из пленных джунгар; он попал в плен к киргизам в малых летах и находился в работниках у киргиза Дертикаринского рода Буталова. Собираясь в набег с султаном Сеидалием, хозяин взял его с собою. При нападении киргиз на башкирские деревни, у них с башкирами произошла стычка, во время которой Уширов от киргиз бежал. Чтоб получить свободу, он изъявил желание принять христианство и поселиться среди калмыков. Уширов показал, что „киргиз-кайсаки к нападению на здешнюю сторону побуждаются появившимся в улусах султана Дусали „святым невидимкой“, который уверяет киргиз, что до тех пор, пока он будет находиться среди них, ничего им вредного последовать не может“. Киргизы, поверив „святому“, предприняли ряд набегов на русские границы...

...Затем ген. Рейнсдорп отправил письмо Дусали, в котором пишет: „Заблуждение султана с народом поставляется весьма удивительным, потому наипаче, что он человек особого и преимущественного против других роду и состояния, однако впадает в такое суеверие, которое и малого вероятия не достойно, а видно выдуманно от коварных и ненавистных спокойствия людей“.

„Что касается поступка султана Сеидалия, — пишет Рейнсдорп, — то буде султан Сеидали в здешние руки попадет, то по государственным законам не токмо жестоко за то наказан, но и в ссылку на каторгу сослан будет.“

В обоих посланиях ген. Рейнсдорп совершенно умалчивает о прокламации султана Сеидалия, говорящей о приверженности киргиз к Пугачеву, чтоб не придать в глазах орды набегам мятежного султана на башкирские деревни политической окраски. Имя Пугачева старательно затушевывается. Действия Дусали и Сеидалия рассматриваются под знаком обычной киргизской баранты.

В письме от 14 марта 1775 г. хан Нурали обрушился на ген. Рейнсдорпа рядом упреков за то, что генерал пренебрегает его советами и тем лишает его возможности успокоить орду...

...Хан требует, чтоб губернатор отправил воинский отряд и башкир на р. Хобду и Илек и разорил там улусы „оказывающих злодейства“ киргизов Табынского и Таминского родов и „их начальника Дусали султана...“

...Характеризуя деятельность хана Нурали в письмах к ген. Рейнсдорпу, султан Дусали пишет, что хан является виновником разграбления в степи торговых караванов. Известного грабителя караванов старшину Кудаиса хан сделал „знатным человеком“.

Далее султан Дусали пишет: „Сеидалий пришел ко мне, в его продерзостях принес раскаяние, пал в ноги и приговаривал: хотя де он всемилостивейшей государыне служить ныне и будет, токмо де уж прежние его службы остались затменными.“

Емельян Пугачев (к главе V).

При этом Сеидали по обычаю дал такой клятвенный пароль, что он, ежели впредь когда либо к таковым вора́м приобщится, то не только к ссылке, но и в преисподней быть себя подвергает“.

Если впредь Сеидали не исправится, то Дусали „извергнет его из сыновнего звания и, совокупясь с здешней стороной, в вечное мучение предать его не оставит“.

В знак своей преданности Екатерине II, султан Дусали прислал из орды 5 русских пленных. Однако впоследствии выяснилось, что этих пленных вырчил султан Айчувак, но когда везли их в Оренбург, Дусали перехватил их на дороге и, подменив письмо Айчувака своим, представил их Рейнсдорпу от своего имени.

Чтобы заслужить доверие правительства, султан Дусали признает, что действительно „вверх по Илеку в киргизских улусах проявился неведомо какой человек, коего называют святым, а имя ему Куктемир, который научает киргизцев к нападению на башкир, в рассуждении чего предлагает, чтоб как в России, так и в Башкирии были приняты меры предосторожности“.

Донося о настроении киргиз-кайсаков, Дусали султан пишет, что „Табынского рода „вор“ Калбай, Таминского — Кадырь, Садыр Джамбулат, да Джагалбайлинского рода старшина Ялбарис в трех стах человек выехали для злодейства“. Джугалбайлинского рода „вор“ Тутай выехал к верховьям трех речек Кизил, почему рекомендует „в крепостях взять предосторожность, и тех киргизцев ловить и побивать“

„Если же, — заканчивает султан Дусали, — Семиродский народ высланными войсками искоренен и улусы их разорены не будут, то он, султан, останется совсем в оскорблении“.

В конечном выводе совершенно ясно обрисовалась вражда хана Нурали и султана Дусали. Хан Нурали требует истребить воинскими отрядами улусы табынцев и таминцев, которыми управляет султан Дусали. Султан требует уничтожить улусы приверженцев хана — семиродцев.

А. Рязанов. Отголоски Пугачевского восстания в Киргиз-Кайсацкой Малой орде. „Советская Киргизия“, 1925 г., стр. 88—99.

БАТЫРЬ СЫРЫМ ДАТОВ

...После хана Абул-Хаира в 1748 году, русское правительство из благодарности к этому хану за то, что он привел в подданство России Казах-Киргизскую орду, решило закрепить ханское звание навсегда, за султанами его рода. Преемником хана Абул-Хаира был избран его сын султан Нурали. Это избрание было сделано при поддержке русского правительства с нарушением наследственных прав старшего в роде султана Бул-Хаира, брата умершего хана.

При поддержке русского правительства Нурали-хан устранил других претендентов на ханское звание и утвердился ханом Малой орды. Он находился у власти в течение почти сорока лет, с 1748 по 1786 год. Имея много врагов в орде, Нурали хан не

мог вести самостоятельную политику, подобно своим предкам. Он постоянно опасался потери своей власти и поэтому, естественно, искал опоры в русском правительстве...

...Пугачёвское восстание в 1773—1774 гг. не прошло бесследно для жизни казах-киргизской орды и вызвало в ней глубокие потрясения. Часть киргизских родов, а именно Таминский и Табынский роды, во главе с султаном Дусалием, признали „нового государя“ и перешли на сторону Пугачева; Нурали хан с семиродцами остался верен русскому правительству, и на этой почве между ханом и султаном произошли междоусобия, которые впоследствии привели ханскую власть к тяжелому кризису.

Многие киргизские старшины, баи и батыри, будучи недовольны властью хана Нурали и его султанов, вели в орде сильную агитацию против этого хана. Чтобы дискредитировать ханскую власть в глазах русского правительства, они несколько раз разгромляли улусы самого хана и заставляли его спасаться в пределах русских границ...

...Батырь Сырым-Датов происходил из Байбактинского рода. Он состоял в родстве с семейством Нурали-хана и первое время пользовался его покровительством. Это была выдающаяся и талантливая личность, имеющая огромное влияние на массу казах-киргизского народа. Левшин характеризует его так: „Он был человек с диким, беспокойным, мстительным, но сильным характером и с редкой предприимчивостью“.

В начале своей общественной карьеры Сырым Батырь поддерживал ханскую власть. По крайней мере во время борьбы хана Нурали с султаном Дусалием (приверженцем Пугачева) Сырым выступал на стороне хана. В письмах Нурали-хана за 1775—76 гг., адресованных оренбургскому губернатору, мы читаем, что хан Нурали „во все подведомственные улусы послал славного в народе Сырым-Батыря для увещевания киргиз и отращения их от дурных поступков“.

Таким образом Нурали-хан пользуется популярностью „славного в народе“ Батыря-Сырым для умиротворения орды.

„Прошу сына моего Ишим-султана, — пишет Нурали в 1776 году, — который мне всегда в совете товарищем находится, для доставления ему благополучия рекомендовать его ко двору е. в. Также и во всех делах моих старателя известного Сырым-Батыря милостью своей не оставить, который мне в повседашнее время усердно старался во всех делах помочь“. В заключение этого письма ходатайствовал перед губернатором за содержащихся в Оренбурге братьев Сырым-Батыря, которых просил отпустить в орду, потому, „что Сырым-Батырь в советах и во всех его ханских делах сильным образом усердствует“. Байбактинский род, во главе которого стоит Сырым-Батырь, по отзыву хана, находится в полном спокойствии и послушании. Таковы отзывы хана Нурали о Сырым-Батыре и его деятельности в период волнений, вызванных во время восстания Пугачева.

В промежуток времени с 1776 по 1783 год в делах „Пограничной Комиссии“ никаких сведений о деятельности Сырым-Батыря не имеется.

Сырым-Батырь выступает на арену общественной деятельности в 1783 году.

30 января 1783 г. хан Нурали доносит, что к нему чрезвычайно враждебно относится уральский казак Чеганов, который, собрав казаков „сверху и снизу“, около Тупинской крепости, напал на близкочужих киргиз.

Нурали-хан и султан Айчувак вынуждены были откочевать со своими улусами к озеру Каракуль, откуда два раза отбили нападения казаков, покушавшихся ограбить их улусы. Против казаков сражался Сырым-Батырь, который схватил казака Чаганова в плен и продал его в Хиву.

В свою очередь Сырым-Батырь был схвачен уральскими казаками близ Тополинского форпоста и был заключен под стражу в г. Уральске. Это произошло в декабре 1783 года. Сырым-Батырь содержался в Уральске до апреля 1784 г., до тех пор, пока хан Нурали не выкупил его из плена, заплатив 70 лошадей и 350 р. деньгами уральскому войску, которое употребило эту сумму на выкуп казака Чаганова из хивинского плена.

...26-го ноября того же года султан Айчувак доносит, что „вор Сырым-Батырь к нападению на здешние места многолюдною толпою собирается на р. Сагыз“.

Ввиду таких сведений, полученных из степи, оренбургское начальство принимает ряд мер к укреплению форпостов. Из г. Уральска в низовые форпосты было отправлено 900 казаков.

Сведения, доставленные султаном Айчуваком, были вскоре подтверждены ханом Нурали, который доносил, что Сырым-Батырь и табынец Барак Тлянчи собрали до 1000 киргиз на реке Сагызе для нападения на русскую сторону, ввиду чего хан перекочевал со своими улусами к р. Уралу.

В марте месяце 1785 г. казах-киргизы под предводительством табынского рода Тлянчи-Батыря, в числе двухсот человек, напали на русские хутора около Рубежинского форпоста и отогнали весь скот и десять человек русских захватили в плен. В происшедшей схватке с подоспевшими казаками 19 киргиз было убито, но киргизы успели уйти в степь с огромной добычей. Казаки погнались за ними в степь и успели отбить часть скота, но за полным истощением лошадей вернулись обратно. Киргизы успели отогнать 1445 лошадей, 757 гол. рогатого скота и разного имущества на четыреста шестьдесят рублей.

Эти события, начинавшие принимать серьезный характер, убедили русское правительство в том, что в Казах-Киргизской орде начались какие то крупные волнения. Наконец Нурали-хан донес следующее: „Известный плут Сырым-Батырь из своей злобы к хану в народе сделал возмущение и, приобща подобных себе глушцов, взвел намерение, чтобы производить при границах шалости, о чем от его хана тогда же сюда донесено было с тем, что унять ему, хану, или как невозможно и требовано, чтобы ради усмирения их, в те места, где они, плуты, пребывание имеют, послать войско“.

Ввиду серьезных волнений, обнаружившихся в Киргизской степи, пограничные русские крепости стали перед угрозой кир-

гизских нападений. Пограничное начальство испросило разрешение правительства послать в киргизские степи воинские отряды, чтобы наказать киргиз-казаков за их „продерзость“. В январе месяце 1785 г. председатель Военной Коллегии князь Потемкин дал разрешение послать в степь корпус регулярных войск для наказания киргиз. Хан Нурали ходатайствовал о скорейшей посылке в степь русских отрядов.

„Исполняя издревле учиненную присягу из усердия моего,— писал хан:—в минувшем январе доносил я, что воры Сырым-Батырь и Дусали султан и сын его Сеидали, подговоря себе подобных плутов на стоящие селения нападения сделали...почему отправлением войска умедлилась? Ибо они плуты сильною рукою, от того отвращены не будет, то других средств к удержанию их нет“.

...По распоряжению оренбургского обер-коменданта, в Оренбурге был сформирован корпус генерал-майора Смирнова, в состав которого вошли 37 оренбургских казаков и 2432 башкир при двух орудиях. 17-го февраля 1785 г. корпус Смирнова выступил в степь по направлению к верховьям р. Илека. 3 марта отряд поднялся вверх по Илеку на 80 верст и нигде не встретил киргиз. В степи начались сильные снеговые бураны. Войска Смирнова потеряли массу лошадей и вынуждены были повернуть обратно. 25 марта он с большими лишениями добрался до ст. Ильинской. Трофеями этой экспедиции в степь были 66 киргиз, захваченных в ближайших мирных аулах, из числа которых были 43 женщины и дети, и только 13 человек взрослых мужчин и стариков. Башкиры разоряли мирные аулы киргизов, о чем доносил генерал Смирнов говоря, что „никак их от грабежа удержать не мог“.

Одновременно с посылкой в степь корпуса Смирнова, из Уральска был выслан отряд в 1250 казаков, под командой войскового старшины Колпакова, при двух орудиях. Выступив 16 февраля через нижне-уральские форпосты, отряд Колпакова направился к устью Эмбы, имея задание разгромить „гнездо“ Сырым-Батыря. Прибыв к месту назначения, Колпаков не встретил там киргиз, они откочевали далеко за р. Эмбу, куда путь был весьма труден, т. к. не было ни воды, ни снега, ни кормов.

Между тем получились сведения, что казах-киргизы Байбактинского, Ктайского, Чектинского, Табынского, Чертыжского, Тазларского родов составили большие вооруженные отряды с целью встретить и отразить русский отряд. Под предводительством Сырым-Батыря было 2700 человек; Барак-Батырь имел 2000 человек и Тлянчи-Батырь 1500 человек.

Ввиду изложенных обстоятельств отряд Колпакова повернул обратно. В попавшихся по дороге аулах он набрал 213 мирных киргиз, из которых взрослых мужчин только 14, а остальные женщины и дети...

...В конце марта его отряды появились вблизи уральских форпостов. Казах-киргизы атаквали Антоновский и другие форпосты и Сахарную крепость¹, Казаки заперлись в крепостях и

¹ На Нижнеуральской линии.

отбивались от киргиз ружейным и артиллерийским огнем. По донесению войсковой канцелярии Уральского войска они „расстреляли весь порох и свинец“.

При появлении Сырым-Батыря вблизи русских границ к нему присоединился сын Айчувака-султана — Апак с пятьюстами киргиз Ачебекского рода. Сырым сжег все продовольственные базы на пограничной линии, но самих форпостов взять не мог и удалился в степь, захватив весь скот пограничных жителей.

По удалении Сырым-Батыря в степи, для наказания киргиз, состоящих в ведомстве султана Айчувака, которые присоединились к Сырым-Батырю, по просьбе хана Нурали, был послан с командой казаков премьер-майор Назаров. Казаки отогнали табуны султана Айчувака, избили при этом сына султана Джантюри и его пастухов. Всего было отогнано у султана 2124 лошади.

В апреле месяце походный атаман Уральского войска Михайлов задержал послов султана Игизгали, сына хана Нурали с письмом, адресованным султану Айчуваку. В этом письме Игизгали писал Айчуваку, что войсковой канцелярией и атаманом Акутиным получен приказ о посылке в степь русского отряда для разорения казах-киргизов Ачебекского рода, за участие в толпах Сырым-Батыря при направлении на Сахарную крепость. „Садитесь на коней,— пишет султан,— а скот держите в руках, я сегодня по приказанию ханскому отправился вниз для того, что там беречцы разорены российскими людьми именно — Джанек-Алдар-Теляк; взято женского полу и детей сто, лошадей шесть тысяч, верблюдов сто пятьдесят“.

Перехваченное письмо послужило поводом для Уральского войскового начальства к аресту обоих султанов. В начале апреля месяца султан Айчувак и Игизгали по приказанию Оренбургского обер-коменданта был схвачены войсковым атаманом Акутиным. Аулы их разорены. У султана Айчувака казаки отогнали 5357 лошадей.

Оказавший сопротивление отряду сын султана Айчувака — Апак был убит...

...„Киргиз-кайсакский народ,— писал по этому поводу Нурали хан,— отделясь от меня кочевьем своим, ушел вверх по р. Уилу к верховьям р. Эмбы и далее; что они разумеют, то и делать будут. А плуты Сырым и Тлянчи с товарищами кочевья их имеют при реке, стоящей неподалеку от Эмбенских вершин, называемой Темир. Я же с детьми и фамилией в немногом количестве людей моих, держа издревле учиненную мною присягу, не следую им, до получения о том уведомления, предостерегся и нахожусь при реке Калдагайды.

„За что разорен султан Айчувак? Сын его по какой причине убит? Киргизы, все приписывая мне и хуля меня, приговаривают, якобы я, полагаясь на россиян, желаю их всех разорить, отложась от меня ушли“, ...заканчивает свое скорбное донесение хан-Нурали...

...В это время начальником Оренбургского края был генерал-поручик О. А. Игельстрем. Игельстрем был ревностный поклон-

ник нового административного деления края, проектируемого императрицей Екатериной II. Сущность этого строя заключалась в том, чтобы разделить Казах-Киргизскую Орду на три части, в которых завести особое управление из лиц киргизской избранной администрации. Для этого было необходимо упразднить ханскую власть. Выступления Сырым-Батыря и плачевное положение Нурали-хана убедили Игельстрема в полном крушении ханской власти, чем он не замедлил воспользоваться.

В половине 1785 года барон Игельстрем обратился с особым воззванием к старшинам и биям Малой орды, призывая их к спокойствию и миру с Россией. Для разрешения всех важнейших народных дел, Игельстрем разослал им приглашения съехаться на народный съезд. На это собрание не был приглашен ни хан Нурали, ни один из султанов.

Родовые старшины и бии откликнулись на призыв начальника края и в огромном количестве прибыли на народный съезд.

Руководителем народного собрания был избран Сырым-Батырь. Как убежденный противник ханской власти, Сырым выступил против хана и стал доказывать, что ханская власть не только не нужна, но и вредна для спокойствия казах-киргизского народа. Он внес предложение передать в орде власть народному собранию и навсегда упразднить ханскую власть...

...Екатерина II отнеслась очень сочувственно к упразднению ханской власти в орде, но предлагала действовать осторожно. В своем указе Игельстрему от 27 ноября 1785 г. она говорит, что в интересах России выгодней разделить орду на роды, которыми будут непосредственно управлять родовые старшины и бии, подчиненные начальнику края помимо ханской власти.

Чтобы укрепить русскую власть в Казах-Киргизской орде, Екатерина II приказала начальнику края убедить казах-киргизских старшин „отделить некоторое количество людей из каждого рода на службу, как для хранения границ, так и для обеспечения их самих, которые будут пользоваться жалованием от казны, наравне с прочими регулярными войсками, а по мере их усердия, исправности и воздержания от своевольтва, они, старшины, особые выгоды получить могут“.

„Потребна однако, — продолжает императрица, — тут осторожность, чтобы сей народ не взмнил, по легкомыслию их, что их в службу выбирать и неволею принуждать к тому будут“

На случай, если эта реформа в орде не удастся, Екатерина приказывала наметить среди султанов достойного преемника хану Нурали, а самого хана Нурали задержать на границе и отправить на местожительство во внутрь России.

Согласно распоряжения императрицы 3 июня 1786 г. хан Нурали был вызван в г. Оренбург. Здесь его задержали вместе со свитой и с сыновьями Бег-Галием и Артук-Галием, некоторыми старшинами и прислугой и отправили на жительство в Уфу.

После этого аулы хана Нурали были ограблены приверженцами Сырым-Батыря и все сторонники хана от него отложились...

...Русское правительство в это время было против восстановления ханской власти. Оно не могло забыть того обстоятельства,

что часть киргизских султанов во время Пугачевского восстания примкнула к самозванцу, а ханская власть была настолько слаба, что не могла восстановить порядка в орде и прекратить казах-киргизские набеги на русские границы.

„Выбор нового хана мы столь не выгодно находим,— писала по этому поводу Екатерина II,—как и начальство нынешнего, а по сему советовать им, киргизцам, для доброго порядка правления, состоящее в их же лучших старшин главнейших родов, а когда домогаться станут, выбрать хана, то внушить им, покуда настоящий жив, неудобно к тому приступить“.

Барон Игельстром по всем делам управления ордой сносился с Сырым-Батырем. В орде установилось совершенное спокойствие. Набеги казах-киргизов на русские границы прекратились.

Для административного управления орда была разделена на три главных поколения: Алимупинское, Байулинское, Семиродское. Для управления каждым поколением были учреждены „расправы“, состоящие из старшин и письмоводителя, которым было назначено содержание из русской казны. Расправы должны были ведать все судебные, административные и полицейские функции орды. При генерал-губернаторе были учреждены особые должности киргизских старшин, через посредство которых он мог бы сноситься с расправами.

...В 1787 г. Россия вела войну с Турцией. По этому случаю турецкий султан вел сильную агитацию в средне-азиатских странах за выступление мусульманских народов в союзе с Турцией против России. В Бухару прибыли эмиссары турецкого султана, чтоб склонить эмира к войне с Россией. Бухарский эмир разослал в орду воззвания, призывая казах-киргизов к выступлению против России.

...Султанская партия воспользовалась положением и начала свою атаку против народной партии.

В г. Оренбурге проживала княгиня Той-Кара, дочь хана Нурали. Она была замужем за киргизским чиновником Нурмухамед-Хожею, который занимал должность султана-заседателя в пограничном суде.

...Той-Кара жила постоянно в Оренбурге. Она побывала в столицах, усвоила светскость, но одевалась в национальный костюм. Старый барон Игельстром пленился киргизской красавицей. Султанская партия стала действовать через Той-Кару, добиваясь восстановления ханской власти в орде. Сторонники султанской партии возобновили свои настойчивые домогательства о возвращении хана Нурали.

В августе месяце 1790 г. султан Эрали прислал следующее письмо Оренбургскому обер-коменданту: „Россия упускает время, умножая плутов киргиз-кайсаков, яко скот, и при этом их взбешивая, и чтобы всей орде покой доставить, то непременно дать высокочтимому Нурали хану повеление возвратиться в степь и выпустить его через Урал-реку от того места, которое против пребывания их (султана) находится. Султан Эрали ручается, что после возвращения хана Нурали в орду порядок в орде будет быстро восстановлен.“

Но надеждам султанской партии не суждено было осуществиться. В конце августа 1790 года Нурали хан умер в Уфе. Пограничная экспедиция разослала об этом во все роды известия, в которых говорилось, что хан похоронен по мусульманскому обряду. Послание о смерти хана было прочитано на большом собрании, на котором присутствовал и Сырым-Батырь. Собрание настаивало, чтобы Сырым-Батырь покорился Ишим-султану, который был намечен многими родами, как будущий кандидат на ханское звание. Киргизские старшины говорили Сырым-Батырю, чтобы он „от управления ханских детей не отдалялся“.

На одном из небольших собраний казах-киргизских старшин Ишим-султан, сын хана Нурали, был поднят на белом войлоке и провозглашен ханом Малой орды.

Заместитель барона Игельстрема, ген. Пеутлинг решил восстановить в орде ханскую власть и представил на утверждение в ханы Эрали султана.

Выборы хана состоялись. Сырым-Батырь, прибывший было на собрание старшин, увидев такой оборот дел, заявил протест, что он не признает нового хана, и удалился в степь.

Главный старшина Алималинского рода Мурат-бей и родовые старшины по поводу избрания Эрали в ханы прислали Пеутлингу следующее письмо: „Генерал с Эралием, сделавши свидание, произвели его в ханы, не дождав нас и других родов, быв только за три дня, что учинили против общего постановления, при чем с прежними ворами соединясь, для разорения общества союз заключили. И тако не можете на нас негодовать, ибо мы вышли из терпения и мним, что от прежних султанов, будет ним великое разорение... Словом сказать, прочих родов старшины и бии имеют чувствительное неудовольствие“.

Сырым-Батырь для борьбы с вновь назначенным ханом примирился с сыновьями бывшего хивинского хана Каипа, султанами Абулгази и Бурмаком и с некоторыми другими родами, кочующими близ побережья Аральского моря...

29 марта 1791 г. уральский войсковой атаман Донсков получил от Ишим-султана перехваченные письма Сырым-Батыря к казах-киргизским родам. Вот что писал Сырым-Батырь: „Как письмо сие до рук ваших дойдет, так со всеми улусами откочевывайте к горе Мугоджару. В течение всей зимы, жалея кочующих по Уралу и Каракулю и малолетних наших детей, на конь не сажались, в рассуждение того, что ежели оное учинили, то самим нам и скоту нашему приключилось бы чувствительное зло. Теперь, если господь бог допустит, мы однако на конь сели летом, хотя бы и жарко было, и зимою, хотя бы и холодно было, жалеть себя не будем. Итак, при теперешнем зимнем положении и холодными днями к горе Мугоджару кочевьями поспешайте, а кто останется, у того лошади и прочий скот отнят будет. Располагающиеся по сию сторону Сыр-Дарьи в урочище Бузачи киргизы все под руководство мое согласились стать. Ежели я воевать или мирно находиться буду, то они тому последовать будут. Бии и батыри, находящиеся мирно, на конь сажались и нас бы в верху озера Карскуля искали“.

От русских татар, находящихся на должностях письмоводителей, расправ в орде, которые являлись шпионами и осведомителями русского правительства, стали получаться тревожные донесения о серьезных волнениях среди киргиз. По призыву Сырым-Батыря казах-киргизы откочевали от русских границ в даль степей на предполагаемый большой народный съезд. К русским границам двинулись отдельные толпы киргиз под командной батырей для нападения на мирные поселения.

В первых числах июня заседатель Байулинской расправы Суфрабий донес, что весь Байулинский род откочевал к Сырым, а на месте прежний кочевий остались лишь улусы Ишим-султана. Мулла Адул — Галямов донес из орды, что „Сырым условился со старшинами задержать торговые караваны, народ по приказу Сырыма упражняется в перекочевке“.

В течение лета 1791 г. на целый ряд пограничных крепостей были сделаны киргизские нападения: на Илецкую Защиту, на крепости Озерную, Гирьяльскую, Красноярскую, Верхне-Кизильскую.

В июне месяце в Киргизскую степь были отправлены два татарских муллы Файткулин и Мансуров для увещания Сырым-Батыря и для вручения ему подарков „от русской императрицы“. 9 июня муллы прибыли в улусы главного старшины Алчинского поколения Суфры-бия на реку Хобду. Здесь они узнали, что Сырым-Батырь находится у Чиклинцев „для совету и ради учинения об ордынских обстоятельствах положения“.

26 июля муллы прибыли в улусы Сырым-Батыря и вручили ему подарки в запечатанном ящике. Сырым созвал собрание киргизских старшин, на котором объявил, что от русской императрицы присланы подарки. „Мы должны принять присланные награждения с благодарностью, — сказал им батырь Сырым, — в каком бы ни было положении, т. е. в тишине или в беспокойствии будучи, буде таким образом принять не можете, то на меня не жалуйтесь“.

Прибытие русских послов с мирными предложениями и с подарками от императрицы возвысили в глазах орды значение Сырым-Батыря. Он обратился к биям и старшинам, приверженцам султанской партии со следующим воззванием:

„Хотя вы в надежде на господина вашего [т. е. хана Эрали] на меня жаловались, однако я на ту вашу жалобу недовольствия не имею, следовательно оную терплю. Известно вам да будет, что от государыни получен мною указ, что ордынское правление поручено мне, а притом и многие подарки присланы, да и на волю мою отдано, кого бы я ханом учинил. Из Средней орды прислан нарочный, да и Меньшой орды всех трех родов [поколений] киргизы в руки мне достались, которых с тем мне подчинила государыня, хотя я их и воевать заставил. Хотя от государыни и повелено быть в тишине, однако, если обществу нашему тишина полезна, то в оной, а буде война полезна, то в ней пребуду. Имея общественное обхождение и согласие, а не ненависти в сердцах наших не иметь и вере нашей предосуждение не делать. Знаком же вашего ордынского присоединения может

быть то, что вы на торгах [в Россию] ехать не позволите и улусы в близость [к русской границе] перекочевывать не позволите. А буде на торг ехать и улусам перекочевать позволите, то наше общество негодовать может и на последок вы на нас не пеняйте“.

Приехавшие из Хивы муллы разъезжали по аулам и разжигали среди киргиз религиозный фанатизм, возбуждая их к войне с неверными. Они говорили о том, что тот, кто „помрет в тяжбе с неверными, будет причтен к числу мучеников“. Они призывали, чтобы киргизы с „Сырымом не разделялись и на законные от него поступки вместе обращались, хотя бы к войне или к миру“.

Насколько имела силу эта пропаганда, действующая на все стороны души казах-киргизского народа — национальное самолюбие, религиозный фанатизм и, наконец, честолюбие — видно хотя бы из некоторых писем, адресованных Сырым-Батырю. Тляп старшина пишет, что он с ним не разлучится: „Ибо, оставя брата своего, какого хана, какого султана искать? Клятва на российской стороне осталась“.

10 июня 1792 года от главнейших старшин многих казах-киргизских родов и в том числе от Сырым-Батыря было прислано начальнику края следующее представление: „В то время, когда киргиз-кайсацкий наш народ к российской государыне в подданство вступил, когда с господином поручиком бароном Игельстромом сделали мы контракт, или договор, что из людей Абул-Хаир хана в ханы не производить и биям всем жалование выдавать, только вопреки того года три некоторым жалование не выдается, а также происшедшие между нами Уральского городка с войсковым атаманом Донсковым обстоятельства к е. в. донесено, а также из Абулхаировых хан произведен. Киргизский наш народ бытjem хана Эрали недоволен, ибо он, по старости его, Эралиевой, тщания, остроумия и верности быть весьма не уповаает, почему происходимые между нами разного рода ссоры и претензии порешить не может и через то народ наш по тем своим ссорам и претензиям подвержен быть может чувствительному озлоблению. Итак, мы все, вышеописанные бии с подчиненными народами, просим, дабы повелено было для представления нашего е. в. о том, того нам в ханы произвести, кого мы за достойного признаем, отправить способных и хороших людей“.

Но по свойственной русским бюрократам тупости, генерал Пеутлинг, получив это письмо, нашел его дерзким и преступным вымыслом. Он ответил старшинам, что в делах пограничной экспедиции нет никаких письменных актов о том, что барон Игельстром обязался не ставить ханов из детей Абулхаира. „Так как хан Эрали избран с соизволения е. в. всей Меньшей ордой, — писал Пеутлинг — то, почитая хана Эрали, наслаждайтесь блаженной жизнью для вас устроенной, опасаясь всемерно противно тому дерзновенными поступками подвергнуться неминуемому и страшному е. в. гневу“...

В сентябре 1792 г. Сырым-Батырь объявил войну России и начал свои военные действия. Он прислал генералу Пеутлингу

сказать, что будет нападать на русские границы два раза в году: во время сенокоса и когда замерзнут реки, что он заставит киргиз отказаться от султанов и откочевать от русских границ. 29 сентября 1792 г. Сырым-Батырь во главе отряда 1000 киргиз атаковал крепость Илецкую Защиту и поджег ее с разных сторон. Однако крепость ему взять не удалось. В том же году он атаковал Калмыковскую крепость и тоже безрезультатно.

По всей границе Казах-Киргизской орды начались беспорядки. Киргизы нападали на русские линии, отгоняли скот, уводили людей. Такое тяжелое положение продолжалось в течение 1793 и 1794 годов.

Русское правительство, не в силах будучи бороться с киргизами, издало распоряжение по линии, в котором говорится следующее: „Не видя прекращения воровских киргизских набегов и других способов, как делать в свое время таковым своевольтвом взаимные захваты“. Таким образом русское правительство санкционировало взаимную баранту или взаимный разбой и убийство между русским населением и казах-киргизами, что еще более увеличило кровопролитие в крае.

Среди этих волнений, 10 июня 1794 г., умер хан Эрали. До 1795 г. в орде была полная неразбериха и не существовало ни какого хана. В начале 1795 г. вместо генерала Пеутлинга начальником края был назначен генерал-поручик Вязьмитинов, который, ознакомившись с состоянием орды, решил назначить в ханы султана Ишима. 20 октября 1796 г. султан Ишим в присутствии очень немногих киргиз вблизи г. Оренбурга был провозглашен ханом Малой орды. Хан Ишим был очень предан русскому правительству и старался восстановить порядок в орде. Он задержал несколько сторонников Сырыма и выдал их русскому правительству, в том числе ближайшего друга Сырым-Батыря, киргиза Минбая.

Услыхав об этом, Сырым-Батырь на собрании киргиз дал клятву, что он отомстит хану Ишиму, что „кровь Минбая будет возложена на Ишим султана“. Опасаясь мщениа Сырыма, Ишим хан принял все меры предосторожности. Он не удалялся от русских границ, однако это не спасло хана. В ночь на 17 апреля 1797 г. Сырым-Батырь во главе ста человек шектинцев на рассвете напал на улусы хана, кочевавшего в пяти верстах от Красноярского форпоста, и убил его.

В это время начальником края был вновь назначен барон Игельстром, который вернулся к своей излюбленной идее учредить в орде представительный образ правления. Быть может он чувствовал свое обязательство, данное народному собранию об упразднении навсегда ханской власти. Барон Игельстром возложил управление ордой на Ханский Совет, председателем которого был избран султан Айчувак, а членами по два старшины от трех главных киргизских поколений. Ханский Совет 8 августа 1797 г. был открыт на реке Хобде.

Передача власти Ханскому Совету не удовлетворила ни народной, ни султанской партии. Народная партия не могла примириться с тем, что в члены совета были назначены киргизы,

ставшие русскими чиновниками, а не избранники народа, и что председателем его назначен был султан из дома Абул-Хаир-хана.

Султанская партия по-прежнему настаивала на восстановлении ханской власти в орде и поэтому тоже была недовольна Ханским Советом. Поэтому Ханский Совет не был призван ни той, ни другой партией. 29 августа Сырым-Батырь в сопровождении тысячи человек своих приверженцев явился на заседание Ханского Совета. В произнесенной речи он сказал: „Киргиз-Кайсакская Меньшая орда в течение семи лет не видит спокойствия и тишины и пришла уже почти в полное разорение. Ныне, чувствуя попечение о ней государя, учреждением правления Ханского Совета и желая установить тишину и спокойствие в орде и воздержаться от набегов на границы российские хищнейших людей, бывшие на собрании киргизы единодушно положили и избрали к сему: алимулинцы — Каракубека тархана и баиулинцы — Сырым-Батыря, возлагая на них попечение, дабы они впредь каждый в своем роде наблюдали и в случае нужды вспомоществование учрежденному в их орде Ханскому Совету, который один имеет право разбирать и решать вражды“.

Барон Игельстром еще раз убедился, что вторая попытка управлять ордою посредством бюрократических учреждений, каким был создан Ханский Совет, не представлялось ни какой возможности. Он приходит к необходимости снова восстановить ханскую власть. Между тем сторонники султанской партии, возглавляемые энергичным султаном Каратаем, вступили в решительную борьбу с партией Сырым-Батыря.

В одной из решительных схваток батырь Сырым султаном Каратаем был убит.

А. Рязанов. Батырь Сырым-Датов.
„Сов. Киргизия“. 1924 г., № 10, с. 94—112.

VI.

КОЛОНИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Первая половина XIX столетия характеризуется усилением царской завоевательной политики. Заканчивается процесс полного захвата территории нынешнего Казахстана и утверждается господство царизма в Средней Азии.

Мы даем изложение хода этого завоевания из книги англичанина Краусса (Krausse). Русско-английское соперничество по дележу Азии особенно остро протекало в течении XIX столетия. Перипетии этой борьбы изложены в основных чертах у Krause'sa. Любопытно, что Krausse признает успех ноты Горчакова, приводимой нами из книги немецкого автора Петцольда А. Umschau im Russischen Turkestan... Leipzig, H. Fries. 1877). Горчаков в своей ноте взывал к солидарности капиталистических хищников, доказывая, что политика России ни чем не отличается от политики Англии, Франции и др. великих держав в других частях света и в Азии и преследует цель обеспечения „безопасности“ границ, обуздания „хищников“. Он подчеркивал высокую „культурную“ миссию России на Востоке и, успокаивая Англию, обещал, что русская агрессия ограничивается только этими целями. Краусс вынужден признать справедливость этих доводов как представитель английского империализма, но одновременно Краусс старается выявить и неприглядную сторону царской политики, старается стать в позу „защитника“ слабых народов. Поэтому весьма интересны его страницы о возмутительных зверствах царской администрации в покоренных окраинах, о наглой откровенно-шовинистической декларации знаменитого „героя“ Скобелева. Не мало любопытного в этом отношении дает и Бульгер (Boulger D. ch. England and Russia in Central Asia, Lond., 1879. 2 vol.), которого мы также цитируем.

В дополнение к данным Краусса, мы используем данные такого же порядка, приводимые русскими авторами, которые при всех их стараниях замазать, затушевать неприглядные стороны действий царских администраторов, не могут обойти этих фактов. Вот, например книга М. Алиханова-Аварского „Поход в Хиву“ (СПБ 1899 г.). Алиханов в 70—80 годах XIX столетия играл крупную роль в деле завоевания Средней Азии, особенно Туркмении. С его именем связано много трагических кровавых событий в жизни туркменского народа. Впоследствии он стал палачем грузинских масс в революцию 1905 г. (известная карательная экспедиция Алиханова в Кутаисской губернии) и был убит. Этот верный прислужник царизма вынужден приводить такие факты из политики царизма по отношению к казахским и узбекским трудящимся массам, что не остается никаких сомнений в действительной сущности царской политики. Особенно интересна цивилизованная „баранта“, при-

менявшаяся по отношению к казахам „культурными“ завоевателями.

Какие изменения произошли в политике царского правительства в первой половине XIX века по отношению к Средней Азии? Правительство попрежнему продолжает опираться на казахскую феодальную аристократию. Однако, в то же время правительство уничтожает ханскую власть в Казахстане. Политику царизма многие, цитируемые нами, авторы считают ошибочной. Так американский путешественник Скайлер (Skayler), говорит, что „слепые русские генералы“ вели неверную и близорукую политику поддержки казахских султанов. Все эти рассуждения однако не вскрывают истинных причин политики царизма. Правительство, продвигая свои войска вглубь казахских степей, имело возможность крепче забрать в свои руки бразды правления над казахскими массами. Казахские ханства были потому ликвидированы, что сохранения ханской власти до некоторой степени создавало впечатление сохранения казахами некоторой независимости. Уничтожая ханскую власть, царизм как бы объявлял всему миру, что киргизская степь становится рядовой провинцией Российской империи. С другой стороны царское правительство, чтобы сделать этот переход безболезненным, а также упрочить свое влияние в Средней Азии, продолжает поддерживать казахскую аристократию-султанов (торё). Царизм стремится превратить султанов в своих приказчиков создать из них верную опору „престола“ по образу и подобию русских помещиков. Эта политика в значительной степени была успешна. В западном Казахстане (особенно в Букеевской орде), отчасти в северном Казахстане царизму удалось создать из казахских султанов своеобразных помещиков, своих верных слуг и еще крепче закабалить казахские массы. Одновременно с этим царизм расправлялся с непокорными и подавлял народные восстания, о чем мы говорим в следующей главе.

В 60-х годах заканчивается завоевание Казахстана, и царизм, продолжая продвигаться дальше, овладевает Средней Азией. Потерпев поражение при попытках прямо овладеть Константинополем и проливами, из-за вмешательства Англии, царская Россия берет реванш в Средней Азии и на Кавказе и выполняет стратегический маневр обходного движения, не теряя своей основной цели—захвата Турции.

Англия была чрезвычайно обеспокоена этим продвижением. Английские писатели, приводимые нами, вскрывают перипетии англо-русской борьбы. В цитатах из русских авторов также выявляется движущая пружина царской колониальной политики.

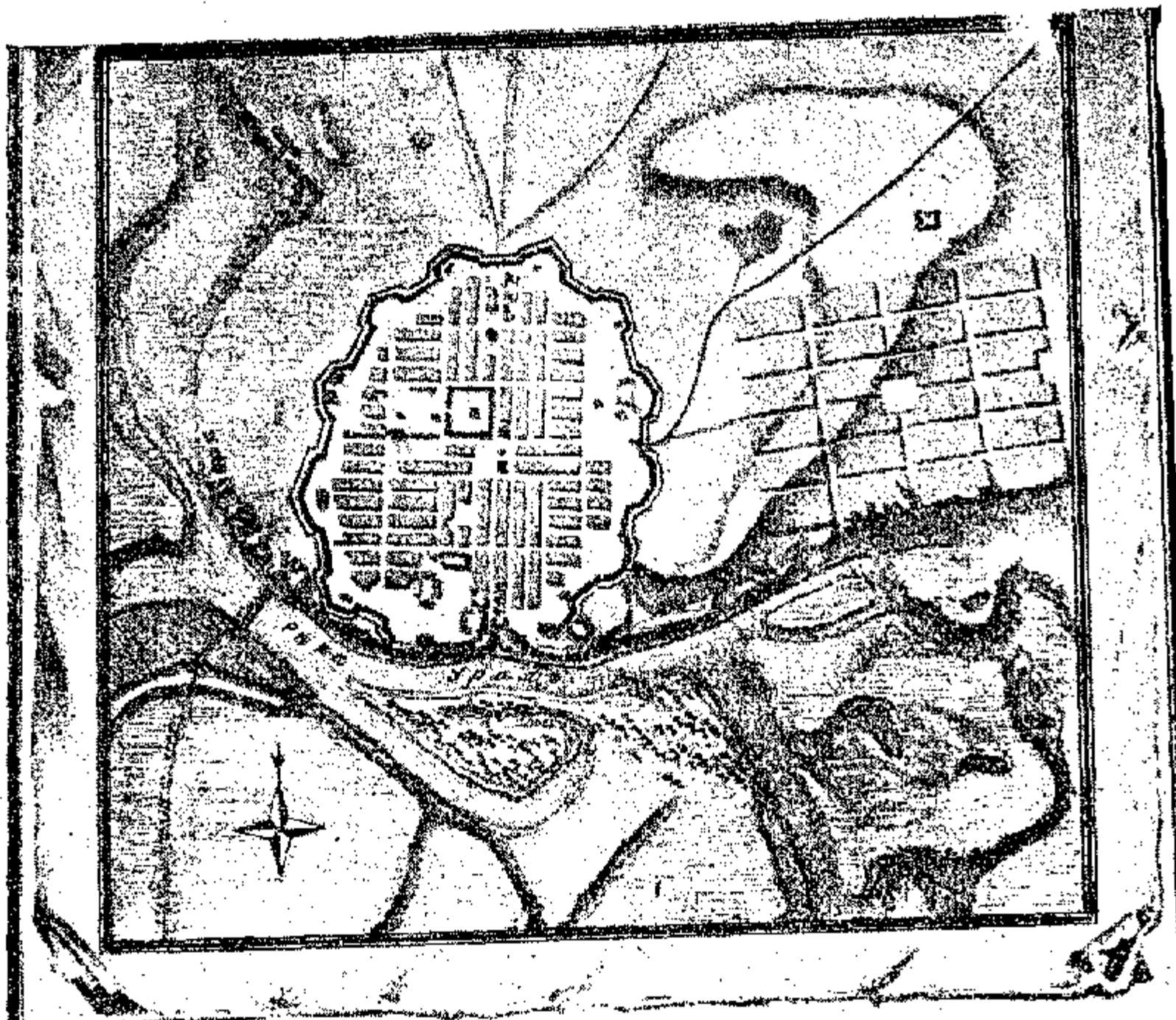
В рукописном фонде Казахской Государственной Публичной Библиотеки имеются рукописи из библиотеки генерала Хрулева. Хрулев—один из активных царских деятелей по завоеванию Кавказа; впоследствии он принимал участие в торгово-промышленных компаниях, усиленно стремившихся в Среднюю Азию. В следующей главе мы даем выдержки из этих рукописей, рисующих заинтересованность российского капитализма в завоеванных колониях. В настоящей главе мы приводим выдержки из записок

ряда царских администраторов по вопросам политики царской России в Казахстане и Средней Азии.

Необходимо отметить еще одно обстоятельство. Завоевание Средней Азии в донесениях царского правительства представляется в виде легкой прогулки почти без жертв, как серия блестящих „побед“ горсти царских войск над многотысячными войсками Коканда, Бухары и Хивы. Эти донесения, почерпнутые из архивов, принимаются почти всеми историками за правду. (Даже М. Н. Покровский, крупнейший марксистский историк России, в своих очерках колониальной политики России пользовался почти исключительно официальными источниками). Между тем, как читатель увидит из отдельных сообщений, завоевание Средней Азии стоило царской России колоссальных жертв людьми и средствами.

По свидетельству Виткевича и английских авторов, регулярных войск у эмира Бухарского было всего около 10.000, у Коканда около 5.000 и столько же у Хивы. Царизм же имел в Средней Азии армию, численностью не менее 40—50 тыс. чел. В техническом отношении туземные войска были крайне отсталые. Орудия стреляли ядрами и прямой наводкой, у них не было разрывных снарядов, имевшихся уже у царской артиллерии. Ружья были исключительно фитильные, в то время как царская армия была вооружена скорострельными ружьями бердана. Да и численное превосходство было за царскими войсками. Так, отряд Бларемберга, неудачно штурмовавший Ак-Мечеть (Кзыл-Орду), состоял из 1000 человек, а гарнизон Ак-Мечети был всего на всего — 200 человек. При вторичном штурме ген. Перовский имел 1500 чел. против 300 чел. Царским войскам больше приходилось иметь дело с неорганизованными народными восстаниями и ополчениями, чем с регулярными войсками. Лживость официальных донесений (всегда преуменьшавших потери) видна из сопоставления этих донесений с приводимым нами описанием казахского поэта Халибая, который по заказу проф. Веселовского воспел завоевание царизмом Туркестана (Н. Веселовский. Киргизский рассказ о русских завоеваниях в Туркестанском крае. СПб, 1894 г.). Из его рассказа видно, что красочно описанный в официальных реляциях знаменитый „штурм“ Ташкента ген. Черняевым в 1865 г., повидимому, представлял просто борьбу с безоружными массами города, так как правящая верхушка повела секретные переговоры с Черняевым и сдалась без боя.

Казахские феодалы делились на две большие группы: казахская аристократия („торé“—султаны) и феодально-родовая верхушка (батыри, аксакалы, баи, бии и проч.). Каковы были их взаимоотношения в описываемый период, показывает извлеченная нами из архива переписка султана Нуралиева с казахскими батырями, в том числе с известным батырем Кутебаром проявлявшим большое „неповиновение“ царским властям; сын его Исет поднял восстание против царизма.

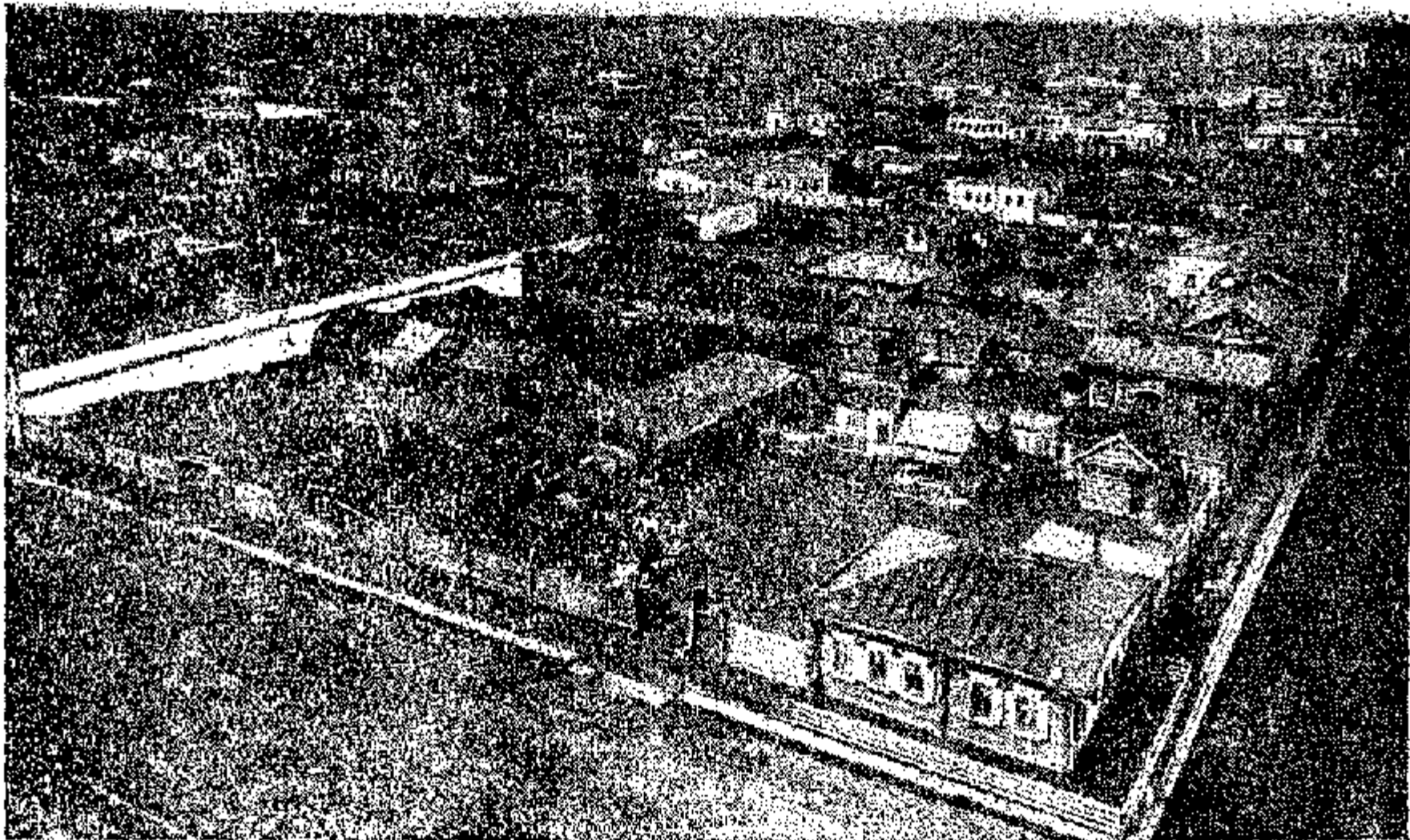

Оренбургъ, изъ топографическаго описанія оренбургской губернии ясно видно
 можно что сей городъ названъ строениемъ по прошенію Киргизъ кайсака, кочевника
 хана и притомъ къ мѣсто признано за весьма способствующее къ разпространенію
 безъ опасной коммерціи съ бухарцами киргизцами и другими народами, потому въ 1735
 году и заложены были три рва въ оре, въ 1740 году перенесены на рѣку ураль къ урочищу
 называемому Красной горѣ, но Каякъ и то мѣсто для обширной крепости неспособ-
 ными казано, тогда основаны въ 1742 году еще ниже по рѣкѣ уралу въ выгодномъ
 мѣстоположеніи съ обнесеніемъ пространной фортификаціи состоящей изъ 12 полигоновъ
 съ регулярнымъ расположеніемъ цѣпнаго вѣроенія но онакъ крепость въ совершенствѣ и по нынѣ
 нестроена но вразсужденіи снѣженія въ соудей дефензій крепость, а служить за ретраншементъ
 которому непротивно должно полевимъ укрепленіемъ углубъ ровъ, возвысн жезъ, и обнѣтроемъ, дабы воемъ
 по Штату артиллерійскому имѣется въ оной пушекъ 100, мортиръ и ступица 12, артиллерій штабъ
 офицера 17 офицеровъ 3, командировъ съ прикомандированными 40 артиллерій мастеровъ 164 человекъ.
 по воинскому штату въ гарнизонъ состоитъ 4 батальона, въ военное время къ оубрамъ сей крепости по
 бѣликой въ обширности неменьше 7000 человекъ, и 1000 пѣхоты, а въ прибавленія до
 1000 орудій и много каменитъ.

План г. Оренбурга (XVIII в.) (к главе I).

Совершение казни повешения кочевниками киргиз-кайсаками в степях. (Из Книги Дмитриева-Мамонова „Пугачевский бунт в Зеркалье и Сибири“) (к главе V).

г. Петропавловск, б. Акмол. обл. (к главе X).

Начало XIX столетия было отмечено проявлением значительной активности в Персии. В 1801 г. была захвачена Грузия, в 1803 г.—Мингрелия и в следующем году—Имеретия. Баку и Ширван были уступлены России по Гулистанскому договору. в 1813 г. Эривань отошла к России по Туркманчайскому договору в 1828 г. Почти—год спустя по Адрианопольскому договору Правление Николая заслуживает внимания в том отношении, что оно свидетельствовало о начале серьезных операций в Туркестане. В 1834 г. на берегу Каспийского моря Перовским был основан форт Ново-Александровский. В 1848 г. на берегу Аральского моря был создан форт Аральский, а в 1853 г. отнятая у кокандцев Ак-Мечеть была превращена в форт Перовский.

В 1864 г. продолжалось дальнейшее завоевание Средней Азии. Были взяты Чимкент и Туркестан, за ними последовал Ташкент и в 1865 г. была создана Туркестанская область. В 1868 г. пал Самарканд, была захвачена Зеравшанская область и несомненные намерения дальнейших завоеваний были обеспечены созданием в 1889 г. военной базы и Красноводске. В 1871 г. была занята Кульджа, в 1873 г. захвачена Хива, в 1874 г. создана Закаспийская область, а в 1876 г. под именем Ферганы окончательно присоединен Коканд.

В 1881 г. Скобелев взял Геок-Тепе. В 1883 г. был занят Тедженский оазис, за которым последовало в следующем году занятие Мервского оазиса. Установив таким образом власть России в Средней Азии вплоть до границ Афганистана, завоеватели на время приостановились. Но именно лишь на время. В 1891 г. был занят Памир и начата дипломатическая кампания в Китае, в результате которой были приобретены многие привилегии и права на руссификацию Маньчжурии. Эта работа успешно продолжалась до 1894 г. и привела в результате к установлению русских военных постов по всей стране.

В 1897 г., по соглашению с Китаем, был занят Порт-Артур и в настоящее время (январь 1899 г.) русские агенты заняты вкопчиванием русского клина в сердце долины Ян-Цзы-Цзяна.

Площадь и население Азиатской территории, принадлежащей России, в настоящее время таковы:

	Площадь	Население
Кавказ (включая Закавказье)	180843	8.350.000
Территория киргизских степей	755793	2.000.000
Туркестан	409414	3.341.000
Закаспийская область	383618	352.000
Сибирь (включая Амурск обл.)	4833498	4.874.335

Краусс стр. 3-5

Киргизская степь. Страна киргизов простирается от Оренбурга до Аральского моря и включает в себя всю Среднюю Азию на север от 44-ой параллели. Сюда входят области: Акмолинская, Семипалатинская, Тургайская, и Уральская, занимающие площадь в 755793 кв. миль с населением, исчисляемым в два миллиона человек. Территория представляет из себя почти сплошную равнину и не имеет ни значительных рек, ни больших городов. Не являясь в прямом смысле слова пустыней, она в большей своей части лишена растительности, исключая густой сорной травы. Местами степь очень камениста. В остальных частях она болотиста, с соленой водой, негодной для питья. Киргизы—пастушеское племя, живущее в юртах и перекочевывающее с места на место. Они разделяются на три больших семьи или орды, кочующие в различных зонах и живущие от своих стад и табунов, которые, как правило, являются их единственным имуществом. В прежние годы киргизы были воинственным народом, любившим учинять набеги на оседлых жителей или нападать на проходившие караваны. С тех пор, как они оказались под игмом России, их нравы изменились к лучшему и боязнь последствий удерживает их от отважных предприятий. Они все еще остаются кочевниками, хотя часть Малой орды в настоящее время уже втянута в занятия земледелием. Климат степи по большей части суровый. Летом чрезмерные, выжигающие всякую растительность, жары, соединенные с недостатком воды, делают переход по пустыне опасным для всех, не имеющих хороших запасов для пути. Зимой степь на сотни миль покрывается снегом, сметаемым в сугробы, и многие путешественники погибали в дороге. Именно это обстоятельство составляло главную трудность в различных русских экспедициях против Хивы, столь надолго отсрочивая падение этого ханства. Столицей края является Семипалатинск, главные города его Акмолинск и Тургай.

Туркестан. В географическом отношении область является самой обширной в Средней Азии. Она простирается от Каспийского моря до Лоб-Нора и от Киргизской степи до Персии и Афганистана. Восточный Туркестан, известный также под именем Малой Бухары, еще не захвачен Россией и остается под властью Китайской империи. Западный Туркестан включает в себя области: Самаркандскую, Ферганскую, Семиреченскую и Сыр-Дарьинскую, некогда принадлежавшие Бухарскому и Кокандскому ханствам и киргизам-кочевникам. В политическом смысле это название применимо лишь к части Средней Азии, лежащей на восток от Бухары и Хивы, так как западная часть входит в Закаспийскую область. Площадь Туркестана равняется 409.414 кв. миль, а его население—3.341.000 человек. В большей своей части страна представляет пустыню. Песчаная область, известная под именем Кызыл-Кума, простирается от Яксарта до Аральского моря, а песчаная область Муюн-Кум покрывает сотни квадратных миль на севере-востоке. Остальная часть страны состоит из горных цепей, перемежающихся более или менее плодородными долинами, из которых долины, орошаемые Яксартом, Оксусом и Зеравшаном, особенно плодородны. Реки Туркестана имеют свои

весьма примечательные черты и в дополнение к их физико-географическому значению полны исторического интереса. Аму-Дарья или Оксус, являющаяся одной из больших рек Средней Азии, берет начало на Памирском плато, течет на протяжении свыше 1300 миль и впадает в Аральское море. Есть основание полагать, что когда-то эта река впадала в Каспийское море, однако, по каким-то неизвестным причинам, она, как полагают, оставила свое старое русло и в настоящее время вливается через Кунград в Аральское море. Оксус являлся некогда границей между империями Кира и Александра; теперь в своем верхнем течении он служит границей между Бухарским ханством и Афганистаном. Сыр-Дарья или Яксарт образуется из слияния Нарына с Гулишаном в нагорной части Ферганы. Протекая через Наманган, Коканд, Ходжент и прежнюю Ак-Мечеть, (ныне Форт Перовский), она впадает в Аральское море в его северо-восточной оконечности. Река служила в качестве пути для поступательного движения русских в их различных экспедициях в Бухару и Коканд. Зеравшан берет начало в Алайских горах и затем, оплодотворив область между Самаркандом и Бухарой, теряется на границе Кара-Кумов. Там, где страна не представляет пустыни, она производит хлопок, лен, коноплю, табак и шелк. Уголь и соль встречаются также в изобилии. Главными занятиями населения являются земледелие и разведение животных: лошадей, крупного рогатого скота и овец. Население страны включает в себя множество народностей, из которых доминирующими являются узбеки. К другим народностям относятся туркмены, киргизы, кипчаки, сарты и различные племена — потомки персов. Административным центром Туркестана является Ташкент. Главные города края: Самарканд, Коканд, Чимкент и Ходжент.

Краусс с. 6—9.

Ниже приводится таблица, показывающая площадь и количество населения Азиатской территории, подвластной европейским государствам.

	Площадь в кв. милях	Население
Россия	6564778	19388317
Китай	4218401	402680000
Великобритания	1827234	291304000
Франция	315928	18000000
Германия	53000	12000000

Краусс с. 14.

Общая площадь Азии составляет 17.299.755 кв. миль с населением в 803.000.000 человек. Из этого числа: Россия владеет более, чем $\frac{1}{3}$ общей площади и лишь $\frac{1}{42}$ общего числа населения; Китаю принадлежит менее $\frac{1}{4}$ общей площади и более $\frac{1}{2}$ общего числа населения; Великобритания владеет менее, чем $\frac{1}{9}$ общей площади и более $\frac{1}{3}$ общего числа населения.

Краусс, с. 15.

На всем необъятном протяжении границ Российской империи имеется лишь небольшой отрезок территории, принадлежащий

сильному народу. Исключая чрезвычайно ограниченное соприкосновение с Турцией и чуть большую пограничную линию с Афганистаном и Читралом, жители стран, смыкающихся с территорией России, принадлежат либо к полудиким, либо к вымирающим племенам. Персы, кара-киргизы, калмыки, таранчи, дунгане, монголы и маньчжуры не являются теми, кто способен удерживать и защищать свои границы от победоносных атак России. Отсюда следует, что империалистическая экспансия московитов умеряется лишь волей ее правителей и соглашениями с великими державами. Границы Турции и Персии защищены исключительно благодаря влиянию Великобритании и Германии. Афганистан, фактически зависящий от Англии, охраняется, подобно Индии, солдатами нашей королевы. Китай с подвластными ему областями предоставлен милости России, являясь предметом протестов со стороны Великобритании. Корея, некогда подвергавшаяся угрозе со стороны Северного Медведя [России], была спасена благодаря влиянию Англии и Японии. В отношении Кореи, в случае каких-либо посягательств со стороны России, пришлось бы, возможно, принять в соображение и еще одну державу. Соединенные Штаты, до того времени являвшиеся замкнутым в себе государством купцов, совсем недавно потянулись своими длинными руками за приобретением колоний. Подкрепляемые возросшими интересами и поддерживаемые большим запасом здравого смысла, Соединенные Штаты несомненно сказали бы свое слово в случае захвата корейской территории, где велики интересы американских граждан и широки вложения американского капитала...

Как ни обширны азиатские области, непосредственно управляемые Россией, они не дают полного представления о том влиянии, какого достигли московиты в этой части света. По ту сторону границ, отмечающих номинальные пределы владений русских чиновников, повсюду рассеяны пункты дипломатической интерференции, известные под именем сфер влияния, где воля царя и его представителей является законом.

Краусс, с. 18—19.

ЭКСПЕДИЦИИ ПЕРОВСКОГО, ЧЕРНЯЕВА И КАУФМАНА

В 1834 г. у входа в залив (Мертвый) Култук русскими было построено укрепление Ново-Александровское. Предполагалось, что это даст русским возможность держать в покорности киргиз и туркмен и защищать восточную торговлю империи. Два года спустя небольшой отряд под командой полк. Мансурова был направлен против киргиз, действовавших совместно с хивинцами, и были сделаны попытки договориться об освобождении русских, находившихся в хивинском плену.

Переговоры кончились неудачей. В качестве меры возмездия все хивинские купцы, бывшие на осенней ярмарке в Нижнем Новгороде, были задержаны на обратном пути в Оренбурге вместе с их товарами. Хану Хивы было послано уведомление, что

захваченные в плен купцы не будут отпущены до тех пор, пока не будут освобождены русские пленные и не прекратятся нападения на русских. В это же самое время генерал Перовский получил предписание принять командование над большим военным отрядом и выступить в поход против Хивы. Согласно предписанию, Перовский, после занятия столицы и взятия в плен хана, должен был реализовать освобождение русских подданных, находившихся в хивинском рабстве, установить торговые отношения с хивинским народом, привести к покорности киргизские племена, кишевшие в степи и нападавшие на мирных купцов, а также повести обследование Аральского моря.

Войско, набранное Перовским для реализации этого широкого плана, было совершенно несоразмерно с возложенными на него задачами. Оно состояло менее чем из 6000 человек с какими-нибудь двадцатью пушками. Многие из солдат были ссыльными поляками и преступниками, а большинство регулярного войска — новобранцы, из которых немногие были знакомы с действительной военной службой. Серьезной проблемой, подлежавшей рассмотрению при организации этого карательного отряда, было его интендантство, по необходимости имевшее обширные размеры. При выступлении было решено, чтобы вся провизия и запасы, требующиеся для удовлетворения потребностей отряда, должны были следовать за ним. Поскольку в бесплодных степях, подлежавших переходу, было мало корму для лошадей, было приобретено большое количество верблюдов для интендантского обоза.

18 июня 1839 г. войско выступило из Оренбурга, сопровождаемое 7700 телегами и большим количеством лошадей. С самого начала выступления экспедиция столкнулась с трудностями. Жара была чрезмерной и многие из животных гибли. Колеса телег трескались от жары и запасы приходилось бросать на пути. Запасы воды начали истощаться. Наконец, после многих жестоких испытаний экспедиция достигла 15 июля Ак-Булака и расположилась здесь лагерем на время приобретения необходимых верблюдов. После значительных затруднений, удалось уговорить обитавших в этой области киргиз дать требующихся животных, и осенью было добыто около 10400 верблюдов. Экспедиция ожидала лишь прибытия подкрепления из Оренбурга, чтобы выступить через пустыню в Хиву. 12 ноября подкрепление прибыло в лагерь. Дальнейшая отсрочка похода вызывалась погодой, арктической по суровости. Солдаты, не приученные к невзгодам, терпели большие страдания. Многие умирали. Потеря верблюдов и лошадей была также весьма велика.

Когда, наконец, экспедиция возобновила свой поход, почти одна треть солдат была больна и не менее 600 человек умерли. В начале апреля (1840 г.) девять тысяч верблюдов погибло, и Перовский понял, что его миссия обречена на неудачу. Составляя план своего похода, он помнил судьбу отряда Бековича и перенесенные ими трудности из-за недостатка воды. Во избежание подобных невзгод, он решил выступить своей экспедицией таким образом, чтобы пересечь степи зимой, когда снег обеспе-

ывал бы снабжение питьем. Он не учел, однако, ни суровости морозов, ни затруднений с транспортом. С начала мая количество смертей достигло в общем 80 офицеров и свыше 800 солдат.

Достигнув пункта, расположенного всего на полпути между Оренбургом и Хивой, Перовский покорился обстоятельствам и начал отступление с остатками своего войска. Претерпев множество лишений, он достиг Оренбурга менее, чем с одною третью его начального войска и с одной тысячею верблюдов из десяти тысяч, с которыми он выступил в поход. Досада командира русской экспедиции значительно усилилась, когда вскоре по возвращении в Оренбург, даже не увидав врагов, которых он собирался покорить, он узнал, что главная часть его миссии, для проведения которой был предпринят поход, оказалась выполненной английским капитаном Абботтом, посетившим Хиву в то время, когда Перовский пытался проникнуть в нее. С помощью дипломатии Абботт добился от хана освобождения находившихся в плену русских, которые и прибыли в Оренбург вскоре после возвращения туда остатков русской экспедиции.

Факты, касающиеся этого освобождения, представляют большое значение, говоря о начале сношений между русскими и британскими агентами в Средней Азии.

В 1837 г. царь Николай решил предпринять шаги по обследованию пограничных земель Индии, на случай возможных здесь операций в будущем. Он направил в Кабул лейтенанта Виткевича, номинально для принесения поздравлений эмиру Афганистана, фактически же для собирания сведений об отношениях, существующих между этим правителем и Британией. Путем воздействия на персов, он подстрекнул также шаха отправить экспедицию в Герат под командой большого количества русских офицеров. Весть об этом заставила англичан вступить в Афганистан. Быстрота Элдreda Поттингера разрушила план захвата афганской крепости и расстроенные персидские войска ушли обратно из Афганистана. Данный случай привлек внимание англичан к русским целям в Хиве и британское правительство решило направить в Хиву специальное посольство в целях изучения истинного положения вещей в ханстве. Капитана Абботта сопровождал сэр Ричмонд Шекспир, прибывший в Хиву как раз в то время, когда Перовский отступал по голым степям. Шекспир не терял времени, дипломатически воздействуя на хана, чтобы добиться освобождения многих русских подданных, находившихся в рабстве во владениях хана. Уговоры британского чиновника оказались более успешными, нежели угрозы русских. Хан приказал освободить русских пленных, поручив сэру Ричмонду быть свидетелем выполнения его приказа. Исходя из этого, Шекспир осмотрел все части города, не оставив непосещенным ни одного дома, где могли бы быть спрятаны русские. Количество освобожденных пленных было свыше 400. Их доставили вплоть до укрепления Ново-Александровского на Каспийском море, где они оказались в конце 1840 года.

Возросшая активность, проявленная Россией в отношении Хивы, привлекла к себе серьезное внимание Англии, где ставшее

известным стремление царя к территориальной экспансии в Индии воспринималось с неменьшим беспокойством. Поэтому, когда в 1844 г. Николай посетил Англию, он был интервьюирован по данному вопросу лордом Абердином, знавшим о том, что царь подстрекнул персов к нападению на Герат, и подозревавшим его в интригах против Англии в Афганистане. В результате царь соизволил сделать заявление о признаваемой им желательности придти по вопросу о Хиве и Бухаре к столь же твердому соглашению, к какому пришли в отношении границ Турции, и в заключение дал согласие „оставить ханства Средней Азии в качестве нейтральной зоны, разделяющей Россию и Индию, дабы предотвратить их от опасного соприкосновения.“

Медленно, но верно, русские продолжали укреплять свою пограничную линию внутри страны, до того времени принадлежавшей Большой Киргизской орде северного Туркестана. Были построены форты, долженствовавшие сомкнуть линию аванпостов вдоль Яксарта, и к крепостям, уже имевшимся в Карабутаке и Оренбурге, в 1848 г. добавлено Аральское укрепление на берегу Аральского моря. В следующем году было построено другое укрепление под именем форта № 1 в Казале, в том месте, где Яксарт делает последний большой изгиб перед своим впадением в Аральское море. За этим последовало устройство форта № 3 на реке Куван, недалеко от впадения ее в Сыр-Дарью, а в 1853 г. на развалинах Ак-Мечети вырос знаменитый форт Перовский занимающий одну из наиболее важных стратегических позиций на Сыр-Дарье...

В 1850 г. кокандцы под предводительством (военачальника) Канаат-Ша вторглись в Семиречье, где находились войска, возглавляемые полковником Колпаковским. Силы кокандцев состояли из 15 тысяч человек. Тактика их была хорошо продумана. Однако, Колпаковский определил намеченное нападение и с отрядом, состоявшим лишь из 800 человек, добился поражения врага. Таким образом, власть России распространилась вплоть до горного хребта Ала-Тау. Ободренный этим успехом, полковник Черняев, действовавший, несомненно, по указаниям главной квартиры русских войск, выработал план нападения на Чимкент...

Наступление имело место в 1864 г., когда Черняев продвигался со своей армией из Сибири на соединение с полковником Веревкиным, шедшим с небольшим отрядом из Оренбурга. Объединенные силы напали на Аулиэ-Ату и 16 июня завладели ею. В октябре, после упорной борьбы, русские захватили Чимкент. Черняев решил продолжать продвижение на Ташкент, в надежде, что ему удастся взять город. Ташкентцы оказали упорное сопротивление, и русские были отбиты с большими для них потерями. Черняев решил быть настойчивым в своих действиях и применить военную хитрость, чтобы овладеть городом. Он отступил к Хиазбеку (Ниязбеку), небольшому укреплению на реке Чирчике, в 16 милях от Ташкента, запрудил здесь реку и таким образом лишил город воды. Военная уловка причинила осажденным большие страдания. Было невозможным, однако, осаждать город, стены которого простирались до 16 миль в окружности. Было

сделано, поэтому, нападение на Камеланские ворота, которые и были взяты. 28-го (октября) (1865 г.) депутация от осажденного населения сдала город на милость победителя.

Эти успехи побудили русских поспешить с приготовлениями к окончательному занятию Кокандского ханства. Однако военные операции, оказавшиеся необходимыми при взятии города Туркестана, обладавшего знаменитой мечетью Хазрета Яссава и считавшегося Меккой Сыр-Дарьинского края, снова привлекли внимание европейцев к Средней Азии. Князь Горчаков, бывший в то время русским канцлером, счел разумным обратиться с циркулярной нотой ко всем великим державам с объяснением проводимой политики и защитой расширения русского господства в Азии, вызываемого настоятельной необходимостью. В этом циркуляре русский дипломат указывает, что Россия оказалась в соседстве с большим количеством полудиких племен, представляющих собой постоянную угрозу безопасности и благоденствию Империи. При этих условиях единственно возможным средством поддержания порядка на границах России являлось приведение этих племен в русское подданство. Однако лишь только это было сделано, обнаружилось, что вновь приобщенные к цивилизации племена, в свою очередь стали подвергаться нападениям со стороны более отдаленных племен. Отсюда стало необходимым устройство укрепленных постов на территории этих отдельных племен, чтобы демонстрацией силы привести их к покорности.

Канцлер отмечает, что это положение России в Средней Азии ни в какой мере не является специфически русским. Соединенные Штаты в Америке, Франция в Алжире и Англия в Индии — все были вынуждаемы абсолютной необходимостью расширять свои границы настолько, чтобы поглотить народности, являвшиеся постоянной угрозой их безопасности. Главной трудностью, с которой вынужден иметь дело государственный деятель, является вопрос о том, когда должна закончиться экспансия. В заключение кн. Горчаков переходит к определению миссии России в Средней Азии. Главной целью, которую имели в виду слуги царя, было внедрение цивилизации в дикие страны, образующие область, известную под именем Туркестана. В этом отношении наиболее действительной силой оказалось установление коммерческих отношений. Племена, населяющие этот край, были невежественными и воинственными, и их нужно было научить тому, что для них более выгодно поддерживать и защищать торговлю, нежели заниматься грабежом. Доводы этого циркуляра, изданного 21 ноября 1864 г., были столь убедительны, что они заставили умолкнуть уже на половину выраженный протест, подготовленный Великобританией, и русские, пользуясь дипломатическим успехом своего канцлера, поспешили с продвижением вперед для захвата Кокандского ханства.

В декабре население Туркестана сделало попытку захватить обратно свой священный город, но попытка оказалась безуспешной. Бухарский эмир, сильно напуганный решительным продвижением русских, вступил со своей армией в Коканд и овладел Ходжендом, откуда он направил послание к русским, требуя, что-

бы они приняли магометанство. Черняев послал несколько своих офицеров к хану с протестом против этого требования, но посланцы сразу же были схвачены и заключены в тюрьму. Когда это стало известным, ген. Романовский был отправлен против эмира, который в свою очередь выступил на встречу русским. При Ирджаре произошел бой, кончившийся тем, что бухарцы были обращены в бегство. Ходжент был занят русскими. Воспользовавшись достигнутыми преимуществами, ген. Кауфман, прибывший в Азию для организации управления Туркестаном, решил двинуться на Самарканд и захватить плодородную долину Зеравшан. Продвижение русских не встретило сопротивления. Кауфман, желавший добиться своей цели по возможности без кровопролития, послал эмиру проект договора, по которому город подлежал передаче царю.

В ожидании ответа русские остановились на берегу Зеравшана. Через некоторое время посланный вернулся из бухарского лагеря с договором, по условиям совершенно отличным от отправленного Кауфманом. В ответ на это последний дал эмиру два часа на размышление: подписывать или не подписывать предложенный ему договор. Узнав об этом, бухарцы открыли огонь по русским, которые отвечали с таким успехом, что войска эмира обратились в бегство. На следующее утро явилась депутация от жителей Самарканда с сообщением об уходе бухарских войск и с просьбой к русским вступить в город и принять под свою защиту его население. Таким образом, русские 14-го мая (1866 г.) овладели Самаркандом. Чтобы окончательно добить бухарскую армию и закончить войну, Кауфман, оставив небольшой гарнизон в цитадели, выступил с большей частью своих войск против эмира. Лишь только он покинул город, к Самарканду подошла 20-тысячная армия из Шахрисябза и осадила его. В течение целых трех дней горсточка русских защищалась от численно подавлявшей ее армии противника. Тем временем сведения об окончательной победе Кауфмана над войсками эмира достигли осаждавших, и осада была снята до возвращения генерала и до выпуска воззвания, извещавшего о присоединении Зеравшанской области к России.

Вскоре после этого эмир, чувствуя бесполезность дальнейших уверток, согласился на подписание мирного договора. Основные статьи этого первого договора между Россией и Бухарой предписывали выплату контрибуции в размере 125000 золотых тиллей¹ — ген. Кауфману, которому, как представителю России, была уступлена долина Зеравшана с Самаркандом и Катта-Курганом. Кауфман, в свою очередь, брал на себя обязательство не занимать и не беспокоить город Бухару. Право свободной торговли по всему ханству признавалось за всеми русскими подданными без различия вероисповедания, ответственность за безопасность русских путешественников возлагалась на эмира. Русским был разрешен свободный проезд по всему ханству и к

¹ Золотая тилля расценивается в некоторых местах свыше 12 руб. (примеч Краусса).

соседним с ним владениям. Этот договор был подписан 18 июня 1868 года.

Успехи, достигнутые русскими войсками по всему течению Яксарта, вдохновили Кауфмана направить свое внимание на русификацию всего Восточного Туркестана. В 1851 г. был заключен Кульджинский договор с Китаем, которым узаконивалась торговля между обоими странами. Однако, кроме покровительства караванному сообщению между Джунгарией и Семиречьем и создания русских факторий в Чугучаке и Кульдже,— договор не дал ничего. В течение десяти лет договор держался в секрете, чтобы не привлекать внимания Англии к русской экспансии в Азии. Условия заключенного соглашения не могли обнаружиться вплоть до 1871 г. Восстание мусульман в Кашгарии в 1865 г. привлекло внимание русских к Китайскому Туркестану. Захват Кашгара, а затем Яркента Якубом-беком в 1865 г. послужили к тому, чтобы напомнить русскому правительству о других областях, которые с выгодой могли быть приведены под ярмо московитов.

Тем не менее, границы Китая временно были оставлены в покое, т. к. все силы Кауфмана были посвящены завершению завоевания на западе. Не смотря на повторившиеся неудачи всех попыток захватить Хивинский оазис, со стороны хивинцев не было сделано ничего для защиты владений верхнего Оксуса. Кауфман почувствовал, что пришло для него время взять дело в свои руки. Однако, много еще нужно было сделать, прежде чем было бы благоразумным отважиться на переход через безводную пустыню Кара-Кумов или холодную морозную область Усть-Уртского плоскогорья.

В 1869 г. полковник Столетов был отправлен с батальоном Дагестанского полка и большим количеством казаков и инженеров в Петровск, где они погрузились на корабли, чтобы переправиться в Красноводский залив, расположенный на восточном берегу Каспийского моря. Здесь было построено сильное укрепление, могущее служить в качестве базы для дальнейших военных операций против туркмен. Все эти приготовления к давно обсуждавшейся экспедиции были прерваны вспыхнувшим киргизским восстанием, сильно перепугавшим Уральск и Оренбург. Мятеж продолжался значительное время и только осенью 1870 г. был наконец подавлен. После этого армии был дан приказ немедленно выступить против Хивы. Причиной такой поспешности была вспышка нового восстания в Кашгарии, где имелись признаки заговора Якуб-хана с правителями Бухары и Хивы для объявления священной войны против русских христиан. Когда известие об этом заговоре дошло до Петербурга, были получены новые сведения об оставлении китайцами Джунгарии и о занятии Илийского края мусульманами.

Это неожиданное обстоятельство вызвало необходимость посылки войск в Джунгарию и майор Балицкий, а позднее генерал Колпаковский, отправились в Кульджу с отрядом в 2 тыс. человек. Соппротивление, оказанное русским на р. Или, было незначительным. В июне мятежники покинули китайскую территорию,

и русские тотчас же заняли область, которую они считали своей навсегда.

Как только опасность в Вост. Туркестане миновала, ген. Кауфман направил свои силы на то, чтобы разрушить коалицию ханов Туркестана. Русское влияние решительно и с успехом было использовано на то, чтобы подстрекнуть туркмен на восстание против хивинского хана... Когда Хива, таким образом, была возбуждена восстанием, русские решили нанести удар ее независимости и с этой целью полк Маркозов был отправлен в Красноводск, откуда он должен был выступить через степь... В октябре 1812 г. экспедиция благополучно достигла Кызыл-Арвата, но, пройдя беспрепятственно пустыню, экспедиция в своем дальнейшем продвижении натолкнулась на сопротивление с стороны хивинцев, атаковавших ее у Игды и принудивших русских отступить с потерей большей части их обоза.

Узнав об этом новом поражении, Кауфман решил взять дело покорения Хивы в свои собственные руки и для осуществления этого привлечь такое количество войска, которое было бы достаточно для того, чтобы покончить с трудностями раз и навсегда. В его план входило нападение на оазис с двух сторон. Один военный корпус должен был двигаться против Хивы от Каспийского моря, а другой из Ташжента. Последний корпус должен был получить подкрепление в виде небольшого отряда, вызванного из Оренбурга и долженствовавшего находиться наготове у форта № 1 на Яксарте. В целях исчерпывающей разработки плана нападения, Кауфман отправился в Петербург, где состоялся ряд совещаний по этому вопросу. Именно в это время кн. Горчаков опубликовал свбю знаменитую ноту, касающуюся исключения из Парижского договора статей о Черном море. Достигшие до Европы известия о поражении Маркозова, а также слухи о намеряющемся нападении на Хиву произвели сильное впечатление в Лондоне, и царь, желая, чтобы во время предстоящих военных операций, Англия оставалась спокойной, направил в Англию гр. Шувалова с объяснением русских намерений.

Шувалов прибыл в Лондон в январе 1873 г. и имел несколько свиданий с лордом Грэнвиллем, на которых он повторял множество общих мест, выражавших глубокое чувство дружбы, питаемое его государем, Александром II, к Англии. Шувалов охотно дал многочисленные речательства в том, что у России нет никаких намерений захватить территорию Средней Азии. Основной пункт в объяснениях графа, повторенный с парламентской трибуны, лордом Грэнвиллем, заключался в том, что единственная цель экспедиции, намечаемой к отправке в Хиву, это „наказать Хивинцев за акты разбоя, освободить 50 чел. русских пленных и дать понять хану, что подобные действия с его стороны не могут в дальнейшем оставаться безнаказанными“. Относительно подозрений царя в желании аннексировать Хиву Шувалов заявил, что „овладение Хивой не только далеко от намерений царя, но что подготовлены уже решительные меры не допускать этого и уже даны распоряжения, чтобы намеченная экспедиция никоим образом не привела к длительной оккупации Хивы“.

В марте 1873 г. экспедиция направилась в путь для выполнения возложенного на нее поручения. Колонна, выступившая из Ташкента, находилась под личным командованием ген. Кауфмана и состояла приблизительно из 5500 чел. с 18 пушками и с очень большим количеством верблюдов. Каспийская колонна, которой было приказано выступить из Чикишлара, находилась под командой полк. Маркозова и включала в себя менее 3000 чел., приблизительно с таким же количеством верблюдов. Третья колонна под командой ген. Веревкина выступила из Оренбурга и имела около 2000 чел. пехоты с 6 пушками. По плану все три колонны должны были встретиться у города Хивы. Однако, поскольку ген. Кауфман хотел присвоить себе славу захвата столицы, остальным командующим было приказано, в случае их прибытия в оазис раньше ташкентской колонны, остановиться лагерем и ждать ее, чтобы она могла прибыть до начала атаки. Выработанный порядок был хорошо продуман и искусно выполнялся. Колонны соблюдали определенную для них быстроту передвижения, варьировавшуюся от 27 до 30 миль в день. Мороз был сильный, погода плохая, но войска перенесли их хорошо.

Донесения о передвижении русских, достигших Хивинского оазиса, повергли хана в величайший страх. В надежде спасти себя от предстоящей атаки, он послал эмиссаров в Индию, и Персию, чтобы найти там союзников против России, но это не привело ни к каким результатам. Тогда хан объявил о своем намерении отступить и держаться до конца... Наступающие войска продолжали свой путь через песчаную пустыню без всяких столкновений, исключая случайных стычек с отрядами киргиз или туркмен, и 26 мая ген. Веревкин достиг Оксуса. На следующий день... вечером русские достигли гор. Ходжейли, который они нашли покинутым... 8 июня... хан прислал командующему русским отрядом приглашение прибыть в столицу для переговоров об условиях мира и просьбу о перемирии на это время. Веревкин, помня судьбу Бековича, отклонил приглашение. Вскоре было получено сообщение о том, что Кауфман дал правильный бой хивинским войскам, пытавшимся воспрепятствовать его переправе через Оксус. Хивинцы были рассеяны. Кроме этого, не было никаких известий о положении войск Кауфмана, и Веревкин, достигший предместий столицы, начал испытывать значительные лишения от непрекращающихся нападений со стороны небольших хивинских отрядов, в то время как пушки с городских стен держали русских под огнем.

При таком положении вещей Веревкин решил предпринять нападение на город без дальнейших отлагательств, и утром 9-го июня, не имея сведений о колонне Кауфмана, он начал решительную атаку. Туземцы быстро отступили перед надвигающимися войсками. План предпринятого наступления был хорошо продуман, а солдаты проявили большую стойкость. Многие из хивинских пушек были приведены к молчанию, три из них были взяты, и центр наступающих занял позицию в 50 ярдах от главных ворот города. Теперь, когда весь город находился в его власти, Веревкин вспомнил данное ему распоряжение дожидаться Кауфмана и как раз в то время, когда его офицеры готовились к

штурму городских стен, Веревкин дал приказ об отступлении и вскоре после этого сам был ранен...

Ночью пришло письмо от Кауфмана с извещением о том, что его лагерь находится в 7 милях. Рано утром полковники Ломакин и Саранчев выехали навстречу главнокомандующему, занятому выработкой условий мира с высланным к нему для этой цели эмиром Омаром, дядей хана. Условия, на которых было заключено соглашение и которые были внесены в мирный договор, были довольно тяжелыми и коренным образом противоречили намерениям России, декларированным гр. Шуваловым. Они содержали: передачу России всей территории Хивы по правому берегу Оксуса вместе с дельтой этой реки, выплату контрибуции в размере 2.200.000 руб. в погашение расходов по экспедиции, освобождение русских купцов от пошлин на всей территории ханства и признание ханом своей зависимости от царя.

После того, как этот договор был подписан, ген. Кауфман 10 июня 1873 г. вступил в столицу...

Краусс.

... В течение двадцати пяти дней осады (Ак-мечети), русская артиллерия произвела такие разрушения глиняных стен крепости, что кокандцы были готовы сдать город и с этой целью направили соответствующее письмо ген. Перовскому. Говорят, что несмотря на это русский генерал решил во что бы то ни стало добиться хоть небольшой славы и, бросив письмо в огонь, ответил посланцу: „Мы возьмем крепость штурмом“. На следующее утро он сделал это.

Скайлер, I, с. 54

В 1841 году, когда выработанный ген. Перовским план мести за неудачу хивинского похода не мог быть реализован, в виду дружеских мероприятий хивинского хана, действовавшего под влиянием британских офицеров, русские впервые начали обдумывать план смелого продвижения через оренбургскую степь в области, занятые киргизами средней орды и кокандским ханом. Первым шагом в проведении этого плана было наказание и усмирение киргизов, что было выполнено, во-первых, путем ряда экспедиций, направленных против киргизов, и во-вторых, путем сооружения идущей через степь линии укреплений, занимавших стратегически-выгодное положение. Эти мероприятия энергично проводились генералом Перовским и генерал-губернатором Обручевым. Многие из влиятельных киргизских вождей были либо убиты в сражениях, либо взяты в плен. Мало-по-малу в обширной области, занятой киргизами, водворилось спокойствие.

Это была расчистка пути для главного предприятия-наступления на Сыр-Дарью. В 1848 году Россия достигла этой реки, водрузила свои стяги на ее берегах, и с этих пор продвижение ее вперед сделалось решительным и постоянным.

Бультерт, I с. 160.

„Положение России в Средней Азии подобно положению всех цивилизованных стран, находящихся в соседстве с полудикими кочевыми народами, лишенными прочного общественного устройства. В подобных случаях интересы безопасности границ и торговых отношений требуют, чтобы более цивилизованное государство имело известный перевес над соседями, чьи кочевые обычаи делают их соседство крайне неудобным. В первую очередь нужно оградить себя от набегов и грабежей. Чтобы положить им конец, необходимо в той или иной мере подчинить свое пограничное население. Как только это осуществляется, пограничные жители начинают приобретать более спокойные обычаи. Но тут они в свою очередь подвергаются набегам более отдаленных племен. Правительство обязано охранять их от грабежей и наказывать виновников. Отсюда вытекает необходимость более далеких, более дорогих повторных экспедиций против врага, кочевой образ жизни которого делает его не уловимым. Если же ограничиться только усмирением грабителей и отступить обратно, то урок скоро забудется и отступление противника будет приписано его слабости, народы Азии в особенности, признают только видимую и ощутительную власть, моральная сила права и интересов цивилизации не имеет для них пока никакого значения. Поэтому всегда придется начинать сначала.

„Чтобы положить конец этим длительным беспорядкам, создают несколько укрепленных пунктов среди враждебных племен и явным превосходством силы, так или иначе вынуждают их покориться. Но тотчас же более отдаленные племена по ту сторону этой второй линии, вызывают те же опасности и заботы об устранении их. Перед правительством встает альтернатива: или отказаться от разрешения этого бесконечного вопроса и предоставить свои границы постоянным беспорядкам, которые делают всякое развитие, безопасность и цивилизацию невозможными, или же — проникать все дальше и дальше в глубь дикого края, где трудности и тяжести увеличиваются с каждым шагом.

„Эта участь постигла все страны, находившиеся в подобных обстоятельствах. Соединенные Штаты в Сев. Америке, Франция в Алжире, Голландия в ее колониях, Англия в Индии — все они неуклонно должны были пройти этот продолжительный путь, и это делалось не столько из честолюбия, сколько из необходимости обуздать дикие племена, причем наибольшая трудность заключалась в умении остановиться в нужный момент.

„Это явилось также причиной, заставившей царское правительство создать укрепленные линии с одной стороны у Сыр-Дарьи, с другой стороны у Иссык-Куля и соединить их затем аванпостами. Посты эти проникали постепенно в сердце отдаленного края, тем самым, однако, не удавалось добиться необходимого для наших границ покоя. Причиной этой безуспешности в первую очередь

¹ Нота приводится у Петцольдт с пропуском нескольких несущественных мест. (Р е д.)

было то обстоятельство, что между конечными пунктами этой двойной линии оставалась незаселенной необозримая пустыня, в которой набеги хищников исключали возможность и колонизации и караванной торговли. Благодаря шаткому политическому положению этого края, где Туркестан и Коканд то воевали между собой, то объединялись для войны с Бухарой, но постоянно воевали, было немыслимо установить прочные отношения или вести какие бы то ни было систематические переговоры.

„Царское правительство очутилось таким образом против своей воли перед упомянутой выше альтернативой, т. е. или допустить состояние постоянных беспорядков, подрывающее всякую безопасность, всякое движение вперед, или обречь себя на дорогие, отдаленные, практически безрезультатные экспедиции, которые всегда надо снова повторять, или, наконец, вступить на бесконечный путь завоеваний и аннексии, приведший Англию к господству над Индией, когда она силой оружия одно за другим приводила в подданство мелкие независимые государства, чьи хищнические навыки, беспокойные нравы и постоянные мятежи не давали соседям ни отдыха, ни покоя.

„Ни одна из-этих альтернатив не отвечала цели, которую поставила себе политика нашего Великого Государя и которая состоит не в безграничном расширении подвластных его скипетру земель, но скорее в том, чтобы дать своему владычеству на этих землях прочное основание, гарантировать им безопасность, развить их общественность, их торговлю, их благосостояние и их цивилизацию.

„Нашей задачей было найти систему, с помощью которой все это было бы достижимо. Для этого были выдвинуты следующие принципы:

„1) Было признано необходимым установить такой контакт между обоими нашими пограничными линиями, из которых одна простиралась от Китайской границы до Иссык-Куля, другая от Аральского моря вдоль Сыр-Дарьи, чтобы наши посты были в состоянии поддерживать друг друга, будучи неразрывно связанными. Таким образом, кочевники не могли бы безнаказанно совершать свои хищнические набеги.

„2) Было важно, чтобы устроенная таким образом линия наших аванпостов находилась в местности достаточно плодородной в целях не только обеспечить себя средствами к существованию, но также, чтобы облегчить систематическую колонизацию, которая одна, приобщая соседние племена к цивилизации, может подготвить стране цветущее будущее.

„3) Наконец, было необходимо окончательно укрепить эту линию, чтобы избежать опасности, переходя от репрессации к репрессации, до бесконечности расширять наши границы.

„Для этой цели нужно было ввести основные положения в такую систему, которая не только базировалась бы на зрелых умозаключениях, обладающих гибкостью, но опиралась бы также на географические и политические условия, всегда прочные и неизменные. На эту систему натолкнул нас простой факт, явившийся результатом долгого опыта. а именно, что кочевые племена, кото-

рые нельзя ни обуздать, ни сдерживать должным образом в покорности, представляют для нас самое нежелательное соседство и что, напротив, живущие оседло на своей родной земле и не имеющие развитую социальную организацию дают нам надежду на лучшие добрососедские отношения. Линия наших границ должна была поэтому замкнуть территорию кочевых племен и оборваться у пределов оседлых народов.

„Эти три принципа дают ясное, естественное и логическое объяснение военных операций, которые недавно производились в Средней Азии.

„В самом деле: первоначальная линия нашей границы вдоль Сыр-Дарьи до Форта Перовского с одной стороны и до Иссык-Куля с другой, представляла тот недостаток, что она почти упиралась в пустыню, прерываясь на огромное расстояние между обоими крайними точками. Она не представляла нашим войскам достаточного количества вспомогательных средств и оставляла за пределами границы племена, сношения с которыми были необходимы в интересах постоянного общения. Эти побудительные причины были достаточно сильны, чтобы заставить царское правительство, несмотря на наше отрицательное отношение к дальнейшему расширению границ, установить непрерывность пограничной линии между Иссык-Кулем и Сыр-Дарьей укрепив, незадолго перед тем, занятый нами город Чимкент. Устанавливая эту линию мы достигаем двойного результата: с одной стороны, местность, которую она охватывает, становится плодородной, озеленяется, пересекается многочисленными водами. Частично она населена киргизскими племенами, признавшими уже наше господство. Она содержит в себе поэтому благоприятные элементы для колонизации и для снабжения провиантом наших гарнизонов. С другой стороны, она дает нам, как непосредственных соседей, оседлое земледельческое и торговое население Коканда. Мы сталкиваемся с социальным строем народности более положительной, более объединенной, менее подвижной и более организованной. Это соображение определяет с географической точностью линию, к которой нас ведет интерес и благоразумие; предписывая нам здесь остановиться, потому что, с одной стороны, всякое дальнейшее расширение нашего владычества столкнуло бы нас уже не с таким непостоянным населением как кочевые племена, но с более правильно устроенными государствами, потребовало бы от нас значительных усилий и повело бы от аннексии к аннексии, к нескончаемой запутанности и потому, что, с другой стороны, мы, находясь в соседстве с такими государствами, несмотря на их отсталую цивилизацию и непрочное политическое положение, все же можем быть гарантированы, что наступит день, когда на пользу обеих сторон более правильные отношения займут место постоянных беспорядков, останавливающих до сих пор развитие этого края.

„Таковы интересы, которые служат основными мотивами политики нашего великого государства.

„Мне нет необходимости указывать на очевидную заинтересованность России не увеличивать дальше свою территорию, а

в особенности на своих границах избегать запутанности отношений, которая может только остановить и ослабить ее внутреннее развитие. Намеченная мною только-что программа отвечает этим задачам.

„За последние годы нередко усматривали миссию России во введении цивилизации в местностях, прилегающих на Азиатском континенте к русским границам.

„Прогресс цивилизации не знает более успешных агентов, чем торговые отношения. Эти последние требуют для своего развития порядка и постоянства. В Азии, однако, они требуют коренного изменения обычаев. Прежде всего нужно внушить народам Азии, что для них выгоднее способствовать торговле караванов и заботиться об их безопасности, чем грабить их. Истины эти могут проникнуть в общественное сознание только там, где существует наличность общества, т. е. социальной организации и власти, руководящей ею и ее представляющей.

„Мы выполним первую часть этой задачи, выдвинув наши границы до пределов, где имеются на лицо выше указанные условия.

„Мы выполним вторую часть, если в будущем постараемся доказать соседним государствам (твердостью системы в отношении подавления злоупотреблений, но в то же время, проявляя мягкость и справедливость в применении власти и уважая их независимость), что Россия не является врагом их, что она не питает по отношению к ним завоевательных планов и что мирные торговые отношения с ней выгоднее, чем беспорядок, грабеж, вражда и непрерывные войны.

„Императорский Кабинет, посвящая себя этой задаче, имеет ввиду интересы России, но тем самым думает послужить интересам цивилизации и гуманности. Он вправе рассчитывать на справедливую и лояльную оценку пути, по которому он следует и принципов, которые им руководят“.

Петцольд, с. 377—383.

ЗВЕРСТВА РОССИЙСКИХ ВОЙСК. КОЛОНИАЛЬНЫЕ МЕТОДЫ УПРАВЛЕНИЯ

...Покорение этих народов [Средней Азии] и захват их территории были достигнуты только благодаря безмерной трате жизней и денежных средств и еще большей вопрос компенсируются ли когда либо огромные ценности, затраченные на завоевание Средней Азии...

Краусс, с. 124.

...Не подлежит сомнению, что Россия сама повинна в значительных жестокостях, допущенных ею при завоевании Ср. Азии. Такие факты, как избиение иомудов Кауфманом и бойня, учиненная над текинцами сначала Ломакиным, а затем Скобелевым, ни в какой мере не могут быть оправданы с моральной точки зрения. Однако, русские власти, преследуя свои собственные инте-

ресы, открыто защищали эти избиения. Однажды, останавливаясь на данном вопросе по одному важному поводу, Скобелев, сам ответственный за убийство при Геок-Тепе 8.000 беззащитных текинцев, оправдывал свое поведение тем, что продолжительность мирных отношений с азиатами прямо пропорциональна насилию, которое вы учиняете над ними. Скобелев заявлял: „чем сильнее вы бьете их, тем дольше после этого они будут пребывать в спокойствии“. Продолжая, он говорил: „моя система состоит в том, чтобы бить сильно и бить до тех пор, пока полностью не будет сломлено сопротивление, затем сразу установить порядок, прекратить избиения и стать добрым и гуманным к коленопреклоненному врагу“.

Краусс, с. 128.

...Русскими авторами установлено, что отвратительное избиение Кауфманом туркменского племени иомудов было учинено исключительно для того, чтобы он смог заявить свои притязания на награду за свои выдающиеся заслуги на поле битвы. Подробности этого события таковы. Кауфман прибыл к границам Хивы после того, как хан сдался ген. Веревкину, опередившему в нападении на Хиву главный корпус русской экспедиции. Видя, что дело, для которого он прибыл сюда, уже завершено, Кауфман дал распоряжение об избиении иомудов, чтобы иметь возможность указать в донесении и на свое участие в боевых схватках... Успех Кауфмана, получившего за этот подвиг георгиевский крест, стимулировал стремление других офицеров подражать его тактике.

Краусс, с. 132—133.

Другой автор ... выдвигает подобное же обвинение против Ломакина за его поведение во время экспедиции против текинцев. При штурме Денгил-Тепе генерал отклонил заявление о капитуляции со стороны осажденного гарнизона, предпочтя разыграть большую военную операцию, чтобы предоставить своим командирам случай покрыть себя славой.

Краусс, с. 138.

...К сожалению, почти нельзя сомневаться в том, что русский офицер сегодняшнего дня близко напоминает своих предшественников. Этот вопрос достаточно подробно разбирался Скайлером в его замечательном труде о Туркестане и нужно опасаться, что в отношении недобросовестности, взяточничества, коррупции и дурного управления положение с того времени изменилось очень немного.

Краусс, с. 136.

¹ Чарлз Мэрвин (прим. автора).

На территории всех азиатских владений России ее политика является политикой агрессивного империализма. Управление целиком вверено военным чиновникам, и денежные средства областей полностью предназначаются на организацию военных округов, которые должны быть максимально сильными. Для поощрения развития торговли сделано мало или не сделано ничего. Основной пункт, который имеется ввиду, заключается в том, чтобы все время расширять владения царя, не обращая внимания на внутренние интересы страны или потребности ее населения. Коротко говоря, ее стремление к экспансии является стремлением к ассимилированию, и не было сделано ни одной попытки к тому, чтобы содействовать благосостоянию народностей, время от времени добавляемых к населению империи. Лорд Керзон заявлял: русская система может рассматриваться, как система управления, но она не может быть названа системой, ведущей к преуспеянию и цивилизации. В ней отсутствует моральный принцип, и она не оказывает внимания вещам более высоким, чем военные укрепления и грунтовые дороги, железнодорожные пути и телеграфное сообщение“.

Краусс, с. 141.

...Полковник Пржевальский рассказывает разные сказки об управлении Кульджей, но вот что пишет о Кульдже г-н Де-Уйфайви: „...После гражданской войны, в течение нескольких лет опустошавшей страну, долина Или представляет собой печальное зрелище. Путешественник проезжает мимо дюжин городов в развалинах; поля заросли сорной травой; многочисленные каналы пересохли и даже прекрасной карагачевой роще, насаженной китайцами между Борохудзиром и Ак-кентом на протяжении 30 миль, угрожает гибель из-за недостатка воды, если в ближайшее время не будут приняты соответствующие меры. Прежде население края составляло более 2 миллионов, теперь же здесь едва насчитывается 130 тысяч. Цветущие города, такие, как Новая Кульджа или Или (300 тыс. жителей) Базендай (100 тыс.) и Чимпансай (50 тыс.) исчезли; от них остались лишь развалины. Многочисленные промышленные предприятия, имевшиеся в этом крае, были сожжены, а трудолюбивое население перебито без различия пола и возраста“.

Таково, свидетельство путешественника, бывшего в Кульджинском крае в течение последнего года. Его сообщение полностью подтверждается тем, что видел мистер Скайлер шесть лет спустя. Русские не сделали буквально ничего полезного для Кульджи и ее населения в течении тех семи с половиной лет, что они были здесь... Если бы нам нужно было судить о заслугах Китая и России, как системах управления, было бы неправильно для получения ответа сравнение состояния Кульджи в 1860 г. с положением ее теперь, в 1879 г., после того, как она имела мнимое благо в виде семилетнего управления русскими чиновниками. В 1860 г. здесь были каналы и дороги, леса, возвышающиеся с одной стороны, и плодоносные поля растилающиеся с другой спокойствие и порядок, бойкая торговля и преуспевающее

население. В 1879 г. все это исчезло или сделалось бесполезным, исключая дорог, которые, подобно дорогам Рима, не подвергались разрушению. Край стал спокойным, но это спокойствие только результат военного деспотизма. Под властью Китая Кульджа насчитывала 2 миллиона жителей, а при русском управлении ее население не возросло по сравнению с тем небольшим количеством, до которого оно было доведено в результате магометанского насилия. Китай показал себя в качестве заботливого и рассудительного правителя, Россия же в этом отношении может быть сравнена с правителем беззаботным и непредусмотрительным.

Бульгер, т. 1, с. 22—24.

... Во всяком случае, эта система управления Туркестаном — насквозь прогнившая система... Некоторые путешественники¹ заявляли, что здесь среди русского офицерства и чиновничества наблюдается распущенность нравов, сильно понижающая основательность их претензии на то, что они — представители цивилизованной нации... Имеется большое количество свидетельств другого порядка, подтверждающих, что русский, ищущий службу в Средней Азии, делает это в состоянии отчаяния и иногда не стремится высказывать какие-либо цели, возвышающиеся над целями авантюриста. Он покидает удовольствия и роскошь Москвы или столицы, чтобы обрести по ту сторону степей убежище, искать которое его вынуждают безрассудство или преступление в Европе.

Подобными людьми управляется обширное владение России в Средней Азии. И как же можно ожидать, чтобы такая власть была почитаема или уважаема степными и почтенными мусульманами Коканда и Самарканда? В заурядном русском человеке нет ничего, чтобы могло внушить к нему симпатию или уважение. Некоторые утверждают, что при известных условиях он — живой и веселый товарищ. Но если бы он был, как уверяет проф. Григорьев, современным представителем всепобеждавших римлян, необходимо было бы признать, что он утратил те личные характерные признаки, которые отличали соотечественников царя. На более обычный взгляд, русский человек не имеет той привлекательной или поразительной внешности, которая явно усматривается в нем его панегиристами и компатриотами. Некоторые даже утверждают, что он — всего-навсего татарин, одной и той же расы с теми, которых он, с помощью западной науки, поработил и которые могут, однако, в будущем отогнать москвитя при помощи тех же самых средств, которыми пользовался он сам, обратно к стенам Москвы и к берегам Черного моря.

Бульгер, т. 1, с. 63—65.

Русские генералы были... слепы и почти в течение столетия продолжали ошибочную политику поддержки потомственных ханов, не обладавших и тенью влияния или авторитета среди

¹ Даже майор Вуд (Wood), который не может быть назван анти-русским писателем, подтверждает это обвинение (прим. автора).

своего народа и живших главным образом в русских укреплениях. Хотя киргизы были теперь русскими подданными, степь была более беспокойной и опасной, нежели прежде, и зачастую русские были вынуждены поддерживать своих „протезе“ и силой оружия смирать их непокорных подданных, в то время как торговля с мирными странами Средней Азии весьма сильно затруднилась.

В 1824 г. власть ханов была уничтожена, и вся страна разделена на три области, управляемые регентами-султанами. Однако, это разделение было проведено непродуманно, родовые различия и земельные права не были приняты во внимание, и трудности ситуации попрежнему остались не устраненными. Киргизы питали больше уважения к своей аристократии и народные массы или „черная кость“ видели своих вождей в „белой кости“ или в потомках ханов и правящих фамилий. Эти люди стояли за свои роды или семьи, защищая честь и безопасность их членов. Почитая одновременно с этим храбрость, набеги и смелость и любя свою независимость, киргизы всегда были готовы последовать за знаменем любого „батыря“ или героя, вроде Сарыма Арунгази или Кенисары, который мог появиться в степи. Регенты-султаны либо были простой креатурой России, совершенно лишенной влияния, либо же сами были склонны время от времени учинять мятежи, и ни они, ни ежегодные военные экспедиции из Оренбурга не могли добиться успеха в установлении порядка в степи.

Устройство русских фортов и размещение гарнизонов в стратегически господствующих местностях степи, проведенные ген. губернатором Обручевым в 1845 г., а также последующее продвижение русских на Сыр-Дарье, улучшили положение вещей...

Скайлер.

ПРОДОЛЖЕНИЕ ЗАХВАТА СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНА

... Постепенно и в следующем порядке возводились... укрепления: в 1845 г. было построено укр. Оренбургское на р. Тургае и Уральское на р. Иргизе. Ново-Александровское укр., основанное в 1833 г. у Мертвого Култука, при начале залива Кайдак, по неудобству местности, в 1846 г. было оставлено, а вместо его построено другое, Ново-Петровское, на полуострове Мангышлаке, около Тюк-Каргайского залива. Считаю необходимым сказать несколько слов об этом последнем укреплении. Место, на котором оно воздвигнуто, изобилует прекрасным известковым камнем (ракушный известняк), и потому это есть единственное во всей степи укрепление, которое сделано все из натурального камня, а здания крыты железом. Весь потребный для постройки лесной и железный материал доставлялся водой из Астрахани, все своевременно и самого лучшего качества, по личному распоряжению тогдашнего корпусного командира, генерал-от инфантерии Обручева. Ново-Петровское укр. замечательно по своей

тщательной постройке, начатой и оконченной в продолжение менее чем полутора лет. Строителем его был инженер-капитан, ныне военный инженер-полковник, Геннерих, по проектам которого с прошлого года приступлено к перестройке всех фортов на Сыр-Дарьинской линии.

В 1847 г., на правом берегу Сыр-Дарьи, в 60 верстах от ее устья, основано было укр. Аральское (Римское). В 1848 г. для облегчения сообщения степных укреплений с Оренбургской линией, построен форт Карабутакский, на р. Карабутак, впадающей в р. Иргиз. Наконец, в 1853 г., со взятием Ак-мечети на месте ее основан форт Перовский; форт №1 (Казала) — на правом же берегу р. Сыра, несколько выше рукава Казалы, и почти на половинном между ними расстоянии — форт № 2 (Кармакчи).

Несмотря на это число укреплений, разбросанных по разным пунктам обширного степного пространства, степь не пользовалась совершенным спокойствием. От времени до времени, шайки Киргизов, предводительствуемые отважными батырями, нападали на беззащитные купеческие караваны или производили опустошительные набеги (баранты) на киргизские аулы. Хотя после всякого такого случая и были высылаемы из ближайших укреплений отряды (поиски), но дело кончалось чаще, или даже всегда, тем, что виновные успевали укрыться и избежать преследований и через несколько времени опять принимались за прежнее ремесло. Иногда же случалось, что поиск, вместо виновных наказывал совершенно безвинных, — обстоятельство, которое разумеется, не могло не восстанавливать киргизов против наших административных властей. По всем этим причинам, сообщение в степи не иначе могло производиться, как под прикрытием более или менее сильного конвоя. Все эти обстоятельства я привел для того, чтоб показать, в какой степени пользовалась степь спокойствием за какие-нибудь два года и даже менее до сего времени.

Уроки предшествовавших лет послужили поучительным примером для дальнейших действий. Очевидно было, употреблять всегда и везде вооруженную силу неуместно, а частью и вредно.

Ар. Грен. Письма из форта Перовский (Ак-мечеть).
Военный Сборник 1859 г, т. X, с. 438—9.

... С этой эпохи [с 20-22 г.] начинает обозначаться стремление к новым наступательным движениям, можно сказать, к завоеваниям, хотя для первого раза на собственной территории, именно в сибирской степи. По представлению ген. губернатора Сперанского решено было фиктивное подданство тамошних киргизов обратить в действительное, и с этой целью в центрах проектированных им округов устроить укрепления, при которых бы помещались приказы. В такие укрепления обыкновенно высылались с линии гарнизоны из казаков и даже регулярной пехоты. Но как содержание их, по отдаленности от линии, стоило дорого, то мало по малу сибирские власти пришли к мысли выселять в степи казаков, которые суть и воины, и земледельцы вместе. Таким образом в степи постепенно образовалась новая,

передовая линия, ставшая в свою очередь, предметом хищничества номадов. Нужно было опять высылать отряды, опять основывать укрепления (Актау, Улутау) и т. д. Тут начало системы, которая привела нас за Балхаш, к Или, к Алатау и наконец в Небесные горы и в Туркестан, системы, выработанной не народом, не партиями завоевателей-колонистов, а администрацией, т. е. самим правительством.

Система эта, как сказано, на первое время проводилась только в западно-сибирской степи, которая со времени Сперанского получила особое административное устройство, вынуждавшее нас иметь определенные и постоянные центры за Иртышем, в 200 и 300 верстах на юг от него и от Горькой линии. В Оренбургской же степи долгое время никаких передовых линий и укреплений не было¹. Тамошние генерал-губернаторы больше полагались на умиротворяющее влияние промышленных интересов, которые возрастали между киргизами вследствие развития караванной торговли в степи, да на временные отряды, высылаемые при нужде, и потому они не желали строить среди киргизов укреплений, а тем больше станиц. Но в 1835 году, вдруг, в Оренбургской степи не только была устроена так называемая „новая“ линия, т. е. ряд укреплений между крепостями Орской и Звериноголовской, отрезавший у киргизов Малой орды обширные и наилучшие места для кочевков, но и самое отрезанное пространство заселено казаками. Мера эта в военном отношении достигла цели, т. е. прикрыла Верхнеуральскую и Уйскую линии от хищников, но совершенно разорила многих киргизов, а еще более выселенных в степь казаков, которые даже прибегали к открытому сопротивлению переселявшим властям. Притом она развила такие волнения в степи, что для обеспечения вновь водворенных станиц ген. Перовский начал было строить непрерывный вал, вроде китайской стены, долженствовавший связать крепость Орскую с укреплениями Императорским, Наследника и проч.

Кроме того, чтобы быть ближе к отдаленным кочевьям степных хищников и прикрыть от их разбоев рыбные ловли на Каспийском море, в 1834 году основано было при заливе Кайдак укрепление Ново-Александровское. Но все эти пограничные военные меры не достигали цели, и скоро в степях образовалось правильное восстание под предводительством умного и предприимчивого Кенисары—Касимова. Оно продолжалось до 1845 и 1846 годов, когда наконец Кенисары был убит дикокаменными киргизами, а в степи генералом Обручевым основаны укрепления на Иргизе и Тургае. (Оренбургское и Уральское).

В 1847 году, по личной воле императора Николая², явилось даже укрепление на Сыр-Дарье (Раимское), а еще раньше того,

За исключением впрочем небольшой илецкой линии, выдвинутой в 1810 г. с специальной целью прикрыть местные соляные копи. [Прим. Венюкова].

² Ген. Обручев, в силу известного правила наполеоновской стратегии, что голодные степи составляют наилучшеекрытие границ, думал было остановиться по сую сторону Барсуков и Каракума, но государь нашел, что в общеполитических видах лучше основать укрепление по ту сторону названных песков, именно на низовьях р. Сыр-Дарьи. (Примеч. автора).

в сибирской степи, основан Копал, за которым уже начинались кочевья Большой орды. Орда эта, дотоле бывшая независимой или подвластной номинально то китайцам, то кокандцам, в 1846 году наконец приняла русское подданство, и таким образом к 1847 году наша государственная граница, по крайней мере теоретически, перешла на Или, к хребту Алатау, к рекам, Чую и Сыр-Дарье.

Граница эта имела ту любопытную особенность, что вся средняя часть ее, по правой стороне Чуя и Сыр-Дарьи, есть бесплодная степь, где нет возможности ни селить станиц, ни возводить укреплений, ни даже держать хотя бы самые легкие подвижные военные отряды. Следовательно, никакая линия не могла возникнуть на полуденной окраине наших степей, и государственный рубеж оставался фиктивным. Чтобы образовать эту линию, нужно было перейти Чуй и стать по крайней мере у подошвы Киргизын-Алатау, Боролдая и Каратау, заняв в то же время Сыр-Дарью до Ак-Мечети или Джулека. Это и было сделано мало-помалу, сначала занятием Сыра до Ак-Мечети (1853) и водворением русских поселений за Или (1855), а потом взятием Токмака, Пишпека (1860), Аулие-Аты, Джулека, Азрета, Чимкента (1862—1864). Затем война с кокандцами, разгоревшаяся по поводу этих приобретений, привела нас даже к завоеванию Ташкента, в котором уже до штурма его в 1865 году образовалась партия, желавшая освободиться от тирании кокандских хана и беков и перейти под власть европейски-устроенного правительства.

Покорность киргизов сопровождалась немедленно основанием линий. С тех пор политика наша долго стояла за эти линии как за рубеж, чрез который переступать не следует... кроме, конечно, случаев, когда того требовали беспокорности, причиняемые собственными заливными подданными... Это было странное явление двойной государственной границы—действительной и фиктивной—на пространстве от Каспийского моря до подножий Алтая. И, что еще страннее, такая двойственность поддерживалась иными местными деятелями, которые не могли не знать близко всех крайних ее неудобств. Неопределительность же взглядов на степи центральной администрации была так велика, что никаких попыток к правильному устройству их не было сделано в течение целых девяноста лет со времени приобретения их. Ханы продолжали считаться главами двух орд, Малой и Средней, хотя в действительности власть их нередко бывала совершенно ничтожна, и киргизы повиновались разным султанам, биям и батырям, которые не стеснялись производить всевозможные беспорядки и грабить не только наши караваны в степи, но даже самую пограничную линию.

... Для этого, с одной стороны, устроены были первые укрепления и приказаны в землях Средней орды, впереди линии, а с другой сделаны экспедиции Муравьева и Берга к стране средне-

¹ Учреждение киргизских судов в Оренбурге и Петропавловске, куда никто из ордынцев не являлся на разбирательство, конечно, не может быть названо шагом к правильной администрации степей (Примеч. автора).

азиатских ханств и основана передовая Илецкая линия около Оренбурга, в земле Малой орды.

Двадцатилетний период, с 1834 по 1853 год, весь был посвящен одному упрочению и расширению наших границ в Средней Азии. И хотя при этом не было составлено ничего подобного тому изящному и глубоко-обдуманному плану, который в 1856—1864 годах привел, с неотразимой последовательностью, к обращению Кавказа в русскую землю, но правительство уже употребляло все меры, чтобы действовать сознательно. Для этой цели отправлялись ежегодно за нашу линию экспедиции разведочные и даже иногда политические. Но в самом начале этой деятельности была сделана важная ошибка: отрезаны у киргизов Малой орды лучшие их кочевки между Новой и Старой линиями и отданы казакам. Степь отвечала на захват волнениями, которые при Кенисаре достигли своего апогея. Борьба же с волнениями вынудила, с одной стороны, частое употребление дорогого паллиативного средства — высылки в степь временных отрядов, а с другой, привела к мере еще более дорогой, хотя и считавшейся радикальной — к военным походам в средне-азиатские ханства. Эти походы тогда были, очевидно, разновременны, но они были в духе общей политики, возникшей тогда в правительственных средах под влиянием соперничества с Англией. Неудача экспедиции ген. Перовского к стороне Хивы заставила, однако, изменить стратегические приемы наши по отношению к Средней Азии, и от системы подвижных отрядов, имевшей будто бы ту выгоду, что она лишала киргизов их земель чрез водворение наших селений, мы перешли к системе степных укреплений, успех которой уже был испытан в Сибири.

В 1846 году положено было, в придачу к двум уже возникшим степным укреплениям, Иргизскому и Тургайскому, основать третье не на верховьях Эмбы, как полагало оренбургское начальство, а на нижнем течении Сырь-Дарьи. Это был второй роковой шаг со времени Бирона, шаг после которого не было уже поворота назад, хотя повидимому лица, производившие его, смотрели на дело иначе и думали ограничиться северными берегами Аральского моря, Сыра и Чу. Одновременно с этим „успехом“ на оренбургской окраине, были сделаны приобретения и в западной Сибири: присягнула на подданство Большая орда, которая со времени падения Чжунгарского царства подчинялась то Китаю, то Коканду и не имела, по самому положению своему за Балхашем и за двумя полосами песков, никаких почти сношений с Россией.

Основание Раимского укрепления, разумеется, не успокоило Оренбургской степи, и караваны как из Бухары, так даже из Хивы, проходившие очень близко от Раима, продолжали терпеть от хищников. Притом отдаленность этого форта от действительных наших границ делала положение его самого довольно опасным, тем более, что на Сыре приходилось иметь дело уже не с одними номадами, а и с оседлыми жителями средне-азиатских ханств. Эти последние с справедливым опасением взирали на приближение грозного соседа с севера, и потому употребляли

все меры понудить его возвратиться назад. Но это было уже невозможно, разве если бы мы раз навсегда отrekliсь и от всяких владений в Средней Азии, и от приобретенного на нее нравственного влияния, которое поддерживать можно только непрерывными успехами, без малейших неудач или отступлений.

За Раимом следовала целая сыр-дарьинская линия, особенно после того, как последняя попытка Перовского приложить прежнюю систему отрядов кончилась несовсем удачно, отбитием (в 1852 году) полковника Бларамберга от Ак-Мечети. В 1853 году Ак-Мечеть была взята и основан форт Перовский, с двумя другими, лежащими ниже его по Сыру. Но эта линия, если так можно выразиться, висела на воздухе. Не только снабжение ее всем нужным было до крайности затруднительно¹ по отдаленности от Урала, но самая охрана ее требовала больших забот и постоянного напряжения всех наших сил в степи, потому что кокандцам и состоявшим под их покровительством каратауским киргизам ничего не стоило обходить наш левый фланг и перерезывать сообщение с укреплениями на Иргизе и Тургае, следовательно с Россией вообще. Необходимость примкнуть левый фланг оренбургской передовой линии к правому флангу сибирской становилось очевидной; но удовлетворить ей было не легко, потому что между Ак-Мечетью и Верным, основанным в 1855 году, лежит не менее 900 верст самых безотрадных степей.

Вопрос о соединении линий или о сомкнутии границы в начале 1860-х годов занимал одинаково как центральное правительство, так и местных главных начальников в западной Сибири и в Оренбурге; но взвесить нужные для решения его средства казалось затруднительным, как по недостаточному знанию нами местных естественных условий зачуйского края, так и по недовольно-ясному представлению о могуществе Кокана. Наконец смелые поиски небольших отрядов на Чу, Иссык-Куле, Нарыне и в Каратау, падение Токмака, Пишпека, Джулека, освоили нас с мыслью, что занять линию по северную сторону гор Киргизын-Алатау, Боролдая и Каратау не составит большого труда. Но для занятия этой линии мы должны были начать с обоих ее концов наступательные действия довольно большими отрядами, втянуться в войну с Коканом; эта же война привела нас незаметно в бассейн Арыса, т. е. на каждую сторону Боролдайских гор, к Туркестану, Чемкенту и, наконец, в 1865 году, к Ташкенту.

Веньков М. Опыт военного обозрения русских границ в Азии, с. 9, 12, 26-32.

ПОХОД В ХИВУ (1873 г.).

...По словам начальника отряда, десять тысяч кибиток мангыгашлакского населения должны иметь только для перевозки имущества и домашнего скарба во время своих перекочевок не

¹ Например, бревна для построек привозились на вьюках из Оренбурга (примеч. автора).

менее 40 тысяч верблюдов. На самом деле цифра эта гораздо значительнее, так как редкий из здешних номадов не считает своих верблюдов десятками. Теперь вся эта масса людей и верблюдов как бы провалилась сквозь землю. Все это бросило обыкновенные места своих аулов вслед за первыми известиями о намерении русских двинуть к пределам Хивы новый отряд из Мангышлака, и удалось за сотни верст от нас, частью на окраину полуострова, к Кайдакскому заливу, а частью на Усть-Юрт к хивинским пределам.

Между тем, верблюды — все для нас. Они в значительной мере обуславливают успех всего дела и для того только, чтобы подняться с места с двухмесячным продовольствием, нам необходимо их до 2.500 голов. Но добыть верблюдов при настоящих условиях оказывается больше чем трудно, и до сего времени мы приобрели всевозможными путями только 900, из коих одна треть слабых и ненадежных.

Такое положение дела вынуждает, конечно, безотлагательно приступить к самым крайним мерам, и вот, между прочим, 12 апреля послан майор Навроцкий с двумя сотнями для отбиия верблюдов путем внезапного нападения на киргизские аулы, кочующие у Кайдакского залива.

...Сейчас получено донесение майора Навроцкого о его удачном набеге на кочевья около Кайдакского залива. Киргизы сопротивлялись с оружием в руках, и у нас убит один и ранено несколько казаков, но отбито при этом столько верблюдов, лошадей и овец, что две сотни с трудом ведут их. По просьбе Навроцкого, на встречу к нему посылают конно-иррегулярцев.

С. Алиханов—Аварский М.

ПОЛИТИКА „РАЗДЕЛЯЙ И ВЛАСТВУЙ“

Политические действия наши в Средней Азии, как кажется — должны клониться к нижеследующему:

1. Учреждению, развитию и облегчению судоходства нашего по р. Аму и устройству современем укрепленной станции для нашей флотилии.

2. Поддержание с Бухарским эмиром, самым надежным и сильным владетелем в Средней Азии, дружественных сношений, стараясь всеми мерами предупредить вмешательство Английской политики в дела Средней Азии.

3. Поддержание внутренних раздоров и смут в Хивинском Ханстве и спор Ханов с Бухарою, а также стремления Каракалпаков и Киргизов отделиться от Хивы. Признание Киргиз и Каракалпаков Хивинского ведомства нашими подданными и занятие г. Кунграда, учреждения над ними русского управления, отдаст без значительных с нашей стороны жертвований в наши руки все низовья р. Аму, составляющие единственную часть Хивинского ханства, владения которого может быть полезно, а не обременительно для России.

Записка из библиотеки С. А. Хрулева, гр. Г. Игнатьева.

В настоящее время ни укрепления наши на Сыр-Дарье, ни по Чу не охраняют киргизцев как Оренбургского, так и Сибирского ведомств от нападения соседних хищников. Достигнуть этого, по общему мнению, возможно со стороны Кокана соединением Оренбургской и Сибирской пограничных линий, а со стороны Хивы и Бухары возведением укрепления на Яны-Дарье. В этом случае всякое движение наше в глубь Коканских владений представляется, без сомнения, не только полезным, но даже необходимым; приняв Ордынцев в свое подданство и удерживая их в своей власти, мы обязаны, конечно, заботиться об охране их жизни и собственности. Но где должен быть предел такого движения, где полезнее сомкнуть означенные линии?

История указывает на права наши на Туркестан и Ташкент, как принадлежавшие киргизам Малой (Зауральской) орды во время принятия ими подданства России и подчинения их нашей власти. Она же сообщает нам, что когда впоследствии лишились киргизы сначала Ташкента, а потом и Туркестана, то ханы их и в особенности Нурали, видели в возвращении этого последнего города единственное средство к утверждению власти над Зауральскими Ордынками. При таком положении Туркестана, созданном самими Киргизами, нам следовало бы, может быть, остановиться на нем и свести обе пограничные линии.

Коллежский ассесор М. Галкин. 17 октября 1859 г. Оренбург.
Из библиотеки Хрулева.

„О НЕОБХОДИМОСТИ ДВИЖЕНИЯ ВВЕРХ ПО СЫРУ“

„Если Россия желала сохранить в своем подданстве кочующие по степи орды, необходимо должна была прийти к сему последнему результату, т. е. занять Сыр, как единственный на всем степном пространстве оазис, соединяющий в себе удобство не только для кочевой, но и для оседлой жизни. Обладание в степи подобными местностями весьма важно. Представляя возможность к обрабатыванию, они открывают кочевому народу новую отрасль занятия, земледелие, развитие которого правительство должно поощрять всеми мерами, имея в виду не одну материальную от того пользу, но и значение в политическом отношении. Киргиз земледелец есть человек уже полуоседлый, у него есть собственность, которая привязывает его к месту и вместе с этим он приучается к труду, с другой стороны—только при развитии на Сыре хлебопашества, укрепления могут освободиться из под зависимости доставки продовольствия из России, доставка, которая одна поглощает у правительства едва-ли не половину суммы ежегодно расходуемой на содержание степных укреплений...“

„Как доказательство, что киргизы весьма дорожат подобною землею, может отчасти служить и та необходимость, с которою они уступили часть этой долины русским поселенцам. Число желающих киргизов заниматься хлебопашеством значительно; более удобные для сего места по Сыру уже обрабатываются и с этою же целью предпринимаются работы в таких местностях,

которые требуют предварительных для сей цели приспособлений.

Таким образом в последнее время киргизы во многих местах по Сыру занялись рытьем ирригационных каналов. Допустим, что мы имеем ныне на Сыре достаточное количество удобной для возделывания земли, чтоб продовольствовать гарнизон местными средствами, но не в одной этой земле нуждаются подданные нам киргизы. Они терпят ощутительный недостаток в луговых землях, а также и в местах удобных для их зимовок. С первого раза быть может покажется странным, что киргизы занимая такое обширное пространство, как степь Оренбургского ведомства, нуждаются в местностях удобных для кочевья? Но это действительно так, какая нибудь причина заставляет же киргизов, кочующих в продолжение лета чуть не под Троицком и на верховьях Тобола, к зиме перекочевывать на берега Сыра? Причина эта та, что летом степь еще может доставить кой-какое пропитания стадам кочевников, но зимою она не приносит той пользы. Кроме того, киргиз на зиму ищет для себя и для своего стада укрытия в местной защите. Все это доставляют ему берега Сыра, в низовьях которого растут камыши, а выше начинается кустарник, то и другое служит кочевникам убежищем от зимних вьюг и мятелей, там же они имеют под руками топливо, а стада их находят себе пищу.

На занимаемой нами части Сыра, хотя находятся подобные места, однако в недостаточном количестве и в них-то ощущается потребность. Для примера приведу следующее: левый фланг Сыр-дарьинской линии, будучи менее всего обеспечен от набегов коканцев, служит однако киргизам одним из главных приютов зимою. Туда приходят киргизы на зимовку с самых северных пределов степи. Они теснятся около форта Перовска и преимущественно в ближайшем к нему участке между Джаны-Дарьей и Куваном, не будучи вовсе хорошо прикрыты от разбойнических набегов соседей. Если в продолжении лета, следовательно, когда Джаны-Дарья сама по себе служит достаточным прикрытием, пространство это подвергается зачастую набегам коканцев и киргизы постоянно должны быть наготове к защите, то зимою, когда река уже не представляет преграды и когда впереди ее трудно проходимые летом пески Кзыл-кум также становится более удобо-доступными, набег для коканцев являются делом более легким. Несмотря на это, недостаток мест, удовлетворяющих условиям для зимового кочевья ниже форта Перовского заставляет киргизов удаляться от сего пункта вниз по Джаны-Дарье, где они еще менее в безопасности не только от коканцев, но и хивинцев. Удаляться же от форта Перовский верх по Сыру еще того более опасно; между тем, одна из лучших местностей для посевов находится с верховой стороны Сыра близ форта Перовский. Это по ту и по другую сторону канавы Сакрамы и далее по Бер-Казанскому протоку. Сей последний, вытекая из Сыра, образует потом разлив, побережья которого весьма удобны для посевов. Подобные же места находятся и близ Джулека, обильные и кормовыми травами. Эти пространства, будучи об-

рабатываемы, заняли бы полезным трудом не одну сотню рук. Наконец введение на Сыре русского элемента, я здесь разумею казачьи поселения, начало которых сделано уже при форте № 1, дотоле считаю невозможным, пока он не будет лучше обеспечен, потому, что необходимые для поселенцев земли находятся выше форта.

Еще приведу в пример одно обстоятельство, которое как нельзя яснее доказывает всю скудность имеющихся в настоящее время у нас на Сыре удобных для кочевьев мест, это отказ вынужденный сделать в прошлом году киргизам, желавшим нашего подданства. Половина киргизов этого рода Кипчаки, давно признают власть России, тогда как другая половина в Кокане ищет возможности присоединиться к своим сородичам. Если торговая деятельность форта Перовский по настоящее время ничтожна, то причину тому я приписываю отчасти также к шаткому положению форта. Постоянные случаи и ожидания нападения коканцев на самый форт без всякого сомнения заставляют многих опасаться за свою безопасность.

Может ли спокойно купец торговать там, где знает, что не сегодня, так завтра явится неприятель и что ему придется бросить свой дом или лавку в форштадте и искать убежища за стенами укрепления, где он хотя и может укрыть свои товары, но кто поручится за совершенную целость их во время скорой переноски? Теперь несколько из зажиточных киргизцев изъявили желание строить себе дома в форштадте форта Перовский; не знаю многие ли последуют этому примеру не будучи вполне уверены за целость своего жилища при первом же нападении коканцев. И раз, потеряв собственность, едва ли кто захочет попытаться вторично. Наконец занятая нами часть Сыра лишена даже многих, самых необходимых строительных материалов, так, например, леса. Один только форт Перовский по сие время имел возможность получать, и то чуть не с боя, кой какие кривули местного леса, употреблявшегося на многоразличные поделки. Теперь обнадеживают, что киргизы берутся поставлять лес с верховьев Сыра, но лес этот не будет многим лучше того, что мы имели по сие время, потому что хороший строевой лес растет, как слышно, около гор Кара-Тау, и нельзя поручиться, что коканцы, проведая о сплаве леса, не заставят прекратить его доставку. Вообще, плохая надежда на все то, что можно добывать из рук неприятеля.

Лейб-гвардии северного батальона поручик Грен.
Из архива С. Хрулева. Дело „Записки Игватьева“

КОЛОНИЗАЦИЯ СЕМИРЕЧЬЯ

Нынешняя Семиреченская область лежит на пути „Великого переселения народов“ и потому представляет для археологов и этнографов значительный интерес. Арийские, финские, тюрко-монгольские кочевые народы, двигавшиеся из восточной Азии и постепенно заполнившие западную Азию и Европу, все проходили через Семиречье и каждый из них оставался здесь более

или менее продолжительное время, пока его не вытесняла далее на запад новая волна восточных народов. Со II-го столетия до Р. Х. об этой смене народов, владевших Семиречьем, имеются более или менее непрерывные сведения в китайских летописях, к которым значительно позднее присоединяются арабские и персидские источники. Относительное богатство сведений о ранней истории Семиречья объясняется его географическим положением: страна эта находилась в сфере влияния двух древнейших культур, — с юго-востока китайской и с юго-запада арабской. Первая, конечно, значительно старше. Китайцам приходилось выдерживать натиск кочевников с севера; от них-то Китай и отгородился Великой стеной. Но стена, конечно, и в седую старину плохо помогала, — приходилось и воевать с кочевыми народами, и поддерживать с ними мирные политические сношения. Семиречье и было предельной областью на северо-западе, до которой доходили китайцы.

На юге и юго-западе от Семиречья — нынешний Китайский Туркестан и русский, в тесном смысле слова — в непосредственном соседстве лежал Мавераннагр, страна, также искони культурная. Отсюда пришли в Семиречье земледелие, городская жизнь с ремеслами и торговлей; письменность, сперва сирийская, а затем вытеснившая ее арабская; мусульманская религия, арабская архитектура и т. д. Укрепление в Семиречье арабской культуры, тогда как влияние китайской осталось малозаметным, объясняется не только близостью центров первой и отдаленностью Китая, но и тем, что Мавераннагр постепенно заселяли тюркские племена, родственные кочевникам Семиречья. И начиная с XV столетия, китайцы могли владеть этим краем только политически, но культурно он принадлежал уже мусульманскому Западу.

Мы не будем здесь излагать историю смены в Семиречье тюркских и монгольских народов. Укажем только, что когда в XVI и XVII столетиях образовалась последняя кочевая империя — джунгарская (калмыки), то в горах и степях Семиречья кочевали нынешние обитатели его „казахи“ (киргизы) и кара-киргизы. Казахские роды — конгломератного тюрко-монгольского происхождения и ведут свое начало от разных, весьма древних племен, населявших Семиречье. Кара-киргизы, более чистые тюрки, приходили в Семиречье с верховьев Енисея, начиная с X столетия и до XVII-го.

Киргизы в значительной части были вытеснены из Семиречья калмыками, а отсюда распространились по соседним областям, — нынешним Сыр-Дарьинской, Ферганской, Семипалатинской, Акмолинской, Тургайской. А когда, в середине XVIII столетия Джунгарское царство было уничтожено китайцами, киргизы опять стали кочевать в Семиречье, номинально приняв китайское подданство.

Первое русское поселение, вернее военный пост, было основано в Семиреченской области в 1831 г., именно в этом году на р. Аягуз нынешнего Лепсинского уезда был учрежден Аягузский Приказ. Таким образом, русские впервые пришли в Се-

мирежье с Иртыша, с северо-востока. В последующие годы русские военные отряды подвигались постепенно на юго-запад, основывая новые укрепления и связывая их с устроенными раньше цепью казачьих пикетов, которые охраняли линию сообщения и несли почтовую службу. Одновременно с занятием Семиречья с северо-востока, русские подвигали к этому краю свои укрепления и с северо-запада, — в 1845—53 гг. была выстроена Сыр-Дарьинская линия.

Наступательное движение русских на Семиречье не встретило со стороны Китая, тогдашнего номинального владельца этого края, никакого отпора. Китайская власть и гарнизоны, находившиеся в городах, лежащих на юг от Джунгарского Алатау, в нынешней Илийской провинции, были пассивными зрителями занятия края русскими. Некоторое сопротивление оказывали туземцы-киргизы и кокандцы, или ташкентцы, фактически хозяйничавшие в Семиречье и взимающие с киргиз подати. Кокандцы доходили на восток до р. Лепсы, а в Заилийском крае у них было несколько крепостей.

Ниже мы приводим главнейшие даты из истории занятия края русскими. В 1846 г., во время экспедиции на р. Или против Кенисары Касимова, был основан пост Копальский, превращенный в следующем 1847 г. в укрепление. В 1850—54 гг. занят Заилийский край, и в 1854 г. основано укрепление Верное, нынешний областной город. В том же 1854 г. Аягузский и Копальский округ с Заилийским краем включены в состав вновь образованной Семидалатинской области.

В 1855—59 гг. совершен ряд военно-научных экспедиций в области озера Иссы-куль и гор Хан-Тенгри (нынешние Пржевальский и Джаркентский уезды.)

В 1860 г. ген. Колпаковский одержал при Узун-Агаче победу над Кокандцами и взял и разрушил кокандские крепости Токмак и Пишпек, восстановленные затем туземцами.

1862 г. ген. Колпаковским вторично был взят Пишпек, а в 1864 г. Токмак. В то же время ген. Черняев, идя с запада, взял Туркестан, Чимкент, Аулие-Ату. Таким образом сомкнулись восточная и западная линия русских укреплений в Средней Азии.

В 1865 г. была образована Туркестанская область, преобразованная в 1867 г. в генерал-губернаторство в составе Сыр-Дарьинской и Семиреченской областей.

1867 г., таким образом, является датой начала самостоятельного административного существования Семиреченской области. В том же году 9 и 10 Сибирские казачьи полки были переименованы в Семиреченское казачье войско, наказным атаманом которого назначен военный губернатор. Он же поставлен во главе гражданского управления областью. Туземцы с самого основания области управляются по „Степному Положению“, которое до 1891 г. именовалось временным.

В 1868 г. первый военный губернатор Семиреченской области, ген. Колпаковский предпринял экспедицию в Нарынский край, соседний с Ферганой (южная часть нынешних Пишпекского и Пржевальского уездов), и присоединил его к области.

В 1871 г. была занята долина Или в нынешнем Джаркентском уезде и Кульджинский край. На обстоятельствах этой последней в Семиречье военной экспедиции мы несколько остановимся, так как они поучительны и сами по себе, а теперь, в виду возникновения недоразумений с Китаем, особенно интересны.

Китайцы, уничтожив в середине XVIII столетия Джунгарское царство, ограничились тем, что оставили в нынешней Илийской провинции и северо-западной Монголии свои гарнизоны и властей, управляющих страной, взимавших с нее подати и державших ее в повиновении. Но масса туземного населения жила своей экономической и культурной жизнью, чуждой китайцам завоевателям. Кочевое население из киргиз и остатков джунгарских родов (калмыков), оседлое — преимущественно из сартов и татар — образовалось, впрочем, еще два слоя населения; из центральных провинций Китая переселялись сюда китайцы мусульмане, известные под именем дунган, а из городов Кашгарии, Аксу, Турфана, Яркенда, Хотана и др. земледельцы-сарты, получившие здесь название таранчей. Дунгане переселились в этот далекий край отчасти вследствие земельной тесноты в Китае, отчасти, вероятно, вследствие общности религии с туземным мусульманским населением. Таранчи были поселены принудительно и обязаны ежегодно доставлять для нужд китайских войск с каждого дома известное количество зерна. Тяжесть поборов и притеснения китайских чиновников и войск объединили дунган с туземным населением в чувстве недовольства китайским господством, и в начале 60-тых годов прошлого столетия это недовольство вылилось в открытое восстание.

Первыми в 1862 г. восстали дунгане, затем к ним присоединились и таранчи. Китайские войска были разбиты повстанцами, немногочисленное китайское население в городах было частью вырезано, частью, вместе с остатками войск, бежало в Китай и Чугучакский и Кульджинский край оказался в руках восставших. Сперва было образовано два султанства — дунганское и таранчинское; затем начались междуусобия, и более многочисленные таранчи победили дунган и подчинили их своему, теперь единственному в крае султану. Что касается кочевых народов, киргиз и калмыков, то активного участия в происходящей политической борьбе, они не принимали, но, разумеется, последняя отразилась среди них известной смутой: стародавняя вражда между киргизами и калмыками обострилась, участились взаимные набеги и грабежи и перекинулись и в пределы русской Семиреченской области.

Последнее обстоятельство и было непосредственным поводом Кульджинского похода ген. Колпаковского, тем более, что ожидать возвращения в Кульджинский край китайцев, повидимому, не было оснований: с 1862 г., т. е. с начала дунганского восстания, и до 1871 г. прошло 10 лет, а китайцы не предпринимали никаких мер, чтобы вернуть себе отпавший край. А между тем край этот — среднее и верхнее течение р. Или — представлял прямое продолжение русских владений по р. Или; при-

родные же богатства его — прекрасные, изобильно-орошенные земли, леса, каменный уголь, руды — давно славились.

После занятия Кульджи русскими войсками кульджинское султанство было упразднено, и в крае было введено то же управление, что и в остальных уездах Семиреченской области, — по Степному положению, с уездными и участковыми начальниками и пр. Население постепенно привыкло к русскому управлению и примирилось с русским господством. Очевидно, помирился с фактом потери кульджинского края и Китай, так как в течение последующих 10 лет (1871—1881 гг.) не протестовал против занятия его русскими, как в предшествующее десятилетие не принимал никаких мер против повстанцев-дунган и таранчей.

Тем большей неожиданностью явилось для туземного населения, а вероятно и для самого Китая, возвращение ему Кульджи по Петербургскому договору 1881 г. Край никогда не был китайским по населению и культуре, 20 лет Китай не владел им и ничего не предпринимал, чтобы вернуть свое владение им, и вдруг Россия добровольно после десятилетней оккупации, отдает его Китаю. Великодушие, которое особенно непонятно теперь, когда читаешь о намерении вновь оккупировать Кульджу, при радикально изменившейся политической конъюнктуре.

Туземное население, в лице таранчей и дунган, не было, однако, столь равнодушно к вопросу о том, кто будет владеть Илийской провинцией, Китай или Россия; старая вражда к китайцам не была еще забыта. И когда туземцам было предоставлено право или оставаться в Кульджинском крае в китайском подданстве, или перейти в Семиречье в русское подданство, то, помимо нескольких киргизских родов, в Семиречье переселилось много тысяч семей таранчей и более тысячи семей дунган. Переселение таранчей и дунган прилило к туземному населению Семиречья культурный элемент: таранчи и дунгане — прекрасные земледельцы, искусные ремесленники и предприимчивые торговцы. Но этот выигрыш не покрывает, конечно, потери богатейшей Илийской долины в ее верховьях.

Румянцев, П. П. Условия колонизации Семиречья. „Вопросы колонизации“ № 9, 1911, с 202—20.

КИРГИЗСКИЙ РАЗСКАЗ

О взятии Ташкента (отрывок).

Молла Алим-Кул,² сделав распоряжение и разослав в разные стороны приказы, тот день провел в Ташкенте. На другой день к полудню собрались, по сказочному, десять тысяч войска. Затем явившиеся дадхи принесли приветствие военачальнику и, по принятии от него благословения, дадхи, сарты, понсады отдельными отрядами и толпами, с развевающимися знаменами, отправились в путь.

¹ Конечно не „добровольно“, а по настоянию Англии (прим. Ред.)

² Молла Алимкул — глава крупного кипчакского рода в Фергане. Был фактическим правителем Кокандского ханства (Ред.).

...Но неверные, преследуя отряд мусульманский, наткнулись на сильное войско. Молла Алим-Кул возликовал. Со словами: „неверных только человек пятьсот, всемилостивый бог сам предаст их нам в руки“, он отдал джигитам приказ:— „изготовьте веревки, ждате нечего, ступайте! Из талу нарубите ветвей, на гумне наберите соломы и сена“! Джигиты связали туы. С помощью самого бога Алим-Кул изобрел хитрость. Все с лошадей слезли, опешились и на неверных обратились: сделавши карабура, они покатали их прямо вперед. Злая участь неверных закипела. Многочисленные герои, окружив их, не дали им бежать. Посмотрите ка на толпу неверных! Они положили заряды в ружья, но ружейные пули не могли пробить щитов, сделанных из сена и соломы. Мусульманское войско, забрав их в середину, совершенно сокрушило и всех пятьсот неверных мусульмане окружили. Никогда еще неверные не были в таком стесненном положении. Задумавшие бежать в Ташанак, из этого места спаслись бегством; а у четырехсот семидесяти неверных у всех отрезали головы.

Так говоря, Султан Сеид-хан горько плакал и, с упованием на бога, сел на коня. Отправившись в путь, он прибыл в город Ташкент. По изготовлении пушек и снарядов, китайских джазаилей, черных и европейских ружей, три дня подготавливал многочисленных солдат. Выступая к Мин-урюку, с игрою в карнай и сурны, с боем в барабаны и литавры, они пришли на поле битвы. И войско неверных также вышло на поле. Палатки их были поставлены, начиная от Сор-тепе, вплоть до Ачилик-Тепе. Оба войска стали стрелять друг в друга из пушек при бое в литавры.

Горная пушка начала стрельбу; души стали продаваться за бесчестие; трусы побежали, ища убежища в сухом русле реки; герои захлебывались кровью. Шлемы и кольчуги стали разрываться. Стеснившись, герои закусили губы, не будучи в состоянии сдерживать своего усердия. Герои бросились на неверных. Но и среди неверных есть много батырей.

...К каждому тыну подходя, Алим-Кул возбуждал их и когда он это делал, прилетела пуля со свистом и ударила Алим-Кула в грудь. Пиры подхватили героя, он было обеспамятил, однако, справившись, опять сел на лошадь. Пуля попала в батыря, не нашлось средства против неверного. Начальники, поддерживая, доставили Алим-Кула в палатку.

... Молла Алим-Кул выпил чашку воды и, вознеся благодарение и восхваление богу, открыл глаза, посмотрел туда и сюда и, облокотившись на подушку, распрощался со всеми вельможами, знатными, начальниками и понсадами преподал им следующие советы:

...„Вельможи и знатные! Я, находясь у себя дома, видел сон; хоть стране и произойдет ущерб, но для себя я хорошее предзнаменование видел: нарядившись в красную одежду и взявши в руки белый посох, я сел верхом на сивую лошадь. Будучи в красной одежде, я совершил омовение из источника Каусера и отправился. Подо мною — так видел я во сне — была светло-си-

вая лошадь. Итак, лежа дома, я уже знал, что эта беда приключится над моей головой. Не говорите обо мне: „ах, он умер!“, из-за меня не удручайтесь печалью! Пока головы ваши не разлучатся с телом, сражайтесь с неверными, веры из рук не выпускайте. О, вельможи и знатные, слутники-товарищи, все вы были моими тиграми! От меня нет уже никакой пользы. Пусть дело ваше поправляет сам бог. Не вздумайте, бросивши друг друга, покинуть Ташкент, не думайте ссориться. Если будете ссориться, не сдобровать вам — знайте это! Что же мне еще говорить вам? У каждого есть свой ум, как поступить в своем деле. Пусть каждый обсудит его. Кипчаки, киргизы, держитесь вместе! Если эти неверные возьмут Ташкент, то как раз и ваш час настанет. О, мои дадхи, понсады, джигиты, да будет довольна вами душа моя! Не разглашайте, что я умер, не радуйте этим моих врагов. Словами о моей смерти не разетрите моего города“.

Потом, так завещал Алим-Кул биям Нашхили и Канглы: „Я повинуюсь призыву божию. Как только неверные возьмут Ташкент, вы не будете иметь покоя дома. И вот причина, почему вы не будете иметь покоя: станут брать с вас почтовые деньги, возьмут гильдейские пошлины, будут взимать на внутренние повинности, на содержание нарочных и ямщиков. Есть и другие мелкие поборы. А если уплатить эти деньги, сироты и дети останутся без хлеба. Как возьмут неверные эту страну, случится вот что: осел обгонит боевого коня, воробей превзойдет сокола, зайка забьет краснобая, истинные герои останутся позади тех, которые расслабленными лежат в постели, сартская чернь опередит благочестивых ишанов. А как только это случится, солнце закроется облаками. Я не ропщу на бога. Пока я был жив, я наполнял реку красною кровью, от меня они (неверные) потерпели таки горячую битву. Повеление нам от бога, кажется, уже достигло срока.“

...Страна расстроилась, произошло много сумятицы. В ту же ночь положили Алим-Кула на носилки и похоронили в Шейх-Антауре. Утром народ заволновался, раздавались голоса: чье теперь время настало?

... Тем временем многочисленная чернь стала совещаться, говоря: „Если бы пойти в Бухару и попросить у эмира людей, то не окажет ли он нам содействия“? Другие разсуждали: если мы отсюда двинемся с плачем, то он (эмир) придет и сопутствуя нам, подаст великую помощь; а лишь только придет грамота из Бухары, неверные непременно убегут. Возьмем же в руки дубины и тронемся со своих мест и, придя к тюре Ходже-Казию, спросим его об этом: что теперь предпринять? Если же он нам благоприятного ответа не даст, то ударим его дубиною по голове и здешних ходжей, казиев, ученых всех до одного истребим“.

Сказавши это, многочисленная толпа с дубинами в руках подступила к тюре Ходже-Казию со словами: „Казии, муфти, улемы мы пришли потолковать об одном деле. Мы недовольны этим правителем, Султан Сеид-ханом, да будет он изгнан из города. Удовлетворите наше сборище: пусть уходит отсюда ваш хан“.

Если же пожалеете его, то ваши души расстанутся с телом, ваше имущество подвергнется разграблению, сады и дворы будут разрушены“.

Многочисленная толпа вытащила тюре Ходжу-Казия, главного муфтия, ходжей, мулл и ученых и погнала их перед собою; некоторым связали назад руки, чалмы побросали в грязь, и так гнали одного за другим. Затем пошли к дому Хаким-ходжа ишана казия и сказали ему: „Отправляйся в Бухару! Коротко и ясно“.

„Там о положении многочисленных бедняков сообщи, да поторапливайся! Ступай туда, а если вздумаешь упорствовать, то сейчас же тебе будет конец“.

...На том самом месте Черняев расположил свое войско. Проведя тут ночь, Черняев ночью же послал посланца кое-о-чем спросить муллу Сали-Бека ахуна.

„Сали-Бенку передай поклон! (Скажи): если каждый день воевать, много вреда будет обеим сторонам. Кланяйся ахуну! (Скажи): ни в шариате, ни в правилах религии не дозволяется давать женщинам в руки палки. Так как мы пришли сюда из-за шестимесячного расстояния, то разумно ли то дело, которое ты затеял? Пусти меня в свой город: от меня не будет вреда сартам твоим, решительно никакого вреда, и не только сартам, но и казакам“. С таким наказом Черняев послал посла. С ним увиделся Сали-Бек и в свою очередь написал письмо и сказал: „Отдай его Черняеву! И у меня слово есть, позволь высказаться. Если сказать: „войди в мой город“, то войдя в город и ознакомившись с нашими обстоятельствами и местом, ты там, как войдешь в город, станешь чинить притеснение, землю нашу отнимешь силою, большой налог наложишь на страну. Сперва подкрепи (обещание) клятвою, прими присягу, иначе ты отступишь от своего слова“.

Так мулла Сали-Бек ахун на черняевскую бумагу ответил рапортом. Черняев, посмотрев его письмо, дал клятву.

...Говоря: „не сделаю народу вреда“, Черняев дал крепкую клятву: „Будешь ли мною доволен, если я слабого с сильным уравняю, на царя и на бедняка одинаково стану смотреть? За что еще будешь на меня сердиться? Положим, я дам вам шариат, но ведь у казахов есть еще зловредный адат, и если простонародье соединится, то народ ваш придет в расстройство и правосудие вас оставит. Мы — народ который не лжет, не отступает от бога; с нашей стороны обмана не будет. Почему же вам не надеяться на нас? Если от исполнения клятвы отступлюсь, пусть накажет меня бог“.

В таких выражениях Черняев произнес клятву. После того мулла Сали-Бек ахун с старшими и с младшими вышел к Черняеву и с великим уважением и почетом впустил его в город. Разослав глашатаев, он (ахун) велел оповещать: „Чье теперь время? Черняев взял город и настало время белого царя“! От радости стали бить в литавры и барабаны и стрелять из пушек.

ПЕРЕПИСКА МЕЖДУ КАЗАХСКИМИ ФЕОДАЛАМИ

(Перевод с татарского).

Почтенному Кутебару и Араслану Батырю свидетельствую искреннее мое почтение и желаю доброго здоровья и прочим азаматам желаю тоже; для узнания об вашем здоровье и благополучном состоянии народа и каком они мнении, я послал к вам брата своего, султана Фазылбека Нуралиева и старшин Мактыбая и Дата Акжигитова, есаула Кулмурзу Идильбаева, какие есть между вами претензии посоветоваться с ними посланными людьми и позаботитесь кончить таковые; если прибыть ко мне вам самим не достанет лошадей, то нельзя ли будет обо всем подробно написать или объяснить помянутым людям моим обо всем происходящем между вами. Поручаю вам почтенным биям, подведомственным вам, приохачивать к благодати и удерживать от дурных поступков. За нынешний год зякету прошу никуда не тратить, а доставить ко мне с почетными старшинами. В том усердный ваш правитель Юсуф Нуралиев печать приложил. 4-го мая 1833 г.

Каз. Центр. Арх. Упр. Фонд Оренб, Погр. Комиссии.

Почтенным биям Дюрт-каринского рода Тлявлию, Чунгаре и Бик-Мурзе посылаю усердное мое почтение; будьте здоровы со всем скотом, имуществом, я слава богу здоров сила, свобода по прежнему в руках моих; здесь слава богу все благополучно, спокойно, не имейте никакого сомнения, приезжайте на мену, располагайтесь по-прежнему на свои летние кочевые места. Завещаю вас, что никаких обид и притеснений не будет. Почтенный бий Тлявли, прошу вас прислать мне косяк лошадей, не отделяйте мысли ваши от меня, пустым словам не верьте. Услыхав, что вы живете мирно с народом и в согласии, я весьма обрадовался. Бик-Мурза, пришлите мне также одного хорошего иноходца, или одногорбого верблюда; Ибрагим, приведи мне хорошую, лошадь или верблюда, или пришли с кем-нибудь. Более писать нечего, остальные слова узнаете от сего посланного. Всегда добродетель старший султан, правитель Юсуф Нуралиев, печать приложил. 30 апреля 1833 г.

Оттуда же.

Джакаимского рода почетным биям Елкы-Аману и Баракату свидетельствую усердное мое почтение, при чем прошу вас в том, что по делу о разграблении вашим отделением Бухарского торговца Шапудата Мир-Сеитова товаров в прошедших годах, Вы обещались и остальных 30 баранов уплатить для получения коих я ныне посылаю к вам мяленгута моего Сююрбаша Сарыева с товарищем, каковых баранов, если вы отдадите, то будет почтено, что вы приближаетесь к справедливостям и я в сем случае вам верю и даже заочно слышу, что вы усердны.

Доброжелатель ваш старший султан Юсуф Нуралиев печать приложил. 4 мая 1833 г. № 4336.

В ОРЕНБУРГСКУЮ ПОГРАНИЧНУЮ КОМИССИЮ.

Состоящего в должности правителя средней части Орды султана Юсуфа Нуралиева

Р а п о р т

Ныне получил я сведения, что Чиклинского рода, Кабакова отделения батырь Кутебар убит хищными киргизами Джагалбайлинского рода и что за сие киргизы Чиклинского рода до трех тысяч человек намереваются учинить на Джагабайлинцев нападение, нанести им гибель. Почему я предложил помощнику моему султану Алию Юлбарисову, отклонив Чиклинцев от исполнения их намерения, представить ко мне обиженных; а если не в состоянии будет сего исполнить, то донести о том мне. О каковых обстоятельствах имею честь почтеннейше донести оной Пограничной Комиссии.

Султан Юсуф Нуралиев печать приложил.

№ 989. 22 сентября 1833 г.

Оттуда же.

В ОРЕНБУРГСКУЮ ПОГРАНИЧНУЮ КОМИССИЮ.

Джагамбайлинского рода старшины
Сютея Исентаева.

Р а п о р т

Чиклинского рода Кабаковского отделения батырь Араслан, Дюрткаринского рода Чубанова отделения батырь Тляули, Куламанова отделения Айдабул, Каракитинского рода Сандубек батырь, Култашевского отделения Атайтай, Каракисятского рода Кушвак и Саюн-Батырь, Уджрайского рода Кушум, Киргизского рода Кайдаул Батыр и Чумекеевского рода Тукинского отделения Бакирчи Темиров, отправившись с хищными киргизами в числе 3800 человек или более, 12 числа сего октября, напали на аулы располагающихся на заграничной стороне против Магнитной крепости у реки Гумбейки Джагалбайлинского рода разных отделений киргизов, ограбили у них имущество и угнали верблюдов и лошадей, с коими обратились было назад в свои аулы, но Джагалбайлинцы, собравшись до 500 человек пустились за ними в преследование и догнав их, произвели с ними драку, при коей отбили от хищников ограбленное ими имущество и скот, убили из них до сорока человек и отбили у самих их до 150 мереньев; однако из хищников некоторые успели угнать с собою более 1000 лошадей и 5 верблюдов и увести в плен Урмантаевского отделения Юсуфа Киндукова и Сукрая Куйсарина. Потом оные же хищники 14 числа сего же месяца в ночи учинили нападение близ Уртазымской крепости на подведомственных местному начальнику старшине Нуртаю Бердалину на киргизов в числе 37 кибиток состоящих, угнали у них 12 верблюдов, 63 коровы,

43 лошади, 48 баранов, ограбили разное имущество суммою на 1770 рублей и взяли в плен дочерей: Аккучинского отделения Янсарья Акапова Кимсичу 19 лет, и Бузбетского отделения Марала Байсалова Янсулую 15 лет.

О чем донося Пограничной Комиссии покорнейше прошу учинить распоряжение о возвращении от помянутых хищников угнанного ими скота, взятых в плен людей и возвратить обиженным. Старшина Сютей Исентаев тамгу приложил. № 14. 20 октября 1833 г.

VII.

ИНТЕРЕСЫ ТОРГОВОГО И ПРОМЫШЛЕННОГО КАПИТАЛА В КАЗАХСТАНЕ И СРЕДНЕЙ АЗИИ

В первой половине XIX столетия в колониальной политике царизма преобладают черты военно-феодальной экспансии. Разлагающееся крепостническое государство пытается укрепиться путем агрессивной внешней политики, путем захвата новых колоний, путем ограбления крестьянства и трудящихся масс покоренных народов, путем подавления народного движения. Николай I превращается в „европейского жандарма“. Внутри страны господствуют помещики-крепостники, проводящие свои интересы через бюрократически-полицейский аппарат и крепостническую армию, свирепо расправляющихся с массовым движением как в центральных губерниях, так и в национальных окраинах.

Однако, наряду с этим, развитие капитализма, рост промышленности требуют создания внешнего и внутреннего рынка. Эти новые тенденции оказывают влияние и на внешнюю политику царизма. К Казахстану и Средней Азии тянутся вслед за завоевателями русские купцы и промышленники.

В настоящей главе мы даем выдержки из рукописей библиотеки ген. С. Хрулева, хранящиеся в Гос. Публ. библиотеке Казахстана и касающиеся проектов организации торговых компаний для торговли с Востоком. Успехи английской Ост-Индской компании вдохновляли русских купцов и промышленников на ходатайства о предоставлении им права не только торговли, но и управления вновь завоеванными колониями. Проекты эти не были осуществлены (см. напр. „Проект устава товарищества для развития торговли с Ср. Азией“, составил С. Хрулев. СПб., 1863 г.). Тем не менее они отражают заинтересованность нарождающейся российской буржуазии в новых завоеваниях и с этими проектами выступают такие люди, как генерал Хрулев, человек близкий к правящим кругам, как барон Торнау и знаменитый профессор славянофил М. П. Погодин.

Далее мы приводим выдержки из газет и журналов той эпохи как местных, так и центральных.

УЧРЕЖДЕНИЕ ТОРГОВЛИ РОССИИ С ИНДИЕЙ

... План Голубкова заключается в том, чтобы все пространство земель Средней Азии между старыми рубежами России со стороны Сибири и Оренбургского края до новой черты империи у подножия Гималаев к границам Тибета и по течению рек Чуа и Сыр-Дарьи, через Аральское море до восточных берегов

¹. Голубков — известный московский коммерсант 40—50 годов, организовал русско-азиатскую торговлю. (Р е д.).

Каспия, всего до 34-х тыс. географических миль, подчинить ведомству частной компании, на правах всемилостивейше дарованных Американской компании, и притом предоставить этой компании право заключения торговых и дружественных трактатов с соседственными залиейными державцами и учреждения в главнейших городах сих державцев факторий и резиденств под наблюдением и руководством правительства, и таким образом с одной стороны положить начало для постепенного сближения с государствами, не подпавшими еще полной зависимости англичан, а с другой стороны, учреждения на западных границах Китая и на северных оконечностях Индии оптовых рынков для обмена изделий Русских фабрик и заводов на произведения юго-восточной части Азиатского материка, способствовать к распространению оборотов внутренней и внешней торговли, к улучшению народного быта, к приращению доходов казны.

Россия, не возбуждая в дружественных державах подозрения, относительно стремления к распространению своих владений и не обременяя Государственной казны издержками для снаряжения особых экспедиций в Индию для открытого состязания там с Англичанами, мирным путем усвоит за собою навсегда все выгоды торговли с центральной Азией.

Границы Индии открыты для России с двух сторон: с запада, через Персию, на протяжении от Каспийского моря до Персидского залива, и с севера через степи Туркестана и земли независимых державцев средней Азии по направлению хребта Гималайских гор, до подвластного Китаю Тибета.

Из различных путей с этих сторон, по которым доселе производились и теперь производятся торговые сношения России с сопредельными с Индией Государствами, заключает в себе наибольшее преимущество северная дорога: от старого рубежа Оренбургского края через Киргизскую степь Малой орды, до форта Перовский на реке Сыр-Дарье, от этого поста чрез Бухарские владения до реки Аму-Дарьи и города Балха, который отделяется от Индостана хребтом Гималайских гор на пространстве не более 200 верст. Город этот славился издревле своею обширностью, многолюдством и торговою деятельностью, а теперь хотя находится в упадке, но для учреждения в нем главного русского рынка, где бы распродавались оптом и обменивались произведения Индийские и Европейские, предоставляет всевозможные удобства: торг с Афганистаном, Кашгаром, Кундузом, Бадакшаном, Тибетом, Кашемиром и многими иными Государствами Индостана оазисами Туркестана и западными областями Китая, найдет здесь себе самое выгодное средоточие и привлечет к себе производительную и торговую деятельность многочисленного народонаселения этой части света, которое обилует бесчисленными естественными богатствами и затрудняется в сбыте этих богатств на отдаленные приморские рынки, находящиеся под влиянием Ост-Индской компании. Торговый пункт этот тем более важен для России, что он, отделяя Туркестан от Индии дефилеями Гималаев, легко может быть закрыт со стороны

Английских владений в Индии непреодолимыми твердынями, недоступными для грозных флотов этой державы.

Протяжение всей дороги от Оренбургской линии до Балха составляет около 1700 верст; от Илецкой Защиты до форта Перовский до 1000 верст, от этого поста до Бухары до 400 верст, и от Бухары до Балха около 300 верст.

Дорога проходит по местности преимущественно ровной, горизонтальной, обильной пастбищами и водопоями и удобной для учреждения правильных этапов и передвижения тяжестей на колесных фургонах. Две трети всего этого пространства заименовано уже в пределах России и обеспечено навсегда от хищничества ордынцев, и одна только треть касается владений бухарских, народа мирного, трудолюбивого, торгового. Путь этот, пересекая у форта Перовский реку Сыр-Дарью, и на оконечности Бухарских владений реку Аму-Дарью, может привлечь к себе производительность всех стран по течению сих рек, расположенных как в верховых, так и низовых частях.

Правительство предполагает сеть железных дорог от Москвы до Саратова и от Саратова через заволжскую сеть до Илецкой Защиты — пункта, от которого начинаются торговые пути Средней Азии (как сказано выше). Железная дорога от Илецкой Защиты до Балха, уничтожив навсегда между Россией и Индией некогда страшное негостеприимное расстояние, установит свободный и быстрый перелив избытков одной части света в другую, ослабит политическое влияние Англичан в Северном Индостане, положит пределы к дальнейшему распространению владычества их в центральной Азии, уничтожит торговую их монополию в снабжении Европы произведениями этой части света, и усвоив за Россию все выгоды Индийской торговли, откроет ей новые неистощимые способы для развития внутренних производительных сил своих.

Такова была мысль Голубкова.

Кто знает, может быть этой задушевной мысли Голубкова наступила пора придти в исполнение? Сколько явилось уже на нашем веку мыслей, которые долго, подобно мелким, ниспающим искрам мелькали во мраке, долго оставались еле светящиеся, готовые, казалось, погаснуть, потом затепливались огоньками, там-сям рассыпанными, но вот благоприятные обстоятельства, и из огоньков составлялось пламя...

М. П. Погодин. Учреждение торговли России с Индией.
1855 г. Копия статьи из библиотеки С. А. Хрулева.

О ПРЕДМЕТАХ ВЕДОМСТВА КОМПАНИИ ДЛЯ АЗИАТСКОЙ ТОРГОВЛИ

...3. Все кочующие на сем пространстве народы вверяются непосредственному попечительству компании, которая в постепенном развитии их производительных сил, общественного образования, заведения оседлости, учреждения селений, местечек и городов и т. п., соображается с правилами для управления Сибирскими инородцами, преподанными Высочайше утвержденным в 30 день

Апреля 1838 года проектом о управлении Государственными имуществами и прочими узаконениями, повергая всякий раз предположения свои по всей части на высочайшее благоусмотрение его имп. величества, и испрашивая на оные высочайшего соизволения.

4. В отводе для кочующих инородцев необходимого для успешного скотоводства количества площадей, Компания соображается с местным положением края, качеством почвы земли и климатическими уважениями, ограничивая однакоже пропорцию участков на каждую кибитку по две квадратных версты, за тем все свободные земли, леса, луга, рыбные ловли и всякие угодыя: поступают в непосредственное распоряжение Компании, с представлением оной права укреплять и отчуждать из них в частную, вечную и потомственную собственность участки на одно лицо от 100 по 5000 десятин, для заведения на сих участках постоянной оседлости и для учреждения на оных земледельческих, мануфактурных и промышленных заведений, с обложением за право владения таковыми участками, постоянным в пользу Компании окладом, который по прошествии срока привилегии обращается в доход казны.

5. На всем означенном пространстве предоставляется Компании право заводить населения, устраивать города и местечки, учреждать пути сообщения и открывать торговые и промышленные заведения, а также ярмарки и торги, устанавливать и учреждать различного рода поместия, акцизные, откупные и т. п. сборы и повинности, как на содержание Управления, так и для благоустройства вверенного ей края, соображаясь во всех сих случаях, с существующею в том потребностью, особенными для благоустройства края видами и с преподанными на подобные случаи правилами и законами.

6. Компании предоставляется право входить с соседственными землями и пограничными народами в непосредственное сношение и переговоры по предметам распространения торговых оборотов, установления, постоянной на товары пошлины, обеспечения путей сообщения и ограждения от действий произвола лиц и имуществ и пр. Заключать с оными обязательства и договоры и наблюдать за исполнением оных, учреждать по взаимному согласию в местах, где признано будет полезным, фактории и консульства, доводя предварительно о каждом условии и договоре до высочайшего сведения и испрашивая на оные все милостивейшего одобрения.

7. Для наблюдения в округах, ведению Компании вверенных, порядка и ограждения безопасности лиц и имущества, водворяется в назначенных пунктах достаточное число Сибирских, Оренбургских и Уральских линейных казаков, и сверх того для содержания в городах и других местах, где надобность укажет, караулов, и в особенности для сопровождения торговых караванов, и для наблюдения за исполнением заключенных с высочайшего одобрения трактатов и обязательств, командированы по требованию Компании особые воинские команды с потребным количеством орудий, а для крейсерства на Аральском море и по

реке Сыр-Дарье устраиваются два парохода и три фрегата с штатным числом мелких судов, которые вооружаются и снабжаются огнестрельными снарядами на счет казны, но содержание нижних чинов, по особому расписанию производится на счет Компании. Независимо от сего Компании предоставляется право иметь особую из поселенцев и туземцев милицию, по штатам, которые по местным воображениям признаны будут необходимыми и удостоятся высочайшего одобрения...

Из проектов устава, относящихся до азиатской торговли (начало 60-х гг.)
Из библиотеки С. А. Хрулева.

МНЕНИЕ ГЕН.-ЛЕЙТ. ХРУЛЕВА О ВОЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЯХ В СРЕДНЕЙ АЗИИ.

...До сих пор исходной точкой Средне-Азиатской торговли и влияния на Туркестан у нас считался Оренбург и все заботы были обращены на этот край. Оренбург исполнил свое назначение и из него достигли того, чего можно было достичь. Укрепления на Сыр-Дарье, обезопасив переход Киргизскими степями, открыли торговые пути в Ханстве и Западный Китай и должны быть нашею таможенною линиею, но несмотря на это, торговые сношения не достигают тех размеров, каких должно было ожидать с 8 миллионами жителей, и потому не имеют такого значения, чтоб оживить русскую промышленность; годовые обороты в последние 10 лет не превышали 2 милл. руб. и только постоянно усиливали вывоз из России золота.

Причина, что Оренбургские сообщения не оправдывают ожиданий, по моему мнению, заключается в том, что Оренбург будучи слишком отдален от центра России, не имеет хороших сообщений с промышленными губерниями, а также далек от ханств и Китая, почему не может иметь нравственного влияния на Туркестан, расстояния препятствуют усилению сношений, обеспечению наших купцов от недобросовестности Ханов и возможности держать эти страны в страхе вооруженною угрозою.

6 августа 1856 г.

Из библиотеки С. А. Хрулева.

О ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГЕ МЕЖДУ КАСПИЙСКИМ И АРАЛЬСКИМ МОРЯМИ

Из официальных сведений известно, что в 1854 году торговля наша с Бухарией, Хивой, Коканом, Ташкентом и Киргизской степью простиралась по привозу на 3.657.928 руб. сер., по отпуску на 2.603.775 р. с. Весь же годовой торговый оборот составлял сумму более 6260000 руб. сереб. В 1812 году привезено было из Средней Азии в Россию хлопчатной бумаги 15541 пуд., в 1854 году из Хивы, Бухары и Ташкента 162,145 пуд. т. е. более чем в 10 раз против 1812 года.

Вообще же в 25 лет, с 1825—1850 год, торговля наша с Европой увеличилась только на 43⁰/₀, а с Азией более чем на 300⁰/₀.

С 1824—1826 г. отпуск наш в Европу простирался на 5.500.000,

в Азию на 3.950.000 р. с. С 1850—1852 г. отпуск в Европу на 95.000.000 р. с. в Азию на 12.260.000 р. с.

Таким образом, при самых невыгодных условиях, при самых неудобных и опасных сообщениях, вывоз наших товаров в Среднюю Азию более чем утроился в 25 лет.

Из библиотеки С. А. Хрулева.

ТОРГОВЛЯ СО СРЕДНЕЙ АЗИЕЙ

Из официальных сведений известно, что в 1854 году торговля наша из Оренбурга, Троицка и Петропавловска с Хивой, Бухарою, Коканом, Ташкентом и Киргизскою степью простиралась:

По привозу из Азии на 3659928 р. сер. По отпуску их Азии на 2603775 р. сер.

Весь же годовой торговый оборот составляет сумму 6,263,703 р. сер.

Виды Госуд. внешней торговли за 1854 г., изд. министер. финан.

В 1854 году привезено было из Средней Азии в Россию из Хивы, Бухары и Ташкента 162145 п. То есть более чем в десять раз против 1812 г.

Виды Госуд. Внешн. торгов. Из библиотеки С. А. Хрулева.

...Население Оренбургского края, устройство пограничных укреплений на р. Сыр, политическое влияние и учреждение оренбургского казачьего войска, привело в наше подданство киргизские орды и открыло нам пути в ханства. Форты по р. Сыр укротили разбой на путях, и торговля России с Средней Азией, со стороны оренбургской линии, начала оживляться.

Однако же, несмотря на все это, средне-азиатская торговля и до сих пор не получает такого развития, чтоб иметь влияние на усиление мануфактурной деятельности России. Причина этому та, что пока мы шаг за шагом приближались к северу ханств, прокладывая и обеспечивая пути своей торговли, англичане в эти полстолетия без совместничества утвердились в Индии и, подымаясь с юга, открывали через Афганистан пути к сбыту своих произведений в ханства. Я лично видел, что наши киргизы носят бесплощленно халаты с английской подкладкой. Этими путями англичане вытесняют нашу торговлю с средне-азиатских рынков и угрожают уничтожением всякого нравственного значения нашего, а с ним и всякого сбыта произведений.

Для преобладания над нами, английские агенты стараются поддерживать в ханах боязнь нашего завоевания, хотя Россия давно могла бы покорить их силою оружия, еслиб имела эту цель.

С. Хрулев. Проект устава товарищества для развития торговли с Средней Азией. СПб., 1863 г., с. 24—5.

...Киргизы... имеют большую склонность к мирному развитию. Правда, большинство их и в настоящее время еще весьма ограничено в своих требованиях относительно жизненных удобств.

Но причины тому, как кажется, должно искать в недостатке обеспечения спокойствия внутри степей, и в других причинах, задерживающих развитие их благосостояния, а не в их природных наклонностях и привычках. Прилинейные киргизы, т. е. живущие ближе к нашим старым уральской и оренбургской линиям, более обеспеченные от неурядиц всякого рода, успев уже значительно развить свое благосостояние, начинают пользоваться даже некоторыми предметами роскоши, тогда как другие, более отдаленные роды, находятся и в настоящее время в состоянии почти первобытном.

Вообще, при проезде чрез степь от Оренбурга до Ташкента, бросается в глаза, что сначала, при выезде с линии, встречаются киргизские аулы, которые и по богатству и по домашней жизни, весьма немного рознятся от казаков, кроме той конечно разницы, которая обуславливается их кочевым бытом. Некоторые киргизы живут даже богаче казаков. Но чем далее углубляться в степь, тем разница эта делается более и более заметна, и, наконец, последние иргизские племена, весь поступившие в наше подданство, поржуют бедностью своего быта крайней ограниченностью своих потребностей. Столь разительная разница в образе жизни киргиза не очевидно ли показывает, что их теперешний, весьма незавидный, быт происходит не столько от природных наклонностей, сколько составляет последствие тех невыгодных условий для развития благосостояния, в каких большинство киргиз до сего времени находилось?

...Припомним, что киргизы, собственно принадлежащие ведомству Оренбургского генерал-губернатора, составляют теперь население около 1 мил., а с оседлым населением около 1.200.000. Если же к сему прибавить и киргиз Западной Сибири, то мы получим народонаселения свыше 1 $\frac{1}{2}$ миллиона.

...Впрочем сказанное убедительно подтверждается положительными данными. Наша средне-азиатская торговля существует давно но до последнего времени она ограничивалась весьма небольшими размерами. Так в 10-тилетний промежуток времени, с 1851 по 1861 год, чрез таможни Оренбургской линии, чрез которые главным образом ведется средне-азиатская торговля, средний вывоз товаров из России составлял 1.500.850 р. и привоз 2.701.150 р. С того же времени, когда правительство нашло возможным принять более решительные меры для устройства Оренбургского и Сибирского края, а в свою очередь и для нашей промышленности явилась большая надобность в средне-азиатском хлопке, цифры вывоза и привоза начинают быстро возрастать. В 1863 г. общая цифра вывоза от нас товаров чрез оренбургскую и сибирскую линии составляет уже 4.904.925 р. и привоза 9,760,727 р., в 1864 году первая простирается до 6,574,170 р. и последняя 12.091.149 руб.

...Что касается до предметов, нами получаемых из киргизских степей и Средней Азии, то, кроме выгоняемого оттуда в огромном количестве рогатого скота и лошадей, вывоза шерсти и кож, весьма важный предмет получения составляет хлопок, шелк и частью фрукты.

...Наш торговый и промышленный люд, в особенности те из них, которые ведут непосредственные сношения с киргизами и средне-азиатскими владениями, успели уже оценить представляющиеся им выгоды. В этих людях начинает обнаруживаться весьма заметное туда стремление. Так, например, еще нынешним летом до 100 человек второстепенных незначительных торговцев представили, чрез войсковое уральское начальство, прошение о дозволении учредить ярмарку внутри степи верстах в 200 впереди старой казачьей линии, причем они обязывались, в случае, если бы для них оказалась необходимость иметь небольшой конвой (исключительно для ночного караула), то все расходы по этому предмету принять на себя. Слышно также, что в настоящее время наши купцы готовят несколько караванов для отправления в Ташкент.

Д. И. Романовский. О географ. исследованиях в Киргизской Степи...
„Географ. Изв.“ № 1, 1866 г., с. 19—22.

...Сказав, что еще много мест находится в Сибири не исследованных и даже не осмотренных, я укажу на Восточную часть Киргизской степи, горы Сенгус, Ченгисские, Нурьинские и в особенности Тарбагатайские, там, кроме золотого песку, есть руды: серебра, меди, свинца, железа и разных редких ископаемых, как напр. мелерита, переименованная в диаптоз, которому недавно еще дивился весь ученый свет. Утверждаю об этом не по слухам каким нибудь, но по присутствованию во многих местах древних копей и на донесениях экспедиций: Набокова, Шангина и других, которые коснулись некоторых из этих мест. Существование копей, разработанных древними обитателями и плавка ими металлов удостоверяют о удобности учредить заводы; ибо известный недостаток лесов и воды в степи вознаграждается обилием того и другого в горах, или приисканием каменного угля и пособием паровых машин. Впрочем, знающие это дело лучше меня изыщут средства, как дать этому движение. Я держусь все одной мысли: если Уральские и Алтайские заводы восприяли свое существование на древних коях, почему такие же копи Киргизской степи в последствии не представят того же? И разве первобытные народы, обитавшие в той стране, не знали что делали и несли труд по пустому?

Теперь обращаюсь к предмету комерческому. Китай почти не имеет скотоводства. Стада богдыхана и монголов не в силах удовлетворять потребность Серединного 300-миллионного Государства. Поэтому бедные китайцы, для утоления голода, пожирают все, что можно проглотить. У жителей западной Сибири, на линии у казаков и у киргизцев, огромные табуны лошадей, рогатого скота, верблюдов и баранов, которые по недостаточному сбыту всегда в ущерб удерживают низкую цену. И это добро проходит в Китай, в очень малом количестве, потаенно, от недозволения по мирному трактату торговать в этой стороне; чугунная и медная посуда в разных видах привозится с Уральских и даже Российских заводов на удовлетворение требований Киргизских орд и Китайской Монголии, с большими издержками

ми за провоз, тогда как при существовании таких заводов в Киргизской степи, это открыло бы обоюдную пользу без помешательства заводам Уральским. Не говоря уже о пользе учреждения заводов кожевенных и опойковых среди Киргизской степи, где этого материала столько, что не знают куда его девать, а требование кожевенного товара в Китай и другие владения всегда велико. Если бы даже учредить заведение улучшенного овцеводства и выделку сукон, по образцу отпускаемого в значительном количестве в Китай, это не было бы без пользы. А исследование по озеру Балхашу (Тенис—тоже) и главной из семи рек Илли, текущей из Илийской области Китая, большой и судоходной и впадающей в Балхаш, представляет важность в торговом и вообще государственном отношении. Вот сколько видов в размерах гигантских. Теперь предлежит к разрешению вопрос: кто способен двинуть этот сильный рычаг, и нет ли к тому каких побочных препятствий?

Первый вопрос разрешается весьма легко, если благодетельному правительству угодно будет допустить частную золотую, рудную и торговую промышленность в Восточной части степи и горах, Сибирскими киргизами обитаемых, не стесняя однакоже зимних и летних кочевков и касаясь их в случае нужды не иначе, как по обоюдному согласию султанов, старшин и биев. Места необитаемые в горах и лесах представляют обширное поприще для предприятия этого рода, без малейшей обиды кочующим. Но как в отдельную и неизвестную страну, для дела, за счастливые последствия которого трудно дать ручательство, наверное можно определить, не отыщется одно, или несколько лиц, желающих рисковать своими капиталами; да и впустив туда действие без единства, можно породить одни беспорядки от соперничества и стремления ни к одной единой цели, во вред предприятию, от которого при счастии подлежит ожидать важных последствий, я бы полагал, чтобы не оставлять этот благодатный край еще на долгое время без осмотра и местных соображений, составить Компанию на акциях в значительном количестве и по особенностям этого предприятия дать привилегию, по примеру Компании Американской, вверив оной на срочное время к развитию и упрочению в нем промышленности, в видах общей и частной пользы, основанных на упрочении благосостояния местных обитателей и к лучшему приспособлению расширения торговли с Китаем.

Второй вопрос представляется более затруднительным относительно только к Китаю, относительно же удержания постоянного согласия с киргизами и ограждения промышленности от шалунов, еще не совсем отвыкших от хищничества, при благоразумном обращении с киргизами и ловкости, равномерно при пособии местного начальства, воинскою стражею, на общем основании, удобно могут быть отстранены всякие преграды.

Мирными трактатами с Китаем 20-го августа 1727 и 14 июня 1728 годов и последующими частными договорами о некоторых статьях, единственным пунктом сношения политических и торговых указана отдаленная Кяхта, но невзирая на это, с Сибирской

линии, через крепости Семипалатинскую, Усть-Каменогорскую и Бухтарминскую торговля производится потаенно, под покровительством киргизских султанов, уважаемых в Китае. Торговля такая, по свойству своему, не могла получить значительного развития и важности. При том в эпоху заключения трактатов, Сибирская линия не соприкасалась в этой стране к границам Китая и едва начинала еще возникать, ибо Зюнгарские калмыки (Джунгарское владение) занимали эту страну, очистив ее только в 1750 году, после завоевания этого владения китайцами, которые, пригнав их в свою страну, в пределы Илийской области, подвергнули своему подданству, уничтожив весь род ханского поколения, а степь, Джунгарами занимаемая, осталась пустою, которую потом, как вольную, захватили под кочевки киргизцы, почему всему пространству, пред западною Сибирью лежащему, не определено границы, знаков пограничных не поставлено и договора в трактатах и послов оных не было; но китайцы заняли однако же значительную часть Джунгарских степей, цепью своих пограничных караулов, выдвигая их от себя из Илийской провинции, на одно лишь летнее время, среди кочевьев киргизцев и продолжают доселе утверждать, что Джунгарские земли им принадлежат.

Споры такие предъявлены: сначала при проведении от Сибирской границы почти перпендикулярно в земли Джунгарские более, нежели на 200 верст Бухтарминской линии, по случаю открытия богатейших серебряных Зыряновских рудников, которыми единственно почти существуют Алтайские горные заводы, потом, при открытии внешних округов бывшей Омской области на реках Аягузе и Кокбекты; но споры эти не были слишком настойчивы и упорны. Китайцы, по Говорову, довольно оставались при своем, а мы то же,—заселив однакоже линию казаками и деревнями крестьян, и черпая около 50 лет сокровища зырянских, а казачьи отряды, по разным случаям относящимся к киргизцам или купеческим караванам, ходят, как дома пред китайскими караулами и за оные, без всякого помешательства со стороны китайцев. Они, в случае обид от хищников киргизских не надеясь на свою удаль, прибегали к пособию наших казаков, что им всегда радушно и было делаемо.

Записка С. Б. Бролевского. Собрание документов, относящихся до Азиатской торговли. Из библиотеки С. А. Хрулева.

ЗАПИСКА КУПЦА ВЛАДИМИРА КУЗНЕЦОВА О ТОРГОВЛЕ С КУЛЬДЖЕЮ

... В 1851 году, по торговому трактату с Китаем, открыты для русской торговли два новые тракта в пограничных городах, в Киргизской степи: первый в Чугучаке (у китайцев Торбоготай), второй в Кульдже (у китайцев Или). В Чугучаке в настоящее время характер торговли почти определяется; этот пункт современем будет тем же, чем Кяхта; промен товаров начал там ежегодно возрастать, что обратило внимание многих Китайцев

из торгующих в Кяхте, и некоторые из них уже доставили в 1853 г. в этот пункт часть своих товаров. Торговля с Кульджею подчинена совершенно другим условиям; здесь нужно иметь со стороны Русских купцов в виду следующее: развитие собственно чайной торговли с Кульджею быть не может, потому что Чугучак ближе к городу Урумчи, который находится на главных пунктах тракта провоза чаев из внутренних провинций Китая, следовательно стоимость их там для самих Китайцев должна быть дороже; для Русских Чугучак находится от Семипалатинска не более 600 верст, всегда удобной и прекрасной сухопутной дороги, до Кульджи же около 1000 верст, из коих удобная дорога только до Аягуза, а далее весьма затруднительна.

Ценность провоза из Семипалатинска в Чугучак может быть не более 30 или 40 коп. с пуда, а в Кульджу не менее 2 р. В Чугучак можно отправлять товары в течении целого лета, в Кульджу только весной и осенью, на доставку товаров в Чугучак во всякое время есть много желающих; в Кульджу никогда, а особенно для значительного количества нельзя найти вощиков без затруднения. Между тем Кульджа как торговый пункт, имеет для России большую важность и большое население; в городе Кульдже до 70000 жителей; от южных провинций Китая, где все наши произведения встречают соперничество Англичан, она весьма удалена; почему сама по себе для сбыта Русских товаров представляет уже весьма значительный рынок, без всякого совместничества, и за тем с Кульджею ведут значительный торговле все граничащие с нею владения и провинции средней Азии: Коканд, Кашкар, Тибет и проч.

Следовательно здесь может сосредоточиться Русская торговля и с другими владениями, кои от нас весьма удалены и где Русские товары продаются по высокой цене, чем затрудняется увеличение их сбыта. Кульджинская провинция изобилует красивыми растениями, виноградными фруктами; здесь также можно получить шолк и табак. Но для осуществления этих полезных видов, необходимо озаботиться об улучшении сообщений, без чего развития торговли быть не может, или весьма затрудняется.

В настоящее время достаточно уже исследовано озеро Балхаш и впадающая в него река Или; для того, чтобы предполагать возможным устройство сообщений как с Кульджею, находящеюся при самой реке Или и со всею частью степи, так и с Заилийским краем. На западном же берегу озера Балхаш, именно против караванной дороги, идущей из Каркаралинского округа в Ташкент есть весьма удобные места для пристани, если для этого сообщения устроить пароход в 50 или 60 сил с двумя или тремя баржами, то все неудобства сообщений для торговли с Кульджею будут совершенно устранены и тогда пункт этот даже по чайной торговле будет совершенно уравнен с Чугучаком. Путь в Кульджу в то время будет следующей: товары с Коряковского форпоста пойдут на Каркаралы, а оттуда по караванной дороге до пристани на озере Балхаш (здесь будет не более 600 верст), а далее водою от пристани на озеро Балхаш

до устья Или не более 200 верст, а рекою Или до Кульджи до 800 верст. Но положим, что Китайцы могут недопустить сначала Русских судов в самый город, тогда они останутся у границы, от которой до Кульджи не более 140 верст весьма удобной дороги для перевозки товаров на телегах.

Собрание документов относящихся до Азиатской торговли.
Из библиотеки С. А. Хрулева.

КУЛЬДЖА, ЧУГУЧАК И ГОРОДА ПО ЗАПАДНОЙ ГРАНИЦЕ С КИТАЕМ

Дорога от южных границ Западной Сибири (от Бухтармы до Семипалатинска) в некоторых городах, принадлежащих ныне Китайской Империи на Западной границе (Кульджа, Чугучак), издревле составляла торговую дорогу и некогда кипела деятельностью, что подтверждает и Риттер.

Кому случалось проходить киргиз-казачьи степи, большею частью пустынные и безводные, тот не раз вспоминал о прекрасном крае, расположенном между Иртышем и Или, о приволье тамошней кочевки, об удобствах кочевков.

Китайские города Кульджа и Чугучак торгуют только с Кокандцами и Киргиз-казахами, или по крайней мере имеют право торговать с ними одними, и эта торговля принадлежит множеству изъятий, за всем тем она довольно значительна, особенно в бывалые времена; и так последуем за одним караваном по направлению пути в город Кульджу из Семипалатинска.

Караван обыкновенно отдается под покровительство сильного Султана, принадлежащего большею частью к одному из тех родов, мимо которых караван должен проходить. Избранный Султан, получив условленную плату, отправляется сам, или посылает кого либо из близких ему. Переправившись через Иртыш, караван следовал по левому берегу и наконец мало-помалу отделялся от него и чем далее за ним оставался Иртыш, тем шире и беспредельные становилась степь. Для тех, пред которыми раскинулась эта степь, и в первый раз зрелище поразительное и вскоре утомляющее своим однообразием. Горы начинают показываться еще далеко до реки Аягузы, куда караван прибыл чрез две недели после выхода из Семипалатинска. Близ реки присоединилось еще несколько вьюченных лошадей с разных сторон и начались толки относительно направления пути в Чугучак или прямо в Кульджу.

От Семипалатинска до Чугучака не более 400 верст и можно бы было перевозить товар в маленьких повозках. До Кульджи прямым путем можно считать 820 вер. и менее 100 вер. кругу, который делают караваны, заходящие в Чугучак. Но главное затруднение представляют в последнем случае Китайские чиновники, которые уже от самого Чугучака берут караваны под свое покровительство, как выражаются они; после многих толков решились идти в Кульджу и подняться прямо на хребет Тарбагатайский, Есть несколько выходов на высоты Тар-

Багатая. Безносиков поднялся у Лет-Аму и был очень недоволен путем. Большею частью проходят хребет близь Хабар-Аму по Северному склону Богатайского кряжа, где дорога несколько лучше. Караван, о котором я говорю, много страдал в горах: хуже всего было переходить вершины реки Базар, которая отсюда течет в Нор-Зайсан; на другой день караван вступил в область снега, хотя было в августе месяце.

Обошедши берегом озера Ала-Куль, которое имеет до 100 верст длины и покрыто многими островами, чрез несколько дней после караван приметил вдали сереющее четырех-угольное здание—это был Китайский форпост, с тридцатью человеками гарнизона, принадлежащий той военной дороге, которая идет от Чугучака в Кульджу.

Собрание документов относящихся до Азиатской торговли.
Из библиотеки С. А. Хрулева.

О РУССКО-КИТАЙСКОЙ ТОРГОВЛЕ ЧЕРЕЗ СЕМИПАЛАТИНСК (1846 г.)

...Семипалатинск прежде и донныне был и есть небольшою исходною торговою точкою с Китайскою провинциею Зюнгариею, а в последнее время начат употребляем быть особенно более нежели прежде к доставлению чаев. Чай, этим путем приобретаемые, есть черные чай и добротами некоторые из них в настоящее время не хуже, а равны получаемы чрез Кяхту,—ценностями ниже от 20 до 25 проц. в рубле. Впрочем эта выгода еще не вся обращается в пользу производительной торговли в Семипалатинске, а более обращается в пользу следующих за ними внутренних производителей. По открытому же желанию Китайских производителей, они готовы и в возможности доставлять все без изъятия цветочные чай, ибо те ближе Китайские провинции, кои рождают чай, путями Китая к Зюнгарию, нежели к Кяхте. Собственно же Зюнгария, в отношении потребления Русских мануфактурных и прочих произведений предоставляет прекрасный и полезный рынок, ибо кроме внутреннего своего потребления, чрез нее могут в значительном количестве иметь произведения Русской фабрикации, в Югозападные провинции Китая, в Тибет и к прочим ее соседним потребителям; тогда как Кяхта, по своему географическому положению способна только снабжать Северные части Китая, кои она преимущественно Русскими и снабжает товарами. Самый же Семипалатинский край лежит ближе Кяхты на 2500 в. ко внутренним рынкам России и имеет водяное сообщение по рекам: Иртышу, Чусовой, Каме и Волге, то транспортировка товаров может совершаться быстрее и дешевле, более, нежели менее на половину до Кяхты, от которой в последнее время провозные цены дошли до Москвы от 8 до 10 руб. сереб. за пуд, по случаю умножающейся транспортировки и особенно золотопромышленности, требующей людей и провизии.

И так, по убеждению и доказательствам в пользу Семипала-

тинского края представляется множество чрез этот путь для Российско-Китайской торговли и мануфактур ее новых интересов. Между тем все торговые операции этого пути с Китаем почти ничтожны, почему и представляется вопрос: какие существуют этому препятствия? Они суть следующие и главные: от непозволения существующим трактом России и с Китаем на этой черте производить открытый и прямой торг Русским с Китайскими подданными, ибо тем же трактатом назначена одна Кяхта, и Китайское Правительство на этой же черте дозволило только иметь все торговые сношения чрез Киргиз-кайсаков Большой Орды; обычай или заказ варварский. Но какой бы он не имел характер, а Русские караваны по необходимости должны путешествовать от границ России в Зюнгарию под названием Киргизских.

Путешествия такого рода соединены и с лишениями, какие свойственны подобным путешествиям и с опасностью за достояние и жизнь, и много требующие за свое посредничество; а потом в Зюнгарию, в Чугучак, в складочном для караванов месте, подвергать произволу Китайских властей оценки Русским и оценки Китайским произведениям и за все это благодарить подарками. Тех же властей, которые очень хорошо знают, что караван Русский, а не Киргизский, и потому не скупятся на желание подарков. При таком страдательном пути терпит и торговля: лишаясь приличной ей свободы и защиты, терпит и имя Русское, ибо его нельзя произнести с именем христианина. На таковое лишение не много найдется желающих, хотя бы и являлись чрезвычайные интересы, почему на этом пути и участвуют либо Азиатцы, ведущие свои дела со свойственным им торговым характером, или Русские с достаточными навыками, но такие лишения и опасности, и с увлечением надежд—получить многое на немногое. Такого рода производители что могут сделать для Русско-Китайской торговли, если бы даже и желали?

Но не могут не почему.

По усложении сего явственно, почему на этом пути не развивается до надлежащей степени Русско-Китайская торговля и край этот, существуя в отделенных частях России, ждет просвещенного покровительства Правительства и участия частных капиталистов, под влиянием которых он разовьет свою полезную сторону и предупредит то, что еще угрожает Русской торговле со стороны Европейских торгово-мануфактурных Государств...

Собрание документов, относящихся до Азиатской торговли
Из библиотеки С. А. Хрулева.

ПРЕДМЕТЫ ТОРГОВЛИ С КАЗАХСТАНОМ И СРЕДНЕЙ АЗИЕЙ

1. Металлы и металлические изделия в большом количестве: железо, ножи, ножницы, котлы, кумганы, тазы, самовары.
2. Сахар.
3. Чай.
4. Деревянный товар: сундуки, чашки, решета, шкатулки и

друг. Сундуки идут отсюда даже в Кабул, в Индию до Калькутты.

Предметы, вывозимые из Туркестана:

1. Хлопок сырец.
2. Рогатый скот.
3. Пушной товар.
4. Кожа и шерсть.
5. Шелк-сырец.
6. Фрукты сушеные.

Привоз хлопка-сырца в Россию из Бухары за последние годы удесятирился.

Цены на хлопок были следующие:

до 1861 года—	4—5 руб. пуд.
в 1861 „	— 7 р. 50 к. „
в 1861 „	—12 р.—13 р. „
в 1864 „	—22 р.—23 р. „
в 1865 „	— 8 р.— „

Последние годы — 12 р.—13 р. за пуд.

Подъем цен на хлопок в 1864 году объясняется прекращением ввоза хлопка из Америки в год сев.-американской войны. Кризис миновал благополучно, потому что Средняя Азия выручила нашу промышленность. Тогда же оказалось, что Бухара может доставить хлопка в четыре раза больше чем все остальные ханства. Вообще вся Средняя Азия может при нынешнем состоянии хлопкового дела дать до трех миллионов пудов хлопка. Было бы желательно, чтобы наше купечество обратило внимание на улучшение способов обработки хлопка и образовало из своей среды комиссию для этой цели. Свободной земли, где с удобством можно разводить хлопковые плантации в Туркестанском крае весьма много и предприимчивые люди, которые решатся затратить свой капитал на это дело, наверное не останутся в убытке.

Один пуд хлопка в Ташкенте стоит от	80—1 р. 40 к.
в Ходженге и Бухаре „ „	1 р.—1 р. 20 к.
в Самарканде „ „	75—1 р.

В Ташкенте десятина дает: 100 пуд. хлопка, из него: 25 п. чистого хлопка, 50 п. семян, и 25 п. отброса. Цена за пуд чистого хлопка 6 р., за пуд семян 30 коп., валовой доход 165 руб. минус 70 руб. плата рабочего за десятину, чистого дохода 95 руб. Другой расчет приводит почетный потомственный гражданин Ходжа-Юнусов: десятина дает 260 пудов коробочек хлопка, из них: 40 п. чистого хлопка, 124 п. хлопка годного на вату. Пуд хлопка стоит 6 р. 20 к. и 30 коп. пуд семян. Валовой доход 336 р., минус 71 р. плата рабочему. Чистый доход 265 р.

Англичане навезли в 1841—42 гг. в Бухару такое количество товаров, что весь народ набросился и не обращал внимания на наш ситец и коленкор. Затем сразу подняли цены более чем

вдвое и бухарцы узнали, что это за народ „инглиз-адам“ и как сомнительно и подозрительно иметь связи с этими „отнимателями земель и разорителями народов Азии“ Рынки больших центров Туркестана наполнены известного рода английскими товарами, количество которых превосходит количество русских продуктов. Английские товары, несмотря на огромные издержки, доходят даже до Оренбурга. Если английские ситцы уступали нашим, то кисея (чалма) совершенно устранила нашу. Средне-азиатские рынки заполнены английским чаем. Англичане рассчитывали провозить чай даже в Нижний Новгород и Москву, воспользовавшись амударьинским путем и Каспием.

„Туркестанск. Ведомость“ 1870 г.

...Издавна установившееся торговое движение из Бухары, Ташкента и Коканда проложило через киргизские степи несколько путей, по которым караваны проходили: по течению Сара-Су через Акбарак к станции Пресногорьковской и дальше на Троицк, другая на Акмолинск и Петропавловск. Другой путь — Аулиэ-Ата на брод Итке (река Чу), западный берег Балхаша на Акмолинск и через Каркаралинск к Павлодару. Путь от Ташкента до Актюбинска 45—60 дней. В течение 1867—70 гг. привезено из Бухары, Коканда и Ташкента: хлопка-сырца, шелку, ковров, шелковых и бумажных материй, мерлушек, шерсти, козьего пуха и сушеных фруктов.

1867 г.—5.023	верблюда на	1.055,980 р.
1868 г.—1.952	„ „	514,920 р.
1869 г.—3.432	„ „	1.230,610 р.
1870 г.—7.185	„ „	1.155,284 р.

Плата за верблюда от Ташкента до Акмолинска 13—20 р. от Акмолинска до Петропавловска — 25—45 к. за пуд.

„Правит. Вестник“, 1872 г., № 4

ТОРГОВЫЕ ПУТИ В СР. АЗИЮ

...Торговые пути в Среднюю Азию: 1) через Самару — Оренбург, Орск и дальше в Ср. Азию, расстояние 2300 верст — 2 месяца пути, провозная плата от 2—4 р. пуд.

2) Волга — Каспий — Мангишлякский полуостров — 30 дней караванного пути по возвышенности Усть—Урт, где нет пресной воды. На нем не может быть прочного торгового пути.

4) Волга — Каспий — Красноводск, от 15—30 дней перевозки водным путем, от 60 к.—1 р.30 к. за пуд. От Красноводска до Бухары 500—700 верст сухопутья.

5) Волга — Каспий — Астрабад (Персия). От Астрабада до Бухары через Шахбас, Кушан, Кабушан на Мешхед, далее по до-

лине реки Аби-Мешхед или Теджен и горные проходы Мудзерак до Серакса и оттуда по степи через Мерв до Бухары — 1300 верст, 40—50 дней караванного пути.

Сравнительный путь для английских товаров: 1) морской путь через Суэцкий канал и далее сухопутьем от Бендер — Аббаса, Бушира, через Персию или по сети индийских железных дорог до Пешевара и оттуда через Гиндукуш в Бухару.

2) Морской путь до Поти, оттуда сухопутьем через закавказский край в Баку, из Баку морем до Астрабада и далее караванным путем до Бухары. До Астрабада для русских товаров 15—30 дней, цена провоза 60 к.—1 р. 30 к. за пуд, для английских 80—90 дней пути 2 р. 35 к. за пуд. Конкуренция ожидается не через Закавказье, а через Индию (Суэцкий канал). Так из Ост-Индии через Афганистан прошли до 6000 верблюдов с чаем и 560 верблюдов с европейскими товарами. Вот с какой стороны к величайшему сожалению нашему, должны мы ожидать грозной и неотразимой конкуренции в Средней Азии.

„Кавказ“, 1870 г., № 2

ОТЧЕТ УЕЗДНОГО НАЧАЛЬНИКА О СОСТОЯНИИ ТОРГОВЛИ В ИССЫК-КУЛЬСКОМ УЕЗДЕ (1869 г.)

До настоящего времени Иссык-Кульский уезд имел весьма важное значение в торговле Джетышаара с Кульджей, как местность, через которую пролегает главный, караванный путь между этими владениями. В 1869 году движения караванов через уезд из Джетышаара, можно сказать, вовсе не было, из распросов торговых людей по этому делу оказывается, что владелец Джетышаара запретил караванам проходить через Иссык-Кульский уезд. Следующие цифры, представляющие суммы привоза и вывоза товаров дадут понятие о влиянии вышеприведенного распоряжения Якуб-бека на количество привозимых товаров:

	1867 г.	1868 г.	1869 г.
	на сумму		
Привезено товару	—	120.214 р. 35 к.	82563 р. 82 к.
Вывезено за границу	—	—	989 р.
Транзитом	—	—	2483 р. 23 к.
Выгнано скота из уезда	391:146	—	109062 р.
Прогнано скота транзитом	—	—	7170 р.

Торговля ограничивается исключительно сбытом предметов необходимых для повседневной жизни туземного населения в обмен на скот. Киргизы и калмыки совсем незнакомы с употреблением денег. Затрудняясь в расчете стоимости мелкой разменной монеты, они выменивают нужные им ткани и разные предметы по хозяйству большей частью на баранов, так что единицею при всех торговых сделках служит у них баран. Денег наших у них совсем нет в обращении, преимущественно по

тому, что они не могут уяснить себе стоимость их. Например, очень часто случается, что киргиз пригонит на базар баранов на продажу. Ему предлагают 2 р. 50 к. и 3 рубля за барана, он не берет, а тут же променивает их сартам на разный товар, который получает по самой широкой оценке, не более как на один рубль. При всяком удобном случае разъясняется киргизам, какие убытки они несут разменивая баранов на товар, но немногие понимают еще, как безбожно наживаются сарты, насчет простодушных киргиз.

Приблизительно можно высчитать даже барыши, которые получают сарты за свой товар. В минувшем году привезено в уезд из Жетышаара, Коканда и других мест на сумму 82563 р. 82 к. Из этого числа вывезено в Верненский уезд на сумму 26699 р. 98 к., следовательно, распродано и осталось товаров на сумму 55564 р. 83 к., выгнано же собственно из уезда баранов 54111 голов и до 70 лошадей, что составит при самой умеренной оценке 109.062 р. (стоимость лошади принята в 10 рублей, барана — 2 руб. серебром). Таким образом, при самом скромном расчете оказывается, что торговцы наживают рубль на рубль и то в том случае, если считать, вымененные бараны будут проданы по 2 рубля серебром. В действительности же они продаются гораздо дороже; так например в 1869 г. цена на них стояла: в городах Жетышаара от 3 до 4 рублей серебром, в Аулие-Ате от 2 р. 50 коп. до 3 руб. серебром и в Ташкенте до 4 рублей. Поэтому необходимо обратить внимание на обеспечение сбыта русских мануфактурных изделий.

справа Чокан Валиханов (к главе X), слева Исатай Кутебаров, — руководитель казахского восстания 60-х годов прошлого столетия. Фотоснимок с картины худ. Космеева, хранящейся в центр. музее КАС СР (Срисовка Космеева со ставной фотографии) (к главе VIII).

Омач (казахская соха).

VIII.

БОРЬБА КАЗАХСКИХ МАСС ПРОТИВ
ЦАРИЗМА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

В первой половине XIX века происходит ряд восстаний в казахской степи; некоторые из них носили характер местных вспышек, другие же принимали широкое распространение. Общее недовольство и протест против грабительской политики царизма были велики в казахских массах. Восстания Каип Галия Ишимова, Исатая Тайманова и Мукамбета Утемисова, Джоломана, Кутебара, Бекета, Исета Кутебарова, Жан-ходжи, Кенесары Касымова носят характер стихийных массовых крестьянских восстаний. Остановимся здесь на двух восстаниях: Исатая Тайманова и Кенесары Касымова.

Первое восстание происходило в Западном Казахстане, в Букеевской орде. Нигде в Казахстане классовые отношения не были так обострены и последствия царской колониальной политики не были так ярко выражены, как в Букеевской Орде. Восстание Исатая Тайманова является типичным колониальным восстанием, направленным как против царизма, так и против продавшей ему феодальной верхушки. Эта борьба против двойного гнета в условиях господства феодально-родовых отношений приняла характер стихийного движения, во главе его стояли родовые вожди. И понятно, что двойственная роль этих вождей, пытающихся на различных этапах движения договориться с царизмом, и несговорчивость последнего вынуждает их идти дальше и углублять движение. Понятна также причина поражения казахских масс.

Восстание Кенесары Касымова является наиболее известным восстанием. Казахские буржуазные националисты прославили Кенесары Касымова, как величайшего вождя казахских масс. Ряд русских авторов (Серета, Смирнов, А. Ф. Рязанов), а также царские администраторы (Перовский, Обручев, Генс и др.) видели в нем „казахского Шамиля“. Это движение вызывало очень много опасений царского правительства. Кенесары Касымов был не только „царистом“, он был вдобавок крупнейшим феодалом, мечтавшим о восстановлении ханства. В его облике мы видим типичные черты феодала, жестокого деспота, приносящего в жертву своих интересов и интересов своего класса, казахские массы.

Однако он использовал недовольство широких масс политической царизма, умело и искусно поднял массы на борьбу и в течение 8-ми лет руководил этой борьбой. Действительно, подобно Шамилю, он сумел на короткое время объединить почти весь Казахстан. Но внутренние противоречия движения привели к разложению восстания. Для Кенесары и казахских феодалов, шедших за ним, было важно добиться уступок со стороны царизма, получить свою долю в эксплуатации масс. Поэтому развертывая бесконечную партизанскую войну, принуждая массы следовать за собой и одновременно производя переговоры с царским пра-

вительством, Кенесары начинал терять почву под ногами. Массы постепенно отходят от него, и он гибнет в авантюристической попытке покорить киргиз и установить там свое господство.

Для нас интересна другая сторона движения Кенесары. Мы видим в этом движении отражение стихийного протеста масс против угнетателей, борьбу против царизма. В этом и заключается значение этого движения, как колониального восстания.

Во главе его оказался крупный феодал. Это было минусом движения, причиной его поражения. Тысячи героев из народных масс боролись, почти безоружные, против царских войск и умирали беззаветно.

Именно борьба этих угнетенных против поработителей нас и должна интересовать.

К сожалению восстания Исатая Тайманова и Кенесары Касымова еще слабо изучены. Мы берем выдержки из работы покойного краеведа А. Ф. Рязанова: „Восстание Исатая Тайманова“ („Труды об-ва изуч. Казахстана“ т. VIII, в. 4. Кзыл-Орда 1927 г.), представляющей подбор официальных донесений об этом движении, сохранившихся в Оренбургском архиве и из рукописи того же автора, принадлежащей Обществу изучения Казахстана „О восстании Кенесары Касымова“, также составленной на основе сырых архивных материалов.

Мы приводим также взгляды иностранного автора Бульжера (Bulgera *England and Russia in Central Asia Lond. 1879, vol. I.*) на восстание Исета Кутебарова. Этим восстанием в частности интересовался А. И. Герцен.

ВНУТРЕННЯЯ ИЛИ БУКЕЕВСКАЯ ОРДА

... Внутренняя или Букеевская Орда образовалась из Малой Зауральской; поэтому следует обратиться к истории последней, чтобы объяснить, отчего часть ее, отделившись, покинула родные степи и перешла в места новые, мало известные.

Из описаний видно, как Малая Киргиз-Казачья Орда в половине XVIII столетия, несмотря на все попечения правительства, жила раздорами, которые при слабом управлении избранного народом и утвержденного в 1798 году хана Айчувака, дошли до крайней степени¹ Кончилось тем что киргизы, изнуренные постоянными смутами и непрестанною борьбою партий, в числе которых партия Сарыма-Батыря, нередко действовавшая открыто против правительства, вынуждала справедливые преследования, — оставила Айвачука с небольшою частью приверженцев и, разделившись на части, разбрелись искать спокойствия и приволья: одни ушли внутрь степи, другие присоединились к Средней Орде, иные откочевали к устью Сыра, а некоторые заняли перешеек, отделяющий Каспийское море от Аральского. В это время председательствовавший в Ханском Совете от Баулинского поколения, сын хана Нурали, внук Абул-Хаира, а по нем потомок в прямой линии хана Узьяка, древнейшего родоначальника киргиз-ка-

¹ „История киргиз-казачьих орд“, г. Левшина.

зачьих ханов, султан Букей вернее других понял, что совершенное спокойствие можно снискать только под непосредственным покровом русского правительства, удалясь, если возможно, от мест, служивших театром бесконечных раздоров. Степь между Волгою и Уралом, приволья которой киргизам были частью знакомы по ежегодным зимовкам на ней, представляла наилучший приют, тем более, что она, с переходом в 1771 году калмыков, прежде занимавших ее, на правый берег Волги, оставалась никем постоянно не занятою; временно только переходили на нее некоторые калмыцкие улусы и кундровские татары Астраханской губернии на летнее кочевье. Султан Букей решил перекочевать сюда. Сношения его с бывшим тогда атаманом Астраханского казачьего войска Поповым, во время зимовок по Каспийскому побережью, подкрепили и развили эту мысль в нем. Убедив советами и доводами султана Шигая и Сарыма-Батыря, лиц, сильных влиянием на киргизов, Букей вместе с ними стал склонять народ к согласию на перекочевку и в 1801 г. письмом бывшему главным начальником Грузии и Астраханской губ. генерал-лейтенанту Кноррингу 2-му выразил свое намерение, прося исходатайствовать ему с киргизами, которых десять тысяч кибиток, высочайшее дозволение постоянно кочевать на степи между реками Волгою и Уралом,— завести в лесных местах селения для зимнего проживания и назначить к нему сто человек казаков Астраханского войска, для приобучения киргизов к русским обычаям.

Кнорринг, от 13 февраля 1801 г., входил со всеподданнейшим донесением к императору Павлу I, представляя на высочайшее его благоусмотрение подлинное письмо султана Букея Нурали-хана. Указом 11 марта того же года император Павел I повелел перепустить киргизов на просимые земли, изобразив так: „Председательствующего в Ханском Совете Киргиз-Кайсакской Малой Орды Букея Султана, сына Нуралиханова принимаю к себе охотно, дозволяя кочевать там, где пожелает и в знак моего благоволения назначаю ему медаль золотую, которую носить на шее, на черной ленте“.

Исполнение возложено было на атамана Астраханского казачьего войска Попова, а от него командирован есаул Скворцов, который и перевел киргизов осенью того же года.

С Букей-султаном перешли содействующие ему лица: султан Шигай и Сарым Батырь, а киргизов пять тысяч кибиток Байулинского, Алимудинского и Семиродского поколений. Вскоре после прибыло еще 1.265 кибиток.

...Султан-Букей понял, как должно возвыситься его значение, когда он успеет перевести на правый берег Урала более или менее киргизов, и, отделяясь таким образом от Малой орды, будет особо управляющим лицом, почти с ханскою властью, тогда как за Уралом он был только член Ханского Совета. Но одного влияния Букея оказывалось мало, хотя многие и уважали его ум и знаменитое для киргизов происхождение. Потребовались резкий пример, сильная воля. То и другое представлял в себе Сарым-

¹ „Родословное древо киргиз-казачьих ханов и их поколений“.

Батырь — лицо замечательное в событиях Малой орды второй половины XVIII столетия. Одаренный от природы непомерными физическими силами, обширным умом, сильной волей, отважный, предприимчивый, хитрый и честолюбивый, он был, так сказать, народным кумиром. Ордынцы видели в нем свою славу, потому, что самым простым своим происхождением Сарым принадлежал им.

Пользуясь таким сильным влиянием, Батырь увлекал покорную себе толпу в дерзкие и нередко противоречащие одно другому предприятия. Так, до прибытия для управления Оренбургским краем барона Игельстрома, он открыто действовал против правительства и напал даже, вскоре после приезда барона, на Таналыкскую крепость вооруженною рукою; но когда Игельстром нашел нужным привлечь его к себе для нравственного влияния на киргизов, имея ввиду привести в исполнение мысль о прекращении в Малой орде ханского достоинства, и успел в этом, лаская честолюбие Сарыма, — то он много содействовал преобразованиям, сделанным в этой орде в 1737 г., когда бывший хан Нурали содержался в Уфе, а в Орде учреждались особые расправы. В одну из них Батырь был назначен второстепенным членом. Но как только, за смертью хана Нурали, правительство избрало и утвердило в 1791 году ханом султана Эрали, чем разрушились честолюбивые планы Сарыма, он начал вновь открыто злодействовать, успевая и тут увлекать своих приверженцев. Непрестанные грабежи и нападения его вынудили наконец послать в Орду сильный отряд уральских казаков, который в зиму на 1798 г. нанес киргизам жестокий удар. С этого времени Батырь утих и, одобряя мысль султана Букея, вероятно из честолюбивых же видов, стал содействовать ему в склонении киргизов к перекочевке. Его-то желание и речь имели сильнейший успех. Таким образом две воли увлекли за собой до 30 тысяч народа с их жильем, имуществом и скотоводством в новую привольную сторону и доставили им, сами не понимая того, истинные средства к скорейшему развитию нравственного состояния и благосостояния¹.

После счастливого начала переходы мало по малу продолжались, и к 1803 году во Внутренней орде считалось уже до 7500 кибиток; но в этом году 5000 кибиток ушли обратно. Причиною было неосмотрительное распоряжение астраханского губернатора графа Завалишина, который послал к Букею роту солдат вместо просимой сотни казаков и требовал ведомостей о числе народа, чем, возбудив опасения в киргизах, вынудил их предпринять бегство. Ушедшие скоро возвратились, и с этого времени, до 1828 г., киргизы, привлекаемые родственными связями и близкими отношениями к своим однородцам, перешедшим на внутреннюю сторону, их покойным, привольным житьем, тогда как баранта и драки терзали еще Малую Орду, — постоянно переко-

¹ Автор не указывает на дальнейшую судьбу Сарыма, Сарым вновь начал выступать против правительства и был убит султаном Каратаем в 1797-1798 гг. (Р е д.).

чевывали с дозволения правительства на земли, дарованные султану Букею.

Управление переходившими лежало на султанине Букее, который в 1812 г. утвержден в ханском достоинстве. В 1815 г. он умер. После него, за малолетством детей, этою Ордою управлял султан Шигаи, брат Букея, в виде опекуна над малолетними наследниками его. Это продолжалось до 1824 г., когда сын Букея Джангер¹, был возведен в ханское достоинство. При нем хотя были побегии киргизов за Урал в 1827 и в 1828 годах, но, как видно из дел Оренбургского начальства, беглецы или добровольно, или волею правительства были возвращены.

В 1828 г., по оказавшемся недостатку удобных земель для перекочевывающих, высочайше утвержденным положением Азиатского Комитета дальнейший перепуск киргизов на внутреннюю сторону воспрещен.

Так образовалась Букеевская или Внутренняя Орда, приняв первое свое наименование от султана Букея, а второе — от положения своего внутри губерний империи.

...Земли, отданные киргизам Букеевской Орды в пределах Саратовской губернии, изобилуют растительностью; но северо-западная часть занимаемой ими степи не может похвалиться удобствами; на ней весьма часты соленые грязи и мелкие соленые озера, обросшие кругом бурьянником. Эти места, может быть, весьма полезны по минеральному своему значению, но для ордынцев не приносят еще ничего, кроме бурьянника на топливо, и небольшого количества соли, которою они пользуются для собственного употребления, с разрешения правительства.

По переходе сюда, киргизы держались первоначально приморских низменностей, берегов Камыш-Самарских озер, речек Узеней и тех песчаных холмов, о которых я упомянул выше. Потом, при назначении в западной части этой степи мест для кочевья калмыков Астраханской губернии, высочайше утвержденным положением господ министров определено: „Кочевать киргизам, начиная от р. Узеня до горы Богдо, не касаясь тут мест, вновь назначенных калмыкам, и от этой горы через гору Чепча-чи до моря, а зимовать по черневым камышевым низменностям, которые найдены будут свободными“. Впоследствии, когда народонаселение и скотоводство умножились переходами киргизов из-за Урала и естественными законами природы, ощутился недостаток в поземельных угодьях, почему высочайше утвержденным мнением Азиатского Комитета предоставлена киргизам Букеевской орды, впредь до востребования, Уральская степь в Черноярском уезде Астраханской губернии и высочайше утвержденным положением комитета господ министров отдано им же,

¹ Хан Джангер был пожалован чином генерал-майора, имел две золотые медали с брильянтовыми украшениями и с портретом государя императора на анненской и андреевской лентах, — две звезды ордена св. Анны 1-степени: одну с алмазными украшениями, а другую с императорскою короною, — высочайше дарованную соболью шубу и золотую с драгоценными камнями саблю (примеч. автора).

впредь до востребования, степное пространство в Царицинском и Новоузенском уездах Саратовской губернии, от границ Астраханской речки Торгун, и отступя от Элтонского солевозного тракта на 19, а от озера на 15 верст, до р. Малого Узеня.

Киргизы, бродя с места на место, не зная определительно границ данных им земель, захватывали время от времени чужие участки и в ту же пору оставляя свои, которыми воспользовались, как никем не занятыми, другие. Это возродило поземельные тяжбы киргизов с казакими Уральского войска, владельцами дач по Каспийскому побережью, с калмыками Астраханской губернии и с переселенцами луговой стороны р. Волги. В том состоит главное препятствие с точностью ограничить Внутреннюю Орду; но по изложенным постановлениям и действительным владениям киргизов границы Букеевской Орды составляют: Новоузенский уезд Самарской губернии и Царевский уезд Астраханской губернии, земли калмыков и кундуrowsких татар Астраханской губернии, дачи графа Безбородко и князя Юсупова по Каспийскому побережью, часть самого побережья и земли казаков Уральского войска.

А. Евреинов. Внутренняя или Букеевская киргиз-казачья Орда
„Современник“. 1851 г. № 10, октябрь.

ВОССТАНИЕ ИСАТАЯ ТАЙМАНОВА.

...Для укрепления ханской власти было необходимо сгруппировать вокруг нее все реакционные силы, создать более прочный административный аппарат, на который можно было бы опереться в случае новых волнений в Орде.

Председатель пограничной комиссии Генс и Жангер-хан прекрасно это понимали и приступили к реорганизации управления Ордой.

В первую очередь было необходимо покончить с родовой администрацией, внутри которой гнездилась оппозиция Жангер-хану, которая могла вновь организовать народные массы и потянуть их на защиту своей национальной свободы.

Полковник Генс пришел к мысли, что для этого нужно постепенно определять ордынских начальников не по родам, а по урочищам их, не обращать уже больше внимания на родовое деление Орды. Распределив Орду на известные районы и приписав к ним кочевавших там казахов, назначить им начальников, которым бы они подчинялись, как уже сказано выше, независимо от родовой принадлежности.

Такая система управления, получившая название дистанционной, уже была введена по Уральской линии в 1831 г. и дала положительные результаты в смысле правильного административного устройства прилинейных казаков. Местные или дистанционные начальники не уходили в отдаленные кочевки: они оставались на своих местах и несли ответственность за население своего района. Это ставило их в прямую зависимость от высшей администрации, а они в свою очередь подчиняли себе местное население и являлись проводниками русского влияния в Орде.

Начиная с 1830 г., Джангер-хан постепенно начал закреплять общественные земли во владение частных лиц. Сначала он раздавал их местным начальникам и султанам в награду за службу, а потом просто стал распродавать богатым казахам за деньги, выдавая на право владения особые акты.

По подсчету Оренбургской Пограничной Комиссии с 1830 г. по день смерти в 1845 г. Джангер-хан выдал 1517 актов на владение землей, при чем некоторые из них даны в отмену ранее выданных тем же ханам.

По существу это сводилось к полному расхищению ордынских земель. Некоторые роды и отделения оказались в весьма тяжелом положении, так как их старые кочевки отошли в собственность отдельных лиц; а некоторые же из них сумели приобрести большую территорию земли. Так, например, немногочисленный Ногайский род сумел получить в свою собственность 1.800 тыс. дес. земли. Султаны Чингалий и Мучигалий получили в частное владение 700 тыс. дес. земли по Камыш-Самарским озерам, которая раньше принадлежала Байбактинскому роду. Караул-ходжа Бабаджанов, ханский тесть, владел 700 тыс. дес. земли по побережью Каспийского моря, куда откочевывали на зимовку казахи разных родов в числе до 12 тыс. кибиток; и, наконец, сам хан Джангер с ближайшими родственниками владел 400 тыс. дес. лучшей земли по р. Торгун.

В результате такого расхищения две трети всей территории Букеевской Орды оказались во владении частных лиц, и только одна треть была распределена между казахскими родами.

...Джангер-хан при раздаче административных постов своим приверженцам предпочитал старикам султанов и старшин молодого поколения. Между тем народ привык видеть у власти стариков, умудренных опытом долгой жизни, и знатоков, хранителей обычаев старины. Назначение молодых людей на командные должности в Орде и их выекоменное обращение с народом вызывало ропот и недовольство. Еще губернатор Эссен обратил на это внимание Джангер хана и посоветовал ему осторожное отношение к традициям Орды. Джангер-хан был вынужден последовать совету военного губернатора и, как мы знаем, в 1828 г. учредил при своей особе Ханский Совет из 12 старейшин орды. Это была единственная уступка требованиям народа после восстания в 1827 г. Однако Джангер-хан сумел поставить в свою зависимость ханских советников и так изолировать их от народных масс, что они скоро превратились в прислужников и чиновников хана, лишенных всякой инициативы и во всем послушных ханской воле.

Заветной мечтой каждого ханского советника, каждого приближенного к хану султана, была мечта сделаться сборщиком ханских податей, так как эта должность приносила огромные доходы.

Нам уже известно, что хан взимал два вида налогов: зякет, как общегосударственный налог, и сугум — на содержание Ханской Ставки.

...Общая сумма зякета, как это видно из упомянутого нами

выше отчета военного губернатора, простиралась до 115 тыс. рублей серебром в год.

А. Харузин в своей книге: „Киргизы Букеевской Орды“ определяет общую сумму зякета в 82 тыс. р., что находится в большом противоречии с данными отчета военного губернатора.

Вторым видом налога был сугум. Это был сбор скота на содержание Ханской Ставки, который распределялся следующим образом: каждые 15 кибиток должны были платить одну корову 5 лет, или жирную кобылу, или 40 руб. деньгами на ассигнации. Принимая в среднем число кибиток в 30-х годах прошлого столетия в 15 тыс., мы получим, что хан ежегодно собирал в свою личную пользу 1000 кобыл или коров. По Харузину сугум определялся в 4 тыс. коней или 24 тыс. баранов ежегодно.

...Из отчета Оренбургского губернатора, на который мы ссылались выше, видно, что в 1825 г. Букеевская Орда, при народонаселении в $10\frac{1}{2}$ тысяч кибиток, численностью в 51 тыс. жителей обоего пола, владела 5 мил. 500 тыс. дес. пастбищной земли и следующим количеством скота: верблюдов 51 тыс., лошадей — 491 тыс., рогатого скота — 105 тыс., и мелкого скота 1924 тыс., а всего 2572 тыс. голов.

По данным того же отчета, в 1850 г. состояло: населения 21 тыс. кибиток, 100 тыс. душ обоего пола, т. е. увеличилось в два раза. Земля осталась без изменения. Количество же скота выражалось в следующих цифрах: верблюдов 60 тыс., лошадей 330 тыс., рогатого скота 250 тыс. и мелкого скота 1200 тыс., а всего 1860 тыс. голов, против 2572 тыс. голов в 1825 г. Таким образом, при увеличении народонаселения на 100 проц., количество скота понизилось на 27 проц., а так как все богатство казахов состояло в скоте, то эти цифры являются показателями падения народного благосостояния. Если в 1825 г. на каждую душу населения приходилось 56,6 голов скота, то через 25 лет это отношение понизилось до 18,6 голов.

...Из цитированного выше отчета Оренбургского военного губернатора видно, что до 1832 г. казахи Букеевской Орды продавали излишки своего скота на русских рынках, в гг. Уральске, Гурьеве, Астрахани, Саратове и других. По сведениям Букейхана, со времени перехода на внутреннюю сторону, с 1804 по 1814 год, т. е. за 10 лет, казахи продали следующее количество скота: лошадей 40 тыс., рогатого скота 16 тыс., и мелкого 30 тыс. голов.

Продажа скота на русских рынках вообще поддавалась очень слабому учету и не приносила Джангер-хану никаких доходов, почему он, под видом оберегания казахского населения от эксплуатации торгового капитала, воспретил населению Орды сбывать свой скот в русских городах, установив для этой цели ярмарки в Ханской Ставке. Ярмарки эти открывались два раза в год: с 15 апреля по 15 мая и с 15 октября по 15 ноября. Первая ярмарка была открыта в 1832 г.

По сведениям хана ярмарочные торговые обороты в Ханской Ставке выразились в следующих цифрах: в 1837 г. привоз товара — 597.603 руб; продано 368.775 руб. 50 коп.; в 1838 г. привоз

товара 562.971 руб., продажа 339.174 р. 10 к.; в 1839 г. привоз товаров 691.628 р.; продажа — 333.548 р. Данных о торговле за предыдущие и последующие годы не имеется, но уже из цифр за это трехлетие можно установить тенденцию сокращения торговли с каждым годом, что можно объяснить отчасти тем же упадком народного хозяйства, а отчасти народным восстанием под предводительством Исатая, которое происходило в 1836—1838 гг.

Внутренняя торговля в Орде была сосредоточена в руках некоторых старшин и торговцев татар, через посредство которых русский торговый капитал проник в Орду. Нам встретилось одно очень интересное дело канцелярии военного губернатора за 1827 г., в котором идет речь об иске вдовы полковника князя Багратиона, астраханской помещицы, к известному нам Караул-ходже Бабаджанову. Оказывается, Караул-ходжа состоял в одной торговой компании с указанной помещицей и еще некоторыми русскими капиталистами и при ликвидации ими дела не хотел уплатить 16 тыс. рублей за забранные у них товары.

...Главными руководителями нового восстания, начавшегося в 1836 г., были Исатай Тайманов и Мухамед Утемисов, как они значатся по русским бумагам.

Оба батыря происходили из Бершева рода, Джикова отделения и считались старшинами.

Исатай-батырь рано выдвинулся своими способностями из числа однородцев и, будучи совсем молодым человеком, уже в 1812 году Букей-ханом был назначен на должность старшины Джанкова отделения. Это назначение впоследствии было утверждено Оренбургской Пограничной Комиссией, которая 25 ноября 1814 г. выдала Исатаю именной указ на звание старшины и печать.

...Нам уже известно, что в 1818 г. в Орде произошли народные волнения. По архивным материалам нам не удалось установить, какую позицию по отношению к этим волнениям занимал Исатай батырь; но сохранилось письмо Уральского атамана Бородина от 14 октября 1819 г., в котором атаман обратился к батырю Исатаю с просьбой повлиять на народ с целью успокоения Орды.

„Я прошу вас внушить ордынцам,— писал Бородин Исатаю,— что государь, даровав Букею земли в Астраханской губернии, не намерен удерживать народ на этих землях против его воли и готов склонить слух милосердия к их желаниям, если только они изъявлены законным образом и не соединены со своеволием и неповиновением установленным властям.

...С начала возведения в ханы Джангера, Исатай пользовался его доверием. Это видно, например, из предписания Джангер-хана Исатай-батырю от 29 го ноября 1826 года; в предписании этом хан поручил Исатаю быть своим представителем при бухарском посланнике, который следовал через Букеевскую орду в город Астрахань.

...Как старшина Бершева рода Исатай участвовал на известном съезде представителей Орды в 1828 г.; на урочище Уяла, в присутствии Джангер-хана и председателя Пограничной Комис-

сии полковника Генса. Здесь Исатай вместе с другими старшинами дал клятвенную запись на повиновение Джангер-хану, на которой имеется печать.

...Когда уже началось дело о восстании Исатая, то Джангерхан в письме от 13-го декабря 1837 г. писал Оренбургскому военному губернатору генералу Перовскому, что Исатай Тайманов никогда не отличался „хорошей нравственностью“.

Из справки, приведенной ханом, видно, что в первые годы вступления на должность губернатора генерала Эссена (в 1817 г.). Исатай был предан суду Оренбургской Пограничной Комиссии, — будто бы за ограбление старшины Утемиса Кулманиазова. Исатай был арестован по этому делу и долго содержался в Сарайчиковской крепости, из которой был выпущен за выкуп 20 тыс. рублей. Кто такой был Утемис и какой характер носило это ограбление, из справки хана не видно.

...В 1823 г. Исатай-батырь был вторично арестован правителем Букеевской Орды султаном Шигаем Нуралиевым по обвинению в убийстве казака Теминского рода, Бессарина Отделения Насана Утелялова. Исатай-батырь был отправлен в г. Оренбург под конвоем донских казаков, взятых с Каспийской линии, но дорогой ему удалось бежать от своих конвоиров, и он вернулся в Орду, где продолжал попрежнему занимать должность старшины Джаикова отделения.

...Сам Исатай на допросе в декабре 1836 г. показал, что он „по воле начальства был оправдан“.

Несмотря на эти возводимые обвинения в уголовных преступлениях, Исатай-батырь все время продолжал занимать должность старшины и пользоваться в Орде почетом.

...Исатай-батырь вместе с подведомственными ему аулами владел кочевками, которые были закреплены за ним грамотой Букея хана от 12-го марта 1812 г., которую мы приводим здесь полностью:

„Подвластному мне старшине Бершева рода Исатаю Тайманову даю я сие вольное письмо в том, что подведомственным ему киргизам позволяю я иметь зимовое кочевье при берегах Каспийского моря, между кордонами Кокоревскими, Летним и Кулпинским, разумея от степной кордонной дороги и до самого моря, где он за лучшее находить будет как для себя, так и для киргиз ему подлежащих, каковую раскочевку киргиз предаю я на его Тайманову попечительность и волю“.

Права Исатая и подведомственных ему казахов на эти кочевки были подтверждены и Джангер-ханом в августе 1726 г., который писал при этом следующее: „Разрешаю Исатаю Тайманову кочевать на тех самых местах, где ежегодно зимовал, и пользоваться кормами на местах, называемых Кюйга-Арал и Кара-Камыш, на берегах Каспийского моря.“

В 1834 г. Джангерхан выдал на занимаемые Исатаем земли новую грамоту с приложением особого плана, составленного, повидимому, аульными землемерами. План этот представляет собою грубую схему урочищ, начерченную без соблюдения масштаба и других топографических правил и размалеванную

жоричневой краской. В центре этой схемы обозначена гора Мак-тубна, вокруг которой расположены урочища: Бурлы-Уй, Кара-Куйлы, Утяб-Берган, Байбта-Чаглы, Кудук-Чаглы, Казун-Тункарган, Ачи-Куйлы, Тубяр-Куй, Куваган-Чаган, Куруган-Чаган, Кунтугай, Ака-Бавыр, Джулькум.

На плане имеется надпись Джангер-хана следующего содержания: „Скрепив план сей, позволяю старшине Исатаю Тайманову за его усердную службу и всем его близким родственникам зимовать на местах, начерченных на плане сем, и пользоваться ими. Хан Джангер печать приложил“.

...Самым замечательным сподвижником Исатай-батыря был Махамбет-батырь — сын Отемьса. Махамбет-батырь известен по русским бумагам под именем Мухамеда Утемисова, как и мы будем его называть для удобства пользования выписками из архивных дел.

Подобно Исатаю Тайманову, Мухамед происходил из Бершева рода Джаикова отделения и по бумагам Джангер-хана тоже числился старшиной.

В своем показании от 8-го ноября 1836 г. данному русским следователям, Мухамед говорит, что он был назначен Джангер-ханом старшиною, в чем у него имеется открытое предписание хана от 9-го июня 1834 г. за № 572, но Пограничной Комиссией в звании старшины утвержден не был.

Мухамед Утемисов был грамотен по-татарски и по-русски, что в то время составляло для простого казаха большую редкость, и это обстоятельство сильно возвышало его в глазах современников. Где научился грамоте Мухамед, нам не известно. Повидимому, он много путешествовал, — был в Хиве, а может быть и в Бухаре. Он славился по Орде, как искусный акын (певец) и оратор, почему везде и всюду был излюбленным гостем. Есть указание на то, что Мухамед одно время жил в Ханской Ставке и был чем-то вроде придворного акына Джангер-хана. Во всяком случае Мухамед пользовался расположением ханской семьи; но впоследствии он почему-то разошелся с ханом. Это обстоятельство подтверждается в письме Джангер-хана Оренбургскому губернатору от 13 декабря 1837 г., в котором хан говорит, что Мухамед одно время состоял при его сыне.

„Киргизец Мухамед Утемисов, ближайший и первый его (Исатая) сообщник и первый пособник этого мятежа, — пишет хан, — нехорошего был поведения: в Оренбурге при малолетнем сыне моем Зюлькарнаине, но я прогнал его, как негодяя“.

Злейший враг Исатая и Мухамеда, Караул-ходжа впоследствии доносил, что Мухамед Усемисов был „нечестного поведения“ и содержался в Калмыковской крепости по обвинению в провозе контрабанды из Хивы через Уральскую линию.

Сам Мухамед в показании своем от 10 декабря 1836 г. показал, что 6—7 лет тому назад он был схвачен русскими властями и обвинен в тайном переходе через Уральскую линию, за что около 2-х лет содержался в тюрьме, в Калмыковской крепости. В 1831 г. во время холерной эпидемии ему удалось бежать из тюрьмы и скрыться в степи. Просидев около 2-х лет в русской

тюрьме, Мухамед Утемисов, подобно Исатаю, вышел из нее переполненный ненавистью к русскому господству. Эти чувства сближали обоих батырей между собою. Решительный и пылкий Мухамед Утемисов, — поэт и народный трибун, — как бы дополнял собой осторожного и вдумчивого Исатая, который умел взвесить все обстоятельства, прежде чем предпринять какой бы то ни было решительный шаг.

Мухамед был душою восстания. Владея русской и татарской грамотностью, он писал воззвания по Орде, послания Джангер хану и русскому правительству от имени Исатая и народа. Он разъезжал по аулам, агитировал, поднимал народ против Джангера и первый подтолкнул Исатая на путь решительной вооруженной борьбы.

...Начало борьбы Исатай батыря с Джангер ханом и вообще с существующим режимом в Букеевской орде положили личные столкновения Исатая с управителем прикаспийских казахов Караул-ходжей Бабаджановым, который был назначен на эту должность в 1833 г.

...Управляя прикаспийскими казаками, Караул-ходжа, в качестве представителя подведомственных ему родов, заключал договора с управляющими помещиков Юсуповых и Безбородко на аренду у них земель для зимовых стойбищ казахов; он же расплачивался с ними за аренду, собирая деньги с ордынцев. Перед Караул-ходжей открывалось широкое поле деятельности: он распределял между казаками места для зимовок, собирал с них плату за аренду и благополучие каждого рода находилось в его руках.

При заключении договора с помещиками допускались кабальные сделки, особенно невыгодные для казахов. Так, например, в договоре, заключенном Караул-ходжей с управляющими имениями графа Безбородко в 1834 г., между прочим, было сказано: „Киргизы могут занимать своими зимовками места с правой стороны от степной линии по курсу от норда на зюд, через Тельпеневскую ватагу, а слева — до дачи князя Юсупова“.

Это была та линия, за которую казахи не могли перепускать свой скот; намечена она была крайне неопределенно, так как, где же было разбираться простому темному казаху — пастуху в этом направлении „от норда на зюд“. А между тем за перепуск скота за эту обусловленную линию казахи по договору обязались кроме „условного акциза“, т. е. арендной платы, платить штраф по 10 р. с каждой кибитки и по 50 к. с каждой перепущенной скотины и по 10 р. за каждый потравленный воз сена.

Уже в 1835 г. Исатай повел кампанию во что бы то ни стало добиться смены Караула-ходжи. Указания на это мы находим в письме Исатая на имя султана Зюлькарнеина (очевидно, одного из сыновей Джангер хана) от 26-го июня 1836 г., в котором говорится следующее:

„В прошлом году, когда я ездил с Вами по Орде, Вы изволили собирать старейшин и почетных ордынцев Бершева рода и объявили им, что Караул-ходжа Бабаходжин будет отставлен от должности и что он не будет управлять нами. Ваше степен-

ство, сами изволите рассудить, что тому человеку, которого почитают врагом, если поручить управление, то, разумеется, он никому добра делать не будет и через это происходят беспорядки. За этим остается Вам объяснить, что о причиненных нам после отъезда Вашего притеснениях мы объявили по приезде к Вам

„Повеление Ваше, объявленное старшиною Кунгузом Илемесовым, будет в точности исполнено, но по несовершению прежнего Вашего обещания, народ много претерпел вреда“.

...Караул-ходжа со своей стороны тоже принимал меры и в своих донесениях Джангер хану изображал Исатая, как „народного возмутителя“ и „ослушника ханской воли и законных властей“.

В свою очередь Исатай посылал к хану неоднократные жалобы, в которых разоблачал злоупотребления Караула-ходжи.

...„О, владетель наш — писал Исатай хану в начале 1836 г., — от определенного Вами в должность правителя полкового эсаула Караул-ходжа Бабаходжина мы мало видим правосудия. Если мы объясним вам об его управлении, лихоимстве и поборах, то вы все поймете“.

...„О, владетель наш! — заканчивает свое прошение Исатай и его единомышленники, родовые старшины: — неужели никто не будет управлять нами? Если обиженный и притесненный приносит жалобу правителю, то неужели не будет ему правосудия?“

Мы просим, чтобы Караул-ходжа не выдавал себя за правителя и не налагал бы на народ тяжелые поборы. Если определенные вами правители не хотят советоваться с другими старшинами, то гораздо лучше было бы, если их лишили той должности и мы жили бы без них.

„Народ желает владеть своею собственностью, а не другой кто и никто не имел бы налагать поборы.“

„Просим не оставить нас ответом. Если на сие не получим ответа, — будем писать вам второй раз, а если не получим ответа и на следующее письмо, то будем думать, что нет над нами никакого начальника, тогда лучше будет старшинам оставить их жилища, а бедному народу нашему бросить все имущество и скот и потом удалиться“.

...В ответ на это послание Исатай Джангер хан прислал ему письмо от 5 марта 1836 г., выдержки из которого мы здесь приводим:

„Получив твое письмо — пишет Джангер хан, — я был намерен при личном свидании сделать должное распоряжение и доставить каждой справедливой стороне удовлетворение.“

„Но, к сожалению, от разных лиц узнал, что вы подстрекаете народ, чтоб жить в расстройстве и что некоторые по наущению вашему уже взбунтовались.“

„Зная твой ум и усердие, я не хочу лишать тебя моего доверия; однако, желая узнать то в точности, я для личных объяснений требую немедленного вашего прибытия.“

„Вы не думайте, что требую вас для обнаружения поступков но если вы, старшина, не поверите словам моим и не явитесь, то я буду думать, что чувствуете вину свою.“

„Разумеется, я понимаю твои желания, но ты должен уме-

рить пыл своих страстей и потом уже ожидать исполнения желания. Но что это за ожидание милости, когда считаешь себя товарищем и враждуешь против хана, как против равного себе! Это не будет ожидание, а просто насильственное вынуждение. Это я пишу за усердие твое, которое ты оказываешь по службе, а то без сомнения не стал бы писать к тем, что выдумывает пустые мысли и потом распространяет их. Но много писать неприлично“.

...Получив донесение Караул-ходжи, что Исатай батырь отказывается добровольно прибыть в Ханскую Ставку что под его влиянием в Орде действительно происходят беспорядки, Джангер хан 17 марта 1836 г. отдал Караул-ходже приказ: немедленно, „с помощью народа“, схватить старшин Исатая Тайманова, Усу Тюлеганова, Мухамеда Утемисова, Тиналия представить их в Ханскую Ставку.

Получив этот приказ, Караул-ходжа собрал из подведомственных ему аулов Бершева, Адаевского и Таминского родов 522 джигитов и вместе с несколькими старшинами этих родов двинулся к аулам Исатая и его друзей.

Услыхав о приближении Караул-ходжи с войском, Исатай быстро организовал оборону своих аулов, обнес их рогатками и, собрав около 200 человек своих приверженцев, стал ожидать приближения Караул-ходжи.

4-го апреля отряд Караул-ходжи прибыл к могиле Киляли, находившейся на расстоянии одной кочевки от аулов Исатая, остановился здесь и послал к Исатаю старшину Сагира Баршигаева и муллу Кабыка для переговоров, через которых требовал, чтобы Исатай подчинился „воле хана и императора“ и „во избежание гибели жен и детей“ явился бы к нему к могиле Киляли.

Исатай действительно исполнил требование Караул-ходжи, но явился к могиле Киляли в сопровождении 200 вооруженных джигитов и со знаменем в руках. Все пять старшин, которых было приказано арестовать и отправить в Ханскую Ставку, были одеты в кольчуги и шлемы; они выехали вперед и предложили Караул-ходже решить свой спор единоборством.

Однако у Караул-ходжи не оказалось никакой охоты драться с Исатаем, а тем более рисковать своей драгоценной персоной. Среди окружающих его старшин, ханских приверженцев, тоже не нашлось охотников принять вызов Исатая. Сопровождавшие Караула-ходжи джигиты также не проявляли ни малейшего желания вступить в бой с популярным батырем, почему Караул-ходжа, посоветовавшись со своими старшинами „во избежание пролития крови“ решил благоразумно уклониться от боя с „мятежными“ старшинами.

Караул-ходжа благородно ретировался: он удалился в свои аулы и распустил свой отряд, не исполнив приказа хана. Таким образом столкновение обошлось без кровопролития, но опасность народного возмущения стала еще более реальной, чем прежде.

Исатай-батырь пока тоже не хотел вооруженного конфликта

с Джангер-ханом; после набега Караула-ходжи он даже попытался еще раз мирными средствами добиться правосудия у хана, почему и отправил к нему следующее прошение:

„Имеем честь довести до вашего высокостепенства, что причиняемые определенным вами в 1833 г. управителем при берегах Каспийского моря Караул-ходжей Бабаходжиним угнетения превзошли всякую возможность.

„18-го марта сего 1836 г., будто бы по повелению вашего степенства, он опубликовал, состоящим в вашем ведомстве бию Байту и старшинам Сукбаю, Биаксайбе, Кубеку, Мактубаю, Акберде, Бабатеку, Майбушу и Тляву и Беричевского рода старшинам Сагыру, Якшисыку и другим, а также старшинам Кердеринского рода, дабы они с подведомственными каждому из них киргизами собрались для убийства нас по какому-то преступлению против в. в., при чем объявили, что скот наш будет разделен между теми, кто будет при задержании нас.

„Почему из вышеозначенных отделений 24 марта собралось вооруженных разным смертоносным оружием 800 человек и намеревались сделать на нас нападение.

„Получив о сем сведение, мы для защиты себя обрыли вал, сделали рогатки и находились с семействами в чрезвычайной горести, не зная, по какой причине готовится нам такое несчастье.

Между тем увидели нарочно посланных от в. в. старшин Дуйсанбая и Сеит-бергана и, прочитавши предписание ваше, весьма обрадовались. Потом объявили означенным старшинам претерпеваемые нами от Караул-ходжи притеснения. Они объявили нам, что кроме в. в. никто не может делать нападения, отбирать скот и казнить людей и что Караул-ходже повеления на это не дано, а только приказано звать нас к себе. После этого Караул-ходжа сборище свое распустил и мы, оставивши свои укрепления, начали кочевать по своим местам.

„Старшины отправились к ходже, сказав, что вернутся в тот же день вечером или на другой день в полдень, а если не приедут, то это значит, что действительно есть от вас такое повеление и чтобы мы тогда опасали жизнь свою, но что они сами не хотят подвергнуться безвинной гибели.

„В полночь мы осведомились, что означенные старшины Дуйсанбай и Сеит-берган в сборище ходжи идут на нас, почему заключили, что есть на это повеление ваше. Мы перекочевали на другие места и снова окружились валом и рогатками.

„31-го марта еще прибыли посланные от вас бии Алтай (Досмухаметов) и Шаригат. Мы по прочтении милостивого повеления вашего просили защитить нас от сборища ходжи и распустить оное по своим местам; если же в чем мы виноваты, то взыскать с нас, а ежели невинны, то представить перед особу вашу.

„Сказанные бии уговаривали ходжу оставить нападение. Но тот отозвался, что он не хочет их слушать, а делает то, что знает и сам даст нам ответ. После того, как бии не могли уговорить его, они уехали. А он, продержавши нас 6 дней в осаде,

прислал к нам в 7-й день после полудня, трех человек: Тагучу, Кабыла, Сагыр-Адия с предложением, дабы мы, во избежание гибели жен и детей наших, вышли из укрепления к могиле, называемой Киляки, где он будет с нами драться. Дабы сохранить от гибели семейства наши, мы вышли на назначенное нам место; где нас, однако, бог сохранил.

„Хотя мы ожидали ответа от Дуисанбая и Сеит-бергана, но милостивого ответа не последовало. Через 6 дней они прислали бумагу, которую вы увидите.

Во время нахождения в укреплении с 24 марта по 5 апреля употреблено в пищу на 500 человек, по 20 баранов в сутки,— 240 баранов; погибло в неволе от недосмотра 21 верблюженок; издохло 63 жеребенка, 14 телят и 270 кургашков. Кроме того слышу, что из построенного мною дома при морском берегу, где находятся моя жена и дети, Каракубан Угянов увез 220 деревьев, 12 досок и 2 кошмы“.

В начале июля, совершенно неожиданно для хана, Исатай — батырь, Мухамед и другие их сподвижники решили лично явиться в Ханскую Ставку, оправдаться перед ханом в возводимых на них обвинениях и подать жалобу на злоупотребления Караул-ходжи. В числе 17 человек они выехали из своих аулов и направились к кочевкам Джангер хана, на урочище Кандагач.

Слух о движении Исатай-батыря к хану с жалобой на Караул-ходжу и других управителей быстро разнесся по казахским аулам. В каждом ауле было немало лиц, так или иначе обиженных и недовольных Караулом-ходжей и бием Балкой. Они пожелали присоединиться к батырю, чтобы вместе с ним пожаловаться хану и потребовать смены этих недостойных правителей народа. Мало-по-малу к Исатаю стали присоединяться со всех сторон новые спутники и вскоре число их возросло свыше 100 человек. Поездка Исатая к хану принимала характер свободной демонстрации, к которой, пожалуй, могла присоединиться вся Орда из солидарности к своему вождю и в знак протеста против насилия ханских чиновников.

Скоро до Джангер хана докатился слух, что к его ставке движется Исатай батырь „с большим сборищем вооруженных людей“. Это известие страшно напугало хана, который был совершенно неподготовлен для отражения Исатая, если последний шел к нему с враждебными намерениями.

Хан принял экстренные меры для защиты своей ставки. Во-первых, он послал к астраханскому губернатору с просьбой прислать ему на помощь отряд казаков и калмыков с артиллерией; при этом движение Исатая было заранее обрисовано, как опасное народное восстание.

Затем Джангер-хан приказал своим султанам и старшинам собрать „благонадежных“ джигитов, с которыми выступить на встречу Исатаю и отразить его. По всем аулам, лежащим на пути Исатая, были посланы гонцы с приказом хана — не давать Исатаю и его спутникам ни продовольствия, ни крова, ни лошадей, так как „собрание его с оружием противно законам, тишине и спокойствию народа“.

Навстречу Исатаю были отправлены ханский советник бий Алтай Досмухаметов, султан Балпан и ходжа Дарий с письменным повелением хана, скрепленным подписью всех членов Ханского Совета, в котором ему было приказано немедленно распустить „сборище киргизов“ и вернуться в свои аулы.

Ханские посланцы встретили Исатая и его спутников на урочище Толубай в 100 в. от кочевок хана, и передали ему ханское повеление. Они обещали батырю от имени хана, что через 12 дней в его аулы придут члены Ханского Совета для расследования претензии народа на Караул-ходжу и бия Балку Худайберганова.

Исатай поверил обещаниям хана, распустил своих спутников по аулам и вернулся обратно. Между тем хан Жангер 14 июня отправил военному губернатору донесение, в котором снова просил, не упускать время, „задержать под стражу через линейное начальство Тайманова и Утемисова и удалить их от всяких сношений с ордынцами и передать другим“

В этом донесении хан говорил, что Исатай подпал под влияние Утемисова, „который беспутного и дурного поведения“.

„Утемисов придумал особенный вымысел следовать ко мне на кочевья с вооруженной шайкой киргизцев разных родов, по нехорошим своим качествам приставших к нему в сообщничество, разглашал предлог говорить со мной о народных делах и о жалобах на старшину полкового есаула Караул-ходжу Бабаджанова,— писал хан.

Сборище его начинало умножаться более при следовании уже в пути по аулам, а также с умышленными дерзкими разглашениями, будто бы дана будет с Уральской линии опять команда для разыскивания каких то беглых или в табунах лошадей с русскими товарами.

„Исатай оправдывался тем, что киргизы сами собрались к нему и он их к себе не приглашал. По самой истине должно полагать, что таковым прикрытием они хотели себя оградить от задержания по уголовному делу и теми нелепыми слухами тревожить народ и показать ему, что он имеет право поступать таким образом в орде против меня“.

Далее хан говорит в своем донесении о том, что он потребовал от астраханского губернатора казаков и собрал приверженных порядку киргиз для отражения Исатая.

В заключение своего донесения хан просит оренбургского губернатора разрешить ему на будущее время „не щадить киргиза проступки при первом покушении, если оные возникли вопреки покою и благоденствию народа, какие издавна он имеет в орде“.

В распоряжении Жангер хана в Ханской ставке всегда находился отряд астраханских казаков в составе 3-х офицеров и 174 нижних чинов. Но дело в том, что Жангер хан не вправе был употреблять этот отряд для подавления народных восстаний, не известив военного губернатора и не спросив на это особого разрешения, на что уходило слишком много времени. Неожиданное движение Исатай-батыря в ставке „со сборищем вооруженных людей“ поставило хана в критическое положение: прежде, чем

было бы получено разрешение употребить в дело этот отряд, Исатай мог расправиться с ханом. В виду этого хан просил на будущее время разрешения употреблять этот отряд, не спрашивая об этом оренбургского или астраханского губернаторов.

„При моем усердном расположении — писал Жангер генералу Перовскому, — по столь немаловажному затруднению, разрешите мне не допускать на будущее время и не дозволять ордынцам своевольств, не щадить их за проступки, при первом покушении, если бы оные возникли вопреки покою и благоденствию, какие издавна они имеют в пределах России.

Рассудительные и благонамеренные ценят это со мной в полной мере, но ослушные подлежат примерному обузданию“.

...В свою очередь Исатай понял, что он становится жертвой ханской провокации и что хан использует его попытку явиться в ставку в сопровождении джигитов, чтоб обвинить его как бунтовщика. Имея это в виду, Исатай обратился к начальнику оренбургского края с особым посланием, в котором пытался вскрыть внутреннее положение Орды и те причины, которые глубоко волновали казахские народные массы и двигали их на открытое выступление против хана.

„Все султаны, старшины и бии Внутренней Орды — писали Исатай и его приверженцы, — и даже сам хан питают к нам неудовольствие за содействие наше офицеру войска Уральского Донскову в поимке скрывавшихся людей в Орде, отчего происходят притеснения ордынцев и все мы лишились даже власти над своей собственностью.

„Отнимают у нас хороших лошадей и платье, через что мы потерпели крайние обиды и, хотя мы приносили многократные жалобы высокостепенному хану, но по неприятию их в уважение и неучинению по ним никаких разбирательств, почли за благо довести до сведения о сем российского начальства, так как мы есть верноподданные его имп. величества.

„Сверх того в этом году, в конце марта мес., Караул-ходжа Бабаходжин с 800 вооруженных киргиз напал на меня без всякой причины, окружил и угрожал меня убить; о каковом его поступке я также многократно приносил жалобы, но и по этому никакого следствия не сделано. Почему опасаясь, дабы от такого угнетения киргизы не вздумали чего-либо законопротивного, я обязанностью поставляю довести до сведения вашего и прошу вас господин начальник, представить сию жалобу в надлежащее место и быть причинствующим водворения спокойствия между ордынцами. Мы же всегда стоим в готовности захватывать и выдавать подобно вышеупомянутых, секретно проживающих в Орде людей, если того потребует закон и начальство наше.

„В случае принятия просьбы моей, благоволено бы было для произведения следствия прибыть в середину простых ордынцев и спросить каждого особо, без посредства хана и старшин. В противном же случае, если простые киргизы потребуются для спроса в какое либо высшее место и не будут иметь возможности туда явиться, то не было бы сочтено за ослушание: ибо

ордынцы весьма необразованы и прежде всего застрашены поставленными над ними властями.

„Если же просьба моя не будет принята в уважение и не будут спрошены ордынцы в кочевьях своих, то мы не надеемся, чтобы остались в нашей зависимости участь наша и все наше достоинство, ибо Джангер-хан, султаны и состоящие в их ведомстве старшины и Караул-ходжа заключили общее условие не принимать никаких просьб от простых киргиз, а в противность законам безвинно притеснять их“.

...Перовский приказал произвести по делу Исатая расследование, выслав следователей в „середину простого народа“, как просил об этом сам Исатай. В ожидании следствия Исатай переживал тревожное настроение духа. В одном из своих писем к одному из друзей он, между прочим, по этому поводу пишет следующее:

„Теперь будьте у себя дома, в степи, и остерегайтесь воров. Времена приходят в худшее положение и найдется много таких людей, которые сами себя бросят в огонь и не пожалеют других — меня и вас.“

...2-го ноября следственная комиссия приступила к опросу заинтересованных лиц, выехав для этой цели в Орду и разместившись на одной из рыболовных ватаг, среди казахских зимовок на берегу Каспийского моря. По делу было допрошено много казахов. Все они поделились на две непримиримые партии: на партию Исатая и его приверженцев и на партию Джангер-хана, Караул-ходжи и других. Каждая из этих партий, по киргизскому обыкновению, давала показания в собственную пользу. В этом случае не помогала и присяга, которую следователи заставляли принимать казахов перед допросом.

Между враждующими партиями начался один из типичных судебных поединков, которые были в обычае народа и которые вовлекали в дело все новых и новых лиц.

...Следствие продолжалось весь ноябрь и декабрь. Прикосновенных к делу лиц допрашивали по несколько раз. Старшины Тайсуганов, Ирмеков и другие, когда 20 декабря им прочли данные ранее показания, отказались их подписать, утверждая, что в них написаны слова, которых они не говорили. Вообще казахи являлись к следователям и давали показания крайне неохотно и уклонялись от следствия под всякими благовидными предлогами.

Между тем Исатай батырь по ходу следствия увидел, что ему нельзя ожидать от русских чиновников чего-либо хорошего, т. к. они держат сторону хана, и поэтому он продолжал группировать вокруг себя недовольных для борьбы с ханом и для самозащиты, формировал новые партии из своих сторонников и вооружал их.

...В половине февраля мес. следователи Сиротинин и Узбеков снова приехали в Орду и потребовали Исатая к допросу. Но Исатай прибыть к ним отказался. Несмотря на все старания ханского депутата — султана Медет Галия, вызвать Исатая не представлялось никакой возможности. Султан донес об этом хану.

Приверженцы Исатая тоже отказались приехать к следователям для дачи показаний. Следствие приостановилось. Следователи без всякого дела томились в землянке на рыбной ватаге. Для них создавалось очень неприятное положение: уральский атаман и Пограничная Комиссия присылали им одно предписание за другим, требуя немедленно закончить следствие, не прибегая к вмешательству вооруженных сил, чтобы не вызвать еще большего возмущения в Орде. Между тем Исатай и его приверженцы с явным пренебрежением относились к предписаниям русских чиновников, которые вызывали их для допроса и не ехали к ним.

...Лишь только русские чиновники приступили к следствию по делу Исатая, с первых же шагов обнаружилась их тенденция обвинить батыря и его друзей и оправдать ханскую партию. Убедившись в этом, Исатай лично и через своих сторонников усилил агитацию в народе против хана и его приспешников. Все больше и больше привлекал знаменитый батырь в свои ряды сторонников, а его агитаторы разъезжали по аулам Орды и призывали народ поддержать Исатая в борьбе против ханской партии.

...„Жили мы с давних времен под милостивым покровительством государей наших спокойно и благополучно, — в эпическом тоне начинает свою петицию Исатай. — Ныне же с некоторого времени во всем быту своем начали лишаться избытков, обилия и счастья, коими так много пользовались. Поставленный над нами хан Джангер Букеев судит нас несправедливо и несколько несообразно с правилами религии нашей, через что мы остаемся без всякого правосудия с напрасным воплем и плачем всеобщих жалоб, которые день ото дня более и более увеличиваются, ибо обиды и притеснения возрастают для нас с каждым днем.

„Султаны, бии и ходжи, исполнители ханской воли, всюду нас притесняют безвинно, мучают побоями, своевольно отнимают у нас собственность нашу; жаловаться же на них, значит навредить на себя видимое бедствие и совершенное разорение. Заступников у нас нет и мы между правителями своими кроме оскорбления, обид и всевозможных притеснений не можем сыскать ни удовлетворения, ни какого либо сострадания бедственному нашему состоянию. Одна только надежда осталась у нас — обратиться к милостивому покровительству вашего превосходительства.

„Мы решаемся убедительнейше просить в. п. о дозволении нам вступить в состав служилых людей Уральского ведомства, чтобы и нам дозволено было прожить в близких местах около Урала и помогать по службе государю императору, исправлять походы в дальние города, как, например, в Ново-Александровское укрепление и другие ему подобные места. Мы готовы услуживать всем: лошадьми, запасами, верблюдами, а в случае надобности и самими людьми, как требуется верноподданному россиянину.

„Если вы будете благосклонны к изъявленному нами здесь желанию и не откажетесь осушить слезы горестей, то мы сочли бы себя особенно счастливыми. При сем покорнейше просим,

чтобы мы остались под управлением старшины Бершева рода Исатая Тайманова, через которого мы и желали бы получать все приказания и распоряжения имеющегося над нами быть начальства. Без этого старшины Исатая, мы не надеемся в состоянии быть и исправлять в точности все обязанности, которые будут от нас требоваться, ибо он есть всегдашний устроитель спокойствия и порядка между нами.

„Обратите, в. п. свое милостивое внимание на бедственное положение наше и не откажите нам осчастливиться правосудием вашим. Нет сомнения, что те, которые принесли в. п. жалобу на обиды и притеснения правителей своих, могут невинно пострадать от них, а потому просим в. п. не лишить их в том случае высокого покровительства своего.

„Если изъявленное нами желание не исполнится, как мы изложили, то мы должны будем остаться претерпевать в будущем еще большие бедствия и народ наш подвергнется в совершенное разорение и крайнюю нищету“. Июля 11 дня 1837 г.

На прошении этом имеется 15 подписей старшин Бершева, Иссыканского, Байбактинского, Маскарского рода и разных отделений других родов и 615 тамг.

К прошению приложен особый перечень обид и притеснений, причиненных ордынцам султанами и ханскими старшинами, выдержки из которого мы здесь приводим:

1) В 1834 г. Теленгутского рода киргизы убили киргиза Алачинского рода, за что заплатили кун 2 т. баранов, 19 коров и 40 лошадей, которые хан, султан Чука и бий Алтай Досмухаметов присвоили себе.

2) Киргизы того же рода, за убийство киргиза Байбактинского рода Шукурова, по приказу хана заплатили 2 т. баранов, причем родственники убитого получили только 200 баранов, а остальных хан присвоил себе.

3) В 1829 г. киргиз Карабеков убил своего родственника; за кровь убитого хан взял в свою пользу 2 т. баранов.

4) В 1835 г. киргиз Джантуков убил другого киргиза; хан взыскал с него 2000 баранов, не дав ничего родственникам убитого.

5) В 1830 г. султан Чука Нуралиев своеручно переломил ребро киргизу Джанузакову за то, что этот не отдал ему требуемого имущества; он же вышиб глаз у киргиза Кушджитарова.

6) В 1833 г. хан засек дочь киргиза Алачинского рода по имени Тянушу и убил ее мужа.

7) Караул-ходжа взял с киргиза, живущего на земле князя Юсупова, 500 баранов и велел выдать для русских 100 тыс. пучков камышу без всякой платы. Он же в 1834 г. собрал с киргиз 1100 баранов, якобы за кочевья на земле князя Юсупова и 100 тыс. пучков камыша.

8) С киргиз, кочующих на земле князя Безбородко, Караул-ходжа собрал 10 т. руб. деньгами в уплату за аренду, меж тем как управляющему князя заплатил только 1 тысячу рублей.

9) В 1834 г. Караул-ходжа собрал с киргиз 2 тыс. баранов и

2 тыс. кургашков, представляя ту же причину, что якобы заплатил оброчных по 1000 р. князю Безбородко и Юсупову.

10) В 1836 г. Джангер хан с султаном и биями собрал с киргиз 18 тыс. баранов, 800 быков, 1000 лошадей и 500 коней и, кроме того, 700 верблюдов, взимая с каждых 100 лошадей по 2 кобылы, а иногда с 60 и 40. Кроме того хан наложил сбор джибаги по 5 п. с кибитки на сумму 6000 рублей.

...Петиция Исатая и его приверженцев была доставлена генералу Перовскому, который, познакомившись с ней, 15-го августа послал в орду следующий ответ:

„Старшинам Внутренней Орды Усе Тюлеганову, Иманбаю Калдыбаеву, Ибакуте Дикмамбетову и др.

„Получив просьбу за вашею и других ордынцев ваших подписью о дозволении им отдельно кочевать от Внутренней Орды под личным управлением старшины Исатая Тайманова, извещаю Вас, что по рассмотрении в подробности просьбы вашей, последует на то особое от меня решение, но с тем вместе напоминаю вам, что всякое самовольное многолюдное скопище есть дело противозаконное и непозволительное, почему предписываю вам объявить всем товарищам вашим и однородцам, чтобы немедленно разошлись по своим обыкновенным местам и продолжали бы пасти свой скот попрежнему мирно и спокойно, в ожидании моего решения, а в противном случае вы будете виноваты.

„Что же собственно до старшины Тайманова, то он наперед всего должен исполнить приказание мое и явиться ко мне лично. Ослушание его было бы крайне неблагоприятно и губительно для него. У меня всегда есть средства принудить его силой к исполнению моих приказаний, но тогда уж он будет наказан за ослушание свое. Вам же всем приказываю быть в деле том крайне осторожным, не забываться и не делать ничего, в чем бы впоследствии могли поздно раскаиваться, а ожидать спокойно моего решения и приказания“. Одновременно с этим предписанием старшинам Бершева рода Перовский отправил предписание на имя Исатая следующего содержания:

„Получив просьбу за подписью нескольких старшин и простых кайсаков о дозволении им отделиться от Внутренней Орды и кочевать отдельно под твоим управлением, я отвечал им, что рассмотрю просьбу и дам вскоре предписание, но что наперед всего, они должны разойтись спокойно со своим скотом и кочевать на прежних местах. При том случае предписываю тебе явиться ко мне для личного со мной объяснения; надеюсь не нужно тебе напоминать, что в случае ослушания твоего, ты сам доказал бы только, что признаешь себя виноватым и что ослушание это было бы уже само по себе не маловажной виной, за которую бы ты подвергся бы наказанию. Поэтому ожидаю, что приказание будет тобой немедленно исполнено“.

...События в Букеевской Орде развивались своим естественным ходом и каждый день приближал к роковой развязке драму, которая нарастала в Орде, вместе с ростом революционных сил Исатая. Объединяя вокруг себя активные элементы Орды, способные взяться за оружие в борьбе с угнетателями народа,

Исатай принимал решительные меры против слабых и колеблющихся ордынцев, которые в критический момент борьбы могли перебежать в лагерь противника. Он стремился застраховать себя и свое дело от измены. У старшин, которым он имел основание не доверять, он отбирал скот, брал в заложники их семейства, и вовлекал их в активную борьбу с ханом, заставляя связать свою судьбу с судьбой восставшего народа. Эти меры Исатая Джангер хан квалифицировал, как уголовное преступление — разбой, воровство. Между тем это были меры, без которых не могло обойтись ни одно народное восстание, ставящее политические цели.

Джангер хан предчувствовал смертельную опасность, которую готовил ему Исатай и не переставал посылать донесения Оренбургскому губернатору, Пограничной Комиссии, Уральскому атаману и Астраханскому губернатору, требуя немедленной помощи. Он просил немедленно прислать войска, чтобы взять силой Исатай батыря и его сподвижников, „заковать их в цепи и держать их в замке в г. Оренбурге“, т. к. полагал, что только в Оренбурге можно удержать таких опасных людей.

Исатай, попрежнему подготавливая свое решительное выступление, старался усилить бдительность оренбургских властей и продолжал уверять их в своей покорности и преданности государю императору. Повидимому, к этому времени в лагере Исатая созрел окончательный план отомстить Джангер хану и султанам за все грабежи, обиды и притеснения народа, отнять у них все имущество и затем уйти за Урал.

Активные действия Исатая и его приверженцев в свою очередь вынудили и противную партию сплотиться около Караул-ходжи, который тоже начал решительные действия против Исатая. Караул-ходжа набрал шайку своих приверженцев и напал на некоторые аулы Исатая, разграбив их имущество и отнял скот. Вот что по этому случаю доносил Перовскому Исатай:

„14 сентября я получил известие, что у киргиза Бершева рода Беразарова отнято 36 верблюдов, 300 баранов, 107 лошадей и 52 коровы и расхищено все имущество, и сам он и приближенные его оставлены в местечке Раим наги и голодны. Я, в намерении принять эти ограбленные 6 кибиток, отправился в указанное место. По прибытии туда, Караул-ходжа напал на меня с 300 киргиз и несколькими астраханскими казаками из кордонной стражи. Все они были вооружены ружьями, копьями и приняли нас, как иноземных врагов: кололи и стреляли по нас и захватили 22 человека. Сколько осталось ранеными и убитыми, неизвестно. Из числа раненых возвратилось около 20 чел. и все они находятся в безнадежном положении.

„В сшибке этой захвачено и нами несколько человек Караул-ходжи, которых мы теперь не отпускаем, ибо мы сами такие же верноподданные и дали присягу на верную службу на благо и пользу отечества нашего. Что же делать, если до сего времени, при всем желании нашем — к удалению от зла и направлению к добру, враги человеческого рода не переставали между нами действовать ухищрениями своими к разорению нашему?

„Уверивши вас, что мы бунтуем и что мы хотим перейти на другую сторону Урала, враги вывели против нас военную команду. Встретясь с ними, я объяснил им места наших перекочевок, доказал им несправедливость разглашенных слухов. Между тем в обличение коварных действий врагов своих и в доказательство своей правоты, я перекочевал в местечко Багатай и Джаман-Кум, чтобы в этом отношении совершенно очистить себя от подозрения, предохранить впредь от подобных вражеских провозглашений, уверяя, что с нашей стороны нет ни малейшего желания перейти на другую сторону Урала и нет злонамеренных предприятий.

„Мы боимся только злокачественных врагов наших и желали бы знать, чем они доказывают неверность нашу против его величества. Мы готовы дать подписку со всем народом нашим, что останемся в совершенной готовности на все дани и требования государя“

...Ген. Перовский, видя, что Исатай отказывается добровольно явиться на суд русских властей, 18 сентября обратился к нему с новым посланием:

„От 25 августа было тебе мною предписано явиться ко мне немедленно для личных объяснений и в том предписании моем, я, между прочим сказал: „Надеюсь, не нужно тебе напоминать, что в случае твоего ослушания, ты доказал бы только, что сам признаешь себя виновным, да и самое ослушание было бы не маловажной виной, за которую ты бы подвергся бы наказанию“. „Но вместо того, чтобы воспользоваться милостивым разрешением моим и прибыть ко мне немедленно, ты вздумал заводить со мною переписку... Если ты понимаешь сколько нибудь поступки и отношения свои, то сам рассудишь, что ты теперь испортил дело свое, и должен отвечать за то, что ослушался. За этот проступок будет непременно с тебя взыскано. Но если ты и теперь еще не исполнишь строгого предписания моего и не явишься ко мне добровольно, то не ожидай никакого снисхождения: в таком случае отдано уже приказание схватить тебя силою и представить под караулом“.

... В половине октября из донесений, полученных генералом Перовским из Орды, выяснилось, что события в Букеевской орде приняли крупный размах. Волна восстания Исатая охватывала все новые и новые аулы, приближаясь к Ханской Ставке, вокруг которой бушевала восставшая народная стихия. Хану грозила смертельная опасность и дальше медлить было нельзя. Это побудило генерала Перовского командировать в район восстания одного из самых энергичных своих офицеров, чиновника особых поручений подполковника Геке, в котором Исатай батырь нашел своего Михельсона.

Командируя подполковника Геке в Букеевскую Орду, генерал Перовский 17 октября дал ему следующее предписание:

„В виду того, что от действия Тайманова могут произойти весьма вредные последствия, вынуждаюсь я неотлагательно принять самые ближайшие меры к восстановлению в Орде порядка. Командируя вас в ставку хана, предписываю, задержать Исатая

Тайманова, Мухамед Утемисова, Усу Тюлеганова, Иманбая Калдыбаева, Сарта Идилева, а шайку Исатая разогнать. Средства для этого: убеждение и внушение; при недействительности же их — употребите воинские команды, избегая, однако действия оружием, но ограничиваясь действиями нагайками, тупыми концами пик и палками. В необходимости же, при явном вооруженном сопротивлении, разрешаю вам действовать оружием

„Если бы находящейся в распоряжении хана команды было недостаточно, то атаман Уральского войска подкрепит вас 400 казаков“.

...Одновременно с назначением подполковника Геке для действий против Исатая, Перовский приказал Уральскому атаману Покотиллову иметь в полной готовности отряд из 400 казаков, назначенных из 2-го, 3-го Уральских полков, которых немедленно двинуть в Букеевскую Орду по указанию подполковника Геке.

...Подполк. Геке, по получении приказа, быстро выехал из Оренбурга и 22-го октября прибыл в г. Уральск, где предварительные распоряжения задержали его на два дня.

Еще до приезда Геке в Уральск войсковой атаман Покотиллов приказал приготовить 600 доброконных и исправно вооруженных казаков для предстоящей экспедиции в Букеевскую Орду. Из числа назначенных для этой цели людей — 400 казаков должны были быть готовы к 31 октября. Предполагалось, что этот отряд выступит двумя отдельными колоннами из Зеленовского форпоста и Кулагиной крепости, в каждой колонне по 200 человек, 3-ья колонна, в составе 200 чел., должна была выступить из крепости Горской 4-го или 5-го ноября. Все три колонны предполагалось направить отдельно на урочище Терекли, в аулы Исатая Тайманова, где они должны были соединиться для совместных действий против восставших.

Для усиления внутренней Уральской линии было назначено 150 казаков, которые должны были держать посты от Глининского форпоста до Калмыковской крепости, в виде заслона, чтоб не дать возможности прорваться на этом участке Исатаю Тайманову за Урал.

Вся Нижне-уральская линия, от Уральска до Гурьева, должна была бдительно охраняться казаками, чтоб не дать пробраться Исатаю в устье Урала или по взморью в Зауральную степь.

Все назначенные в поход команды были снабжены 10-ти дневным запасом продовольствия, а дополнительный транспорт из 15 верблюдов должен был пополнять их запасы через 10 дней.

...Не ожидая прибытия своих отрядов, подполк. Геке решил немедленно выехать в Ханскую Ставку в сопровождении своего маленького конвоя. Он считал необходимым повидаться с Джангер-ханом, ободрить его и договориться с ним о совместных действиях против Исатая. Расстояние от Глининского форпоста, до Ханской Ставки — 160—180 в. он был намерен проехать в 1—1½ суток. После свидания с ханом Джангером Геке предполагал вернуться в Горскую крепость, принять под свое командование здесь третью колонну и выступить с ней в степь на присоединение с подполковником Меркульевым.

По сведениям, собранным подполковником Геке еще на Глининском форпосте, сам Исатай действовал весьма мало, но окружающим дал много воли.

„Шайки его пируют и грабят, — писал Геке Перовскому, — на чужой счет живут весело. Это увеличивает число его приверженцев. Его намерение примириться с ханом — только предлог выиграть время: по замерзании Урала он будет стараться перейти на ту сторону этой реки. Известно, что в его ауле мало скота, баранов совсем нет, кибитки легкие, лошади приготовлены отборные, словом все меры приняты для успешного побега в случае нужды“.

Время, когда Урал покрывается льдом, приближалось, и хотя еще стояли ясные и теплые дни, но по ночам уже наступали сильные заморозки, сковавшие небольшие реки и озера льдом. Нужно было спешить.

27-го октября Геке послал последнее донесение из Глининского форпоста, составленное им со слов приверженных к хану старшин. „В настоящее время Исатай находится от Ставки-хана всего в 12 верстах. Ханские старшины ездили к нему, чтобы добрыми советами отговорить его, но он обнес их бранными словами и выгнал вон из аула. Народ слепо предается обольщениям Тайманова, забыв свое прежнее доброе житье и спокойствие ханского управления. Правду сказать, трудно противиться Тайманову: силою принуждает, а хвастовством обольщает. Где же устоять против этого умам степным?“

„Всего приверженцев у Тайманова при нашем обозрении, мы полагаем, находится теперь до 2000 человек, и все имеют при себе оружие. Сами они не знают, к чему клонятся действия Тайманова и даже, можно думать, что большая часть из них следует за Таймановым по необходимости, из боязни перед ним. Мы ясно теперь видим, что без воинственного отряда эта толпа мятежников никогда не рассеется, но должно ожидать более пагубных от него действий.“

...Подполковник Геке нашел Джангер хана и его приближенных в самом жалком состоянии. В своем донесении от 5-го ноября он описывает состояние Ставки следующим образом:

В Ставку прибыл благополучно. Здесь нашел величайшее смятение и беспокойство в ожидании Тайманова, который со значительным скопищем находится на расстоянии не более 8-ми верст. Появление мое ободрило малочисленных, утомленных и отчаявшихся приверженцев ханских. Сам хан чрезвычайно обрадовался моему приезду, хотя прибыл без войска и не мог принести ему существенной пользы. Тайманов угрожал одновременно нападением на Ставку Грабил окрестности и вел переговоры с ханом, требуя именем народа смены султанов, Караулхаджи и других.

„С той и другой стороны посылались люди для переговоров и постановления условий, они и ныне еще продолжаются. „Согласно с полученным наставлением, желая употребить убеждение и меры кротости против возмутителя, я написал Тайманову, требуя вашим именем, чтобы явился ко мне для узнания

ваших приказаний. Я излагал ему гибель, его ожидающую, если он еще далее будет противиться воле начальства и представлял, что упорство в преступлении не оставит ему впоследствии никакого убежища к спасению.

„Хан, которому я прочитал свое послание, просил меня не писать сначала столь строго Тайманову, надеясь окончить дело собственными стараниями. Я не послушал хана. Я писал старшинам, находящимся при Исатае, приглашая их явиться в Ставку. Явилось семь человек. В присутствии хана я им выразил все негодование начальства и горькую участь, которая их ожидает, если они не образумятся, не оставят свои грабежи и Тайманова, Старшины отвечали, что они по неволе действуют против хана, так как Тайманов овладел всем их имуществом и взял их семейства в качестве заложников. После долгих убеждений и разговоров, они удалились, дав обещание отстать от мятежников, но пока еще не сдержали своего слова.

„Угроза Исатая действительно останавливает их по неволе. Одни из них участием в грабеже соединили свою участь с участью Тайманова и вместе с ним потеряли надежду на прощение. В этом случае расчет Тайманова очень верен. Он умышленно дает своей шайке грабить и производить опустошение, чтобы отнять все средства от него отстать“.

В дальнейшем изложении своего донесения Геке говорит, что он получил ответ от Тайманова на свое послание.

„Он пустыми предложениями отклоняется ко мне явиться, как это предвидеть было можно. Обманом я завлечь его не хочу. Поэтому с посланным киргизом Бикмухамедом, братом Мухамеда Утемисова, я дал ему словесный грозный ответ: приказал сказать, что не будучи намерен с непокорным вести переговоры, я ныне вижу в нем не человека угнетенного, как он себя почитает, а ослушника воле начальства и буду поступать с ним как с таковым, хотя меня еще и удерживает хадатайство хана, желающего спокойствия своему народу.

„Только один выход остается Тайманову — образумиться и не раздражать начальство дальнейшим упорством. Бикмухамед, вероятно, передал Тайманову все сказанное, ибо мы узнали, что он по возвращении был посажен Таймановым под арест .

Приводим здесь письма, которыми обменялись подполк. Геке и Тайманов.

Послание Геке к Тайманову от 1-го ноября. Ханская Ставка.

„Старшина Исатай Тайманов. Господину Оренбургскому губернатору угодно было послать меня для водворения во Внутренней Орде спокойствия и для разбирательства поступивших к нему жалоб от разных лиц о причиненных обидах. Его превосходительство недоволен, что между киргизами возникли раздоры, и желает, чтобы порядок и спокойствие в скором времени были восстановлены. Для исполнения предписания военного губернатора и передачи его приказаний я приглашаю тебя явиться ко мне вместе со старшинами и главнейшими лицами, находящимися ныне при тебе, для личных со мною переговоров; я полагаю, что вы все поймете важность нынешних обстоятельств и

не пожелаете упорным непослушанием подвергнуть себя строгой и неминуемой ответственности, но постарайтесь искать защиты в ходатайстве вашего хана, покровительства и милосердия правосудного начальника. Подполковник Геке“.

Одновременно с этим Геке послал на имя старшин, приверженцев Исатая, следующее обращение:

„Я прибыл в Ставку хана по воле Оренбургского военного губернатора и приглашаю старшин и почетнейших из людей родов, находящихся ныне при Исатае Тайманове, прибыть ко мне сегодня в Ханскую Ставку для переговоров. Уверяю, что здесь им никакая опасность не угрожает и, если они согласятся миролюбиво на мое приглашение, то по передаче им приказания военного губернатора, они будут отпущены мною невредимы к своим местам, в чем даю им свое обещание. С посланными я требую немедленного ответа. Подполковник Геке“.

2 го ноября в ответ на эти послания Исатай прислал следующее письмо:

„Состоящему по особому поручению при Оренбургском военном губернаторе господину подполковнику Геке.

„Посланною на мое имя бумагою от 1 сего ноября за № 12, а мною полученною того же числа в. в. требует меня и находящихся старшин при мне к себе для переговоров. Мы остались от этого отношения в величайшей радости и желаем лично вести с вами переговоры, так как это сделано вами по распоряжению начальства. Но мы, по причине находящихся в ставке высокостепенного хана зловредных людей, не можем явиться к вам туда, ибо неизвестно, что они причинят нам несчастье, чего мы и опасаемся. Тем более на посланных мною 31 октября киргиз, для доставления ко мне разошедшихся в то время приверженцев моих, а равно находящихся в других местах неблагонамеренных людей, напали со стороны Ставки 100 человек. Ранено 14 чел., двое находятся при смерти, 6 пропали без вести; 1 ноября также ранили 2-х чел., и 3-х взяли в плен. Но мы эти проступки переносим и для восстановления общего спокойствия и тишины приверженцы мои с общего согласия отправили хану свое прошение. Исатай Тайманов“.

Обмен письмами с Исатаем убедил подполковника Геке, что положение в Букеевской Орде гораздо серьезнее, чем он думал раньше.

„Беспорядки и расстройство Внутренней Орды достигли величайшей степени и предвидеть трудно, когда и какой им будет конец, доносил он генералу Перовскому. Все умы в брожении, беспокойство общее. Баранты, грабительства Исатая, обиды, нанесенные женам и дочерям, всему, что близко сердцу человека, возбудили до крайности ненависть между родами здешних ордунцев, теперь готовых резать и убивать друг друга. Не скоро забудут они перенесенные обиды и несчастья и надолго сохранят в душе желание мщения“.

...„В числе верноподданных е. и. в. по совету и старанию родителя вашего, умершего хана Букея Нуралиева, мы перешли на внутреннюю сторону и находились тут в совершенной тишине и

спокойствию, как известно в. с. Благодарим бога за дарование нам такого спокойствия и за то, что от России, столь сильного государства, не производят нам никакого вреда, кроме пользы. Назад тому два года произошло в подвластной вам орде беспокойствие, от которого не только народу, но и в. с. причинился вред.

„Мы, простой народ, не могли знать настоящей цели и хотели достигнуть скорее спокойствия, по своим понятиям. Поданное эсаулом Караул-ходжей прошение не считаем могушим служить к народному спокойствию; также не считаем пользою для народа и то, что вы беспокоитесь по этому прошению и по другим, поданным пограничному начальству от разных лиц, чтобы обвинить, Бершева рода старшин Исатая Тайманова и Мухамеда Утемисова и проч.

„Ежели желаете народного спокойствия, сделайте следующее: ходжу Караула, как предки его не управляли народом, устранить от управления и нахождения между народом. Ежели бы и прежде Караулу-ходже не было поручено управление, то было бы очень хорошо. Об этом уже от нескольких человек были уже поданы прошения к вашему степенству.

„К пользе или вреду послужит нам, но мы все единодушно желаем и со слезами просим у вас милостивого предстательства о произведении суда на счет проступков означенных Исатая Тайманова и Мухамеда Утемисова не по российским законам, а по правилам магометанской религии и народным киргизским обыкновениям, — производите суд сами.

„Вы знаете, что многое произошло от ветрености ордынцев. Известно вам наше невежество и то, что за неисполнение малейшей просьбы в нас рождается ропот.

„По нашему мнению старшина Исатай Тайманов и Мухамед Утемисов с товарищами совсем не виноваты. Мы же только приставали к ним и боимся, что по поданной кем нибудь, подобно Караулу-ходже, жалобе, не погибнуть без разбирательства. Ежели вы хотите угодить народу и сохранить его спокойствие, то мы будем довольны. Тогда, когда всякое обстоятельство будет разбираться по народным нашим обыкновениям, увидим внимание ваше к этой просьбе, когда — без посредства русского правительства вы сами будете судить, а ежели при русском посредничестве, — то мы растанемся с русской стороной.

„Мы надеемся, что, приняв нашу просьбу, вы произведете справедливый суд по древним правилам магометанской религии, а неуважение этого послужит поводом к потере всякой надежды на ваше правосудие и благосостояние Орды“.

Петиция эта (хану Джангеру) была подписана свыше 300 казаками.

...Выжидая развитие событий, подполковник Геке продолжал оставаться в Ханской Ставке, где положение было без перемен. 3-го ноября Геке послал распоряжение через начальника Внутренней линии в Горскую крепость, в котором предписывалось отряду казаков, собравшемуся в Горской крепости, немедленно выступить в степь и следовать к нему, в Ханскую Ставку.

Исатай по прежнему не предпринимал никаких решительных действий против Ханской Ставки, и продолжал стоять лагерем в 12 в. Изредка между его джигитами и аванпостами Джангер хана происходили короткие схватки, во время которых той и другой стороне удавалось захватить несколько пленных. Так наблюдательные ханские пикеты взяли в плен 2-х джигитов, едущих с урочища Терекли к Исатаю, при чем один из них оказался сыном одного из главных сподвижников Исатая старшины Сарта Идилева. Оба пленные джигита были закованы в цепи и брошены в ханские казематы.

...Положение оставалось без перемен до 5-го ноября; как вдруг, в ночь на 6-е число, совершенно неожиданно, Исатай снял свой лагерь и ушел в неизвестном направлении. По одним сведениям, он ушел к Камыш-Самарским озерам, а по другим — на урочище Терекли к своим аулам. Подполковник Геге по расчету времени предполагал, что отряд Меркульева уже приближается к урочищу Терекли, почему Исатай и двинулся против него, чтоб прикрыть свои аулы.

Предположение это оказалось верным. Подполковник Меркульев, действительно, соединившись обеими колоннами, 7 ноября достиг урочища Терекли-Кум, где кочевали приверженцы Исатая, а среди них и собственный аул батыря со всем имуществом и скотом.

По приближении русского отряда аулы эти начали откочевывать в разные стороны, имея общее направление к морю. Меркульев погнался за ними и к полудню настиг аул из 40 кибиток со множеством скота, среди которых оказалась собственная кибитка Исатая и его семьи. Отряд захватил эти кибитки и взял семью Исатая в плен, после чего расположился на отдыхе на урочище Джаман-Кум.

Утром 8-го ноября отряд Меркульева оказался окруженным со всех сторон джигитами, под предводительством самого Исатая. Батырь приказал зажечь все стога сена, находившиеся на урочище, а также зажечь вокруг степь, чтоб лишить фуража русский отряд и потребовал, чтобы русский начальник немедленно освободил захваченные им кибитки со всеми людьми, имуществом и скотом, в противном случае угрожал оружием. Меркульев не открывал вооруженных действий против Исатая, пытался его уговорить отказаться от нападения на русский отряд. Но Исатай и его приверженцы заявили, что если Меркульев не освободит их семейств и имущество, то они будут биться с ним до последней капли крови.

„Пусть государь и военный губернатор делают с нами, что угодно, но оставьте наших жен и детей, — говорили казахи.

„Чтобы не потерять в сражении с киргизами несколько казаков — доносил подполковник Меркульев, — я вернул Тайманову его кибитки, семейство и скот, после чего партия его удалилась.

...После стычки с Исатаем Меркульев со своим отрядом двинулся к Ханской Ставке. Исатай шел за ним следом с большой партией вооруженных джигитов, все время угрожая действием оружия.

Донося подполковнику Геке о своем столкновении с Исатаем, Меркульев оправдывался тем, что он не рискнул драться с превосходными силами с Исатаем до тех пор, пока не подошла артиллерия, чтоб избежать лишних потерь.

...Готовясь к решительным действиям против Исатая, Геке подробно освещал обстановку в своих донесениях генералу Перовскому, высказывая свои взгляды насчет предстоящих операций.

„Я не льщу себя напрасной надеждой, — писал он, — его скоро настичь и живо представляю все затруднения его схватить; казачьему отряду не легко будет нагнать толпу, которая не имеет при себе никаких тяжестей и имеет все средства добывать лошадей с барантами, она всегда будет иметь возможность удалиться на 100 в. в один день. Одно средство останется употреблять ордынцев и стараться по возможности за ним следовать, хотя бы мне весьма нежелательно было к этому средству прибегать, чтоб не увеличить между ними вражду неизбежными при встрече кровопролитиями.

„Имея при себе большое количество ордынцев, которых трудно будет держать в надлежащем повиновении, мне необходим был человек, который, пользуясь между своими некоторым весом и уважением и находясь при мне, мог бы в предстоящих затруднениях принести существенную пользу. Узнав, что султан Чингалий Урманов, бывший правитель Орды Зауральской, соединяет качества, нужные в сих обстоятельствах, я решился, не взирая на немилость, в которой он находился у Пограничной Комиссии, просить хана командировать его мне частным образом и под собственной моей ответственностью.

...На втором переходе от Ханской Ставки Геке получил донесение, что Горский отряд движется к нему навстречу и, наконец, соединился с ним на ночлеге в тот же день при месте Мула, близ могилы сына Караула-ходжи. Только здесь Геке узнал, что подполковник Меркульев был окружен превосходными силами Исатая и был вынужден возвратить ему семью и отступить.

Соединившись с Горским отрядом, Геке решил на другой день двигаться дальше, на урочище Терекли-Кум, но вдруг, совершенно неожиданно, получил донесение, что отряд Меркульева находится всего в 35 в. от местечка Мула и движется к нему на присоединение, Геке послал Меркульеву приказ немедленно идти к нему на присоединение; в ту же ночь, по счастливой случайности, на место ночлега подошла артиллерия, в сопровождении 50 уральских казаков и 100 джигитов Ногайского рода.

..15-го ноября, на рассвете, отряд Геке подошел к урочищу Тас-Тубе, где намеревался сделать привал, чтобы дать время обогреться людям, озябшим за холодную ночь. Но вдруг, в 4-х верстах от привала показалось несколько больших партий конных джигитов.

Отряд быстро снялся с привала и двинулся к ним навстречу. При сближении с джигитами Геке увидел перед собой Исатая Тайманова, который стоял на высоте, окруженный 500 отборных всадников.

Геке продолжал двигаться вперед. Исатай не обнаруживал никакого намерения уклониться от боя, а напротив, с его стороны выехали вперед несколько наездников, которые гарцовали на своих конях перед отрядом, вызывая его вступить в бой и обстреливая из ружей.

„Тут нечего и думать было, — пишет подполк. Геке, — подействовать на мятежников убеждением“. Он приказал своему отряду построить боевой порядок; отряд изготовился к бою, „заслонив орудия прикрытием, он поставил их на возвышенность“. Двум сотням казаков по первому артиллерийскому выстрелу было приказано атаковать Исатая.

Между тем Исатай первым начал бой. Его джигиты открыли огонь из ружей по русскому отряду. Подполк. Геке приказал открыть огонь из пушек ядрами. Первое ядро, выпущенное по Исатаю, упало в середине его джигитов, не причинив им ни малейшего урона. После этого Исатай бросился на отряд Геке в атаку. Атака эта была настолько неожиданна и стремительна, что казаки растерялись и дрогнули.

„Превосходство их отборных лошадей и умение владеть пикою, в особенности торопливость наших казаков, которые по желанию сблизиться с мятежниками не могли быть удержаны офицерами и все бросились в беспорядке в атаку, сначала произвело расстройство между нашими“, — пишет подполк Геке.

Один из флангов отряда Геке был смят, но воспользовавшись удобной минутой, Геке приказал выдвинуть вперед орудия и ударил по исатаевцам картечью на самом близком расстоянии.

Это произвело в отряде Исатая замешательство и беспорядок. Уральцы оправились и сами ударили в атаку. Джигиты Исатая не выдержали и начали уходить в разные стороны.

Преследование велось на протяжении семи верст. Отряд Исатая потерял свыше 60 чел. убитыми, но никто из главных вождей не попался в руки русским. Сам Исатай был ранен в руку и, будучи преследуем на самом близком расстоянии, все же успел наскоку пересесть на заводную лошадь и ушел от преследования казаков. Во время боя был убит сын Исатая Яхия, молодой человек 20 лет.

...Воздавая должное героизму Исатая, подполковник Геке был очень поражен случаем, что джигиты бросились в атаку на русский отряд, несмотря на его превосходные силы и артиллерию, — случай, пожалуй, не имевший примера в истории боевых столкновений русских отрядов с казаками, т. к. артиллерия наводила панический ужас на ордынцев.

...Поражение Исатая 15-го ноября имело самые решительные последствия для всего хода дальнейших событий во Внутренней Орде. Оно произвело на ордынцев колоссальное впечатление, и Исатаю уже не удалось больше воодушевить народ на борьбу с русским отрядом. Восставшие рассеялись по всем направлениям. При Исатае осталось не более 300 человек, верных ему людей, которые во чтобы то ни стало решили прорваться за Урал.

...По предложению подполковника Геке всем восставшим была объявлена амнистия.

...Объявляя амнистию восставшему народу, генерал Перовский приказал главных участников восстания предать суду. Отрядом подполковника Геке в разных местах были захвачены следующие лица, которых считали главными сообщниками Исатая: Бершева рода Джайкова Отделения Исмаил Утемисов, брат Мухамеда; Иссыкова рода Уразова Отделения Измаил Колдыбаев; Бершева рода Сарт Идилев; Алтаевского рода Дустакан Джанибеков; Алачинского рода Барамыкова Отделения Ижбай Кадыров; Кызыл-Куртского рода разных отделений Алдаяр Чунаев, Дюльбай Сарсынбаев, Искеня Байтанатов, Мустафа Темирбеков, Бура Сарсанбин, Даул Сарсанбин и другие. Все они были закованы в железа и отправлены в г. Уральск для предания суду.

Во время всей операции отряда полковника Геке им было отбито много скота, который был сдан султанам для распределения его между пострадавшими лицами в Орде. Между прочим султану Чуке Нуралиеву для доставления хану Джангеру было сдано следующее количество скота: верблюдов 684, лошадей 302, рогатого скота 1589 голов, баранов 1331. Весь этот скот впоследствии был роздан Джангер ханом на удовлетворение претензий по преимуществу султанам и старшинам, как наиболее пострадавшим от восстания Исатая.

...Между тем Геке совершенно безрезультатно мотался в песках в поисках Исатая. Исатай был неуловим, и место нахождения его было покрыто непроницаемой тайной. Опубликованное по Орде объявление, что правительство назначает 1000 руб. в награду тому, кто схватит батыря и выдаст русским властям, и 500 руб. уплатит за его голову, нисколько не подвинуло дела вперед. В Орде не нашлось ни одного предателя, который рискнул бы выдать народного вождя. Измучившись напрасными поисками и изнулив свой отряд, Геке, наконец, решил возвратиться на линию.

„Я нахожусь в совершенной безызвестности об Исатае, — доносил Геке Перовскому от 11-го декабря: — посланные для разведывания киргизы все возвратились, не получив никаких сведений. Если получены некоторые сведения, то столь поверхностные и неосновательные, что никак невозможно на них положиться. Бездействие, в коем вверенный мне отряд находится в течение недели, сильные холода, от которых терпят казаки и киргизы, и которые сильно настаивают, чтобы я уволил их на свои зимовки, побудили меня вчерашнего числа дать приказ для возвращения на линию“.

...Согласно ранее сделанного распоряжения преследование Исатая за Уралом было возложено на султана правителя Западной части Орды Баймухамеда Айчувакова. Сотенный отряд этого султана был сосредоточен в Баксайской крепости, то-есть всего 11 в. от места перехода Исатая через линию. В ночь на 13 декабря султан правитель находился в одном из аулов близ Сарайчиковской крепости и о прорыве Исатая через линию узнал в тот же день 13 декабря. Имея в своем распоряжении

сотню казаков под командой есаула Сафонова и хорунжих Мишинова и Бородина, в сопровождении нескольких султанов, в числе которых были его братья Кусяп Галий и Мухамед Галий Тяукин, а также несколько биев и старшин, султан бросился в погоню за Исатаем, имея направление через урочище Кара-Бау, Кара-Куль на Тайсуган.

...Султан правитель, сообщая о пленении семейства Исатая пишет, что сам „мятежник Исатай и помощник его Мухамед скрылись отдельным бегством от всех захваченных с самого перехода границы, а напоследок, по учинению разведывания открылось, что они через урочище Кара-Куль, Кара-Бау, Буйрек и Тайсуган удалились в аулы Чиклинского рода, Назаровского отделения, а оттуда в Хивинские переделы“

...После бегства Исатая в Зауральскую Орду опасность нового восстания миновала, и военный губернатор назначил суд над всеми виновниками восстания, которые в разное время и в разных местах были захвачены русскими войсками. Перовский приказал их судить в особой Военно-Судной Комиссии, учрежденной при Уральской Войсковой Канцелярии.

В предписании военного губернатора от 4-го января Уральскому войсковому атаману было сказано: „Судить их военным судом, не требуя к улике их каких-либо особых доказательств, так как в них не оказывается более надобности: по удостоверениям полковника Геке люди эти принимали самое деятельное участие в бывших беспорядках и большею частью взятые с оружием в руках. Суждение этих преступников на основании полевого Уголовного Положения не нахожу я нужным“.

... Таким образом все виновники восстания, взятые русскими войсками, были разделены на две категории. Одни из них, по удостоверению Геке, принимали самое деятельное участие в восстании и подлежали решению военного суда. В отношении этих лиц, Перовский находил излишним даже применение Полевого Уголовного Положения, считая их достаточно уличенными единоличным мнением Геке.

Ко второй категории принадлежали те лица, которые хотя „имели прикосновение к шайке Тайманова“, но по незначительности их вины не подлежали военно-полевому суду. Их приказано было наказывать казацкими плетями, определяя число ударов по усмотрению начальства.

К числу первой категории были отнесены лица, взятые с оружием в руках, которые по решению Военно-Судной Комиссии были подвергнуты следующим наказаниям: 1) Старшина Уса Тюлеганов — по наказанию шпицрутенами (1000 ударов) — к ссылке в Сибирь; 2) Русак Джанибеков — по наказанию шпицрутенами (1000 ударов) — в крепостные работы; 3) Кучегар Худайбеков, Исмаил Колдыбаев, Ибелбай и Сарсанбай — по наказанию шпицрутенами (1000 ударов) — в солдаты; Исмаил Утемисов, по наказанию шпицрутенами (1000 ударов) — в солдаты; Исмаил Утемисов, по наказанию шпицрутенами (1000 ударов) — в солдаты; Тамтуменев по наказанию шпицрутенами (1000 ударов) в крепостную работу.

Число лиц, отнесенных ко второй категории и подвергнутых наказанию казацкими плетями, установить невозможно, так как их никто не считал. Число ударов назначалось от 25 до 50 и более.

Семейство Исатая, взятое в плен султаном правителем, было отдано в его распоряжение.

...Появление Исатай-батыря и нескольких его сподвижников в Зауральной степи совпало с крупными волнениями в Малой Орде, которые начались вследствие восстания султана Кенисары Касимова.

В начале 1838 г. султан Кенисара из сибирских пределов откочевал со своими аулами на р. Тургай. Весной этого года среди казахов Оренбургского ведомства начались тоже волнения. Сначала они охватили Восточную часть Орды, где кочевали казахи Кипчакского и Аргынского родов, затем передалась к джегалбайцам и, наконец, захватили Табынский род, кочевавший по р. Илеку, где батырь Джуламан Тлянчин „отложился от России“ и ушел со своим народом на Тургай, для присоединения к султану Кенисаре Касимову.

Народное волнение мало по малу охватило Восточную и Среднюю часть Орды и, наконец, проникло в Западную ее часть.

„Мятежный“ султан Каип Галий Ишимов, управлявший в то время Адаевским родом и признавший над собой протекторат хивинского хана, в лице Исатая и Мухамеда нашел новых энергичных сподвижников и опять поднял восстание против России. Отважный и решительный Исатай с его неотразимым влиянием на народные массы и пылкий агитатор Мухамед Утемисов быстро раздули искры народного возбуждения, которые тлели в народных массах. Они составили около себя значительную партию, в ядре которой были букеевские беженцы и начали возбуждать народ к новому походу против России, к новой борьбе за национальную независимость.

В первых числах января султан Баймухамед Айчуваков, в течение трех недель гонявшийся по следам Исатая в Зауральной степи, потерял их окончательно из виду. В это время батырь Исатай нашел себе гостеприимство и защиту в Назаровском отделении рода Шекты, в аулах известного батыря Юсуфа Куланова, кочевавшего в Барсуках. Султан правитель не мог проникнуть в их аулы за их отдаленностью от русской границы. Как бы по сложившейся традиции, беженцы Букеевской орды и все угнетенные и недовольные русскими властями казахи находили среди назаровцев приют и гостеприимство, т. к. последние, „кочуя в дальних степях“, чувствовали себя совершенно независимыми от России.

...В феврале были получены первые сведения, что Исатай с группой джигитов появился в аулах против Горской крепости, на урочище Чушка-Куля, всего в 3—4-х днях езды от границы.

...По дополнительным сведениям султана правителя вполне подтвердилось, что Исатай Тайманов находится в аулах Назаровского отделения Шекты. 25 марта он был в аулах, подведомственных бию Батюре Такманову. 28 марта с семьей своими това-

рищами он отправился в аулы Юсуфа Куланова; несколько его сообщников поехали в аулы Кенегемова отделения на Эмбу а три человека — к султану Каип Галию Ишимову.

...Мулла Адаевского рода Батырхан Шагирмарданов, обычно осведомлявший пограничные власти о всех событиях и настроениях в Орде, 9-го мая донес, что Исатай Тайманов и Мухамед Утемисов с 4-мя товарищами приехали в аулы Адаевского рода в кочевья султана Каип Галия Ишимова, где имели с ним совещание. На этом совещании присутствовали старшины Иссыкова рода Достан Сарыев, Черкешского рода Каракимирова отделения Кенжалий Балыков, Тазларского рода Науруз и др. На совещании этом было решено поднять Орду против России. После совещания султан Каип Галий разослал по Орде приказ, в котором требовал от каждого рода по 100 джигитов для отщепенца русским. Приказы султана были получены в Черкешском, Иссыкском, Тазларском и других родах, среди которых начались волнения.

„К сему присовокупляю, — писал мулла Батырхан, — что и от Исатая было послано письмо с 4-мя джигитами в Черкешский, Иссыков и Тазов роды, и сии, по получению этого письма, начали волноваться. Джигиты, доставившие письмо, находятся в аулах Караурезова отделения Бутака Тургаева и Кутюка. Тазларцы и Иссыкцы находятся между Сагызом и Уилом и предполагают откочевать на солончаки, называемые Тупрак-Чаглы. Ходжа Самай и бий Бадай перекочевали на сию сторону Уила, с коими пришли часть киргизов Черкешского рода и, кажется, у них намерение плохое“.

В том же донесении Батырхана говорится, что „из Хивы приехали хазарчи, которые привезли много тамошних изделий, халатов и бязи. Адаевцы прикочевали на р. Эмбу и говорят, что скоро к ним прибудет султан Каип Галий Ишимов.“

От коменданта Ново-Александровского укрепления от 8-го мая было получено донесение, в котором он говорит, что бежавший из Оренбурга султан Каип Галий собрал скопище киргизов разных родов, а к нему присоединился Исатай Тайманов. Они намерены отправиться на урочище Сам, в 200 в. от укрепления для примирения аллимулинцев с адаевцами по повелению хивинского хана“.

Кроме того, в Оренбургскую Пограничную Комиссию купцом Михаилом Деевым было доставлено письмо, полученное им из киргизской степи от своего приказчика Абдрахмана Абдулхалилова, в котором тот писал, что Исатай батырь обратился к батырю Тлеу-Кабакского отделения Исету Кутебарову с просьбой дать ему пять русских пленных, на которых он, повидимому, думал выкупить свою семью, томящуюся в плену у султана правителя.

... Между тем народное возмущение в малой Орде росло с каждым днем. В половине июня м-ца султан правитель уже писал, что одного отряда, находящегося в его распоряжении, уже недостаточно для того, чтобы ликвидировать вооруженные партии казахов, появившиеся в Западной части Орды.

17-го июня султан обратился к председателю Пограничной Комиссии с просьбой прислать в его распоряжение отряд не менее 500 человек, так как несмотря на подкрепление его отряда сотней казаков в мае месяце, этих сил недостаточно, чтобы удерживать народ в повиновении.

„Чтоб иметь малейшую возможность, по нынешним разглашениям в народе и расстройством беглым султаном Каип Галием Ишимовым и Исатаем Таймановым, удержать и остановить ордынцев по сей части в прежнем их состоянии и повиновении правительству, писал султан,—необходимо новое подкрепление, а если в этом будет отказано, то я не буду в состоянии держать народ в повиновении и мирные аулы ордынцев подвергнутся нападению со стороны мятежников, которые разрушат спокойствие и тишину в Орде“.

В ожидании помощи русского правительства Баймухамед Айчуваков сделал попытку мобилизовать подведомственных ему казахов для борьбы с новым восстанием. С этой целью он дал распоряжение известным приверженцам России тархану Казыю Сырымову, сыну Сырым-батыря, начальнику 5-й дистанции Ильджану Исергалимову, старшине Сарыбубеку и другим, чтоб они приступили к формированию отрядов из казахов для борьбы с Исатаем. 16-го июля от всех этих старшин было получено коллективное донесение, в котором говорилось, что нужно совсем отбросить мысль о формировании отрядов, так как народ не пойдет против Исатая.

„Мы несколько раз побуждали киргиз разных родов к этому, писали старшины,—но они не исполняют этого, да и не хотят повиноваться, потому, что известные беглецы Каип Галий Ишимов и Исатай Тайманов с приверженной им шайкой в 2 тыс. человек, прибыв на урочище Темир, при р. Эмбе, посылает свои ложные предписания биям и старейшинам и призывают их к себе, а в противном случае угрожают грехом. Вследствие этого некоторые из них опасаются угроз, а другие, по легкомыслию своему, предаются беглецам, да и нельзя думать, чтоб они не присоединились к ним, если вы не покажете все преимущество своих мечей“.

...Сведения о сосредоточении больших сил батыря и султана Каип Галия на урочище Темир были подтверждены известным нам муллой Батырханом, который от 13-го июня донес, что к Исатаю собралось до 2 тыс. джигитов Адаевского, Чиклинского и Табынского родов, которые намерены напасть на пограничную линию.

„Кроме того,—пишет мулла,—подстрекатели намерены привлечь на свою сторону известного батыря Исета. Во всяком случае намерение их не доброе и состоит в увеличении своего сборища, а потом в делании преда. Прибытию их на Темир прошло 11 дней“.

Мулла Батырхан представил перехваченное им послание султана Каип Галия к старшинам разных родов. Вот что писал султан:

„Биям Байбактинского рода Тулбаю, Кундукаре, Джумуру,

Сасыку, Тюралию, Бараку, Утебу, Айману, Сафию и Джантюре и всем почтеннейшим людям, Мавликану и Миньяшару.

„Вам известно, что вследствие почтеннейшего предписания высокопочтенного и высокостепенного хивинского хана Аллакулы Мухамед-Рахимханова, мы в прошедшем году осенью приехали на урочище Уч-Буканбая на р. Эмбе, на совещание с детьми трех отцов об общей участи.

„Вследствие чего предписывается вам, почтенный бий, как только получите эту бумагу, вооружитесь и, приготовив себе дорожные припасы, возьмите с каждой кибитки по одному человеку и немедленно приезжайте ко мне. Если же это предписание по каким-нибудь причинам не исполнится, то на этот счет предупреждаю вас, чтоб вы страшились от потоптания лошадьми. Грех за подвержение к несчастиям участи народа останется на вас. Претендующие хозяева имеют также приехать сюда. Хан Каип Галий Ишимханов.

... Положение в Киргизской степи становилось чрезвычайно опасным. В Восточной части Орды начиналось грандиозное восстание Кенисары Касимова, которое захватывало частично Среднюю часть Орды. В юго-западной части началось восстание Каип Галия и Исатая и оба эти движения могли слиться в единое движение казахского народа, в борьбу за национальную независимость. Эти восстания совершенно парализовали все торговые сношения с Россией, с Средне-Азиатскими ханствами, грозили сорвать переговоры генерала Перовского с хивинским ханом об освобождении русских пленников, которые в то время велись, и кроме того угрожали всей пограничной линии.

В силу этих соображений, Перовский возбудил ходатайство перед военным министром о разрешении ему выслать в степь „сильный отряд на продолжительное время, как для действий против Исатая и Каип Галия с одной стороны, так и для действий против Кенисары Касимова и батыря Табынского рода Джуламана Тлянчина, отложившегося от России и ушедшего с народом из места прежних своих кочевок по р. Илеку на Тургай на присоединение к султану Кенисаре Касымову.“

... 28-го июня Перовский, не ожидая разрешения военного министра, отдал приказ о формировании отряда под начальством полковника Геке, в состав которого вошли: две с половиной сотни Оренбургского неперменного полка, полусотня Илецких казаков, сотня 4-го Уральского казачьего полка, 50 человек пехоты и 2 орудия артиллерии. Отряду было приказано иметь двойной комплект патронов и обеспечить себя запасами продовольствия и зернового фуража на один месяц.

Назначая полковника Геке принять главное командование над этим сводным отрядом, генерал Перовский приказал ему действовать против Исатая и Каип Галия совместно с отрядом султана правителя, который „во всех подробностях знаком с делом и послужит лучшим указателем“.

На Геке возлагалась задача „рассеять шайку мятежников и захватить главных возмутителей“.

... Отряд полковника Геке двинулся в степь по направлению

к р. Киил, где султан правитель назначил ему место для соединения; сам султан правитель с отрядом двигался туда же из своей ставки.

9-го июля стало известно, что главные силы Каип Галия по-прежнему группируются в устье р. Киила, вопреки всем слухам о их рассеянии, а некоторые части их приближаются к границе. В виду этих сведений султан правитель и полковник Геке решили соединиться раньше на речке Ички-Карган, что и было достигнуто в 7 час. вечера 10 июля.

В донесении от 10 июля полковник Геке говорит, что Каип Галий с 2 т. джигитов двигается по направлению к линии и в данное время остановился на р. Киил, всего в одном переходе от места начлега его отряда, почему завтра, 11-го июля, ожидается решительный бой.

... Между отрядом Геке и Исатаем протекала р. Ак-Булак, хотя не глубокая, но с крутыми и обрывистыми берегами: эта речка разделяла обоих противников.

Полковник Геке приказал сделать по отряду Исатая несколько выстрелов гранатами. Одна из гранат попала в группу джигитов и вырвала из нее 2-х всадников с лошадьми, которые были убиты и ранила несколько человек. Джигиты Исатая рассыпались по сторонам, но продолжали двигаться вперед.

Под прикрытием артиллерийского огня отряд Геке перешел противоположный берег Ак-Булака и развернул боевой порядок, причем 2 сотни казахов были посланы по ложине в обход одного из флангов Исатая.

Два противника — Исатай батырь и Геке снова сошлись в поле, чтоб померяться силами в открытой борьбе. Перевес в вооружении, в организации и в искусстве вести бой и даже превосходство сил были опять на стороне Геке, главным козырем которого являлась артиллерия, производившая огромное впечатление на ордынцев.

Увидев перед собой русский отряд, Исатай стал медленно отходить назад.

Тогда султан Баймухамед Айчуваков со своими джигитами пошел преследовать Исатая. Увидев султана правителя, Исатай повернул обратно и бросился на него в атаку... Джигиты султана не выдержали натиска и побежали. Исатай увлекся и начал их преследовать. Но в это время 2 сотни Оренбуржцев вышли во фланг и тыл Исатая, и ударили на него в атаку...

Пораженные этой неожиданностью, джигиты Исатая дрогнули и тоже побежали. Началось преследование и сеча. Преследование велось на расстоянии 15 в., во время которого пало около 100 джигитов Исатая, и сам батырь был убит.

В реляции полковника Геке есть подробное описание этого боя и гибели Исатая. Во время преследования за батырем погнался хорунжий Оренбургского войска Петров с несколькими казаками и джигитами из отряда султана правителя. Через некоторое время Исатая настигли урядник Каменской станицы Иван Богатырев и казак Угольной станицы Леонтий Зеленин, а также джигиты Табынского рода Кадырбаева отделения Джанайдар Илек-

баев и Сетбай Ибитов и Елькичинского отделения Кубень Субедин.

Исатай скакал, отстреливаясь стрелами из лука. Он уже ранил в двух местах лошадь урядника Богатырева, который пытался его схватить. Казак Зеленин два раза выстрелил в батыря из винтовки на скаку, но промахнулся; наконец он заскакал несколько вперед, спешился, и выстрелил в батыря в третий раз; этот меткий выстрел подбил под Исатаем коня.

Конь встал, и батырь был окружен своими преследователями. Он не хотел сдаваться живым и продолжал отбиваться саблей от нападающих. Ему еще удалось ранить одного казака. На батыре был панцырь и два пистолета. Однако силы его слабели. Подскакавшие казаки взяли его в пики и выбили из седла. Урядник Богатырев ударом шашки рассек ему голову. Батырь свалился истекая кровью. В это время джигиты схватили его за руки, но казаки не хотели выпускать из своих рук добычу... Богатырев выстрелил батыря в грудь из винтовки и добил его.

Все эти пять человек поделили между собой награду 500 р., назначенную русским правительством за голову батыря...

„Он сделался жертвой своей отважности — говорит в своем донесении полковник Геке о смерти Исатая. — Я жалею, что его не представили живого. Из опасения, чтоб из излишней осторожности не дать Исатаю возможности спастись бегством, я не считал нужным давать приказание щадить его и стараться представить его живым, а предоставил его на участь божью, коему было угодно наказать человека, причинившего столько несчастья своим собратьям и погубившего столько людей...“

„Говорят в числе убитых много значительных лиц из народа но имена их, за исключением нескольких, еще неизвестны“.

... После смерти Исатая восстание прекратилось; его сподвижники, оставшиеся в живых, продолжали вести скитальческую жизнь, скрываясь в дальних степях от преследования султана правителя и русского правительства. Какая участь постигла семейство Исатая, нам неизвестно. Некоторые его сподвижники впоследствии были пойманы и преданы суровой каре.

Все семь пленников, взятых русскими войсками в последнем бою с Исатаем, были преданы военно-полевому суду. Их дело разбиралось 10 ноября 1838 г. Следственная комиссия, учрежденная при Оренбургском Орданансгаузе, приговорила их всех к наказанию шпицрутенами, через прогнание сквозь строй 500 ч. по два раза каждого, а после этого к ссылке в крепостные работы в Ригу на 8 лет, по отбытии которых отдать их в солдаты, буде окажутся годными“.

... В заключение нашего очерка скажем несколько слов о дальнейшей судьбе одного из ближайших сподвижников и друга Исатая батыря, Мухамеда Утемисова.

... „Почтенным батырям Бавбаю, Надыркулу, Салию и Ярмухамеду и Ямантаю, всем по поклону, — писал Мухамед. — Я сам, хвала богу, здоров молитвами друзей моих, подобных вам. Я благополучно возвратился из Хивы. А ежели пожелаете что узнать, спросите друзей ваших. Душевно желаю вас видеть, но

беспорядки в народе не позволяют ездить к вам. Я не могу жить между этих народов.

„Перед выходом войска увижусь с ханом, и во всяком случае войско не преминует притти нынче летом. Ежели обстоятельства позволят, непременно пришлите старшину Салия. Отъезжая, я должен знать, в каком положении находитесь вы. Не думайте, как этот народ, что из Хивы войско не придет. Если будут притеснения от русских, откочуйте сюда. Назаровцы и другие не коснутся вашего имущества.

„Не унижайте себя, прибегая к русским. Ныне у Каип Галия есть уже немного войска, которое усмирило Адайских и Табынских хищников и взыскивает с них зякет.

„Аллакул хан не взял зякета с народа, хотя муллы Джарлыгас и Учертый ему предлагали. Осенью нынешнего года Кара-Давул батырь с товарищами разграбил 62 кибитки алачинцев Хан разгневался на этом и хотел послать людей. Но тлявцы отдали назад похищенное.

„Люди, удалившиеся от русских, здесь не в презрении. Аллакул хану я сказал, что вы держите мою сторону. Он радовался душевно.

„Друг мой, Ярмухамед, пришли пожалуйста с Салием чаю и сахару, это будет величайшая твоя для меня милость. Пишущий к вам Мухамед Утемисов.“

...Письмо Утемисова говорит о том, что он находился в самых близких сношениях с хивинским ханом Аллакулом и султаном Каип-Галием, а также поддерживал связь с прилинейными казаками, среди которых имел близких друзей и единомышленников. Из этого письма можно видеть, что казахи „Дальней Орды“ по прежнему оставались враждебными России и с полной готовностью давали приют своим собратьям, которые уходили к ним из прилинейных аулов. Судя по этому письму, у Мухамеда Утемисова еще была надежда поднять орду на борьбу со своими врагами, и чтоб поддержать надежды своих друзей он обещал им поддержку Хивинского хана и обнадеживал их войсками султана Каип-Галия.

...4-го марта того же года султан Муртаза-Галий-Узбек-Галиев донес, что Мухамед Утемисов скрывается в аулах на берегу моря, близ Уральско-Эмбенской границы.

Получив об этом сведения, войсковой атаман Уральского войска отправил в указанные аулы команду в 40 казаков при офицере. Команда эта отыскала Мухамеда Утемисова в аулах Бершева рода, в кибитке Даду и Текиша Тликеевых.

Казаки окружили кибитку, чтоб взять Мухамеда. Мухамед был вооружен и не хотел сдаваться в плен. Тогда казаки бросились в кибитку. Первым ворвался урядник Голунов и казаки Ведерников и Хохлов, которые бросились на Мухамеда. Мухамед защищался ножом и ранил казака Хохлова в горло, но был взят и обезоружен казаками.

Как важнейший преступник и сообщник „бунтовщика“ Исатая Тайманова, Мухамед Утемисов был доставлен в г. Оренбург, где и предан военно-полевому суду.

... 17-го марта 1841 г. Мухамед Утемисов был отправлен в Оренбургскую тюрьму. В препроводительной бумаге описаны следующие его приметы: „Лета от роду 37, рост 2 арш. 5,5 вершка волосы на голове, бровях, усах и бороде черные; лицо чистое, смуглое, глаза желто-серые“.

... 31-го марта 1841 г. дело Мухамеда Утемисова вместе с произведенным дознанием было предано в военно-судное отделение Оренбургского Отдельного Корпуса, где и надо искать его окончания.

Архивный фонд Оренбургского Отдельного Корпуса сильно пострадал, и у нас очень мало надежды на то, что в конце концов удастся розыскать дело о решении суда по делу Мухамеда Утемисова.

Ф. Рязанов, „Восстание Исатая Тайманова“. А.

ВОССТАНИЕ КЕНИСАРЫ КАСЫМОВА (1837—1847 г.)

... 14 июля 1836 г. начальник 5 пограничной дистанций войсковой старшина Лебедев, из крепости Троицкой, донес о крупном восстании среди казаков Сибирского ведомства. Сообщалось, что восстание приняло угрожающий характер: восставшие окружили Акмолинский внешний приказ и сожгли его до основания. В донесении Лебедева говорилось, что для подавления восстания, по распоряжению Западно-Сибирского губернатора князя Горчакова двинуты в степь три отряда. Один из них выступил из крепости Петропавловской и пошел в неизвестном направлении, другой поставлен в Аман-Карагайском приказе, в 80 в. от ст. Звериноголовской; третий отряд выступил из пределов, близких к границе Китайской, тоже в неизвестном направлении.

Так как 5 дистанция, находящаяся на границе с сибирским генерал-губернаторством, примыкала к району восставших казаков, Лебедев перевел все станицы на боевое положение, поставив половину мужского населения „в ружье“

... 25 июня Оренбургский военный губернатор генерал Перовский, получил письмо от Западно-Сибирского генерал-губернатора князя Горчакова, из которого выяснилось, что появление „хищнических шаек“ на р. Иргизе было отдаленным эхом восстания султана Кенисары Касымова, начавшегося на границе Сибири.

... 12 августа, состоящий при ставке правителя Средней части Орды прапорщик Ивашкевич донес, что более 100 аулов Табынского и Таминского родов откочевали от линии по требованию батыря Джуламана. Джуламан потребовал, чтоб весь Джегалбайлинский род откочевал от линии, в противном случае грозил выжечь всю степь на месте их кочевок и таким образом обречь народ со всеми стадами на голодную смерть. И действительно скоро на всем протяжении от р. Ибейты до вершины Кумака и по берегу р. Урала вся степь была охвачена пламенем пожара.

Не имея возможности держаться среди выжженных степей вблизи границы, казаки в силу необходимости начали откочевывать в глубину степи. Вслед за табынцами и таминцами откочевали казаки Шекты, кочевавшие до тех пор близ линии между р. Уралом и Илеком. Затем снялись с места Дюрг-Каринцы, кочевавшие против Орской крепости.

Из приведенных донесений можно заключить, что в первых числах августа 1838 г. все казахские роды, кочующие против линии, на участке от Илецкого Городка до кр. Орской, были охвачены каким-то стихийным волнением и постепенно уходили в степь, оставив свои обычные кочевки. Организатором этого движения был известный батырь Табынского рода Джуламан Тлянчин.

... Что были за причины, побудившие батыря Джуламана выступить против русского правительства?

Батырь Джуламан, сын знаменитого в свое время старшины Табынского рода Тлянчи, сподвижника батыря Сырыма, вел давнишний спор с русским правительством из-за Ново-Илецкого района, заселенного в 20-х годах оренбургскими казаками. В этом районе до 1819 г. были кочевки табынцев, которые русское правительство застроило казачьими станицами, удалив ордынцев. В течение 20 лет Джуламан батырь вел борьбу за эти земли с русским населением и никогда не мог примириться с их утратой.

Джуламан батырь не раз за свои выступления против правительства подвергался разгрому со стороны русских отрядов, выступавших с линии. Особенно сильно пострадали приверженные ему табынцы в 1825 г., когда их при помощи русского отряда разгромил султан Каратай.

Весной 1838 г., повидимому по приказу султана Кенисара, Джуламан батырь вместе со своими однородцами покинул кочевки по р. Илеку, откочевав на р. Тургай и, соединившись с султаном Кенисарой, путем агитации, угроз и жестоких репрессий решил удалить все казакские роды из подданства России,

... Обеспокоенный событиями в степи, генерал Перовский приказал остановить казаков, удаляющихся от границы и разбить батыря Джуламана.

По его распоряжению в степь были двинуты три отряда в значительных силах с артиллерией. Из г. Орска был выслан отряд в составе 800 человек пехоты, казаков и башкир с артиллерией, под начальством полковника Мансурова.

... 16 августа Мансуров настиг дюрг-каринцев в вершине р. Ори. Все мужчины удалились из аулов, в которых остались только женщины и дети. Отряд Мансурова бросился грабить аулы. Он отнял у них 7112 баранов, 305 коз, 165 верблюдов и 450 голов рогатого скота и остановился на ночлег. Ночью отряд был окружен казаками, которые пытались отбить свой скот обратно. Мансуров пустил в ход артиллерию. Казахи были сбиты и отступили, потеряв свыше 70 человек убитыми.

Отправив отбитый скот в Орскую крепость под прикрытием башкир, Мансуров двинулся дальше в степь по направлению

кр. Иргизу. Он дошел до р. Иргиза, уже нигде больше не встречая аулов и не имея никаких сведений о батыре Джуламане. За полным истощением людей и лошадей Мансуров 7 сентября вернулся в г. Орск. Весь скот, отбитый им у дюрт-кариинцев, был продан в Орской кр. с торгов на сумму 45. 102 руб. Ограбленные, лишенные средств к существованию, аулы дюрт-кариинцев были брошены в степи. Что с ними случилось, неизвестно. Таковы были результаты поиска полковника Мансурова.

... Из донесения ген. Перовского военному министру от 18 сентября видно, что после этой экспедиции набеги казаков на линию участились; в особенности на новую линию между г. г. Орском и Троицком и даже до самой крепости Звериноголовской, где по словам Перовского давно не было слышно о нападении казахов и об угоне скота.

... Реорганизация управления Средней Ордой и назначение на должность старших султанов лиц, которые не имели династических прав на занятие ханских должностей в Орде, вследствие чего наследники Вали-хана, а особенно наследники его предшественника Аблай-хана, сын последнего султана Карым Аблаев и сын Касыма, честолюбивый султан Кенисара, не получили в новом управлении руководящих должностей, почему и оказались в резкой оппозиции к новому порядку в орде, устройство Акмолинского укрепления в Киргизской степи, на территории, принадлежащей роду султанов Аблаевых, — все это, вместе взятое, переполнило их чашу терпения.

... Султаны Касымовы в то время располагали небольшим числом теленгутов и не имели никакой силы. Но султан Кенисара пользовался среди казаков огромным влиянием, почему скоро около него сгруппировались многие роды, недовольные новым порядком, а главное вторжением русских в их степи.

... Эмиссары от султанов Касымовых разъезжали по аулам и собирали сторонников Кенисары. Их собралось уже до 5000 вооруженных казаков, с которыми он двинулся в акмолинский округ и осадил Акмолинский приказ, но взять его не мог, хотя сжег все русские постройки.

... Объединяя вокруг себя казаков, султаны Касымовы главным образом повели борьбу со старшим султаном Акмолинского округа Букейхановым, который по их понятиям не вправе был занять эту должность и за его приверженность к России.

10 сентября 1838 г. султан Кенисара с своими приверженцами напал на аулы султана Букейханова и отогнал у него массу лошадей.

... Сибирское управление стало, как пишет генерал губернатор князь Горчаков, перед неразрешимой задачей: „Безуспешно гоняясь в разных направлениях за многочисленными партиями сподвижников Кенисары, — видеть равнодушно верные волости разграбленными, а торговые и военные сообщения прерванными, или действовать на самые волости единомышленников мятежа (какие бы они не были) как на гнездилище беспорядков, остановить возрастающее и уже опасное для целого края беспокойство“.

Задача эта сибирским командованием была разрешена в смысле массового террора аулов кипчаков, не разбирая правых и виноватых, за исключением аулов, кочевавших при линии, вследствие чего по приказанию князя Горчакова в степь был послан отряд гвардии штабс-капитана Спиридонова, которому была дана директива разгромить сторонников султана Кенисары.

Спиридонов „покорил“ несколько баганалинских и кипчакских родов и заставил их прикочевать к р. Ишиму; впоследствии эти роды вошли в состав Аман-Карагайского приказа.

Второй отряд командующего Ишимской линии полковник Ганеса разбил 6 аулов, состоявших под управлением биев Имана и Кулбая и отогнал у них верблюдов — 528, лошадей — 229, рогатого скота — 52, баранов — 3955, причем было убито несколько казахов. Бий Тука число убитых показывает — 105 ч., но князь Горчаков считает меньше, не говоря, сколько, т. к. по его словам, сибирский отряд действовал с возможною осторожностью и кротостью“.

...К декабрю 1838 г. Кенисара уже учредил свое наблюдение над всеми караванными путями, идущими как от Сибирской линии, так и от Троицка в Ташкент, и стал взимать с торговых караванов пошлину в свою пользу.

...Таким образом к концу 1838 г. султан Кенисара во-первых, создал постоянную угрозу на караванных путях, идущих в Среднюю-Азию и, во-вторых, организовал постоянные набеги на казахов, которые оставались вблизи русских границ как по Сибирской, так и по Оренбургской линии.

...Пограничным властям Сибири и Оренбургского края предстояла долгая борьба с движением Кенисары, который с первых же своих шагов подчинил своему влиянию Среднюю и Малую казахские орды, что достигалось местом его нахождения на стыке обеих орд, в горах Улу-Тау на р. Тургае.

...По распоряжению Сибирского ген.-губернатора из Петропавловского укрепления против Кенисары в апреле выступил отряд полковника Горского.

23-го апреля отряд этот выступил из укрепления, основанного на ур. Джаргаин-Агач и пошел по направлению к р. Тургаям. Достигнув р. Татты-Тургая, отряд Горского напал на след кочевки аулов приверженцев Кенисары и, наконец, настиг самые аулы, уходящие вдаль р. Ачудапта Тургая. Это были аулы султана Кенисары и его брата султана Саржана. Для захвата аулов полковник Горский выслал вперед 200 казаков под командой хорунжиев Лебедева и Бутакова.

...Горский преследовал их на протяжении 45 верст, подбирая на пути брошенное имущество и скот. За всю эту операцию отрядом Горского было захвачено 2300 лошадей, 200 верблюдов, 10.000 баранов и 430 гол. рогатого скота и взято пленных: мужчин — 67, женщин — 99.

Аулы султана Кенисары лишились всего скота. Когда Кенисара вернулся на Тургай, там уже все было кончено: аулы его были ограблены и рассеяны. Кенисара погнался вслед за отря-

дом Горского и настиг его близ урочища Жергаина, где и окружил. Горский едва не попался в плен. Но к своему счастью, он получил помощь, и Кенисара был отражен. Преследуя полковника Горского, Кенисара убил четырех казаков, 4 человек взял в плен и отбил до 800 лошадей обратно. Вся остальная добыча осталась в руках русского отряда.

... Страшные разгромы султаном Кенисары прилинейных казахов (киргизов) и угрозы его разгромить всех, кто останется вблизи русской границы, вынудили многих из них откочевать от границы и присоединиться к своим единомышленникам, чтоб принять участие в общей борьбе под предводительством Кенисары. В течение лета 1839 года как от Оренбургской, так и от Сибирской линии начались откочевки казахов в глубину степей. Со стороны Сибирской линии неоднократно высылались вслед откочевавшим военные отряды, которые настигали беженцев и возвращали насильно к линии.

... Остаток лета 1839 г. Кенисара провел в борьбе с сибирскими отрядами, которые громили подведомственные ему аулы.

... Пред лицом наступающей зимы, которую казакам пришлось встречать не на обычных зимовых стойбищах, когда скот сильно исхудал, и когда сгрудившиеся аулы не находили себе достаточных пастбищ, в лагере Кенисары намечается упадок духа. Впрочем такое явление, как мы увидим, наблюдалось каждую осень, но проходила зима, наступала весна и вспышка энергии с новой силой увлекала кочевников за их отважным вождем.

... Систематические военные погромы аулов приверженцев султана Кенисары, его отца Касыма, организованные с сибирским генерал-губернатором в течение лета 1840 года, вынудили султанов Кенисару и Касыма откочевать из сибирских и тургайских степей к Коканским владениям. Они вошли в переговоры с Ташкентским беком, который обещал им помощь в борьбе против России...

Влияние султана Кенисары среди казахов, оставшихся в подданстве России, значительно ослабло; повидимому и сам султан убедился, что он один не в состоянии вести борьбу с русским правительством, т. к. не располагал достаточными средствами и вооружением, почему и решил искать себе союзников на юго-востоке — в Бухаре или Хиве, тем более, что политическая обстановка складывалась для него благоприятно.

... Между тем внутри Малой и Средней Орд, повидимому, шла ожесточенная борьба. Казахские роды и отделения разделялись на враждебные партии. Одни из них обвинялись сторонниками Кенисары и продолжали поддерживать султана. Другие были против султана и, как видно из столкновения Кенисары с назаровцами, между ними не раз дело доходило до открытых боев.

Казахские роды, откочевавшие вглубь степей, продолжали нападать на киргиз, оставшихся на своих обычных местах. Повидимому Кенисара к этому времени обосновался главным образом среди Чумекейского, Дюрт-Каринского и Шектинского родов. Начальник 23 дистанции Кукбас Баубеков от 21 сентября

1840 г. донес, что чумекеевцы приняли к себе султана Кенисару и выдали за него замуж дочь самого хорошего и почетного бия.

Часть казахов Кипчакского рода, особенно пострадавших от сибирских отрядов, стремились вознаградить свои потери за счет „мирных“, т. е. не принимавших участие в восстании киргиз.

.. В январе м-це 1841 г. Перовский объявил по Орде следующее воззвание.

„От Оренбургского военного губернатора. Степным султанам, почетным биям и старшинам и всему кайсацкому народу. Объявление. Владелец хивинский, в продолжении многих лет заблуждаясь на счет истинных выгод своих подданных, крамольничал противу России, но наконец, познав невозможность и бесполезность дальнейшей вражды, прибегнул к милосердию государя императора и, отпустив всех бывших в Хиве пленных русских, с обетом впредь не приобретать их, удостоился высочайшего благорасположения.

„Зная, что многие киргизские и туркменские племена увлечены были в прежнее время Алла-Кулом и, забыв долг верноподданической присяги, данной России предками их, хищничествовали противу империи, я решился, однако ж, в уважении простоты этих племен, исходатайствовать на сей раз и для них прощение великого государя, и е. и. в. в неизменном милосердии своем высочайше повелеть соизволил тех из них, которые принесут скорое раскаяние и выдав имеющих у них русских пленников, отрекутся от будущих грабежей, избавить от заслуженного наказания и объявить им высочайшее прощение.

„О таковой монаршей милости сообщая всем степным султанам и почтенным биям и старшинам кайсацкого народа, я уверен, что они убедят соплеменников своих о необходимости последовать примеру Хивы для собственного блага воспользоваться великодушием государя императора“.

.. Когда воззвание Перовского распространилось в степь, с линии стали поступать сведения, что откочевавшие в глубину степей казаки начинают возвращаться к границе. В начале апреля поступило донесение от начальника Николаевского укрепления (Николаевская ст.), что алчинцы и кипчаки от Сыр Дарьи кочуют ближе к линии и достигли Кара-Кумов; аргынцы от Тургаев тоже следуют к линии.

Командующий Новой линией полковник Аржанухин донес от 6 апреля, что в аул хорунжего Балгужи на р. Тоболе, явились два посланца от султана Кенисары с письмом к самому губернатору, с просьбой направить их к султану Джантюрину, который должен отправить их в г. Оренбург. В связи с приездом послов среди казаков распространился слух, что Кенисар требует от русского начальста сменить всех султанов, дистанционных начальников и старшин, управляющих казаками при линии и все орды подчинить его управлению. Если это будет исполнено, то султан вполне оправдывает себя на службе царя; всю ответственность за нарушение спокойствия он принимает на себя и усовершенствует коммуникацию торговых караванов от Бу-

хары до России, взяв их под свою охрану. Султан обязуется кочевать вблизи границ по р. Тоболу и Аятам и просит правительство дать ему в помощь благонадежного человека, знающего киргизский язык.

... Послы султана Кенисары доставили султану Ахмеду несколько писем, адресованных на имя его, султанов и председателю Оренбургской Пограничной Комиссии. Письмо, адресованное султанам и старшинам, управляющим прилинейными казаками было следующего содержания:

„Да делается известным присутственному месту: „Со времени деда моего Аблай-хана жил с россиянами так дружно, как с своими братьями. Но русские люди из Омской крепости и Кызыл-жарской (Петропавловской) нам покою не давали. Брата моего Сарджана два раза грабили. Первому прошло 17 лет, а последнему 11 л. При сем же последнем разе был увезен двухлетний сын Сарджана, который жив или помер, не знаем. Несколько раз мы посылали письма старшим (т. е. начальству), оных не допустили. Это самое было причиною к неприязненным делам моим противу России.

„Пришедши же к сей стороне, я себя здешним (Оренбургским) старшим начальникам объявляю, что никогда против государства враждовать не буду, и это как будет следовать, доведите до сведения начальства. Во уверение сих слов султан Кенисара руку и печать приложил“.

... Другое письмо было адресовано на имя Генса.

„Председателю Оренбургской Пограничной Комиссии ген.-майору и кавалеру Генсу от султана Кенисары нижайшее прошение.

„Письмо султана Ахмеда Джантюрина мы получили. С некоторого времени хотя мы, сбившись с пути, и ссорились с русскими Сибирской линии, но теперь нашли истинный путь, раскаиваемся и желаем следовать по оному, покоряясь великой милости е. и. в. и оставляли все дела, которые относились до неповиновения. Почему всепокорнейше прошу Ваше превосходительство исходатайствовать нам где следует прощение и тем доставить нам счастье; а после того хотим все прежние поступки оставить в забвении и покориться власти начальства. По удалении нашем, вследствие притеснения сибиряков мы посылали послами к начальству Табулду Туктына и Кучумбая Казанкапова, и не только не получили от них ответа, но даже не возвратили их самих... Султан Губайдула Аблайханов попал в руки вышедшей от Вас команды; Кумджан Кучаков пленен во время кочевки со своими аулами без вины; Нурхан Семикин увлечен в то время, когда он ездил в степи один. Не благоугодно ли будет оказать им милость. Если не противно В. Пр., посылаем биев Сеид Муха Муханада Абызова и Акбая Манашева. Султан Кенисара руку и печать приложил. Писано 12 Марта 1841 г“.

... Убедившись из этих писем о добрых намерениях и раскаянии султана Кенисары, ген. Перовский, считавший, что восстание Кенисары главным образом вызвано репрессиями Западно-Сибирского губернатора, вошел с ходатайством перед военным министром о даровании прощения мятежному султану Кенисаре.

К своему рапорту Перовский приложил все письма, полученные от Кенисары. В мотивах своего ходатайства Перовский говорит, что путем карательных экспедиций невозможно подавить восстания султана Кенисары, который со своими приверженцами всегда сумеет удалиться в степь. Обычно войска разоряют аулы мирных казахов, озлобляют их и тем увеличивают число восставших, почему гораздо выгоднее привлечь султана Кенисары на сторону правительства, даровав ему прощение.

...Чтоб убедить султана, что прощение ему действительно даровано, Перовский предложил освободить дядю его султана Губайдуллу Кучакова и аргынского рода киргиза Бейсинбая Дюненбаева, взятых в плен во время экспедиции войск старшины Лебедева в 1839 г.

Ходатайство Перовского было уважено. По докладу всей переписки государю военный министр от 1 мая 1841 г. сообщил Оренбургскому губернатору, что Кенисаре даровано все милостивейшее прощение с тем, чтоб он оставался между оренбургскими киргизами и возвратил двух плененных им в 1840 г. казаков Матвея Фейгулова и Исака Сидорова.

...Ближайшие события нам покажут, что Кенисара был далек от мысли капитулировать перед правительством и вся комедия с изъявлением покорности была лишь ловким дипломатическим маневром, который он сделал для того, чтоб начать новую борьбу за осуществление своей идеи.

...Между тем целый ряд враждебных действий со стороны правительства: задержание в Оренбурге султана Карабая, занятие сибирским отрядом урочища Улу-Гау, место любимых кочевок султана, о даровании ему приличного чина, вынудили султана Кенисару снова предпринять ряд враждебных выступлений против приверженцев России.

Уже в конце мая стали получаться сведения, что султан сова стал нападать на прилинейных казахов и русских.

...В течении лета 1842 г., когда Кенисара оперировал в пределах сибирских степей, в Оренбурге очень мало знали о его деятельности, Только 30 сентября были получены письма султана на имя Перовского и Генса, в которых он по прежнему уверял „в покорности“ и просил отпустить домой дядю султана Карабая.

...Письма Кенисары носили успокоительный характер. Выходило, что султан занят тем, чтоб вернуть в подданство России все казакские роды, ушедшие в пределы Кокана, что во всяком случае не противоречило интересам России.

...29 марта 1843 года по докладу сибирского генерал-губернатора состоялось высочайшее повеление о посылке в степь против Кенисары военных отрядов. Согласно повеления военный министр предписал Оренбургскому военному губернатору подготовить отряд для отправления в степь против султана Кенисары и для содействия сибирскому отряду, который одновременно должен был выступить в степь от горы Улу-Тау.

Выступив в степь из кр. Орской и сделав несколько переходов по направлению к верховьям р. Иргиза, отряд Лебедева

неожиданно столкнулся с самим Кенисарой, к этому времени успевшему прикочевать к р. Иргизу. Кенисара встретил отряд Лебедева с 1500 хорошо вооруженных всадников и послал спросить о цели появления отряда. Увидев перед собой неожиданно появившегося противника в превосходных силах, войсковой старшина Лебедев растерялся. Не будучи уверен в благополучном исходе боя с противником, который превосходил его численностью в три раза, Лебедев отступил, послал сказать Кенисаре, что он прикрывает работу военных топографов. Султан Кенисара в свою очередь заявил, что он прибыл сюда по требованию правительства, которому он остается покорен и просит указать ему место постоянных кочевок близ границы.

Войсковой старшина Лебедев, весьма обрадованный столь неожиданным благоприятным оборотом дела, донес об этом генералу Обручеву.

Военный губернатор предписал ему: не вступая в бой с Кенисарой, все же оставаться в степи, наблюдая за всеми действиями султана Кенисары.

Кенисара явился в иргизские степи с определенной целью утвердить свою власть „хана“ и сурово разделаться с врагами, не признающими этой власти. Прежде всего карающая рука султана пала на Тлеу, отделение рода Шекты, которое не пожелало признать его ханом.

27 июля вице-канцлер уведомил военного губернатора, что государь повелел для прекращения мятежных действий султана Кенисары в степи снарядить отряд и выслать его совместно с отрядом султанов-правителей, составленным из отборных киргиз, известных преданностью России.

На основании этого повеления 4 августа султанам правителям было предложено сформировать из ордынцев отряды: султану Баймухамеду Айчувакову из 1000 чел., Араслану Джантюрину — сколько можно, Ахмеду Джантюрину из 1000 чел., с которыми идти: султану Баймухамеду к отряду полковника Бизячова, выступающему 8 августа из кр. Саларной, который двинется в вершину р. Уила; султану Араслану Джантюрину — к отряду полковника Дуниковского, выступающему 14 августа из кр. Орской, который пойдет вверх по р. Орь; султану Ахмеду Джантюрину быть готовым к выступлению и оставаться на р. Тоболе.

Все султаны-правители в своих действиях должны были подчиняться полковнику Бизянову и всеми мерами содействовать „истреблению хищных толп султана Кенисары, стараясь захватить его самого. При этом было объявлено, что кто в этом успеет, тот получит значительное денежное вознаграждение“. За поимку султана было назначено 3000 руб.

Бизянов выслал в разные стороны несколько разведывательных партий. Одна из этих партий, выехавшая к истоку р. Тилькары, рассеяла партию кенисаринцев, собиравших здесь ушур (дани) с хлебобобов и захватила в плен 7 чел., среди которых один назвался братом Кенисары султаном — Абулгазы Касымовым.

...За полным истощением лошадей отряды были не в состоянии преследовать султана Кенисару и вернулись обратно, пригнав в г. Орск весь скот, отбитый у Кенисары.

...Зиму 1843 — 1844 г. Кенисара все время проявлял активность. В декабре уведомили Оренбургского губернатора, что султан Кенисара появился в пределах сибирских степей, на уроч. Аир-Тау, в 50 верстах от р. Сара-Су, откуда производит непрерывные набеги на кочующие по этой реке сибирские волости Акмолинского рода.

...Ввиду враждебных действий Кенисары князь Горчаков одновременно сделал представление правительству о необходимости с открытием весны начать против Кенисары военные действия и получил на это согласие императора Николая I.

...Таким образом новая кампания против султана Кенисары должна была развернуться одновременно с Оренбургской и Сибирской линий и сводилась к концентрическому наступлению с трех пунктов, отстоящих друг от друга на громадных расстояниях, чуть ли не на тысячу верст.

...Таким образом на шестом году восстания султана Кенисары между Оренбургским и Сибирским командованием был, наконец, достигнут полный контакт, и их совместная борьба с султаном получила вполне организованный характер. Однако достигнуть вполне согласных действий всех высланных в степь отрядов, которых разделяли сотни верст, было совершенно невысказано, что и вполне подтвердилось. Отряды действовали совершенно самостоятельно, не имея никаких сведений ни один о другом, ни о своем отважном и предприимчивом противнике.

Султан Кенисара, находясь в центре района действий, действовал по внутренним операционным линиям, которые были одинаково доступны по всем направлениям и, будучи прекрасно осведомлен о всех движениях отряда сочувствующим ему населением степи, легко ускользал отседающих врагов.

...Совершенно неожиданно, 23 июля, на рассвете, султан Кенисара с легкой партией джигитов, численностью до 700 чел., появился вблизи новой Оренбургской линии и напал на аулы Кыпчакского и Яппасского рода Алтыбашева, Карагузского и Сумурунского отделений, кочевавших по р. Аяту, против Константиновского укрепления, и отбил у них 3000 лошадей, 1500 верблюдов, разбил до 381 кибитки, захватив имущества и скота на 152.528 р. и также быстро удалился в степь за р. Тобол, уходя в южном направлении.

Нападение Кенисары как громом поразило всех предельных киргиз, среди которых поднялась чрезвычайная паника. Все ордынцы, бывшие в отряде Лебедева, разбежались по своим аулам. В отряде не осталось даже проводников.

...14 августа 1844 г. на восходе солнца Кенисара Касымов, незаметно приблизившись к укреплению Екатерининскому, внезапно атаковал его со всех сторон. Всего в станице было жителей 144 мужч. и 130 женщин, но на лицо в укреплении оказалось всего только 28 строевых казаков и 56 обывателей, в числе которых 12 женщин. Все остальное население по случаю летних

работ было в поле. Нападение было сделано совершенно неожиданно и со всех сторон. Из крепости только выгнали в степь табуны; казаки, назначенные на сторожевые маяки, еще не успели доехать до своего места, как были схвачены джигитами Кенисары, которые, окружив станицу со всех сторон, пошли на приступ.

...Атакующие ворвались в форштадт укрепления и зажгли его со всех сторон. Вокруг станицы запылали стога сена. Ордынцы рассыпались между горящими домами, чтобы тащить, грабить. Но часть их бросилась на штурм крепости.

...Крепости Кенисара взять не мог, но сжег соседний форпост, угнал все табуны, забрал 41 чел. пленных жителей и казаков (русских), находившихся на полевых работах, из которых 8 чел. было женщин. При этом было угнано много скота.

Взятых в плен башкир Кенисары отпустил обратно, передав им письмо на имя начальника Края.

...„Господину Генерал майору и кавалеру Генсу.

„Я довести честь имею в. пр. об моей нетерпимости, что меня крайне разорили 1844 г. января 1-го числа. По предписанию главного начальства Сибирского корпуса майор Закочек разбил аулы мои и побил людей моих, множество в плен захватил и в том числе жену мою Кунимжам Хан, но я до сего времени никакого вреда царю не чинил, но понудила меня необходимость, разбил станицу и захватил в плен 41 человека. Но покорнейше прошу в. пр. не возможно ли будет возвратить пленников, в том числе жену мою, но и я захваченных в плен возвращу. В. пр., честь имею воздать. Султан Кенисара Касымов.

...Весь грандиозный кабинетный план сокрушения султана Кенисары совместными действиями трех отрядов, разделенных между собою почти тысячеверстными пространствами степей, как и надо было ожидать, закончился полной неудачей. Военная экспедиция, так широко задуманная в кабинете, не только не нанесла поражения Кенисаре, но не могла оградить от его набегов прилинейных казаков и, наконец, сами линии.

Между тем султан Кенисара, прекрасно осведомленный о всех движениях русских отрядов, в то время, как они дожидались друг друга и искали его на р. Тургае и в низовьях р. Иргиза, поднялся вверх по этой реке и в течение целого месяца безнаказанно оперировал в глубоком тылу отряда Дуниковского, около самой линии.

...С изумительной быстротой, как степной вихрь, переносился Кенисара с одного места на другое, вместе с своими аулами и многочисленными стадами; куда бы ни вышли русские отряды, они всюду находили лишь только свежие следы султана, который, предупредив их за 5—6 дней пути, уже далеко находился от своих преследователей.

...Летняя кампания 1844 г. закончилась материальной победой Кенисары. Закончив свои операции против русской границы, султан возвратился на свои зимовки в пески Кара-Кум. Все отряды, высланные против него в течение лета: Лебедева, Жем-

чужникова, Дуниковского, наконец, отряды султанов-правителей, возвратились на линию не только не выполнив своей задачи — уничтожить Кенисару, но даже не могли прикрыть линию и защитить от мести султана приверженцев России.

...Между тем экономическое положение приверженцев Кенисары, по свидетельству всех лазутчиков, проникавших в его аулы, было чрезвычайно тяжелым. Вследствие затрудненных перекочевок с места на место, они были лишены возможности иметь большие стада мелкого скота, составляющих богатство кочевников. Они лишились своего имущества и не имели даже достаточного количества кибиток, которые составляли излишний груз при постоянных перекочевках. При таком состоянии хозяйства они не могли существовать за собственный счет, почему Кенисара для продовольствия их был принужден прибегнуть к сбору зякета с соседних казахов; он разослал для этой цели во все роды своих есаулов.

...Генерал Обручев, хотя не был уверен в „чистосердечном раскаянии“ Кенисары, несмотря на речительство бия Яманчина, но находил возможным „частично“ удовлетворить просьбу султана об освобождении его родственников и других ордынцев в г. Оренбурге, почему и просил министра исходатайствовать на это „высочайшее соизволение“.

„С моей же стороны думаю, — писал губернатор министру Иностранных дел, — что хотя нельзя положиться на искренность раскаяния Кенисары, вынужденного к тому, по всей вероятности, стесненным положением, в какое приведен действующими против него нашими отрядами, но в уважение того, что изъявляя свою покорность, он отпустил уже бывших у него наших пленных и снабдил всеми потребностями, не следует отвергать его домогательств. В противном же случае отказ после сего может утвердить его в недоверчивости к нашему правительству и ожесточить более прежнего.

„В особенности я полагал бы возвратить Кенисаре находящихся на Сибирской линии его жену, задержанного в Оренбурге дядю султана Карабая Карачева с тремя киргизами и сосланного в г. Березов султана Габайдуллу или Абдул-хана, которых выслать для этого в Орскую крепость и тогда уже, по снабжении всем нужным, отправить в аулы Кенисары в сопровождении нескольких казаков при офицере генерального штаба и чиновнике Пограничной Комиссии с тою целью, что первый, пользуясь этим случаем, будет иметь возможность изобразить местность, настоящее положение мятежников и разведать о действиях и намерениях Кенисары, а это было бы весьма полезно для соображения, если полезно будет отправить в степь в будущем лете отряды войск. Для кочевания же Кенисары с его аулами, согласно высочайшему повелению, объявленному в отзыве Управляющего Министерства Иностранных Дел графа Воронцова — Дащикова от 16 сентября 1842 г. за № 2684, назначить место, которое определено было бывшим председателем Пограничной Комиссии на южной стороне Мугоджарских гор и, если не представится особенного неудобства, привести его че-

рез офицера, генерального штаба на верность подданства к присяге. В случае исполнения сего Кенисарю, даже и в одном принятии места кочевания, оставить дальнейшее преследование его, ограничься до времени одними наблюдениями отрядов за всеми его поступками и намерениями“.

Состав миссии, отправленной к султану Кенисаре, определялся ее назначением. Во главе был поставлен попечитель прилинейных киргиз чиновник Долгов, который по отзыву генерала Ладыженского за короткий срок своей службы уже успел снискать уважение киргиз. Он объявлялся представителем русского правительства, полномочным лицом, которому было поручено привести султана Кенисарю к присяге. Для этой цели в состав миссии был назначен даже мулла. Затем был назначен врач Пограничной Комиссии Майдель, которому было дано специальное задание. Во-первых, он должен был изучить болезни, распространенные в степи, а во-вторых, искусным лечением этих болезней заслужить расположение знатных ордынцев и склонить их на сторону правительства.

Долгову было предложено „вразумить этого мятежного султана, что правительство не ищет его гибели, но желает только водворить спокойствие в Орде, им нарушенное, и поэтому стало снисходительно к его заблуждениям и милостиво к раскаянию“.

„Развивая эту мысль, — говорится в инструкции, данной Долгову генер. Ладыженским, — коснитесь силы и могущества правительства, духа наших законов и веры и затем употребите все свое старание, чтобы пробудить в нем самом желание утвердить клятвенное обещание за себя и приверженцев оставить прежнюю преступную жизнь“.

...„Внушите ему, — пишет Ладыженский Долгову, — что если он примет присягу на верноподданство, то ему не только будет даровано прощение за прежние вины, но его ожидает уважение, власть, почетное звание, награды, словом, то счастье, о котором я стал ему сочувствовать в ответном письме“.

...„Дайте ему понять, что правительство располагает для этого огромными средствами. Стоит только кликнуть охотников, то их явится десятки тысяч, не говоря уже о линейных казаках, в особенности из башкир, да, наконец из самих же ордынцев, ненавидящих султана“.

„В знак покорности султан должен кочевать только на отведенном ему месте, извещая правительство и султанов-правителей о всех своих передвижениях, отказаться от сбора зякета, так как правительство сумеет его наградить за службу жалованием, и другим денежными наградами; он должен принять меры к охране торговых караванов, т. к. торговля является источником благосостояния народа и, наконец, убедить султана иметь при себе русского письмоводителя для письменных сношений с пограничным начальством“.

В инструкции был разработан подробный церемониал встречи Долгова с султаном. Церемониал этот должен был подчеркнуть в глазах ордынцев важность и достоинство „правительственного лица“, прибывшего в степь.

...„Первое свидание устройте так, — говорится в инструкции, — чтоб оно было в вашей кибитке, как лица доверенного правительства и, следовательно, понимающего свое достоинство и имеющего полное право на уважение.

„При этом ограничьтесь одною учтивостью, обоюдными приветствиями и необходимым угощением с возможною роскошью. Затем посетите его самого, сколь возможно на короткое время и, если он пришлет Вам по азиатскому обычаю съестных припасов, то, одарив посланных прилично, без излишней однако ж щедрости, отвечайте тем же, спустя несколько времени“.

Во время переговоров с султаном Кенисарой рекомендовано проявить выдержку и хладнокровие.

„Азиаты не любят поспешности, — говорится в инструкции — почему, показав особенную настойчивость, особенно горячность в случае глупых возражений, можно испортить все дело, по легкомыслию и коварству азиатов. Они во всем видят или предполагают для себя ковы и хитрость, и поэтому надо всемерно стараться, чтобы не возбудить недоверчивость и, если она по недоразумению вкрадется, то хладнокровным объяснением рассеять ее.

...Караван миссии Долгова, состоящий из 35 верблюдов и 40 лошадей 19 февраля выступил из крепости Орской в степь. Он направился на юго-восток, вверх по течению р. Ори, а затем, перевалив горы Карача-Тау, пошел далее вниз по течению р. Ир-гиза, делая переходы от 25 до 30 верст в день.

В своем письме 1845 г. к Ладыженскому Кенисара дал весьма интересный ответ, разъясняющий истинный смысл и цели десятилетней борьбы султана с русским правительством.

...„Г. Долгов благополучно доставил нам милостивое послание Ваше во время кочевания нашего при Каракуме, на ур. Уз-Узяке. Содержание письма мы поняли и вполне обрадовались. В нем приказываете одно дело, которое мы не можем ни выполнить, ни обнять рассудком. Если отвечать Вам на этот предмет, то сердце мое трепещет пред гневом государя императора... Но как вы начальник, то не могу не объяснить об этом вам, и за то Вы не смотрите на нас с презрением.

„Обстоятельство это обстоит в следующем: Вы пишете в письме Вашем заключительные слова: „Вы, г. султан, за ниспосланные от всевышнего милости должны пасть ниц лицом и благодарить бога, что сердце царя в руках всевышнего! Подумайте, сколько в этом предписании милости нашего государя и посмотрите на тексты Корана, в которых изображено, не должны ли вы принять на свою обязанность и не требуется ли от вас исполнения слов: „О, правоверные! Вы должны повиноваться, во-первых, богу, потом его посланнику, государям и назначенным им правителям“.

Также завешание пророка „царям Вашим и правителям его Вы должны безусловно повиноваться“. Вы сказали это совершенно справедливо, и тут нет ни малейшей неправды. Но всевышний бог восстановил между рабами своими различные вероисповедания, ниспослав каждому поколению пророка. Эти пророки

последовавшим им народам предписали законы. Всякий, кто не последует правилам, установленным его пророком, и будет ослушаться приказаний соплеменного правителя своего, тот, как упоминается в наших книгах, рано или поздно непременно должен подвергнуться гневу и проклятию бога.

„Ныне вы приказываете быть подданным вашему государю и повиноваться его правительству. Но одобрит ли всевышний если раб его, оставив повеления его, пойдет другим путем?

Вы требуете нашего подданства и повинования, говоря, что бог у вас и у нас один, только разные веры. Но подумайте, можно ли это сообразить с обычаем? Если я, сделавшись подданным вашим, буду поступать против запрещений всевышнего, то страшусь его и стыжусь мусульманских правителей!

„Обдумывая все это, я нахожу, что требованию вашему источником служит то, что находящиеся в глухой киргизской орде султаны и бии, из корыстных видов, желая обмануть правительство, показывают только вид подданства. Но ежели вы думаете, что эти султаны и бии, непослушные и непокорные ордынской власти, исполняют искренно и с усердием службу царскую?

При этом докладываю, что отец великого государя императора, белый царь, покойному отцу моему Аблай хану предоставил обширную свободу, соизволил обещать, чтоб каждый владел своим, чтоб русские производили между собою торговлю, чтоб между ими свободно ходили караваны и каждый занимался своим промыслом. Таким образом поживали некоторое время, всякий находясь под беспредельной сенью покровительства государя.

„По кончине отца нашего Аблай хана преемником был сын его султан Валий. При этом хане и отце великого государя императора народ наслаждался долгое время спокойствием. Тогда никто не делал насилий и притязаний на земли киргизские; не измеряли кочевки и не строили на оных укрепления.

„При нынешнем великом государе и в наше время, доставшиеся в наследство от покойного отца нашего Аблая земли: Юлды-узьяк, Кукча-Тау, Кылчаклы, Ат-Басар, Исиль-Кура, Ак-тау, Уртаг, Кар-Каралы, Каранлык, Ярканн, Убаган, Тобыл, Куш-Мурун, от Хаят и Тугузак до Урала усеяны укреплениями.

„Неужели у прежних государей недоставало аркана для измерения земли, не было лесу для постройки укреплений, недоставало силы делать насилия?!

„— Напротив все это показывает правосудие их. Нынешнее начальство, озабочиваясь распространением могущества государя меряет земли, строит укрепления и тем беспокоит народ. Это дело не для будущности, а только для настоящей жизни. Никто не останется вечным в этом мире... Может быть побуждаются к сему надеждою получить чины и тем хвалиться. Хитростью никто не в состоянии увеличить могущество и счастье государей, ибо то и другое даровано им нашим богом.

„О каких притеснениях никогда не доводится до сведения государя. Я до сего сколько раз доводил об этом до сведения прежних начальств, но ни от кого не получал ответа.

„Не смею и не хочу противиться начальству и не прошу о тех землях, на которых построены уже укрепления. Если бы вы выпросили у государя императора земли, следующие мне в наследство от отца нашего, как-то: Тургай, Улу-Тау, Сары-су и по сию сторону Исиль-Нуры, то заставили бы молиться о государе императоре! Сколько я просил об этом высшее начальство, но оно никогда не слушало.

„Так как вы до сего времени были ко мне милостивы и благосклонны, то надеюсь и теперь, что чрез посредство свое исходатайствуете мне эту милость. При этот имею честь довести до сведения вашего и после отправления к вам находившихся у меня казаков, я покойно ожидал милостивого ответа. В это время отряд Сибирского войска сделал нападение на один из аулов наших и захватил 8 чел. киргиз.

„Дабы не заслужить нареkania и не подвергнуться немилости за сопротивление, я не предпринимал по этому случаю никаких особенных мер и не выезжал из своего аула, а послал от себя одного человека с уведомлением об объявленной мне вами милости, но в ответ получил, что отряд действует по воле высшего начальства и потому не возвращает ни людей, ни захваченного скота и имущества.

„За тем всем я остался непоколебимым и вскоре потом получил милость вашу с г. Долговым и объявил ему об этом. Долгов уведомил начальника отряда о воспоследовавшей высочайшей милости и послал к нему Джалял Тархана, который привез через 15 дней моих людей. Все это известно Долгову. Если, во-первых, бог, а потом вы, будете поддерживать нас, то сибирское начальство очернит нас перед великим государем императором.

„Из письма вашего усмотрел я, что бием Баймухамедом Яманчиным возвращены к вам не все казаки, которые были мною взяты, а остались будто бы некоторые у меня. Мог ли я это сделать, чтоб отправить большую и лучшую часть, а оставить малую и худую? Великий ум ваш дает мне надежду, что вы обсудите это хорошо. Статься может, некоторые из тех русских по определению божьему умерли и о том может быть мне писали. Действительно лишь то, что у нас не остались русские. Известно это, во-первых, богу, потом казакам и бию Баймухамеду Яманчину.

„При сем присовокупляю, что правитель Баймухамед в 1843 г. с отрядом захватил брата нашего Абулгазыя, называя его татаринном, потому что он лицом белокурый и что похож на татарина. Всевышний бог рабов своих творит по своему произволу кого черным, кого белокурим, кого белым, кого синим, одним словом различных цветов, и могуществу своему не встречает препятствий в творении.

„Этот Абулгазы рожден от Касыма и матери нашей Кучак. О действительности сего удостоверяем, начиная с меня до тысячи человек приложением рук.

„Надеюсь, во-первых, на бога, а потом на вас, мы написали столько просьб и где встретите недоразумение наше, не отка-

жете в милостивом прощении. Уповаю на милость и снисхождение Ваши. В удостоверение сего султан Кенисара Касымов печать свою приложил“.

...Жена султана Кенисары Куным-Джан, содержащаяся с весны 1844 г. в Тобольске, проживала в доме одного богатого татарина. 21 марта Куным Джан была доставлена в Орскую крепость, а 27 марта—в г. Оренбург, куда потребовал ее председатель Пограничной Комиссии.

В Оренбурге султанше был устроен весьма радушный прием как со стороны военного губернатора, так и со стороны Председателя Пограничной Комиссии. Она получила много подарков как для себя, так и для своих детей. Оказывая ей знаки внимания и радушия, пограничное начальство стремилось завербовать ее в число своих приверженцев, а через нее действовать на султана Кенисару. Султанше было объявлено, что она немедленно выедет в Орду, лишь только установится дорога и действительно стали готовить султаншу к отъезду.

...До сих пор правительство не имело вполне достоверных сведений о Кенисаре. Хотя лазутчики за последнее время давали вполне обстоятельные и заслуживающие доверие сведения о султанине, но по ним было трудно составить понятие о военной организации Кенисары, что было весьма важно знать на случай новых военных осложнений. Особенно было ценно, чтоб их видел собственный глаз. Генерал Обручев решил воспользоваться благоприятным случаем и для сопровождения султанши Куным Джан в орду назначил офицера генерального штаба поручика Герна.

В инструкции, данной генералом Ладыженским Герну, было обращено внимание последнего на то, что все последние сведения, полученные из Орды, говорили, что Кенисара не верит обещаниям правительства возвратить жену и поэтому смотрит на миссию Долгова, как на ловко расставленную сеть. Ввиду этого Ладыженский ожидал, что до приезда в Орду султанши вряд ли Долгов достигнет положительных результатов и только с ее прибытием возможно ожидать решительных шагов султана в ту или другую сторону.

...Затем Герну было сказано, чтобы он в своем путевом журнале, вместе с „достоверными путями“, ведущими к ставке Кенисары, заносил бы свои наблюдения относительно жизни и „образа мысли в степи, какое действие произвело и производит наше дело с Кенисарой на ордынцев.

...В общем в инструкции был намечен ряд вопросов, по которым Гери должен был собрать более или менее достаточные сведения, а именно:

- 1) Из каких родов преимущественно состоит „скопище“ Кенисары.
- 2) Как велико его влияние на них и обратно—привязанность ордынцев к Кенисаре.
- 3) Какими „способами“ владеет упомянутый султан.
- 4) Степень нравственного влияния его на кочующие роды.
- 5) Образ вооружения и состояние его приверженцев, кочующих с ним, дознав, кто из них пользуется доверенностью Касымова.
- 6) Приблизительная численность его аулов.

7) Нет ли среди хивинцев и бухарцев беглых русских в стане Кенисары. 8) В разговорах с Кенисарой выяснить насколько искренна его покорность России, его отношения к Хиве и Бухаре и вообще все обстоятельства, имеющие какой-либо интерес к военному делу.

Но задача Герна не исчерпалась этим поручением. Доставив султаншу в аулы Кенисары, он должен был проехать к горам Улу-Тау и обрекогносцировать маршрут пути к этим горам из Тургайских степей, на случай новой военной экспедиции, а также наметить в степи места для постройки новых укреплений по направлению от Орской крепости до Каракума и оттуда к горам Улу-Тау и р. Джиланчик, а также для изыскания месторождений свинцовых руд и каменного угля.

...Караван Герна выступил из Орской крепости только 26 апреля. Перед отъездом в степь султанша Куным Джан просила председателя Комиссии освободить из плена 17 женщин и девушек, взятых вместе с ней сибирским отрядом. Пленницы эти, по сведениям султанши, были розданы киргизам разных родов сибирского ведомства. Председатель Комиссии, считавший, что раз объявлена амнистия, то ее нужно проводить до конца, обещал исполнить и это желание султанши и действительно снесся с сибирскими властями об освобождении пленниц.

Султанша Куным Джан уехала в Орду в самом лучшем настроении и с твердым намерением повлиять на своего мятежного супруга, и содействовать его примирению с Россией.

... В течении почти двухнедельного пребывания в 1845 г. в аулах Кенисары поручику Герну удалось собрать очень интересные и ценные сведения о султанине и его приверженцах.

„Скопища султана Кенисары,— говорит Герн в своей записке, представленной военному губернатору,— состоят из собственных его теленгутов (до 1000 кибиток), которые достались ему в наследство от хана Аблая и большею частью калмыцкого происхождения и до 1000 кибиток пришатнувшихся к нему бродяг и барантовщиков из разных родов, преимущественно же аргынцев, дюрт-карийцев и чумекеевцев; говорят, что даже до 200 кибиток тама-табынцев находятся при нем; есть также боганалинцы, кирейцы, кипчакцы, и почти всех родов Оренбургского и Сибирского ведомств, но не в большом числе и большею частью люди, бежавшие по каким либо преступлениям; башкирцев — 4 татар — 6, русских — 5.

„Башкирцы и татары — эти ближайшие прислужники его, кочуют вместе с его аулом; из первых три брата бежали лишь прошлого года и, должно полагать, из 9 кантона, причисленного к Уральскому войску. Один из них серебряник и вместе с одним беглецом из Кокана обделывает серебром оружие султана, другой — башкирец — оружейник и льет стволы.

„Султан во время бытности моей в аулах его приказал брать с каждой кибитки по одному тагану и по одной мотыге с тем, чтобы башкирец из этого железа сделал ему пушку. Работу эту предполагают сделать в песках Тусун, богатых дровяным топливом.

„Организацию скопищ приверженцев Кенисары можно уподобить с разбойничьей шайкой. Кенисара действует неограниченно; за малейшее преступление наказывают смертью или рассечением головы, и поэтому страх к нему не имеет границ. Он говорит мало и каждое слово его исполняют буквально. Вместе с тем однако ближайšie, окружающие его советники совершенно владеют его волею; он никакое важное дело не решает без совещания с ними; во многом даже они не слушают его и действуют без его согласия и даже против его воли. В особенности пользуются любовью и доверием народа султаны: Нурузбай, Худаймаенды, Ирджан и Кучак. К числу советников еще присчитывают есаула Кенджу, Джика батыря, бия Суюна, батыря Бассы и до 20 есаулов.

„Привязанность ордынцев этих к Кенисаре поддерживается только алчностью их к добыче. Так, например, жестокая зима лишила их в нынешнем году большей части скота, так что у самого Кенисары осталось всего с небольшим две тысячи лошадей; у султана Кучака 150 лошадей и т. д. Голод, от которого умерло 100 чел. и всеобщий ропот были первым следствием этого и вынудили Кенисару ограбить яппассцев, чтоб добычею вновь привязать к себе разбойников, готовившихся уже разойтись и оставить его. Из всего этого скопища поставляется отборного войска, вооруженного пиками и саблями от 450 до 500 чел.

„Оружие, лошади и конская сбруя, принадлежащие султану, называются казенными, и после всякой баранты лучшие лошади и сбруя и все оружие свозятся к нему. На баранту или какой-нибудь набег выезжают на казенных лошадях, о дву или треконь. Лошади у султана вообще отличной доброты и силы. Но казенное оружие и лошади выдаются только есаулам и людям, выказавшим уже свою ловкость в действиях; новички же выезжают на простых лошадях и им выдается только укрюк или пика, да и та на первый раз без железного наконечника.

„Возвратившись с баранты, или набега, казенные лошади сдаются в табун, а казенное оружие свозится в кибитки, называемые кунак-хан. Эти кунак-хан (оружейные султана) числом до 7, во время опасности и преследования русскими отрядами обращаются в гостиницы: вся лучшая молодежь, охраняющая султанскую ставку, в них живет, кормится и поится султаном. Во время дня им отпускается вдоволь мяса и кумысу; днем они спят, но зато ночь должны бодрствовать и объезжать вокруг ставки и табунов; составлять разъезды, высылать людей для осмотра ночлегов неприятеля и т. д.

„За отличия в действиях первая награда есть выдача казенного оружия, в коем порядок соблюдается следующий: после обыкновенной древки или укрюка выдается пика с наконечником; потом большой прямой нож (я встречал многих с нашими форменными саперными ножами); потом кривая сабля; далее жалуют есаулом и выдаются разные уже наружные отличия, состоящие из полотняных и бархатных лоскутков, пришиваемых на плечи и на грудь; у почетных людей ножны сабель в чехлах из красного сукна.

„Ружей в аулах султана не более 100 и те все с фитилями и большею частью на рожках; сверх того у него три длинных ружья, которые возят близ его кибитки, во время же действий постоянно находятся при нем. Ружья эти ему достались из Бухары и возятся на верблюдах. Сабли большею частью также бухарские; впрочем есть также много златоустовских клинков. Слухам, что кенисаринцы сами делают порох, нельзя дать никакого вероятия; вероятно они покупают его также в Бухаре.

„Достояние приверженцев Кенисары самое бедное; кибитки и одежда их хуже, чем у наших байгушей; все богатства их заключаются прежде всего в скоте, который во многих аулах издох прошлой зимой. Тамошние киргизы никак не хотят верить, что у нас на линии хороший работник нанимается за 5 или 6 баранов в месяц; там они получают в 6 месяцев одного барана.

„Разграбление яппасцев несколько поправило их, но не надолго; добыча досталась слишком легко и ее не берегут. Из 80 тыс. баранов, составляющих по общему отзыву число награбленных у яппасцев, к осени останется вероятно не много, а к зиме надобно будет прибегнуть к новым грабительствам, чтобы не терпеть голода.

„Скотоводство хищников состоит из весьма значительного числа верблюдов, по слухам до 80 тыс., что, впрочем, кажется преувеличенным; лошадей было весьма много, но теперь едва-ли наберется до 20 тыс., баранов до 80 тыс., коров не более 15 или 16 голов в ауле одного Джика-батыря. Скот этот в весьма хорошем теле, за исключением лошадей, которые только в табунах Кенисары содержатся в исправности, потому что пасутся постоянно на лучших лугах; остальные по совершенному почти бескормию места между Тургаем и Джиланчиком весьма в дурном теле.

„Никто даже из самых приближенных к Кенисаре лиц не знает направления следующей кочевки и места ночлега. Когда он намерен перекочевать, то с рассветом садится на лошадь и отправляется по середине конского своего табуна, куда заблагорассудится. За ним поднимается тотчас его аул, а потом уже и другие. Он сам останавливается не иначе как на отличных кормах и остается посреди табуна, пока кибитка его не постановится. Остальные же аулы следуют за ним и останавливаются на ближайших удобных местах.

„Кенисара объявил мне что он намерен перейти через Тургай и направиться по Улькаяку на Карача-Тау, Иргиз, Кармышаклу, Орь, чтоб на базаре в Орской крепости разменять скот на нужные предметы и хлеб. Общая же молва, напротив, та, что он никак не решится перейти с аулами через Тургай, пока не удостоверится совершенно в том, что со стороны линии не будут высланы против него отряды. Места же зимовки своей он никогда не определяет заранее и никому об этом не объявляет. Когда же Улу-Тау, Тургай, Иргиз будут заняты нашими укреплениями, то ему остается одна Сыр-Дарья, ежели он не побоится соседства Коканского ханства, хивинцев и близости нашего от-

ряда на р. Иргизе. Зимой он вообще в самом беззащитном положении: все приверженцы и теленгуты его, по скудности кормов, по необходимости отделяются от него и отдельно ищут удобных мест.

„Бухарцев, хивинцев и коканцев до моего приезда в аулах Кенисары не было. 25 мая прибыли два хивинца о дву-конь с небольшим вьюком на одной лошади, намерение коих никак узнать не мог. Бухарцы никогда не присылают к нему послов, а он напротив, ежегодно посылает эмиру подарки и всячески старается поддерживать дружеские сношения с ним. С коканцами он в давнишней вражде. Хивинцы тоже прошлой осенью присылали к нему послов с подарками, с просьбой, чтоб он не грабил зякетчиков, которые посылаются ханом на Сыр-Дарью и Куван-Дарью. Вообще же говорят, что он опасается хивинцев и не надеется на их дружеские уверения.“

... Постоянные степные укрепления, возведенные на р. р. Иргизе и Тургае, занятые довольно сильными военными силами, а также выдвижение в степь отрядов султанов-правителей, подкрепленных значительным числом казаков в корне изменили соотношение сил в Средней части Орды не в пользу султана Кенисары.

Теснимый Сибирскими отрядами от укреплений Джергаина и Улу-Тау, а Оренбургскими со стороны Иргиза и Тургае, Кенисара не мог держаться в районе своих прежних кочевий, простирающихся к западу от гор Улу-Тау по р. Джиланчик, р. р. Тургаям и Иргизу.

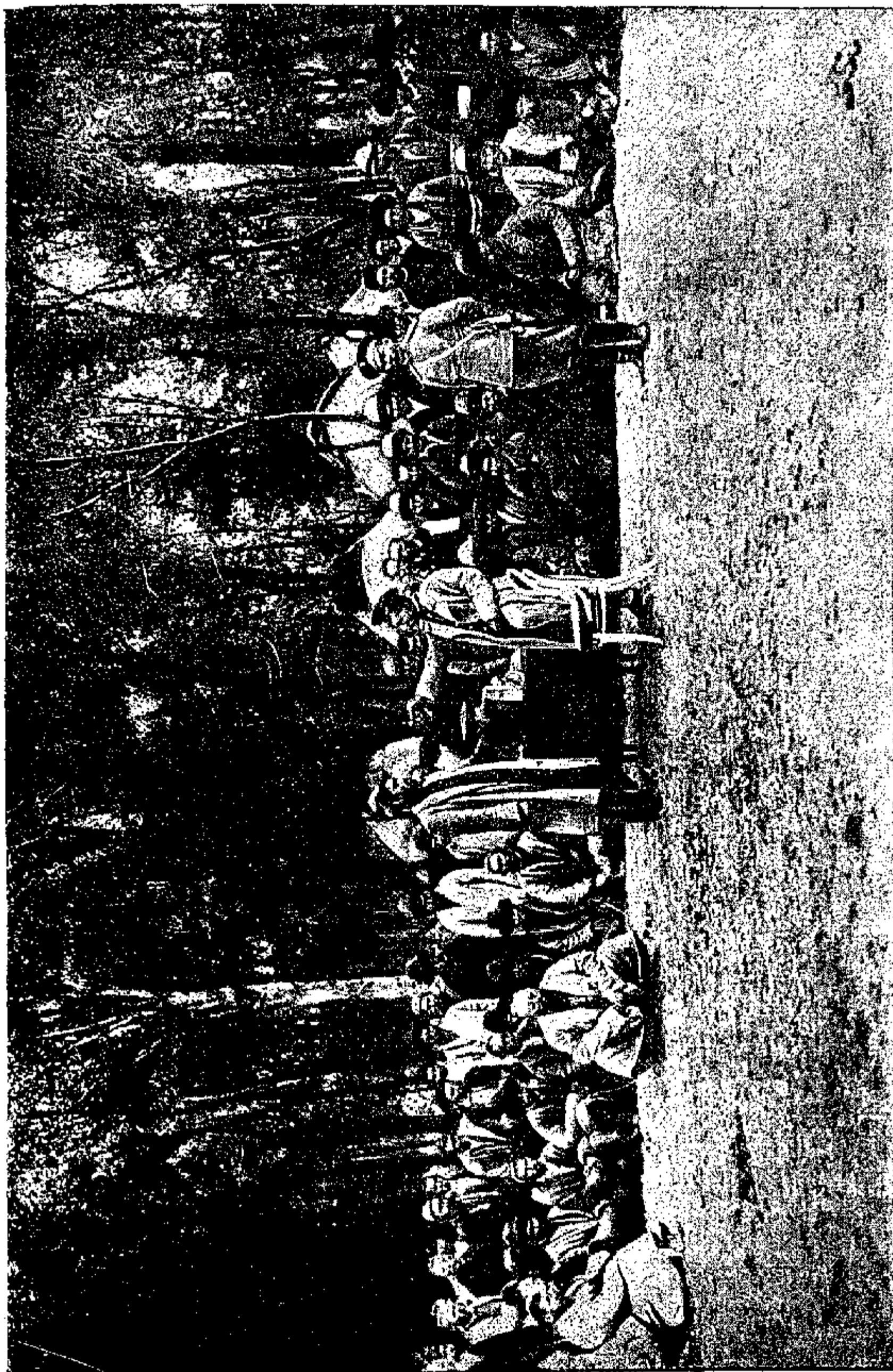
... Перед ним лежали две перспективы: 1) или покориться русскому правительству и признать над собой власть султанов-правителей, которых он презирал и ненавидел за измену и предательство. В этом случае в знак милости правительство обещало пожаловать султану земли, когда-то принадлежащие знаменитому его деду Аблай хану, наследником которого он считал себя, или, 2), следуя традиции великого независимого деда, оставить свои наследственные земли и силой оружия проложить себе пути на восток, к пределам Китая, Восточной Бухары или отвоевать у Кокана старые казахские земли по среднему течению р. Сыр-Дарьи.

„Я никогда не оставлю своего батырства,—говорил Кенисара,—и умру, совершив чудо храбрости“.

Султану Кенисаре было тесно в Тургайских степях; он не мог примириться ни с опекой Пограничной Комиссии, ни с опекой правителей-султанов, предавших, по его мнению, интересы народа. Оставалось уйти на Восток, и он ушел.

... Сведений о султানে получается все меньше и меньше, и в мае 1846 г. переписка о султানে Кенисаре совершенно прекращается как в Пограничной Комиссии, так и в канцелярии военного губернатора.

... Между тем приверженцы Кенисары к тому времени уже в достаточной степени были деморализованы эпидемией, которая выхватила из рядов Кенисары много его соратников. Под влиянием военных неудач и эпидемий, Кенисара удалился к преде-

Выборы волостных (к главе X).

лам Китая, в Большую Орду, к своему дяде султану Рустему Аблаеву.

Никаких материалов о дальнейших действиях султана Кенисары в бывшем Оренбургском архиве нет. Дальнейшая борьба с Кенисарой велась уже со стороны Сибири.

А. Ф. Рязанов. Восстание К. Касимова. Рукопись.

ПОКАЗАНИЯ РУССКИХ ПЛЕННЫХ, ВОЗВРАЩЕННЫХ ИЗ БУХАРЫ

Корнила Суворов. 45 лет от роду, Сибирского казачьего № 3 полка, взят в плен в 1840 году в Сентябре месяце при уроч. Улу-Тау киргизами мятежника Кенисары Касимова. Побыл у Кенисары месяц и потом отправлен в Бухару в подарок Эмиру. Продержавши Суворова один день, Эмир отдал его обратно тем же киргизам, которые и продали его за 18 тиллей одному бухарцу, у которого он прожил 7 месяцев; потом Эмир взял его в Сарбазы, заплатив хозяину его 26 тиллей; в Сарбазах Суворов оставался до настоящего времени и был попеременно рядовым, Пенджа-башей и Дег-башей.

Иван Ненилин. 60 лет от роду, казак Сибирского войска № 4 полка, взят в плен в 1840 году (вместе с Суворовым) при уроч. Улу-Тау киргизами мятежника Кенисары Касимова. Через $\frac{1}{2}$ месяца по пленении был препровожден в подарок Бухарскому Эмиру; но когда Эмир узнал, что посланник его, поехавший с Бутеневым, не был принят в России, то, рассердясь на русских, продал Ненилина своему адъютанту (Мансат-баши) за 22 червонца, у которого Ненилин и находился 7 месяцев, живя в поместье своего господина в 8 верстах от Бухары на р. Джу-гуне, впадающей в Зарявшан в деревне Ичке-Там. Через 7 месяцев, когда командированный Сарбазами Наиб (Шерук-Хана тогда еще не было) просил Эмира о пополнении Сарбазов русскими пленными, был перемещен в Сарбазы.

Павел Ярков. 36 лет от роду, государственный крестьянин Оренбургской губернии, Челябинского уезда, дер. Качагаровой. Взят в плен мятежными киргизами Кенисары Касимова в 1844 году во время рыболовства на р. Тоболе, вместе с другим своим однодеревенцем, у Кенисары пленные жили месяца 3, потом Ярков был отправлен в подарок к Бухарскому Эмиру, а товарищ его к Хивинскому хану. По приводе к Эмиру тотчас же послан в Сарбаз-хане, где и находился до настоящего времени.

Федор Федотов. 50 лет, из Польских военнопленных, служил в Линейном Оренбургском батальоне № 6, расположенном в крепости Озерной. Взят в плен около станицы Мариинской во время осмотра кордонного сена в 1837 году. Через 9 месяцев после перевозки из аула в аул, отвезен в Бухару, где и продан за 20 тиллей Эмиру, который тотчас же отослал Федотова в Сарбаз-хане; после не принятия в России Бухарского посла, отправленного с Бутеневым, продан одному бухарцу в

Бухаре за 36 червонцев, у которого и жил 9 месяцев, а потом опять за ту же цену куплен в Сарбазы.

Распросы русских пленных, возвращенных из Бухары полк. Игнатьевым в 1859 г.
Из библиотеки С. А. Хрулева.

ВОССТАНИЕ ИСЕТА КУТЕБАРОВА.

„Аугсбургская Газета“ рассказывает о страхе, наведенном на крестьян в Оренбургской губернии распространившимся слухом о киргизском восстании и набеге. И через несколько дней та же газета говорит об амнистии Исету Кутебарову. Жаль, что она не сообщала страшной истории, почему Исет Кутебаров откочевал к Хивинской границе. Со времен ветхозаветных войн или монгольских набегов ничего не было гнуснее в свирепости, как набег полковника Кузмина и майора Дерышева, которым заправлял (еще при Перовском) сидя в своей канцелярии бывший помощник Липранди—Григорьев. Этот кровавый эпизод еще ждет описания.

„Колокол“ А. И. Герцена. 15 ноября 1858 г., с. 231.

...Киргизы начали сознавать, что цепи русского рабства не мягче кокандских и что, оказывая поддержку России, они делают лишь более безнадежным возвращение утраченной ими независимости. В то время, как это сознание стало усиливаться среди киргизов, в их среде появился человек, оказавшийся способным возбудить их страсти до высшего предела и повести их даже против хорошо организованного врага. Имя этого вождя было Иссет Кутебаров. Красноречие Кутебарова подогрело чувство его соплеменников до наивысшей степени безумия. Его призыв к войне против России облетел киргизские кибитки. „У них есть лошади и оружие. И разве мы не имеем того же? Разве мы не столько многочисленны, как песок океана? Куда ни обернись: на восток ли, на запад ли, на север или на юг,—всюду наверняка найдешь киргизов. Почему же, в таком случае, мы должны подчиняться горсточке чужеземцев?“

С помощью подобных смелых слов Кутебаров вдохнул отвагу в сердце киргизов. Его пример пристыдил многих киргизских начальников и заставил их подражать ему. Разъединенный киргизский народ на некоторое время оказался объединенным общей враждебностью к России. В течение пяти лет Кутебаров вел вид партизанской пограничной войны с Россией, и не один раз его искусство и быстрота передвижения приводили к перевесу над лучше вооруженными и более дисциплинированными русскими войсками. Наконец, по не совсем установленным причинам (может быть потому, что он заметил разлад в рядах его последователей), он принял почетные условия мира, предложенные ему представителями русской власти. С прекращением борьбы Кутебарова с царем, умерла душа киргизского дела (освобождения от русской зависимости). Это событие имело место в 1858 году, когда Россия вознамерилась вернуться к временно остав-

ленной активной политике в Средней Азии и к продолжению прежних побед на Сыр-Дарье, приостановленных после смерти генерала Перовского.

Бульджерс. 162 — 163

4-го июня, при р. Джаинды, к нам приехал Исет Кутебаров. Полагаю не излишним поместить здесь краткую биографию этой замечательной личности.

Исет Кутебаров, простой киргиз Чиклинского рода, по уму и богатству имел сильное значение в своем роде, а своим удальством в баранте заслужил почетное название „батыря“. Он был предан русскому правительству и, как человек с влиянием на своих единоплеменников, с пользой употребляем для разных поручений, которые всегда исполнял добросовестно.

В то время умер султан-правитель Средней Орды, место которого, по своим отличным достоинствам, должен был занять Исет. Его предупредил султан Арслан, человек хитрый, который пронырством и наветами на Кутебарова достиг почетного названия. Самолюбие Исета было оскорблено; но Арслан не удовольствовался получением места правителя и вероятно, чувствуя шаткость своего положения, при возраставшем влиянии Исета на страну, старался всеми силами унижить Кутебарова: представлял в дурном свете его действия, клеветал на него и проч., наконец гнал лично Исета и его родню. Не выдержала горячая натура киргиза: жажда мести и крови забушевала в его груди, и в одно раннее утро, в первых числах мая 1855 года, шайка диких приверженцев озлобленного „батыря“ ворвалась в ставку султана-правителя (она была в то время на р. Илеке, недалеко от Исембая) и произвела там страшную резню. В числе первых жертв был, конечно, Арслан. Казачий двухсотенный отряд, постоянно командруемый к султану-правителю, был по распоряжению его, не ожидавшего таких решительных действий со стороны Исета, расположен вдали от ставки, почему не мог вовремя поспеть на помощь.

У киргизов убийство непременно сопровождается грабежом, и потому все, что можно было захватить, было взято. Одно преступление, как говорят, ведет к другим. И действительно: для Кутебарова наступили три года скитальческой жизни. Он разбойничал по степи, нападал на наши транспорты. Удача баловала его, число приверженцев увеличивалось; имя его приобрело известность в самых далеких углах киргизской степи; вскоре составились другие разбойнические шайки, которые под его именем стали разгуливать по степи. Для поимки Кутебарова были высылаемы отряды, из которых один довольно значительный, но без успеха. Исет превосходно пользовался своим знанием местности и, что называется, уходил из глаз. Но всему бывает конец: Кутебарову стала не по силам эта борьба. Может быть, в нем пробудилось раскаяние, но главное, как говорят, его дела шли плохо: грабить было негде и потому шайка стала уменьшаться; скот от частых и беспокойных переходов исхудал, прежнее, быстрое передвижение сделалось невозможным. По сношении с.

хивинским ханом, Исет увидел, что покровительство, будто бы ему обещанное, оказалось вздором...

Как бы то ни было, а Исет смирился и стал хлопотать о прощении, представляя в оправдание свое то, что преступления трех последних годов были следствием первого и, по мусульманским законам, извинительны, так как он мстил кровь за кровь. Когда Исету было обещано прощение, он по свойственной киргизам недоверчивости, не верил своему благополучию, подозревая обман, и медлил на призыв генерала Катенина, который намеревался ожидать его по приходе на Эмбу. Наконец решившись отправиться туда, Исет явился предварительно к нашему посланнику, со своей свитой, состоявшей из двух десятков киргизов. Я с любопытством глядел на этого человека: представьте себе мужчину громадного роста, с весьма выразительными чертами лица, с выдавшимися скулами и глазами, полными жизни и энергии. Он был одет со вкусом, и в costume его не было видно тех ярких цветов, какими любят украшать себя азиатцы: на нем был белый шелковый халат, опоясанный зеленым кушаком, а сверху халат черного сукна, на темноклетчатом подборе; на голове вышитая золотом тибетейка с меховым околышем; верхнюю, с высоким верхом, шапку из белого войлока Исет снял с себя еще при входе в кибитку.

Наши гости уселись на ковре, поджав ноги под себя. После приветствий, Исет начал уверением в том, что, высоко ценя милость к нему государя императора, он самой глубокой преданностью постарается заслужить ее. Наш посланник говорил ему о тех печальных для него последствиях, если бы он не остановился в своем поведении. На лице Исета пробежали судороги, вероятно, заменившие слезы, потому что, глядя на такую мужественную физиономию, трудно было предположить, чтобы он когданибудь мог плакать. Для блудного сына и его товарищей зарезали барана; потом их угощали конфетами, потешили песнями. Между прочим, когда подавали чай, Исет подозрительно взглянул на сухую лимонную кислоту. Иг, чтобы успокоить его, положил этой кислоты в свой стакан. Исет, собравшись домой, обещался немедленно отправиться в лагерь генерала Катенина и повторил, что если царь русский простил его, то он будет служить ему, не стесняясь никакими жертвами, предлагал к услугам нашим своих верблюдов, лошадей, вожаков, даже конвой...

С. Турбин. Воспоминания о степном походе в ханства Хиву и Бухару. „Военный Сборник“ № 4, 1864 г. с. 384—386.

IX.
РЕФОРМА УПРАВЛЕНИЯ СТЕПНЫМ
КРАЕМ. ВОССТАНИЯ 1869—70 гг.

С завоеванием Средней Азии территория нынешнего Казахстана была разбита на ряд самостоятельных областей: Уральская область, Тургайская область, Степной Край (в составе Акмолинской и Семипалатинской областей) и Туркестанский край, куда входили Сыр-Дарьинская и Семиреченская области.

Было составлено новое Положение об управлении краем. Власть султанов упраздняялась, и вводилось общее военно-политическое управление, существовавшее по всей Российской империи. Эта реформа вызвала крупное движение казахских масс, по преимуществу в Западном Казахстане. Одни авторы считают причиной восстания 1869—1870 гг. подстрекательство султанов и мулл, терявших свою власть. Мы считаем, что в данном случае имеем дело с восстанием казахских масс против царизма, при чем этим движением пытались несомненно воспользоваться султаны и муллы в интересах сохранения своего господства и влияния на массы. Однако эти „руководители“ восстания вскоре же перекинулись на сторону царизма и даже многие из них были награждены за это (Канали Арстанов и др.). Также откололась от масс феодально-родовая верхушка аксакалы, батыры и проч.). Таким образом, отделение масс от эксплуататорской верхушки видно в этом последнем крупном восстании казахских масс более отчетливо, чем в описанных восстаниях первой половины XIX века. Особенно сильно было движение среди адаевцев (Мангишлакский полуостров), и носило там массовый характер, при чем феодально-родовые главари в восстании почти не участвовали. К сожалению систематизированного и полного описания восстания 1869—1870 гг. в литературе не имеется.

СУЩНОСТЬ РЕФОРМЫ.

...Была сделана попытка уничтожить по возможности родовые различия киргизской аристократии и в целях лучшего управления была проведена в Оренбургской степи, так называемая, реформа 1869 г. Этой реформой Малая Орда была разделена на две больших области: Уральскую и Тургайскую. Каждая область была подчинена власти русского военного губернатора, гражданских губернаторов и волостных или аульных старшин. Гражданские губернаторы назначались, само собой разумеется русским правительством, в то время как волостные или аульные управители избирались населением. Было, пожалуй, чрезмерным внедрение системы избирательного правления в степи, среди народа, привыкшего лишь наследственной и неограниченной власти, так как даже ханы, когда они были еще выборными, избирались только аристократией. Результатом этого было большое недовольство, вылившееся в открытое восстание.

По мнению русских, недоверие и нелюбовь, питаемые киргизским народом к султанам и местной аристократии, обнаружались в том факте, что выбиралось очень много начальников, принадлежащих к аристократии, и что лица, пользовавшиеся доверием народа, не избирались только потому, что они были султанами. Доказывали, что смуты возбуждались главным образом муллами, видевшими, что они лишаются средств существования, если потеряют свое положение секретарей султанов.

Нет однако никаких сомнений в том, что одной из важных причин беспорядков была (основанная в значительной мере на фактах) уверенность в том, что новый порядок передает киргиз полностью во в ласть русских казаков, с которыми они всегда были не в ладах. В Тургайской области военный губернатор был совершенно независим от Оренбурга, хотя и жил почти все время в этом городе. Но Уральская область была объединена с областью уральских казаков, и военный губернатор уральских киргиз является в то же время и атаманом уральских казаков. Беспорядки разжигались в известной степени также хивинским ханом. В результате этого в течение всего 1869 и 1870 года степь была в сильном волнении. Почтовые дороги подвергались блокаде, станции были разрушены, забирались в плен даже путешественники, часть из которых была убита, а остальные проданы ханом в рабство.

Небольшие русские гарнизоны в степных крепостях были в чрезвычайно опасном положении.

В конце концов порядок был восстановлен, и в настоящее время степь находится в более спокойном состоянии. Киргизы скоро привыкли к новому порядку вещей и, даже говорят, что родственные чувства к членам одной и той же семьи или к одному племени уступили место чувству общности с людьми, обитающими в одной и той же волости или округе. Средняя Орда вслед за Малой обращалась к русским с ходатайством о защите, но лишь в 1781 г. после смерти отважного султана Аблая, и искусным заигрыванием с Россией и Китаем, сохранявшего подлинную независимость, русская власть распространилась и на Среднюю Орду. Большая орда приняла подданство России только с 1847 г.

Скайлер, I, 31—34.

ТУРГАЙСКАЯ ОБЛАСТЬ И ЕЕ УСТРОЙСТВО.

Скоро оканчивается двухлетний срок, который был как бы пробным для Временного Положения об управлении киргизами Оренбургского ведомства. Читателям известно, как трудно досталась эта реформа, и какие условия вынуждена была принимать администрация для достижения цели правительства.

Официальные документы, с которыми отчасти нельзя не согласиться, мотивируют волнения бывшие в степи, следующими выводами. Новым „Положением“ все назначения на должности по местному управлению предоставлялись выбору обществ, т. е. большинству киргизов. Такая система сильно подрывала деспо-

тизм, личные корыстные выгоды и самое значение султанов, в руках которых, до того времени исключительно сосредоточивалась власть и чуть ли не судьба киргизского народа в степи. Личности эти очень хорошо поняли, что их недобросовестные действия по должности, долго и тяжело отзывавшиеся на народе, страдавшем от произвола и взяточничества, при новых порядках неминуемо отразятся презрением народа к порабощителям киргизской свободы и благосостояния. Первые же общественные выборы в Тургайской области как нельзя лучше подтвердили эти опасения. Недружелюбие и недоверие к султанским родам на первых же порах выразились среди большинства ордынцев. Киргизы повсюду систематически выбирали на должности волостных, аульных и судебных биев лиц не султанского происхождения.

Очень характерен случай при одном выборе, в присутствии военного губернатора. Когда киргизам, в числе кандидатов, был предложен к баллотированию известный с очень хорошей стороны султан, то большинство на предложение его кандидатуры отозвалось, категорически заявляя, что хотя уважают его лично, как хорошего человека, но, так как вся родня его султанского происхождения, то общество не желает иметь его волостным своим управителем.

С другой стороны масса невежественных мулл, лишавшихся с водворением новых порядков возможности не только эксплуатировать народ под предлогом учения веры, но даже утрачивавших свое влияние на народ, устремила весь остаток своего влияния на возбуждение к недоверию, и из всех сил старалась возмутить спокойствие степи, думая тем отвлечь введение реформы.

В то же самое время киргизы, населяющие территорию новообразованной Уральской области, более дикие, чем их соплеменники других местностей степи, непрерывно и с незапамятных времен сталкивающиеся с уральскими казаками, отнеслись с самого начала весьма недоверчиво к реформе, как бы сливающей их с (русскими) казаками и подчиняющей их войсковому начальнику.

Этим обстоятельством очень удобно воспользовались все лица, недовольные новым Положением, и тотчас же явились в среде недовольных же киргизов Уральской области. Благодаря общей склонности киргизов к „баранте“, возмутителям удалось в самом начале составить небольшие шайки бродяг и хищников, которые, пользуясь малочисленностью войск в крае, безнаказанно предавались грабежам в аулах мирных киргизов, кочующих по рекам Хобде и Илеку и в южной половине Иргизского уезда. Наводя везде на кочевников панический страх, они достигли того, что многие из киргизов, уже принявших Положение, присоединились к шайкам мятежников, увеличивая их силы. Во главе мятежнических шаек стал султан хан Галий Арасланов, человек очень умный, предприимчивый и энергичный, и чиклинец Асьергенъ Мунайтпасов. Главные же толки насчет гонения веры и другие нелепости распускал по степи мулла Досов. Одно-

временно хивинский хан, частью давно стремившийся к влиянию своему в Киргизской степи, а частью из фанатизма, воспользовавшись возмущением в степи, выслал с посланцами своими воззвания о возмущении против русской власти; при этом, сколько известно, он обещал даже выслать свои войска, что и было им действительно исполнено.

Волнение усилилось; нападения киргизских шаек стали чаще; начались угоны скота даже у линейных жителей, разграбление караванов, угон лошадей на станциях по Орско-Казалинскому тракту, убийства и повсеместные грабежи. Пришлось выслать в степь (русские) казачьи отряды; но вступившие в пределы Уральской области войска сильно устрашили возмутителей, часть которых пробралась в пределы Тургайской области и вскоре успела возмутить спокойствие и в этой части степи.

Несколько отрядов войска целую весну, лето и осень 1869 года должны были находиться, в степи, преследовать хищнические шайки, ограждать от грабежей мирных киргиз, способствовать беспрепятственной постройке нового укрепления Ак-Тюбе¹ около впадения реки Каргалы в Илек. Только при посредстве всех этих мер спокойствие в Тургайской области было восстановлено и являлась возможность ввести новое Положение.

Организованная таким образом Тургайская область, состоит ныне из четырех уездов: Илецкого — восемь волостей, 40 аулов; Николаевского — восемь волостей, 51 аул; Тургайского — из пяти волостей, 23 аула и Иргизского — семи волостей, 39 аулов.

Границы этой области, образованной из восточной и средней части бывшей области оренбургских киргизов, простираются: на север к Оренбургской губернии, на юг к Сыр-Дарьинской; на восток к Акмолинской и на запад к Уральской области. Впрочем точного определения границ области нет, что ставит некоторую часть киргизского населения, около 40.000 душ, кочующих в пределах Оренбургской губернии, в ложное положение по отношению подчинения их и администрации губернии и администрации своей области, которая отличается совершенно особенными началами. Пространства области с точностью тоже определить нельзя; примерно, она занимает около 420 тыс. кв. верст, или почти 43 млн. десятин.

Самое народонаселение степи никому положительно неизвестно. Численность его определяют, примерно, числом кибиток, вносящих подать (по 3 руб. с кибитки). Полагая на каждую кибитку по шести душ обоого пола, все народонаселение Тургайской области, имеющей 56.647 кибиток, предполагают в 338.802 души обоого пола. Таким образом на каждого жителя области в степи приходится 1,32 кв. версты или 137 десятин.

Тем более неизвестно количество скота, находящегося в степи и составляющего главную отрасль хозяйства киргизов и, можно сказать, громадного государственного богатства. Статистические данные за 1869 год, определяя количество только проданного киргизами скота на Оренбургском и на Троицком меновых дво-

¹ Впоследствии город Актюбинск (Р е д.)

рах (а еще гораздо большая часть скота продана киргизами смежных губерний, помимо меновых дворов), показывают, что в 1869 году продано верблюдов 1.150 голов, лошадей 1.001 голова, рогатого скота 16.031, баранов 273.823 головы: всего на сумму 1.560.208 рублей.

Местная администрация области сосредоточивается в лице уездных начальников, на которых возложены обязанности уездных исправников.

Кочевое население — киргизы — разделено на волости, а волости на аулы. Волостями заведывают волостные управители, а аулами аульные старшины. На эти должности уже повсеместно избраны должностные лица; выборы их производились при посредстве съезда выборных, которые в свою очередь были выбраны из среды каждых 50 кибиток. Выборы волостных управителей производились в присутствии уездных начальников, а выборы аульных старшин в присутствии волостного управления. Содержание волостному управлению и наем ему письмоводителя определенно не менее 300 рублей.

Судебная часть киргизов чрезвычайно сложна. Они судятся судом военным, судом на основании общих законов империи и судом народным (преимущественно по взаимным искам и тяжбам на всякую сумму). Разбирательство и решение дел производит уездный судья, которому предоставлена обязанность мирового судьи, на точном основании Судебных Уставов 20-го ноября 1864 г., и вместе с тем судебного следователя; разбирательство же и решение дел по народным обычаям — как уголовных, так и гражданских, — принадлежит выборным (от четырех до восьми) биям, число биев в волости соответствует числу кибиток.

Волостные управители все из киргизов; почти все они безграмотны и едва говорят по русски (и то не все). Обязанность их и отношения к уездному начальнику похожи на становых. От них уездное управление требует отписок, как от канцелярии станового. Аульные старшины представляют собою тоже что-то в роде сельского старосты. Само собою разумеется, что безграмотных волостных управителей держат в своих руках писаря, состав которых далеко небезукоризнен. Таким образом вся волость непосредственно находится в руках писаря; сам же волостной, облеченный в сан управителя, не понимает ни своих обязанностей, ни отношений к начальнику и подчиненным, и разве для страха, посредством нагайки, иной раз выкажет свою деятельность, для скорейшего приведения в исполнение какого-либо распоряжения начальства. Силою такого порядка переписка размножается ужасно, а толку нет. Я уверен, что сами уездные начальники не могут еще определенно сказать; верно-ли они понимают свое положение; сложность же распределения подсудных дел не выяснила отношение уездной администрации к судье, и те дела, которые надлежат ведению судьи, зачастую разбираются в уездном управлении. Особенно многочисленны и сложны дела по последним беспорядкам и грабежам в степи. Грабежи же и по сие время продолжают в части Иргизского уезда, где киргизы, большею частью прикрываясь именем хивинцев,

безнаказанно производят разбой, и в крайнем случае безнаказанно же укрываются в Хивинские пределы.

Киргизская степь при правильной эксплуатации ее есть богатейший источник для государства; но для этого необходимы два условия: совершенное обеспечение благосостояния киргизского народа и обрусение его.

Чтобы достигнуть первого, нужно прежде всего определить и обеспечить наши границы, чтобы ни набеги хивинцев, ни их покровительство и влияние не имели места в пределах нашей степи; затем устранить все особенности управления, в применении их к киргизскому народу (кроме только крайних случаев, и то временно, смотря по народным обычаям). Далее: устроить в степи больше русских населенных мест; образовать ярмарки и, наконец, посредством аульных и уездных школ (при уездном управлении) и вообще большего общения, непременно ввести в среду народа возможные понятия об оседлости, о полевом хозяйстве и об условиях жизни русского человека.

По мнению моему, прежде всего, следовало бы требовать и поощрять киргизов к оседлости, чтобы они имели право летом кочевать где пожелают (принимая во внимание особенность их привычек, сделавшихся чисто-физической потребностью жизни); зимой же, при группировании, непременно в известных местах. Они обязаны были бы иметь деревенского старосту, у которого должен быть помощник; но оба эти лица должны быть грамотные и обеспечены хорошим содержанием.

Деревенские школы... должны быть в заведывании помощника деревенского старосты, который обязан в течение зимнего времени готовить мальчиков для поступления в уездную школу (а оттуда в гимназию). Киргизы, кончившие курс в гимназии, должны непременно назначаться: лучшие деревенскими старостами, а остальные их помощниками. Недостатка в таких молодых людях не будет, потому что и теперь обучение киргизских детей, как в Оренбургской гражданской гимназии, так и в школе, устроенной для киргизских мальчиков в Троицке, идет весьма успешно, вследствие свойственного детям киргизского народа замечательного прилежания, благонравия и охоты к образовательным занятиям. Собственно татарская грамота в киргизском народе и теперь довольно распространена не только между мужским, но и между женским полом. Впрочем женщинам киргизы неохотно дозволяют обучаться письму, предоставляя им учиться только чтению.

Замечательная охота киргизов к обучению, а вследствие того и взгляд их, если можно так выразиться, на это дело, ярко выражается добровольным пожертвованием их на устройство в Оренбурге гражданской гимназии более чем 55000 руб. серебром. Нужно отдать справедливость и киргизским детям: киргизские мальчики достойны всякой похвалы по своему поведению, прилежанию, быстрым и отлично усваиваемым познаниям.

Других должностей в степи, по мнению моему, иметь не следовало бы; это только расплождает касту чиновничества, вред-

ную вообще, а между киргизами в особенности, и усложняет самое управление.

Пред летними кочевками каждая деревня должна выбрать себе старосту, который отвечает за все могущее случиться в его кочевке; он же исполняет требования деревенских старшин, которые в летнее время должны кочевать в центре кочевок своих однодеревенцев.

Необходимо безотлагательно устроить при всех уездных управлениях школы, куда будут поступать дети из деревенских школ, подготовленные, как я сказал выше, помощником деревенского старосты в течение зимнего времени.

Для поощрения этого дела можно было бы выдавать денежные награды тем помощникам деревенских старост, откуда дети поступят с лучшими познаниями, или по крайней мере лучше говорящие по-русски. Такая мера крайне необходима и должна быть безотлагательно приведена в исполнение. Только распространение между киргизским населением русского языка и русской грамотности может служить помощью к поднятию умственного и нравственного развития этого народа, школы в деревнях должны быть образованы без всяких предвзятых программ; достаточно, если из них дети поступят в уездные школы, хорошо говорящие по-русски; все остальное будет уже роскошь. Школы уездные должны подготовить детей так, чтобы они могли поступить в гимназию. Ученики, кончившие курс гимназии и назначенные на должности по народному управлению, могли бы быть обязаны послужить не менее пяти лет.

Мне кажется, что устройство постоянных мечетей в каждой зимней деревне и назначение „ахуна“ было бы весьма полезно. Это сделало бы зимнюю резиденцию киргизов нравственно обязательной, и так сказать положило бы первую потребность возвратиться к месту, где находится его святыня. Я твердо убежден, что в каждом человеке, как бы ни низко стоял он в своем нравственном развитии, найдется частичка того духовного чувства, которое он чтит и которое привлекает его к своей семье, своему жилищу, своему отечеству, своей церкви; но так как фанатическое направление мулл, а, главное, духовное учение их, могло бы дурно влиять на среду, то следует воспретить им учреждение духовных школ и вмешательство в какие бы то ни было дела, кроме служения по обряду; а затем строго преследовать появление мулл, не утвержденных областным ахуном, должность которого излишне было бы учредить.

Зимние деревни должны строиться по образцу русских изб, и притом правильно. В каждой деревне должны быть непременно запасные общественные магазины, которые должны обязательно наполняться по числу жителей и состоять в заведывании старшин, отдающих уездному Начальнику в израсходовании провианта отчет, местные условия степи достаточно определены уже для того, чтобы назначить удобные места для зимних жилищ. При благоразумном содействии начальства, легко достигнуть того, чтобы киргизы в течение лета заготовили на зиму корм своему

скоту. Стоит только одну зиму обставить киргизов таким образом, и пользу этой меры они поймут сами.

При летних кочевках киргизы должны быть в ведении того уездного начальника, на территории уезда которого будут кочевать. В зимнее время уездные начальники обязаны подробно осмотреть все деревни и обревизовать дела деревенских старшин...

...При разделении степи оренбургских киргизов на две области, Тургайскую и Уральскую, были определены и центры главных управлений этими областями: один из них в городе Тургае (Оренбургское укрепление), а другой в городе Уральске. Киргизы Уральской области, подчиненные уральскому военному губернатору (он же и атаман уральского казачьего войска), чрезвычайно скоро признали господство Уральска. Во время приезда в этот город в феврале 1870 года главного начальника края очень характерно выразилось это освоение. Еще очень недавно, год, два года тому назад, Уральск был чисто-казачий город; ни в обществе, ни на улице, ни в домах, нигде не встречалось никого, кроме уральских казаков, киргизы прежде никогда не только не имели в Уральске жительства, но очень редко, и только при крайней необходимости, приезжали в город.

Теперь же картина совершенно изменилась. По наружному виду Уральск можно безошибочно назвать казацко-киргизским городом; толпы киргизов снуют взад и вперед по улицам, базары переполнены ими и торговля быстро развивается и растет. Очень многие киргизы уже купили себе в Уральске дома и поселились в них с семействами на постоянное жительство; даже степные, самые дикие киргизы приезжают в Уральск с полным доверием, ведут там дела свои и, достаточно убедившись, что военный губернатор такой же начальник и для них, как для казаков, смотрят и на Уральск, как на центральную свою столицу. Столь приятное явление нельзя пройти молчанием и не видеть в нем как уменья вселить в киргизах доверие к власти, так — и это самое главное — удачный выбор города Уральска центральным пунктом для управления области.

В этом последнем отношении, т. е. центральности, Оренбург по мнению моему, крайне неудобен для управления Тургайскою областью. Кроме того, что он не находится в кругу территории области, при сосредоточении же в городе властей военных и гражданских, неподчиненных военному губернатору области, он в глазах неразвитых киргизов как бы умаляет необходимое значение военного губернатора. И вот почему киргизы едут в Оренбург, как в город совершенно им чуждый; они живут здесь гостями, и сама власть военного губернатора, не имеющего в Оренбурге в подчинении своем ни одного взвода солдат, в глазах дикарей много теряет. Территория Тургайской области, в иных местах совпадает с территорией Оренбургской губернии; так, например, в Илецкой Защите находится квартира илецкого уездного начальника; но так как Илецк вместе и город Оренбургской губернии, то никакого распоряжения тургайского на-

чалства, без разрешения начальника губернии, исполнить нельзя.

Ф. Л о б ы с е в и ч: Тургайская область и ее устройство. „Военн. Сборник“, т. XXVIII, 1871 г., с. 271—275, 277—282.

ВОССТАНИЕ 1869 ГОДА

...Мы коснемся... последнего киргизского восстания 1869 года, так как в числе мер, принимавшихся для подавления бунта, была предпринята постройка новых укреплений в дополнение к прежде существовавшим, как мера весьма важная не только для подавления восстаний на будущее время, но и для предупреждения или пресечения их в самом начале.

В степях Оренбургского ведомства до 1869 года находились укрепления: Карабутак и Иргизск (бывшее Уральское укрепление), лежащие на Орско-Казалинском тракте, по которому направляемы были войска и все военные запасы на Сыр-Дарью, и который служил путем для движения русских и средне-азиатских караванов; на восток от этого тракта — Оренбургское укрепление, а на юго-западе, в верховьях Эмбы, Эмбенский пост, ничтожное укрепление. Кроме этих четырех укрепленных пунктов на восточном берегу Каспийского моря находился форт Александровский. Когда (с 1864 г.) стали быстро развиваться события на Сыр-Дарье, оказалось, что Оренбург слишком удален от нового театра наших действий. Вновь занятые земли были столь велики и населенны, что пришлось устроить для них особое управление и перевести туда большую часть войска Оренбургского военного округа, оставив в нем всего два линейных батальона из числа десяти. В таком положении находился Оренбургский край перед началом киргизского восстания, вспыхнувшего четыре года тому назад, по случаю введения нового Положения об управлении Степными областями.

Восстание 1869 года имело два периода: первый, длившийся с января по июнь, второй, кратковременный, положивший конец степным беспорядкам в несколько дней. В первом периоде волнения среди киргизов развивались беспрепятственно, не встречая никакого противодействия, так как до мая месяца не было ни одного отряда в степи. Хотя в мае и высланы были в степь три — четыре отряда, но они, по малочисленности, были вынуждены действовать оборонительно. А между тем уже в начале весны насчитывалось до 40.000 восставших киргизов. С такими силами, казалось бы, можно было снести Уральскую линию, тем более, что Уральская область не могла противопоставить сколько-нибудь серьезного сопротивления: в Уральске имелось для занятия караулов 200 человек местной команды и столько же казаков, да по 15—20 казаков в каждом форпосте по линии. Сверх того, в Эмбенском посту было 50 пеших и сотня конных казаков; гарнизон поста хотя и был усилен зимою двумя оренбургскими сотнями, но ни сотня, ни самый гарнизон не имел перевозочных средств. Несмотря, однако, на такую безоружность

Уральской линии, киргизы ни разу не рискнули напасть на форпосты; вся отвага их ограничилась тем, что они, в двух — трех местах, прорвались через линию и угнали казачий скот, да убили несколько казаков. Вообще это восстание обнаружило полную несостоятельность киргизов в деле боевой организации, единстве действий и в освоении дисциплины.

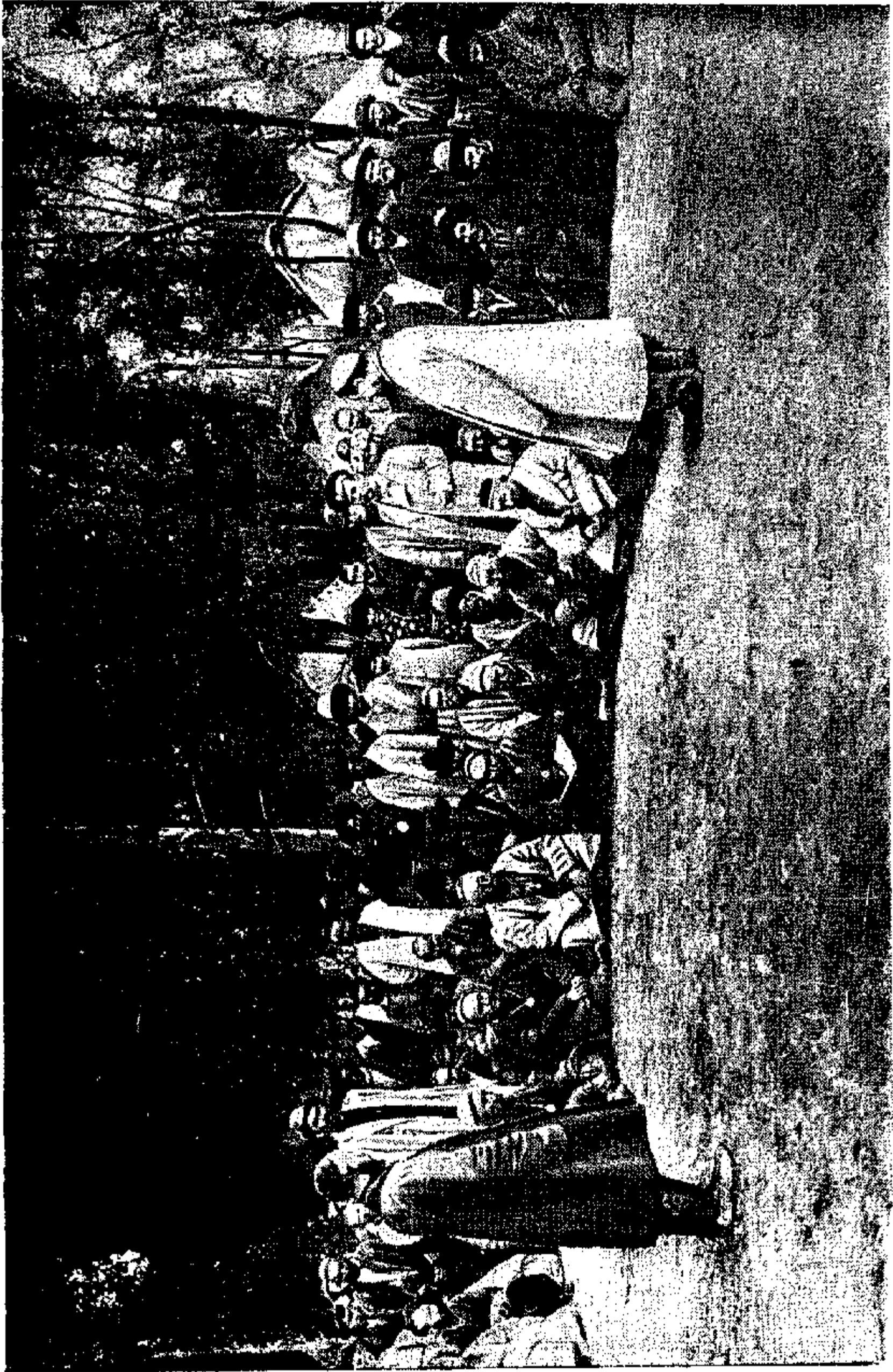
К июню месяцу толпа свыше 20.000 киргизов сосредоточилась на среднем Уиле и на север от него; остальные мятежники рассеялись шайками по разным местам степи. Когда, в начале июня, был собран отряд из полуторы тысячи человек и направлен на Уил, то одно это движение и решило участь восстания: киргизы, не выжидая удара, массами стали изъявлять покорность. Сбор 20-тысячной толпы на среднем Уиле указывал на то, что это место имеет особую важность в степи. Хотя в значительном удалении на север или на запад от среднего течения Уила мятежное киргизское скопище и могло бы найти для себя продовольствие, но за то оно было бы слишком близко к линии и находилось бы в постоянной опасности от нападения отрядов, уже начавших формироваться с ранней весны. На юг же от этого места, например, на Сагизе или на Эмбе, сбор 20-тысячного, или даже втрое меньшаго, скопища решительно невозможен на сколько-нибудь продолжительное время, по недостатку корма и пресной воды в окрестностях этих рек. Эти-то стратегические соображения и послужили основанием к постройке укрепления на среднем Уиле, причем недавние мятежники весьма усердно помогли солдатам и казакам в работах по возведению укрепления.

По усмирении главной массы восставших киргизов, многие шайки их были рассеяны и истреблены, но большинство коноводов восстания и некоторые шайки нашли возможным бежать за Эмбу, на Усть-Урт и дальше в Хиву. Хотя в заэмбенской степи имеется лишь крайне мало дорог, по которым могут удобно двигаться сколько-нибудь значительные скопища, да и вообще мало таких привольных мест, где бы они могли формироваться, тем не менее, одно уже соседство Хивы — главного места сбора и убежища всех киргизских шаек и коноводов, всех беспорядков в степи, ставит сильную преграду полному умиротворению значительной части кочевого населения.

„Военный Сборник“, № 11, 1873 г., с. 58—57. Ю р — Ко.
Взгляд на степную войну.

ВОССТАНИЕ КАЗАХОВ (КИРГИЗОВ) НА МАНГИШЛАКСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ.

Прошло уже довольно много времени с тех пор, как бунт адаевцев нарушил спокойствие побережья Каспийского моря. Кровавое событие это, к сожалению, до сих пор не было исследовано ни в одном печатном органе. Газеты известили о восстании жителей Мангишлякского полуострова, о гибели там пристава, полковника Рукина, о некоторых действиях по-

Волостной суд (к главе X).

славных в край кавказских войск, но нигде не было помещено подробного описания этого происшествия.

В настоящей статье мы намерены поговорить подробнее о Мангишлаке и указать на те причины, которые, по нашему мнению, могли быть поводом к восстанию жителей против русского правительства...

... На пространстве между рекой Эмбой, Тургайской областью, Аральским морем, Хивинским ханством, землями туркмен и Каспийским морем кочуют киргизы и частью туркмены, вошедшие с конца 1869 года в состав мангишлакского приставства.

Пространство это занимает около 300.000 кв. верст и, по местным особенностям, может быть разделено на следующие отдельные районы: 1) полуостров Мангишлак, граничащий на севере, от Тюб-Караганского мыса, заливами Сарыташ и Кочак и горами Ак-Тау, на западе Каспийским морем, до бухты Александр-Бай, на юге землей туркмен и на востоке Усть-Уртом; 2) полуостров Бузачи — между заливами Мертвый Култук, Кайдак, Кочак и горами Ак-Тау; 3) Приэмбенская степь — между рекой Эмбой, Каспийским морем, Тургайской областью и Усть-Уртом; 4) побережье Каспийского моря, между заливами: Александр-Бай, Киндерли, Карабугаз, собственно Мангишлаком, землей туркмен-гомудов и Усть-Уртом; 5) Усть-Урт, большая плоская возвышенность, окруженная со всех сторон довольно крутыми скалистыми обрывами, называемыми вообще „чиик“, и доходящая до Аральского моря и владений хивинского хана.

На этом пространстве кочуют адаевцы, т. е. киргизы, считающие родоначальником своим Адая. По имени потомков его называются до сих пор отделения, на которые подразделяются теперь адаевцы. Точно определить, в настоящее время, численность адаевцев невозможно. До последнего восстания подать вносилась ими по числу 10.000 кибиток. Сколько известно из официальных данных, адаевцев вдвое более, т. е. 20.000 кибиток; по сведениям же, собранным у туземцев, надо полагать, что число их простирается даже свыше 30.000 кибиток. Кроме адаевцев, на Мангишлаке кочуют и платят там подать: 1) киргизы Бершева рода (которых, впрочем, не более 70 кибиток), кочевавшие прежде подле Уральска и только в последние годы перешедшие на Бузачи; 2) туркмены, занимающие узкую полосу земли по побережью Каспийского моря, подле заливов Александр-Бай, Киндерли и Карабугаз; их считают от 300 до 500 кибиток.

В соседстве с так называемыми оренбургскими киргизами, к которым причисляются и адаевцы, мы стали назад тому около 300 лет, непосредственно после покорения Астраханского царства и почти одновременно с вступлением нашим в пределы Сибири. Последствием было, то что вскоре почти все султаны этих киргизов вступили в подданство России.

Адаевцы тоже признали себя подданными России, но в сущности власть наша здесь никогда не утверждалась и была чисто номинальная; народ оставался вполне свободный и необуздан-

ный и исполнял требования правительства только тогда, когда находил это для себя выгодным. До какой степени мы мало владели Мангишлаком, можно судить уже по тому, что не далее, как в 1870 году, хивинцы свободно разъезжали по здешним степям и собирали зякят (род подати) в пользу хивинского хана, тогда как не только ни один из русских начальников и чиновников, ни даже султан, правитель западной части Области оренбургских киргизов, в непосредственном ведении которого находились адаевцы, при ежегодных объездах вверенного ему края не решался, с конвоем из 150 казаков, проникнуть к ним в степь и обыкновенно, дойдя до Эмбы, возвращался в Оренбург.

Вообще, адаевцев считают самым диким, грубым и воинственным из всех киргизских племен. В то время, как другие киргизы Оренбургского и Сибирского ведомств, вследствие соседства с русскими, успели уже усвоить себе некоторые понятия гражданственности и порядка, адаевцы, почти нигде не соприкасаясь с нами, отделенные от нас огромными пространствами, преданные безначалию, грабежу и насилиям всякого рода, остались почти в первобытном состоянии дикости. Между ними даже религия ислама недостаточно утвердилась и коран до сих пор не мог вполне проникнуть в жизнь народа. Шариата здесь не существует, мулл и мечетей почти нет, ученых хаджи не видно, так что, без сомнения, адаевцы одни из самых плохих мусульман в мире.

По многим причинам, о которых будет сказано ниже, край этот может иметь для нас в будущем большое значение как по своему географическому положению, так и по местным условиям; но, к сожалению, для колонизации его до сих пор не сделано почти никаких попыток.

Первое наше население основано здесь было в тридцатых годах, при графе Перовском, который, приступив к известному своему походу в Хиву, построил на восточном берегу залива Кайдак, Ново-Александровское укрепление (в 1834 году); но пункт для этого укрепления был избран самый неудачный. Вследствие дурной воды и вообще нездорового климата, люди так сильно болели, что каждые шесть месяцев приходилось менять гарнизон, из которого едва-ли половина возвращалась на Урал. Поэтому в 1846 году укрепление было упразднено, а взамен его в том же году на Мангишлакском полуострове, подле Тюб-Караганского мыса, построено Ново-Петровское, переименованное в 1859 году в Александровский форт¹. В трех верстах от Александровского форта имеется превосходная природная гавань, закрытая от всех ветров, довольно обширная и столь глубокая, что большие суда и пароходы могут приставать к самому берегу. На берегу этой бухты, одновременно с постройкой в 1846

¹ Переименование произошло вследствие того, что часто корреспонденция и грузы, следовавшие в Ново-Петровское укрепление, завозились в Петровское укрепление на западном берегу Каспийского моря, и наоборот (примеч. автора).

году Ново-Петровского укрепления, предположено было основать поселение из рыболовов, причислив их к уральскому казачьему войску. Вскоре поселение это, названное Николаевскою станицею, так развилось, что в конце пятидесятих годов считалось в нем уже до 70 домов.

... До 1869 года, т. е. до введения нового Положения об управлении в Киргизских степях, здешний край входил в состав Области оренбургских киргизов и подчинялся султану-правителю западной части этой области. Но, как сказано выше, власть его почти не существовала, и адаевцы управлялись, по народным обычаям, своими сардарями (начальниками отделений). Всех сардарей было десять; в последнее время пять из них подчинены были начальнику верхней и пять начальнику нижней дистанции. Начальники дистанций избирались оренбургским начальством из среды почетных и влиятельных биев и состояли в непосредственном ведении коменданта Александровского форта, который, не имея никаких полицейских средств для управления народом, по необходимости вынужден был ограничиваться пассивной ролью как по сбору кибиточной подати, так и по ограждению порядка и спокойствия и пресечению злоупотреблений. Кибиточную податью, в размере 1 руб. 50 к. с кибитки, адаевцы обложены были назад тому около двадцати лет, они вносили ее в таком размере и с такого числа кибиток, как сами того желали и как находили выгодным для своих интересов. Нежелавших же вовсе платить подать и тех, которые уклонялись от разбора разных гражданских и уголовных дел, комендант не имел никакой возможности принудить к тому силой, а еще менее мог рассчитывать в этом отношении на содействие сардарей и дистанчных начальников, общности интересов которых с подвластными им киргизами была так велика, что они, по необходимости, должны были во всем им потворствовать.

В таком состоянии застало этот край новое Положение, на основании которого одновременно: вводилась здесь более сильная и твердая власть; увеличивался размер подати с 1 руб. 50 коп. до 3 руб. 50 коп.; требовалось более правильное и точное счисление кибиток; подрывались, введением выборного начала, влияние и власть родовичей; край разделялся на волости и аулы; отделялась административная власть от судебной назначением особых мировых (уездных) судей; требовались для разбора и решения дел особой важности чрезвычайные и волостные съезды биев-судей; вводилась новая паспортная система и, наконец, земли, на которых кочуют теперь киргизы, признавались государственными, предоставленными только в их пользование.

Остается еще присовокупить, что в 1869 году вызваны были в Уральск оба дистанчные начальники для разъяснения им оснований нового положения.

По возвращении их оттуда, в конце года, вместе с новым приставом, полковником Рукиным, один из этих дистанчных начальников, начальник верхней дистанции, Маяев, объявил в народе, что начальство требует, чтобы новое Положение и усиленная подать теперь же введены были и между адаевцами;

другой начальник нижней дистанции, Калбин (бывший во вражде с Маяевым), объяснял, что на адаевцев это требование пока еще не распространяется. Сколько известно до сих пор, противоречивые заявления двух дистанционных начальников, обложение высшей податью и вообще непонятные для киргизов, совершенно к тому неподготовленных, требования нового Положения и были главными и единственными причинами последнего восстания.

... Восстание началось вследствие местных причин, без вмешательства Хивы; но дальнейшие действия бунтовщиков и упорное их сопротивление происходили только от нравственной поддержки со стороны хана. Вообще, терпеть около себя это разбойничье гнездо и позволять его представителям безнаказанно хозяйничать в наших владениях, совершенно несовместно с достоинством России. Нам неизвестны виды высшего правительства, но, выражая свое мнение, мы не можем не сказать, что пока не будет положен конец, если не существованию самой Хивы, то, по крайней мере, безнаказанности ее неприязненных действий, до тех пор мы не достигнем желаемого спокойствия в киргизских степях и не дадим развиться здесь ни порядку, ни благосостоянию.

Восстание началось в средних числах марта и распространилось с такой быстротой, что, в начале апреля, весь край, уже был положительно взволнован. Киргизы неистовствовали по всему Мангишлаку: убийства, грабежи и всевозможные насилия не имели пределов; наконец дошло до того, что, уничтожив отряд полковника Рукина, взяв и обратив в пепел Николаевскую станицу и прибрежные маяки, киргизы осадили Александровский форт и, вероятно, если бы помощь, присланная с Кавказа, не подоспела во-время, форт, не смотря на то, что в нем находилось четырнадцать орудий, был бы взят ими. С приходом кавказских войск положение дел изменилось: энергические набеги и система действий, принятых начальником отряда, совместно с другими причинами, довели адаевцев до того, что к концу июня месяца, часть народонаселения принесла покорность, и вообще можно было считать открытое восстание почти прекращенным¹.

Цель экспедиции состояла в умиротворении края и в наказании главных виновных; до какой степени это было достигнуто, можно судить из следующего. Все адаевцы, более или менее, принимали участие в восстании; одни действовали открыто, силою, а другие, оставаясь равнодушными к производившимся беспорядкам, тем самым косвенно содействовали их успеху. Что делается теперь в Мангишлаке, нам, по неимению отсюда сведений, неизвестно, но к концу сентября прошлого года, часть адаевцев изъявила покорность; к нам явились депутаты от

¹ На Мангишлякский полуостров, под начальством полковника графа Кутайсова, были посланы 21-й стрелковый батальон, две стрелковые роты Апшеронского полка, две роты № 14 линейного батальона, взвод пешей батареи 21-й артиллерийской бригады, четыре сотни Дагестанского конно-регулярного полка, две сотни терских казаков и два конных орудия Терского казачьего войска (примеч. автора).

2000 кибиток и, кроме того, известно было, что до 3000 кибиток заявили оренбургскому начальнику готовность принять новое положение¹. Собранные за прошлый год подати покажет, до какой степени приводимые цифры справедливы; во всяком случае, если считать народонаселение Мангишлакского полуострова только в 20000 кибиток, то окажется, что к помянутому выше времени еще три четверти адаевцев покорности не изъявляли и оставались к нам в том же неопределенном положении. Если же обратиться к причинам, заставившим часть адаевцев принести покорность, то окажется, что это произошло не от раскаяния, не от искреннего желания прекращения беспорядков и не от успехов кавказского оружия, а большей частью от причин чисто случайных и от нас несколько не зависевших, а именно: от недостатка корма для их огромных табунов и стад, от застоя торговли у богатых людей, от недостаточного привоза муки из Хивы и проч. Будь прошлый год богат дождями и будь травы на Усть-Урте обильнее, вряд ли при наших средствах нам удалось бы достигнуть каких-нибудь результатов.

... У адаевцев нет определенных, исключительно кому-нибудь принадлежащих, летних пастбищ (летовок) и зимних стойбищ (зимовок); но, несмотря на это, большая часть отделений почти постоянно кочуют с половины осени, т. е. с конца октября, и до весны, т. е. до конца марта, на одних и тех же местах. Так, отделения Джарово и Жебенево, небольшая часть туркмен Адаева и 70 кибиток киргизов Бершова рода, кочуют постоянно на Бузачах, и не только в зимний период, но некоторые из них остаются там и на лето. Баимбетово отделение кочует постоянно с осени и до весны подле заливов Кочак и Сарыташ. Отделения Кунав-Урус, Ахпан, Туркмен-Адаево, подотделение Альмамбетово и часть Жебенева отделения кочуют в это время на Кара-Тау и Ак-Тау. Отделение Тобушево, часть Баимбетова, подотделение Джаман-Адаево и часть туркмен кочуют зимой на Мангишлакском полуострове, между Тюб-Караганом, Кара-Тау и Александр-Баем. Отделение Балыкчиево, часть Кунав-Урсова, Ахпанова, Туркмен-Адаева и подотделение Бяли зимуют подле Киндерлей, у Чапан-Аты и Синек-Сум-Са. В теплые зимы некоторые из сих последних отделений остаются на зимовку в пещерах по западному склону Усть-Урта, вблизи Карабугаза. На зимовках киргизы остаются до последних чисел марта; в это время большая часть из них начинают перекочевывать на лето на Эмбу, где кочевья их простираются до реки Уила, и на Усть-Урт. Часть же их остается на Бузачах и в горах Кара-Тау и Ак-Тау. От Мангишлака до Эмбы они проходят со стадами от 30 до 40 дней и прибывают туда в начале июня. Около этого же времени, часть их приходит на Усть-Урт, до которого от Мангишлака они следуют со стадами около двух недель. На

¹ Главные зачинщики бунта не были выданы, и они со всем своим имуществом безнаказанно удалились в Хивинские пределы или остались кочевать на Усть-Урте, в таком расстоянии от форта, что войска наши нестигнуть их не могли (примеч. автора).

Эмбе и Усть-Урте (если там есть корм) они остаются обыкновенно до половины сентября. В это время начинают возвращаться на зимовки и приходят в Мангишлак обыкновенно во второй половине октября.

... Численность здешнего народонаселения, как сказано в начале статьи, простирается от 20 до 30 тысяч и даже более кибиток. От каждой кибитки, круглым числом, адаевцы могут выставить для военных действий не менее одного человека, так как для этого особой подготовки не нужно и на войну может идти всякий, имеющий лошадь, пику и топор (сабля есть не у всех, а огнестрельное оружие в весьма ограниченном числе). С своей стороны, мы полагаем, что такого большого числа вооруженных людей адаевцы выставить не могут: сколько известно, во время войны их с туркменами, когда положительно выходили все могущие носить оружие, число их никогда не превышало 15.000 человек, а в настоящее время мы не думаем, чтобы они могли выставить, при огромных усилиях, и 10.000 конно-вооруженных людей. Это число может быть распределено между отделениями пропорционально общей численности их. По показаниям туземцев и по числу кибиток, самыми главными между ними считаются отделения, происходящие от Муала (Баимбетово, Джавлиево и Кырк-Мултукова), их около половины всех адаевцев; так что, во всех общественных делах, то, что захотят муаловцы, то и делается. Поэтому вооруженную силу муаловцев можно приблизительно определить в 4.000, тобушевцев в 2.000, туркменов-адаевцев тоже в 2.000, джебенецев в 1.000, кунанурусовцев, ахпановцев и балыкчиевцев вместе в 1.000 конно-вооруженных людей.

Без подписи, „Военн. Сборник“, № 5, 1871 г. с. 41—50, 52—53, 55.

Х

КАЗАХСТАН В 60—70 ГОДАХ

По мере все более и более прочного захвата Казахстана царской Россией растут и печатные сведения о нем, о казахском населении, экономике края и т. д.

В настоящей главе мы приводим выдержки из статей, имеющих в периодической печати того времени: „Военном Сборнике“, „Известиях Русского Географического Общества“ и др. Интересны сообщения Виткевича, взятые из рукописей библиотеки Хрулева, Виткевич был одним из польских конфедератов, сосланных после Польского восстания 1831 г. в Оренбург. Он был восстановлен в чинах и ездил в качестве разведчика в Хиву, Бухару и Афганистан. Участь его была загадочна: он застрелился, и причина его трагической смерти осталась неизвестной. Обращают внимание указания Виткевича на большое количество беглых татар как в Казахской степи, так и в Средней Азии.

Любопытны сведения многих авторов о развитии у казахов земледелия и промыслов. Земледелие у казахов было развито, как видно, уже давно и только колонизаторская политика царизма конца XIX и начала XX века препятствовала росту прочного земледелия у казахов и созданию оседлых центров.

Указания американского путешественника Скайлера (Schyler) о том, что якобы царское правительство сделало казахов мусульманами, является легендой, распространявшейся русскими миссионерами для того, чтобы выжить из Казахстана мулл,—своих конкурентов в деле обмана народных масс. Царское правительство охотно прибегало к услугам татарских мулл и переводчиков (пока не создало таковых из среды самих казахов) и поэтому вынуждено было в переписке пользоваться татарским языком. Впоследствии царское правительство, наоборот, принимало меры против большого наплыва татар в Казахстан. Вынуждено же было правительство прибегать к услугам татарских мулл в связи с тем, что другого способа закабалить казахские массы не имелось. Татарские муллы и переводчики являлись верными слугами царизма и сыграли большую роль в деле окончательного захвата Казахстана царизмом.

В этот период господство царизма базировалось также на внедрении начал „самодержавия“ и „православия“ в духе преданности к „белому царю“. Наряду с этим представители русской либеральной буржуазии и буржуазной интеллигенции различных толков и направлений (известный профессор славянофил Погодин, Григорьев, П. П. Семенов-Тяньшанский и пр.) также усматривали „исторически-культурную миссию“ России в политике руссификации и ассимиляции (поглощения) окраинных „диких инородцев“.

Первые казахские интеллигенты, появляющиеся в 60-х годах XIX столетия, воспитанники русских учебных заведений, были чиновниками царского правительства. Они были выходцами из казахской феодально-родовой верхушки. Наиболее ярким представителем этой казахской интеллигенции является Чокан Валиханов, отрывки из сочинений которого мы приводим ниже.

Казахские буржуазные националисты расценивали историческую роль Валиханова, как роль миссионера, предавшегося царизму, отступника от казахского народа. Появление таких людей, как Валиханов, знаменовало начинавшееся разложение казахского феодально-патриархального строя. Валиханов видит недостатки старого общественного строя у казахов, но и расценивает их с точки зрения казахских господствующих классов. Валиханов видит выход в быстром освоении казахами европейской культуры. Под нею он понимает великорусскую дворянско-помещичью культуру, плоды которой он вкусил сам.

Отражая изменения в господствующих слоях казахского общества, происходившие под влиянием укрепления и оформления царской колониальной системы, Валиханов оказался по существу предшественником буржуазного национализма, ибо почвы для широкого развития последнего в условиях Казахстана середины XIX века еще не было, хотя в классовых взаимоотношениях в Казахстане и произошли значительные изменения. Поэтому Ч. Валиханов примкнул к движению русской либеральной буржуазии пореформенного периода, считавшей „великую реформу“ 1816 года огромным шагом вперед и примирившуюся на этой основе с царизмом.

Сочинения Чокана Валиханова, первого казахского интеллигента, были изданы Русским Географическим обществом в отдельном томе (XXIX т. „Записок Географического Общества“, 1904 г.). Мы приводим отрывки из его сочинений, рисующие его взгляды на жгучие вопросы казахской современности описываемого периода.

Чокан Валиханов — сын султана Чингиса Валиханова и внук последнего хана Средней Орды Валихана. Родился он в 1837 году и 10-ти лет был отдан в Сибирский кадетский корпус (в г. Омске). По окончании корпуса (при чем ему как „инородцу“ не дали возможности пройти курс специально военных наук: тактику, артиллерию, фортификацию и проч.— таково было недоверие царского правительства даже к казахским феодалам) Ч. Валиханова производят в офицеры и оставляют в г. Омске. В 1858 г. его инкогнито командируют в Западный Туркестан (нынешняя Китайская провинция Син-Цзянь) в качестве разведчика. Затем Валиханов живет некоторое время в Петербурге, а затем в начале 60-х годов едет в отряд генерала Черняева, наступавшего на Среднюю Азию. По словам биографа Валиханова, „зверства русских войск над единоверцами Чокана или, может быть, и над его соплеменниками, т. е. над киргизами, огорчили его. Он увидел, что он не может более участвовать в походе разошелся с Черняевым и уехал в Верный, оттуда перебрался в

аул султана Тезека... но вскоре здесь же на границе с Китаем и умер" не достигши 30-летнего возраста.

Сочинения Ч. Валиханова представляют собой ряд статей исторического порядка, как то „Аблай“, „Следы шаманства у киргизов“, „Вооружения киргизов в древние времена и их военные доспехи“, „Очерки Джунгарии“ и др. Затем имеются записки, касающиеся вопросов современности и содержат ряд предложений по реформе управления степью, о будущем казахского народа и т. д. Близкими друзьями Ч. Валиханова были Г. Н. Потанин, Н. М. Ядринцев, известные исследователи Сибири и сибирские „автономисты“ (областники) в период гражданской войны 1917-19 г. Близко знаком был Валиханов с П. П. Семеновым-Тянь-шанским, Ф. М. Достоевским и др.

НАСЕЛЕНИЕ АЗИАТСКОЙ РОССИИ

... К Степному краю относятся области: Уральская, Тургайская, Актюбинская и Семипалатинская. Здесь на пространстве, также еще насчитывающем немало совершенно незаселенных пустынь, в 1.625.500 кв. верст, к 1911 году проживало около 3,8 млн. душ обоюго пола (в среднем 2,4 чел. на кв. версту), из коих русских—свыше 1,5 милл. душ или 40 проц; в 1897 году все население этого края исчислялось в 2.465.735 душ, при чем русских в этом числе было только 493.012 чел., или относительно вдвое меньше.

... В Тургайскую, Уральскую и Семипалатинскую области двигались переселенцы из Малороссии и из соседних восточных губерний Европейской России, особенно из Самарской. Но наибольшее число переселенцев последнего времени прошло в эти области из Екатеринославской, Полтавской, Харьковской и Таврической губерний.

Акмолинская область заселена представителями всех губерний степного юга России. Такое же общее течение с юга направляется в недавно открытую для переселения Семиреченскую область.

... Из всех степных областей наиболее успешно заселяется русскими Акмолинская область. Русские теперь составляют здесь уже преобладающую по численности народность (58 проц.), тогда как еще в 1897 году область эта представляла пустынную киргизскую степь, и процент русского населения в ней не превышал 33; после Акмолинской области по интенсивности процесса заселения русскими переселенцами, в особенности за последние годы, на первое место следует поставить Тургайскую область, в которой абсолютная численность русского населения с 35.028 человек в 1897 году возросла к 1911 году до 225.480 человек, т. е. за 14 лет увеличилась почти в 7 раз.

... Наиболее видной, обособленной и самой многочисленной количественно группой среди инородцев тюрко-татар являются киргизы, которые распространены на широком пространстве от реки Урала вплоть до западной границы Енисейской губернии и от Сибирской железнодорожной магистрали на юг до гра-

ниц России с Китаем и Персией. Главные их массы живут в Степном крае. Всего киргиз к 1911 году насчитывалось свыше 4,6 миллионов душ обоего пола (4.792.000 чел.).

„Азиатская Россия“, т. 1, 1914 г. стр. 67, 69, 71.

Распределение населения Азиатской России по народностям
(в 1897 г. и к 1911 году)

Губернии и области	Русские		Урало-алтайцы			
			Тюрко-татары			
			Киргизы ¹		Сарты ²	
	1897 г.	1911 г.	1897 г.	1911 г.	1897 г.	1911 г.
Степной край и Туркестан						
Уральская . . .	163.910	297.711	460.173	485.863		
Тургайская . . .	35.028	235.480	410.904	462.669		
Акмолинская . .	225.641	835.441	427.389	550.187		
Семипалатинская	68.433	174.873	604.569	675.240	495	565
Сыр-Дарьинская .	44.834	103.500	952.061	1.138.059	300.950	359.744
Семиреченская .	95.465	204.307	789.815	856.900	14.895	20.310

„Азиатская Россия“ стр. 82.

ХАРАКТЕРИСТИКА КАЗАХСТАНА

Записка, составленная по рассказам Оренбургского линейного № 10 батальона прапорщика Виткевича, включает в себе некоторые сведения о киргиз-кайсаках, бухарцах и хивинцах, собранные им во время пути с караваном из Оренбургской крепости в Бухару и обратно.

Описание местностей и вообще пути следования каравана через степи так не полно, что нет возможности положить оные на карту, но по некоторым урочищам, найденным на карте, видно, что караван сей шел по обыкновенному пути бухарских караванов.

Выступив из Орска 9-го ноября, караван переправился чрез реку Иргиз 22-го ноября, чрез реку Сыр-Дарью 5-го декабря, чрез реку Кувань-Дарью 8-го декабря и прибыл в г. Бухару 2-го января после 54-х дневного пути. Пробыв в Бухаре 45 дней, отправился обратно 13-го февраля, 6-го марта прибыл на реку Кувань-Дарью; 9-го марта на реку Сыр-Дарью 9-го апреля на реку Иргиз; а 18-го Апреля в крепость Орскую.

Из собранных прапорщиком Виткевичем сведений о киргиз-кайсаках, хивинцах и бухарцах, достойнейшие внимания суть следующие:

¹ Казахи и киргизы. — (Ред.)

² Узбеки — (Ред.)

До 1824 года хивинцы грабили и обирали кайсаков ежегодно, но положенного сбора с них не бывало. После неудачного опыта нашего — посылки вооруженного каравана, хивинцы сделались смелее, стали высылать отряды далее, до самой реки Сыр-Дарьи и грабить еще более и наглее. До этого ташкентцы, а частью и бухарцы собирали с кайсаков подать тогда только, когда они слишком близко подходили к пределам их. Ныне же насилие это вошло в употребление и наши так называемые подданные, будущи с нашей стороны освобождены от всякой подати, поневоле повинуются хивинцам более, чем нам и считают себя более или менее подведомственными хивинскому хану.

Сколько ни терпят кайсаки от этих притеснений и разорений, но не имеют средства от них избавиться, с одной стороны — по изуверству своему, внушаемому и поддерживаемому в них хивинскими муллами, с другой — зная уже по долголетнему опыту, что Россия защищать их вооруженною рукою не станет; поэтому принуждены они покоряться Хиве и терпеть, но положение их самое жалкое.

Доселе на Сыр-Дарье у хивинцев укреплений нет; года 4 тому назад послали они было человек 400, для возобновления древнего Джанкента, на Сыр-Дарье, но кайсаки их прогнали. В нынешнем году хивинцы хотят поставить укрепление и указали уже для этого место, на Мне-Ботмане. Кайсаки беспрестанно говорят о том, что ожидают, не пойдут ли русские на Хиву; они бы без всякого сомнения приняли бы в этом деятельное участие. Каракалпаки хотя в зависимости от хивинцев, но расположены к ним только по слепой вере в непобедимую их силу. Бухарцы, по ничтожеству своему, останутся в случае войны в бездействии и не будут ни помехою, ни пособием.

Если бы стать твердою ногою на Сыр-Дарье, то нет никакого сомнения, что хивинцы сделались бы совершенно ничтожными, кайсаки наши были бы в безопасности, и между Сыром и Уралом водворилось бы совершенное спокойствие и повиновение. Хивинцы не будут в состоянии предпринять что-либо противу отряда нашего, защищенного полевым укреплением, хотябы отряд этот был и весьма незначителен; власть и влияние их исчезли бы вовсе, и самая торговля наша была бы безопасна, ибо тогда бы хивинцы не осмелились грабить и обирать караваны.

Хивинцы, как известно, учредили ныне нового хана над родами Адай, которые большею частью кочуют или зимуют по восточному берегу Каспия, за Усть-Уртом, но искони принадлежат нам. Такии образом хивинцы поставили ныне по хану на обе стороны Аральского моря и распространили власть свою далее чем когда либо, со времени заложения Оренбурга. Хан хивинский в половине января хотел итти на Ново-Александровск; он собрал до 18 тысяч, но, по нерешимости, войско разошлось и начальник принес саблю свою хану, прося лучше отрубить ему голову заранее. Этим вполне подтверждается справедливое и не оспорное мнение, что хивинцы кичатся только на словах, но что в душе боятся нас, и что только силою можно изменить образ их действий..

... Беглых татар наших в Бухаре великое множество, и не мало таковых в Кокане, в Ташкенте и по всему Турану; только в Хиве их почти нет. В степи, подалее от линии, во всяком ауле два или три человека.

Через Бухару проходят также нередко бежавшие из Сибири ссылочные закавказские татары, армяне, грузины, черкесы и греки. Беглых вообще из Сибири очень много.

Татары наши в степи учат грамоте, шьют сапоги, ездят воровать, иные торгуют.

Видя это, нельзя не пожелать, чтобы татары наши вообще отдаваемы были на службу во внутренность Империи, и чтобы их небыло в Оренбургском корпусе, откуда бегают до половины.

Путь военных действий, по мнению прапорщика Виткевича, предоставляет столько затруднений, что их едва ли возможно одолеть. Лучший путь до р. Сыр-Дарьи ведет из Петропавловской крепости на Сибирской линии, потому что минует большую часть Каракума. Можно также выйти из Троицка, из укреплений новой линии и держаться восточнее, а вышед на Петропавловскую караванную дорогу следовать уже по ней. Таким образом удобно можно дойти до р. Сыр-Дарьи. Тут остается или, прорыв плотины, пустить воду в р. Яны-Дарью, итти вниз по ней и потом вдоль Аральского моря до восточного рукава Аму, или построить суда на Сыр-Дарье и итти в Хиву водою. Устья Сыра и Аму проходимы, ибо и теперь изредка суда приходят из Кангра-та в реку Сыр этим путем. Прапорщик Виткевич думает однако, что всего удобнее действовать противу сих народов следующим образом: отправиться с отрядом на р. Сыр-Дарью укрепиться там: остаться на более продолжительное время и собирать подать с кайсаков, не давая их в обиду ни ташкентцам, ни хивинцам. Таким образом легко можно будет содержать отряд, а кайсаки ничего не потерпят, потому что будут платить нам менее и уравнильнее, чем теперь хивинцам, ташкентцам и всякому, кто вздумает их грабить. Здесь для отряда баранов и хлеба будет довольно.

Этим одним Хива сделается совершенно ничтожною; а присоединив к себе кайсаков, и другие племена в удобном случае не трудно занять и разорить самую Хиву.

Сведения о Хиве и Бухаре Г. Виткевича, 1836 г., из библиотеки С. А. Хрулева.

ЭКОНОМИКА КАЗАХСТАНА

Промышленность Киргизской степи, не смотря на бдительные заботы начальства, до сих пор не приняла еще направления сообразного с источниками страны. Однако ж со времени учреждения в степи внешних окружных приказов, жители ее с успехом занимаются земледелием, которое быстро распространяется между инородцами, прочие же источники лишь только начинают обнаруживаться.

...Киргизы Большой Орды с давнего времени занимаются земледелием, но, по неимению сведений, нельзя с точностью определить как количество пахотной земли, так равно и посева.

...Скотоводство, составляя главную промышленность и торговлю киргизов, есть единственное средство безбедного пропитания, а вместе с тем и причина кочевой жизни. Многочисленные стада их состоят: из верблюдов, лошадей, рогатого скота, овец и козлов, числом которых определяется богатство каждого семейства. По неимению другой значительной собственности киргизы необходимо должны придавать большую важность скотоводству и действительно: чувства почтения и уважения их к султанам, почетным биям и старшинам основываются на имении в большем количестве скота; бедные же, не смотря на знатность своего происхождения, не имеют у них никакого различия от простых киргизов. Стада зажиточных из них иногда простираются до 7000 лошадей, 500 верблюдов, 400 рогатого скота и до 3000 баранов и козлов.

Размножению их весьма благоприятствуют привольные луга, обильные травой, также места с хорошими подножными кормами. Чтобы доставить корм скоту, киргизы, соображаясь с временем года, переменяют свои кочевья и потому живут в подвижных шатрах, состоящих из тонких кольев, плотно обшитых войлоками, которые летом защищают их от жару, и зимой от холоду.

Внутренняя торговля киргизов состоит в мене скота, собственных их изделий и сырых кож на русские мануфактурные произведения, разные товары и на необходимые в их быту вещи. Торги киргизов с русскими, производящиеся в самой степи и в местах пограничной Сибирской казачьей линии, известны под названием сатовок, на которые русские привозят: муку, табак, разные чугунные и железные вещи, шелковые и бумажные товары и юфтовые кожи.

Внешняя торговля киргизов, так же как и внутренняя, весьма незначительная; киргизы участвуют на всех ярмарках, производящихся в разное время, во всех пограничных городах Тобольской и Томской губерний, преимущественно в Омске и Кургане, куда они приводят с собой исключительно лошадей и стараются сбыть их за деньги, а некоторые бывают даже на Ирбитской и Тюменской ярмарках, куда они также гоняют стада.

Товарные сношения киргизов с соседственными Азиатскими владениями также состоят в мене скота на произведения последних, состоящие преимущественно из шелковых товаров и ковров, которые иногда сбывают русским.

Ценности же товаров, по неимению сведений, определить невозможно, однако ж приблизительно можно сказать, что лучшие лошади обходятся от 10 до 25 руб. сер.; рогатый скот от 4 до 7 руб. сер., бараны не превышают $1\frac{1}{2}$ руб. сер., кошмы и другие шерстяные изделия киргизов, также покупаются по ценам весьма умеренным, так что кв. арш. кошмы обходится в 15 коп. сер., а кусок армячины, от 20 до 30 арш. длиной и до 7 вер. шириной, от $1\frac{1}{2}$ до 2 руб. сер., тогда как в Тобольской и Томской губерниях скот и изделия их сбываются двойной ценой.

...Киргизы содержат разных пород животных в огромном количестве, что не позволяет и помышлять о помещении их на зиму в какие либо строения; для этого, впрочем, нехватило бы и рабочих рук, да к тому же нет в степи и строительного материала. Чтобы защищать скот хотя немного от сильных морозов и буранов, киргизы выбирают для зимовок места среди песчаных бугров и в лощинах, или заходят в глубь камышей, или, если есть возможность, в кусты и леса. Заготовить на зиму сена для всего скота, считающегося иногда у одного владельца тысячами голов, нет никакой возможности, так как притом трава растет в большей части степи так редко и скудно, что решительно косить нечего, почему киргизы имеют обычай пускать скот зимою на пастбища (тебеневка).

Понятно, что при таком корме скот быстро худеет и изнуряется, а случись гололедица — скот погибает тысячами от голода и стужи. Чтобы показать, в какой степени бывают иногда губельны зимы для киргизских стад приведем несколько фактов. В 1850 году, во время двухдневного бурана, погибло: верблюдов 4.731, лошадей 17.739, рогатого скота 12.110 и мелкого скота 257.425 шт. а всего до 300.000 голов; а в 1856 году от гололедицы и буранов, по официальным сведениям, погибло: верблюдов 33.497, лошадей 179.405, рогатого скота 63.005, баранов и коз 710.563, а всего 986.465 голов, т. е., полагая голову по одному только рублю серебром, потеря доходит до миллиона рублей. Между тем, все количество скота в степи приблизительно можно определить следующими числами: овец 5.000.000. штук, лошадей 400.000, верблюдов 340.000, рогатого скота 100.000, всего 5.840.000 или на душу по 75 штук. Таким образом, в 1896 году погибла пятая часть всего киргизского скота. Вот почему нельзя не сочувствовать тому обстоятельству, что киргизы в последнее время стали косить сено и камыш на зиму. Польза от сенокосения слишком очевидна и киргизы с каждым годом занимаются этим делом в больших размерах, так что в настоящее время из-за права косить на известном месте сено часто возникают ссоры и драки. Это усовершенствование в их быте произошло столько же от большой прочности, вследствие прекращения беспорядков, сколько от примера, поданного русскими поселенцами и гарнизонами.

Хлебопашество не составляет уже повсеместного занятия степных жителей. Эта отрасль хозяйства, стоящая на первом плане во всех других странах, здесь мало развита, вследствие особенных свойств почвы и климатических условий. Так, хлебопашеством без орошения земли можно заниматься только в северной части степи, в местах близких к линии — по берегам притоков Урала, по Ори и Тоболу, особенно около лесов. Количество вспаханной этим способом земли можно принять в настоящее время 15.000 десятин и средний урожай до 1.000.000 пуд. хлеба; из этого количества более 300.000 приходится на просо, почти столько же на пшеницу, а остальная часть состоит приблизительно из ячменя и овса поровну. Поселяне и гарнизоны укреплений также занимаются хлебопашеством, хотя не везде успешно.

Наказания: Зарывание в землю, подвешивание за ребро на гяголе. (С редчайшей неизданной гравюры XVIII в.). Из собрания П. Я. Дашкова (к главе X).

Хлебопашество с орошением свойственно больше южной части степи и встречается по среднему течению Эмбы, по Иргизу, по низовьям Тургая и особенно на реке Сыре, где оно получило уже некоторую степень развития. Вообще поля орошаются или естественным путем, т.е. засеваются поемные места (бывшие под водой и высохшие весной вследствие убыли воды), или искусственным наводнением и поливкой. Этот последний способ употребляется исключительно киргизами. Посредством орошения, за исключением реки Сыра, киргизы засевают всего около 3.000 десятин но на Сыре ими засеивается до 56.000 десятин. По количеству и важности в экономии народа первое место занимает просо (тары). Этому хлебу киргизы дают решительное преимущество перед всеми другими, во-первых, потому, что на малом пространстве он дает самый обильный урожай (сам-75); во-вторых, просо не только можно, но и должно поливать во время самого роста, тогда как другие хлеба портятся когда их по принятому способу киргизов затопляют водою, между тем если во время сухого лета не поливать пашню, то, разумеется, хлеб или совсем пропадет, или созреет плохо. Второе место, по значительности посевов, занимает ячмень (арпа), так как им могут питаться и люди и скот. Особенно в последнее время усилились посевы ячменя на реке Сыре, вследствие поставки его для лошадей в русские укрепления.

Что касается до развития хлебопашества у наших поселян на реке Сыре, то его нельзя назвать успешным, чему, конечно, главная причина — незнакомство со свойствами почвы и способом обработки. К тому же, слабое развитие хлебопашества между нашими поселянами есть отчасти следствие положения русского человека среди народа, стоящего на гораздо низшей степени развития, нежели киргизы. Весьма понятно, что человек в такой обстановке не займется самым тяжелым и неверным промыслом, каково земледелие в степи. Для пропитания себя, сравнительно большее промышленное его развитие дает ему тысячу средств прожить трудом более легким и дающим гораздо большие барыши, хотя бы, например, мелкой торговлей, извозничеством, рыболовством и скотоводством. Если же наши поселяне занимались и занимаются хлебопашеством, то это отчасти вследствие обязательства, взятого на себя при поселении, и отчасти по привычке жить на своем хлебе.

Вообще для развития этой отрасли промышленности надобно более надеяться на киргизов, чем на наших колонистов. Спокойствие в степи и возможность выгодного сбыта скорее всего будет способствовать земледельческому труду. В этом отношении заготовление хотя части провианта и фуража на месте, покупкою у сыр-дарьинских киргизов, может быть очень выгодно для развития земледелия. „Можно почти утвердительно сказать, — говорит г. Мейер, — что в скором времени гарнизоны сыр-дарьинских укреплений будут с легкостью продовольствоваться местными хлебными произведениями“, а это, в свою очередь, будет способствовать благосостоянию обитателей степи, заставит их приняться с большею энергиею за развитие разных выгодных

производств, заставит их дорожить спокойствием в степи, так как с этим сопряжены прямые их интересы. Этот-то путь (т.е. развитие материального богатства) и есть единственный, обуславливающий собой возможность цивилизации этого полудикого народа.

Развитие других отраслей земледелия еще ограниченнее. Луговоеводство, и то в весьма малых размерах, существует только на реке Сыре, где, вследствие значительного скопления лошадей временно торгующих в фортах азиатских купцов, киргизы сеют хивинскую люцерну. Растение это дает весьма обильные укусы и, при надлежащей поливке, может быть скошено до четырех раз в лето, так что десятина люцерны дает в год до 600 пуд. сухого сена. Главная же масса сена, для прокормления скота гарнизонов и местных жителей, собирается с естественных лугов и состоит на половину из молодого камыша.

Огородничество в быту киргизов играет довольно значительную роль: они разводят арбузы, дыни, лук и другие овощи, для сбыта русским. В наших укреплениях, особенно на Сыре, огородничество получило большее развитие, вследствие удобства полива и хороших качеств грунта. Вообще все части гарнизона заготавливают овощи и весьма достаточном количестве.

... Зверинные промыслы также мало распространены между степными жителями. Сюда можно отнести ловлю сайгаков, сурков, лисиц, кормаков и хорьков. Большая часть шкур выменивается киргизами в проходящих караванах на разные товары. Можно положить, что во всей степи ежегодно добывается пушного зверя на 20.000 руб., но понятно, что этого рода промыслы, в силу истребления более дорогих и ценных пород, необходимо должны год от году упадать.

Рыболовство занимает довольно видное место между степными промыслами, как по степени его распространения, так и по количеству добычи рыбы, которая в некоторых местностях как в низовьях рек Сыра и Эмбы, а также по берегам Каспийского и Аральского морей, составляет для бедного народа почти единственное средство пропитания; независимо от этого, русскими промышленниками и некоторыми поселянами около укреплений добывается весьма значительное количество рыбы на продажу.

Из горных промыслов наиболее развито в степи добывание соли, которой ежегодно добывается более миллиона пудов. Разработка других минеральных богатств, как-то добыча нефти, меди, очень ограничена, и притом местность в этом отношении мало еще исследована.

Промышленности обрабатывающей в степи почти не существует, что доказывает малое экономическое развитие ее обитателей. Торговля же в степи, особенно транзитная, уже успела приобрести некоторое значение. Внутри степи торговля имеет еще чисто-меновый характер, т. е. деньги не играют здесь никакой роли; мерою же для определения ценности известного товара служит трехлетний баран, т. е. такое животное, которое по возрасту своему вступило в период совершенного развития, и цена которого от дальнейшего корма увеличивается. Меновая торгов-

ля производится в весьма обширных размерах внутри степи повсеместно разъезжающими там мелкими купцами и их прикащиками. Первое место во внутренней торговле занимает базар форта № 1-й (по-киргизски—Казалы). Значением своим он обязан частью большому проходу чрез него караванов, так как перевозка товаров привлекает сюда киргизов с верблюдами, частью же своему положению на низовьях реки Сыра, куда стекается значительное число киргизов для зимовки.

Второе место в этом отношении занимает форт Перовский, в котором, впрочем, караванная торговля не играет важной роли, так как он лежит в стороне от главного караванного пути. Судить о быстром развитии торговли в этих двух пунктах степи можно уже из того факта, что, например, в 1856 году было лавок: в форте № 1-й—25, в форте Перовский—35, а в 1863 году в первом было 175, во втором 142 лавки, принадлежащие русским, хивинским, бухарским и коканским купцам. Русские купцы в этих фортах торгуют частью товарами, привезенными из Оренбурга, как-то сахаром, мукой пшеничной, винами, ситцами, сукнами, табаком, чугунами и железными изделиями; частью же перепродают товары азиатские, приобретенные от проходящих караванов. Все эти предметы русские купцы стараются выменивать на произведения киргизов: хлеб, баранов, кожи, сало и мягкую рухлядь. Азиатские купцы, наиболее бухарцы, привозят сюда: мату (белую бумажную ткань), бешметы, тюбетейки (ермолки), кушаки, обувь, кожаные шаровары, бухарскую кисею, парчу, канаус, платки шелковые, одеяла, шали, ковры, меха и другие произведения. Что касается до цен на разные товары, то они весьма изменчивы.

Цифры вывоза товаров из степи чрез Оренбургскую линию свидетельствуют о весьма быстром развитии наших торговых сношений с киргизами: так, в 1853 году весь вывоз простирался на сумму 967.863 р. с., а, в 1862 году ценность вывезенных товаров доходила до 2.535.823 р. сер. Особенно увеличивается вывоз овец, рогатого скота, мерлушек, кож выделанных и сырых и даже пшеницы. Взамен того степные жители получают от нас: хлеб, табак, чай, посуду, бумажные изделия и другие мелкие товары.

Чтобы охарактеризовать вполне промышленную деятельность киргизов, скажем несколько слов о степных промыслах. Извозничество составляет любимый промысел киргизов. Перевозкою товаров они занимаются почти исключительно на верблюдах, отдавая их в наем азиатским и русским купцам, а частью занимаются доставлением провианта и других принадлежностей в наши укрепления. Соляной промысел дает киргизам также доход. Наконец, киргизы с давнего времени нанимаются для услуги у линейных жителей, и размер увеличения этого способа заработков весьма заметен. Вообще видно, что, по мере водворения порядка в степи и прочности имущества, этот народ начинает все более и более изыскивать способы к приобретению и не считает предосудительным служить людям иной веры.

К разряду домашних промыслов принадлежат рукоделия

женщин, и первое место в ряду их занимает выделка кошем войлоков), общее число которых должно быть очень значительно; затем женщины ткнут шерстяные ткани: армячину и паласы; товар этот встречается в торговле и вывозится в ханства. Выделка кож доставляет также некоторые заработки жителям.

„Военный Сборник“, № 3, март, 1866 г., с. 12—19

ПЕРВАЯ НАРОДНАЯ ПЕРЕПИСЬ В КИРГИЗСКОЙ СТЕПИ

При определении народонаселения в какой-либо местности России, в которой жители ведут жизнь оседлую, народная перепись, или лучше сказать определение числа жителей на данном пространстве, не встречает особых затруднений...

Совсем не то встречается в Киргизской степи, как показал настоящий опыт народной переписи. Тут прежде всего является вопрос, как определить количество народонаселения какой-либо местности, когда в одно время года в ней, на протяжении сотен верст, не найдешь ни одной живой души, между тем как в другое время года народонаселение становится сравнительно довольно густо. В Николаевском уезде, например, зимой одно число жителей, весной другое, а летом в нем кочуют киргизы, живущие за линией Тургайского, Казалинского и Перовского уездов, и в это время число жителей в нем равняется населению почти целой области, тогда как Тургайский и другие уезды остаются почти без народонаселения.

Еслиб даже какая-нибудь неестественная сила могла совершить народное перечисление в один день, по всей географической территории Николаевского уезда, то все-таки мы получили бы данные, которые для будущего ни к чему бы не послужили, вследствие того, что киргизы ежедневно прикочевывают и откочевывают и потому постоянно переходя через границу данной местности, меняют ее населенность. Хотя обыкновенно одно и то же число кибиток и те же роды перекочевывают ежегодно по известному, однажды принятому направлению или через ту же местность; но это не безусловно верно; бывают постоянно примеры, что физические, климатические, политические, торговые, семейные и другие условия, также в особенности урожай трав и переменчивое местонахождение воды, заставляет киргиз не только менять направление своего кочевания, но и совсем оставаться на одном месте или переходить на совершенно новые, на которых они прежде никогда не бывали.

Последнее часто случается, вследствие того, что обычай знатных и состоятельных киргиз вступать посредством брака в родственные связи с влиятельными лицами отдельных родов, дает им в случае надобности возможность без особенного расстройств хозяйства и без притеснений от встречаемых по пути киргиз переходить к своим сильным родственникам. Чтобы одновременно народная перепись к чему-нибудь послужила, нужно ее произвести одновременно во всей Средней Азии, потому что киргизы кочуют не только в наших владениях, но и в чужих

как напр., в Хиве, Бухаре, Коканде, откуда на лето приходят в наши степи.

Известно, что киргизы занимают каждый год почти одни и те же зимовочные места, и поэтому казалось бы удобнее, легче и вернее всего произвести народную перепись именно зимой; но это только так кажется на первый взгляд. Далее мы увидим, что существуют целые аулы, у которых нет зимовок. Можно положительно сказать, что более $\frac{1}{3}$ кибиток не имеют постоянных зимовок и останавливаются, смотря по урожаю трав, суровости зимы, количеству снега и многим другим причинам, на тех местах, где, укрывшись от буранов, снегов и всяких невзгод, они легче могут сохранить себя и на тебеневках прокормить свой скот. Так как условия, необходимые для зимования ежегодно меняются, то понятно, что меняются и места, на которых киргизы зимуют в кибитках. Всякому бывшему в степи вероятно известно, что места, которые зимой или летом кипели многолюдством, в другой год представляют собой картину полной мертвенности.

...До сих пор всегда представлялось, что народная перепись в степи, как в местности заселенной диким и при том магометанским народом — дело невозможное. Перечисление числа душ в какой-нибудь кибитке, как противное обычаям и законам веры киргизов, должно было, по общему убеждению, возбудить фанатизм и чуть ли не целый бунт в народе, и потому народная перепись считалась вопросом, возбуждение которого было немислимо и бесполезно, а приведение его в исполнение не только опасным для спокойствия в степи, но и грозившим плохим результатом для тех лиц, которые, взяв на себя исполнение этого дела, должны были нести всю ответственность за последствия всякой неудачи или недоразумения. Понятно почему, при таком сложившемся мнении, до сих пор не находилось лиц, желающих взять на себя риск и почин народной переписи. При большом знакомстве с киргизами однако приходим к убеждению, что хотя религия, обычай и проч. действительно служат большим препятствием ко многим нововведениям, но что все-таки с некоторым умением и зная, с какой стороны к нему приступить, всякое дело может быть проведено. В настоящем случае народной переписи собирать киргизы массами от мала до великого, целые аулы, в кучи и перечислять их поголовно, и киргизы не только не сопротивлялись и не бунтовали, а с охотой помогали делу...

Несмотря на предварительные переговоры со всеми влиятельными киргизами по делу о народной переписи, оно несколько не подвигалось вперед; пересчитать души считалось не только противно обычаю, но и противно законам Магомета и бога. Никакие убеждения, никакие подарки не могли их понудить к доставлению требуемых сведений, и влиятельные бии положительно объявили, что народ будет сопротивляться сбору. К счастью султан Сейдалин 2-й, влиянию и просвещенному содействию которого во многом обязан успех настоящего дела, нашел средство уговорить киргиз. Он рассказал им сказку про царя Соломона следующего содержания: „Царь этот спросил однажды из любо-

пытства летевшую птицу, сколько мужчин и женщин в его царстве? На это птица ответила: баб в твоём царстве гораздо больше чем мужчин, так как многие из твоих храбрых воинов те же бабы. — Хотя в этом ответе много остроумия, — продолжал султан Сейдалин, — но в нём мало пользы для науки; вероятно вы не согласитесь, что между вами больше баб, чем доблестных правоверных, и чтобы в этом удостовериться, надо вас пересчитать; эти сведения у вас требуют не ради любопытства, как то требовал царь Соломон, а для пользы науки, содействовать которой старались все древние самые правоверные ханы и калифы, и содействовать которой должны почитать за счастье и радость мы все, обыкновенные смертные“...

После этих слов их же султана киргизы не только не сопротивлялись, но, разнося эту сказку по всей степи, помогали переписи с полною ревностью и старанием. Влиятельные лица стали гордиться тем, что они некоторым образом, как то им было нарочно внушено, ученые и помогают развитию науки, тем более, что в этом деле они перестали видеть какие-нибудь виды правительства.

Николаевский уезд заключается между Челябинским, Верхне-Уральским и Орским уездами Оренбургской губернии на северо-западе, Иргизским и Тургайским уездами Тургайской области на юге и Сибирскою Киргизскою степью на востоке. Большая часть киргиз, числящихся в этом уезде, зимуют на его территории, а три волости в пограничных уездах Оренбургской губернии на казачьих землях; летом же они обыкновенно перекочевывают в степь и оставляют только работников, а сами иногда заезжают для заготовления сена и других необходимых припасов для зимы. Живущие в степи кочуют летом от мест своих зимовок при нормальном ходе вещей в расстоянии от 20—60 верст, не более. В это время года много киргиз других уездов приходят за тысячи верст и помещаются около воды, между постоянно живущими киргизами, при чем располагаются так, чтоб не травить зимовок, посевов, покосных и тебеневочных мест и не стеснять постоянно живущих. Последнее впрочем часто не соблюдается, в особенности при откочевании, отчего происходят неприятные столкновения и великие побоища; слабейшая сторона отступает, разбитая, с поломанным и разрушенным имуществом, разграбленным скотом и сожженными посевами, лесами и травами. Особенно крутого нрава и непризнающие никаких прав и властей, киргизы Туркестанские, которые остаются всегда победителями, чем не мало приносят вреда, убытков и страданий Николаевским киргизам.

Николаевский уезд разделяется на девять волостей:

1. Миндыгаринская волость, почва земли на $\frac{3}{4}$ солонцеватая, на $\frac{1}{4}$ песчаная, кое-где чернозем. Реки: Тобол и Аbugан. Главных дорог две — обе из ст. Звериноголовской; одна на соленые озера Ибелей и Ургач, а другая в боры Атан и на Урузум и далее на р. Тургай.

2. Ара-Карагайская волость, почва частью песчаная, но большею частью глинистая. Реки: Тобол и Уй. Дороги: а) из ст. Усть-

Уйской на озера Ургач и Ибелей, через Аманскую волость и б) из г. Троицка через брод Тобола, Урзабай-Уткуль, вглубь степи.

3. Сарайская волость расположена на казачьей земле, удобна к хлебопашеству. Реки: Уй и Тогузак. Озера: Сарай, Мангдай, Сасыкуль, Кучукпай, Тлец и Сарыкуль. Две караванные дороги: Верненская и Михайловская, по которым идут караваны в Азию, везут соль и гонят скот на меновой двор в г. Троицке.

4. Чубарская волость находится на войсковой земле, почва черноземная. Реки: 5 Аятов и 5 Тургузаков, но на них поселены казаки. Киргизы, зимую между русскими, сообщаются по казачьим дорогам.

5. Дамбарская волость, почва большею частью черноземная, частью солонцеватая и красно-глинистая. Реки: Тобол, Джагуар, Аят и Жилаган. Озера: Ибелей или Ебелей и много малых горьких и пресных озер, большею частью безрыбных. Дороги: а) караванная в Среднюю Азию, б) от озера Кара в Иргизский уезд, в) дороги, идущие из Константиновского отряда и г. Троицка на озера Ибелей и Урачи.

6. 1-я Аман-Карагайская волость, почва отчасти солонцевато-глинистая, песчаная и черноземная. Реки: Убигиль, Шили и Теректа, 21 озеро. Дорога проходит от Тобола через боры Казан-Басы и Аман, а другая идет в Миндыгаринскую волость.

7. 2-ая Аман-Карагайская волость, почва частью черноземная, солонцеватая и глинистая. Река Абуган. Рыбные озера: Мокрое, Чебаркуль, Тала и Сухое. Дорога идет на озера Ибелей и Ургач и проходит на Тургай.

8. Джигитаринская волость, почва частью глинистая, песчаная, каменистая и солонцеватая. Реки: Тобол, Ус-Карасу, Барсуат, Карауй, Куман, Акилар, Карубутак, Караганда и Ярма. Много колодцев и малых озер или прудов от стаявшего снега. Дороги: из г. Орска на Тургай, из г. Троицка в Бухару и с линии на озеро Ургач.

9. Суундукская волость, расположена на казачьей земле, почва песчано-глино-черноземная. Реки: Урал, Кизильчилик, Гумбейка, Зиндейка и Суундук. Дороги войсковые.

Все народонаселение состоит из родов и отделений, которые разделяются по волостям следующим образом.

В Миндыгаринской волости: Кирийский род с 4 отделениями: Балта, Кучебе, Матакай и Токымбет; в них 11 подотделений: Джарик, Карасары, Бейгужа, Кулчукай-Кожас, Альмамбет-Байда-Улет, Кенжебай, Костан, Кулмуин, Кунур, Бузау и Айбас. Из султанов в этой волости кочует незначительная отрасль из поколения хана Средней Орды Аблая.

В Ара-Карагайской волости: Кипчакский род с 4 отделениями: Узун, Кульденен, Карабалык и Торай-Гыр, в которых 16 подотделений: Алтыбас, Кучук, Куттук и Джарбасы (известные под общим наименованием Култамгалы), Курлеут, Джултай, Берди, Тнибек, Акбура, Науча (последние 4 известны еще под общим именем Таскар), Алатай, Кыжик, Чандаяк, Карачуйлы и из рода Джаппас подотделения Кермень и Достияр. Султаны из отрасли двух поколений ханов: Абулхайра и Каипа.

В Сарайской волости: Кипчакский род с 2 отделениями: Кульденен и Карабалык, в них 7 подотделений: Кыжык, Булгачи, Арык, Уста, Куккуз, Алимбет и джаппасцы в незначительном числе.

В Чубарской волости: Кипчакский род с 3 отделениями: Карабалык, Танабуга и Кульденен, в них 9 подотделений: Уста, Токбериш, Алимбет, Джамантай, Абызкушек, Куба, Казыбай и из рода Джаппас отделение Джилгильды.

В Дамбарской волости: Кипчакский род с 3 отделениями: Карабалык, Танабуга и Кильденен, в них 17 подотделений: Карагыз, Джуке, Токбериш, Кыдырбай, Карсак, Балуан, Казыбай, Куба, Кунур, Куяур, Карта, Чандаяк и самое незначительное число из отделения Уста. Из рода Джаппас отделения: Джилгильды, Чалтак, Кыякы, Унгут и Достияр. Из них последних 5 отделений, кроме первого, все в самом незначительном числе. Затем султанов здесь только 5 кибиток.

В 1-й Аман-Карагайской волости: Аргынский род с 2 отделениями: Югары-Чикты и Тюмень-Чикты, в них 12 подотделений: Томай, Тунмуюн, Бакай, Джузей, Утемис, Будене, Алимбет в самом незначительном числе, Баибеть, Татая, Кулукай-Утей и понемногу из рода Кипчак и Кирей. В этой волости около 20 кибиток султанов из поколения Худайменде.

Во 2-й Аман-Карагайской волости: Аргынский род с 2 отделениями: Югары-Чикты и Тюмень-Чикты, а в них следующие 9 подотделений: Крыкмултук, Тунмуюн, Будене, Ожан, Таз, Утен, Кулукай и самое незначительное число из родов Кипчак и Кирей.

В Джигитаринской волости: Джагалбайлинский род с 5 отделениями: Урмантай, Манатау, Аккужа, Куттумбет и незначительное число кибиток из рода Телеу.

В Суундукской волости, наконец, Джагалбайлинский род с 5 отделениями: Аккужа, Бузбет, Сыракты, Манатау и Урмантай. Затем небольшое число султанов из поколения Абульхаир.

Перепись, произведенная в Николаевском уезде, дала следующие результаты:

	Число кибиток	Число душ
В Миндыгаринской волости . . .	1512	6425
„ Ара-Карагайской „ . . .	2917	13655
„ Сарайской „ . . .	1759	8048
„ Чубарской „ . . .	2035	11554
„ Дамбарской „ . . .	2254	10270
„ 1-й Аман-Карагайской „ . . .	1319	4187
„ 2-й Аман-Карагайской „ . . .	865	3785
„ Джигитаринской „ . . .	2431	17895
„ Суундукской „ . . .	2418	13576
Итого в уезде		89385

Так как Сарайская, Чубарская и Суундукская волости лежат на войсковой земле, то выйдет так называемых прилинейных кибиток 6212, степных 11298.

Некоторое число из степных кибиток для заработков живут постоянно за линией, но числятся в степных волостях; таких кибиток приблизительно 60.

Число жителей

	Мужчин	Женщин	Число аулов	Число душ на киб.
В Миндыгаринской волости	3369	3056	4	4248
„ Ара-Карагайской „	7109	6546	8	4681
„ Сарайской „	4254	3794	6	4576
„ Чубарской „	5804	5750	7	5679
„ Дамбарской „	5237	5033	7	4555
„ 1-й Аман-Карагайской „	2450	1737	3	3176
„ 2-й Аман-Карагайской „	1852	1933	3	4376
„ Джигитаринской „	8541	9354	7	7362
„ Суундукской „	6772	6804	6	5612
Итого в уезде	45388	44007	51	5105

Цифру 5105 сохраняем как в первоисточнике, хотя она не точна и в среднем число душ на кибитку после проверки оказалось 4871. (Прим. составителей)

Всего душ 89395, из которых в 3-х прилинейных волостях 33178 душ. Разделив число душ на число кибиток, т. е. на 17015 получим $5 \frac{369}{3502}$ душ на кибитку.

В Тургайской области 56.797 кибиток¹ жителей 289.930 душ. В Уральской области 61.767 киб., жителей 315.454. А во всей степи Оренбургского ведомства 605.384.

Кроме того в Букеевской Орде — 40.000 киб., жителей 203.800.

Султанского звания в уезде 234 мужч. и 225 женщин. А всего 459 душ. Лиц духовного звания 89 душ.

Число лиц, знающих татарскую грамоту

	Мужч.	Женщ.
В Миндыгаринской волости	225	65
„ Ара-Карагайской „	255	18
„ Сарайской „	360	94
„ Чубарской „	436	22
„ Дамбарской „	304	1
„ 1-й Аман-Карагайской „	19	—
„ 2-й Аман-Карагайской „	113	26
„ Суундукской „	117	—
„ Джигитаринской „	139	5
А всего в уезде	1,968	231
или	2,199 душ.	

¹ Никольский уезд составляет часть Тургайской области.

Число знающих русский язык

	Мужч.	Женщ.
В Миндыгаринской волости	732	177
„ Ара-Карагайской „	253	55
„ Сарайской „	1980	255
„ Чубарской „	748	298
„ Дамбарской „	269	27
„ 1-й Аман-Карагайской „	10	—
„ 2-й Аман-Карагайской „	45	—
„ Джигитаринской „	72	—
„ Суундукской „	741	149
<hr/>		
Итого в уезде	4850	61
или	5811 душ.	

Есть целые аулы, расположенные на казачьей земле, которые говорят по-русски; чем в глубь степи, тем меньше знающих русский язык, что совершенно понятно и что ясно видно из приведенных цифр.

Число лиц, получивших образование в школах

В Миндыгаринской волости	3
„ Ара-Карагайской „	21
„ Сарайской „	17
„ Чубарской „	16
„ Дамбарской „	18
„ 1-й Аман-Карагайской „	2
„ 2-й Аман-Карагайской „	1
„ Джигитаринской „	—
„ Суундукской „	—
<hr/>	
Итого в уезде	78

Число зимовочных групп

В зимовочной группе бывает от 2—8 зимовок, редко больше, они представляют зимой как бы маленькие хуторки, расположенные всегда близ рек, озер или в лесу.

В Миндыгаринской волости	44
„ Ара-Карагайской „	326
„ Сарайской „	81
„ Чубарской „	145
„ Дамбарской „	194
„ 1-й Аман-Карагайской „	49
„ 2-й Аман-Карагайской „	45
„ Джигитаринской „	342
„ Суундукской „	279
<hr/>	
Всего в уезде	1505

Следовательно, на одну зимовку приходится около 60 душ и 12 кибиток. Есть целые аулы (3-й Сарайской волости) без зимовок, вообще более $\frac{1}{3}$ не имеют зимовок.

Число служащих: начальник уезда 1, помощников 2, писмоводителей 2, переводчик 1, судья 1, переводчик 1, волостных 9,

кандидатов 9, аульных старшин 51, кандидатов 51 — итого — 128. Писарей в уездном правлении 4 и при волостных правлениях 9, а всего 141. Пятидесятников 350, десятников 1751.

Главные болезни между киргизами суть: лихорадка, всякая простуда, горячка, корь, оспа, самые разнообразные кожные сыпи, колотье, ревматизм, чахотка, понос, венера и затем ушибы, вывихи и переломы членов, от постоянных драк и невероятных побоев. Киргизы, живущие близ русских поселений, все более и более привыкают обращаться к русским врачам за пособием, многие зажиточные киргизы имеют у себя медикаменты, купленные в городах, которые раздают при случае заболевшим.

В большинстве же случаев киргизы при болезнях употребляют народные средства: от поноса пьют ак-малту, т. е. круто (курт-сыр), разваренное в воде; от насморка, простуды и вообще от многих других болезней пьют кумыс, который имеет по их мнению невероятное целебное свойство; от лихорадки пускают на голову больного кровь живой щуки или вдруг сильно испугают его мертвой змеей, живой рыбой или чем-либо другим; при горячке бьют больного свежими легкими барана или козла, или мажут тело бараньей печенью, при чем стараются произвести испарину; против простуды делают что-то в роде ванны: под больного кладут горячую воду, налитую в брюшину барана, отчего больной приходит в испарину.

Сибирскую язву лечат раскаленным железом или разрезав язву, засыпают толченым купоросом.

Между киргизами в сильной степени развиты всякие венерические болезни. По их понятиям, они происходят у женщин от частой верховой езды и переходят на мужчин. В этих случаях лечат травами, смешивая их с кумысом или настаивая на воде: последнее считается грехом и преступным; кроме того употребляют сулему, отчего часто случается отравление. От ревматизма (болезнь частая и упорная у киргиз) лечение производится так: зарезывают скотину и в снятую шкуру укладывают больного, который иногда лежит так целый день; если это не помогает — приглашают муллу, который употребляет свои молитвенные обряды, заговаривает воду, которою опрыскивает больного, или же плюет и выгоняет нечистый дух. Вместо муллы, как при этой, так и при многих болезнях, иногда приглашают бахсу (чернокнижника), который прорезывает больные части ножом и потом начинает играть на кабузе (2-х и 3-х струнная балалайка) и делая разные телодвижения, приходит в исступление, вызывает нечистых духов и делает над собой разные операции ножом или кинжалом на груди, до тех пор, пока не получит приличный подарок. Подобные бахсы в последнее время стали выводиться, и при распространении благотворного русского влияния киргизы заметно цивилизуются.

От оспы, от которой больше всего киргизы умирают, лечение не предпринимается: больного бросают на произвол судьбы, оставляют одного в кибитке, кладут рядом с ним воду и пищу и затем дальнейшее зависит от воли всемогущего Аллаха. Осло-прививание развивается в малой степени; для того же, чтоб оно

развилося, необходимо уездному врачу объезжать и жить постоянно между киргизами в разных аулах, а не в городе между русскими, как это делается теперь. Киргизам неудобно возить своих детей и они не привыкли ездить за оспопрививанием в город, за сотни верст, между тем они сознают пользу оспопрививания и с радостью обращаются к врачу, когда он между ними. Нечего и говорить, какую огромную пользу мог бы принести врач, если бы он постоянно жил между киргизами.

Падежи на скот преимущественно случаются летом; признаки болезни животного следующие: течение слез из глаз, слюны изо рта, понос и кашель; средств к излечению никаких не принимают, остерегают только скот от водопоя.

Рогатый скот гибнет от коросана (чумы); верблюды—от болезни так называемой котба, сана-котба, парши и шолуди. Первые случаются, по наблюдению киргиз, от питья нечистой воды, простоявшей в жаркое время на солнце, а вторые от ужаления слепней. Кроме того, верблюды, когда насекомые их слишком беспокоят, бьют себя ногами в живот, отчего часто гибнут.

Лошади падают от сапа и джамандату (моровой язвы), от зимней худобы, молодой травы, от шатуна, называемого на месте—дильбау.

Бараны—от оспы, одышки, мозгоеда, сапа, тупалата (кружение), от которого распухают сердце, легкие и горло сжимается, и парши. Коза—от алокпы (чахотки).

Киргизы все без исключения занимаются скотоводством; в этом состоит почти все их богатство. Затем хлебопашество, сильнее развитое у прилинейных киргиз, которые гораздо беднее киргиз степных. Хлебопашество близ зимовок быстро развивается, но чем дальше вглубь степи, тем оно меньше развито. Многие киргизы занимаются торговлей скотом, добыванием соли на озерах Ибелей и Ургач, перевозкой товаров в Азию, разведением лошадей, которых продают на линии, воровством, рыболовством

	извоз. в Азию поден. тр. и работ. вообще	солян. пром.	портн. сапож. кож.	кол. плот. седель щик.	кузнецов, сер. и конова- лов.	воров- ством	тор- говлей
В Миндыгаринской волости	56	—	31	85	9	5	45
Ара-Карагайск. волости	36	257	50	119	29	20	256
Сарайской волости	489	395	21	13	—	20	480
Чубарской „	367	—	132	156	31	23	278
Дамбарской „	631	—	111	78	20	6	146
1-й Аман-Карагайской волости	—	611	—	—	2	10	2
2-й Аман-Карагайской волости	116	—	93	73	12	—	50
Джегитаринской волости	—	—	47	8	18	13	—
Суундукской волости	736	Сведения утрачены				21	Свед. утрач.

и ремеслами. Домашними работами и хозяйством занимаются женщины.

Доходную статью в Миндыгаринской и 2-й Аманской волостях составляет отдача в кортому рыбных озер, в 1-й волости от 800 до 1000 р. в год. Киргизы, живущие за линией, нанимают землю у казаков и занимаются хлебопашеством.

Число ремесленников и лиц, занимающихся другими промыслами, показано в таблице на предыдущей стр. 268.

Число домашних животных

	верблюдов	лошадей	рогатого скота	баранов	коз	собак	кошек
В Миндыгаринской вол.	—	22005	14185	33950	1010	1448	114
Ара-Карагайск.	7	54744	19993	41127	4455	1021	345
Сарайской	93	19144	7914	15501	1429	821	705
Чубарской	1374	40443	9692	39245	3232	1724	240
Дамбарской	1692	30942	15579	25421	1574	997	407
1-й Аман-Карагайской .	90	5500	2560	7030	500	601	22
2-й Аман-Карагайской .	55	15285	4882	27581	3117	760	101
Джигитаринской	8635	37012	7983	43031	5443	2388	2176
Суундукской	5307	28027	4302	53858	4983	3006	1635
	17163	253123	87010	286835	25743	12766	5766

Приблизительно приходится

Итого в уезде		на кибитку	на душу
Верблюдов	17163	1	$\frac{1}{60}$
Лошадей	253128	$14\frac{4}{9}$	3
Рогатой скотины	87010	5	1
Баранов	286836	$16\frac{5}{12}$	3
Коз	25743	12	$\frac{7}{24}$
Собак	12766	$2\frac{2}{3}$	$\frac{1}{7}$
Кошек	6765	$\frac{1}{2}$	$\frac{1}{15}$

Всего домашних животных 688410 штук. По этому выводу в степи приблизительно верблюдов: до 120000, лошадей до 1720000 рогатой скотины до 600000, баранов около 2000000 и коз около 180000.

Главные пункты сбыта и число продаваемых на них лошадей:

В Звериноголовской ст. продается ежедневно	1497	лошадей
Усть-Уйской	688	"
Челябе и Картабынской слободке	500	"
г. Троицке	3600	"
Орске, ст. Магнитнок, Кизильской, Таналыцкой и Новоорской	2350	"
Кундравинске	380	"

Всего 9015 голов

Число десяти и пудов разного рода хлеба в каждой волости за 1870 год

Наименование волостей	Количество засеянных десятин			Приблизительное количество сбора		
	Пшеницы	Овса	Проса	Число пудов		
				Пшеницы	Овса	Проса
Суундукская	333	101	30	23310	7070	2100
Джигитаринская	1152	285	1288	34560	14250	23625
Дамбарская	905	94	569	9150	940	5690
Чубарская	349	77	18	23790	5080	1160
Сарайская	120	77	—	—	3080	—
Ара-Карагайская	300	95	130	5400	3990	6500
Миндыгаринская	55	36	17	4180	2740	1350
1-я и 2-я Аман-Карагайская	6	36	—	420	—	—
Итого	3220	765	2052	100810	37150	40435

А. А. Тилло. Первая народн. перепись в Киргизской степи, „Изв. Рус. Геогр. О-ва т. IX, „Географ. Известия“ № 1, 8-го марта, 1873 г., с. 77—92.

КАЗАХИ (КИРГИЗЫ) ПОЛУОСТРОВА БУЗАЧИ

... Образ жизни их (киргизов—Ред.) весьма мало разнится от кочующих за Уралом. Находясь более в глубоком и диком состоянии, они, однакож, имеют те же привычки и склонности к лени и праздной жизни, как и вообще кочующие народы, но о скоте, единственном их имуществе, заботятся гораздо более, нежели все виденные мною от границ Сибири и почти до устьев Урала. Причиною этому может быть и природа. Здесь нет тех пастбищ и лугов, а также и приволья в воде, какие встречаются за Уралом. А потому уже самая крайность заставляет их тщательно выбирать пастбищные места для каждой породы скота, особенно, разделяя иногда табуны, принадлежащие одному хозяину, на три и четыре части в довольно большом расстоянии один от другого. В течение прошлого лета на Усть-Урте паслось несколько конских табунов, принадлежащих киргизам, кочевавшим в это время на полуострове. Каждый табун находился под присмотром одного или двух членов семейства, которому он принадлежит. Пастухи эти во все время пребывания на Усть-Урте довольствовались одним кумысом. Все бараны и небольшое количество верблюдов, необходимых для выючки кибиток и имущества, пасутся постоянно по близости аулов. Рогатого скота на полуострове не видно вовсе, потому, что он постоянно пасется в горах Кара-Тау, где растущий в большом количестве чий служит ему обильным кормом во все лето и даже зиму.

Верблюдов пасут большею частию бедные, одинокие, а иногда и семейные киргизы, нанимающиеся почти из-за насущного

хлеба, с платою от 2 до 3 баранов за все лето. Бессемейные пастухи отгоняют верблюдов в солончаки, где нет ни порядочной для лошадей травы и ни одной пресной копани, по крайней мере верст на 30 в окружности, и там довольствуются в течение целого лета одним верблюжьим молоком, не заботясь ни о какой другой пище, ни о пресной воде. Но последние, то есть семейные, с детьми, по возможности избирают место для кочевья своего около копаней с порядочною водою. Не имея собственного скота и особой пищи, они в течение нескольких месяцев ограничиваются одним верблюжьим молоком, довольствуя им же и детей. Верблюды отгоняются на пастбища обыкновенно рано утром, возвращаются к копаням каждый день вечером. В это время их доят, варят молоко и пьют все члены семейства, добросовестно разделяют между собой количество полученного молока, уверенные, что завтра будет то же самое. Дети до того привыкли к времени, когда верблюды возвращаются к кочевью их и когда они могут утолить голод свой, что заранее выбегают на встречу на порядочное расстояние и, увидев еще издали, радостным криком дают знать матери о приближении табуна.

Вообще бедный класс киргизов на полуострове Бузачи, от недостатка средств к приобретению, находится в самом жалком состоянии. Зажиточные же ведут небольшую торговлю с Астраханскими армянами, торгующими около укрепления Ново-Петровского, выменивая у них на баранов и различные шкуры и кожи — хлеб, табак, бумажную материю и другие потребности, необходимые в быту того народа. Хлеба однако ж выменивают от них весьма мало, находя эту операцию гораздо выгоднее в Хиве. Туда они отправляются обыкновенно в июле и августе месяцах небольшими караванами на верблюдах, с большим количеством верблюжьей шерсти и баранов, определенных в обмен на муку, пшеницу, крупу, китайку и другие предметы, заготовляя съестные припасы в таком количестве, чтобы достало на всю зиму. Возвращаются же оттуда к своим кочевьям в сентябре месяце.

Топографич. описание полуостр. Бузачи. составл. корпуса топографов прап. Алексеевым 2-м в 1852 г. Из библиотеки С. А. Хрулева.

РУССКИЕ ВОЙСКА В КАЗАХСТАНЕ

Исторический взгляд на постройку в степи.

Войска в степи располагаются со времени принятия Средней Киргизской Орды под покровительство России; они составляют стражу внешних окружных приказов, открытых в ней на основании устава о киргизах, высочайше утвержденного 22 июля 1822 года. Прежде отряды высылались из полков Сибирского линейного казачьего войска, но с распространением пределов наших на юг, высылка войск с линии сделалась обременительной для казны и казаков. В отвращение этих неудобств положено выселить с линии в открытые округа несколько казаков на постоянное жительство. С открытием же в степи укрепления

Актаузского и Джаргаинского (упраздненного) переведен в степь 2-й батальон 25 пехотной дивизии Отдельного Сибирского корпуса.

Вслед за этим в западной части степи для прикрытия ее от вторжения хищнических шаек, предводимых султаном Кенесарою Касымовым, открыто укрепление Улутавское, для занятия которого, в то же время, переведен в степь на постоянное водворение 1-й полк Сибирского Казачьего Войска. В 1848 году, в юго-восточной части Киргизской степи, для обеспечения караванных путей, идущих из пограничных китайских городов Кульджи и Чугучака, равно и для упрочения влияния нашего на киргизов Большой Орды, возведено укрепление Копальское, для прикрытия которого переселен в степь 10-й Сибирский казачий полк; в пособие ему в 1850 году переведен туда 8-й Сибирский линейный батальон и, наконец, в том же 1850 году, из крестьян, переселившихся из России в окрестности Кокчетавского приказа, высочайше повелено сформировать 1-й казачий полк.

Военно-Статистическое Обзорение Российской империи, 1852 г., с. 57.

АДМИНИСТРАЦИЯ В КАЗАХСТАНЕ

Для общего управления киргизами Средней Орды учреждено в г. Омске отдельное управление, состоящее из пограничного начальника и пограничного правления; частное же управление состоит из старших султанов, избираемых киргизским народом и внешних окружных приказов, находящихся в округах Киргизской степи.

Обязанность пограничного правления, подчиненного главному управлению Западной Сибири, состоит в бдительном надзоре за правильным и успешным течением дел по всем подведомственным ему местам; в нем пограничный начальник председательствует по делам гражданским на правах губернатора, а по делам военным, относящимся до войск, квартирующих в Киргизской степи и состоящих в его распоряжении, на правах дивизионного начальника, подчиняясь во всем ген.-губернатору Западной Сибири и командиру Отдельного Сибирского корпуса.

Киргизы Средней Орды, для лучшего ими управления, разделены на волости, управляемые волостными старшинами, а соединение нескольких волостей вместе составляет округ, управляемый старшим султаном и внешним окружным приказом, состоящим из заседателей и секретаря; главная обязанность приказа состоит в водворении тишины и порядка и в сборе ясака в подведомственных ему волостях; старший султан и приказы во всем подчиняются пограничному начальнику и пограничному правлению.

Для управления Киргизами Большой Орды, недавно поступившей в подданство России, с согласия их, находится в укреплении Копальском пристав, который управляет ими с помощью старших султанов, в непосредственной зависимости от генерал-губернатора Западной Сибири, а так как киргизы эти в насто-

ящее время не обложены платою ясака и изъяты от других повинностей, то и главная обязанность пристава состоит только в строгом наблюдении за порядком и тишной в Орде.

Разделение киргизской степи. Киргизская степь, подведомственная сибирскому начальству, разделяется на 7 округов, округа на волости, а последние на аулы; следующая таблица показывает число волостей, аулов и кибиток в каждом округе.

Название округов	Число:		
	волостей	аулов	кибиток
В Каркаралинском	18	147	18320
„ Кокчетавском	14	167	26131
„ Аягузском	12	118	16808
„ Акмолинском	20	212	15007
„ Баян Аульском	14	149	11819
„ Кыш-Мурунском	5	63	4385
„ Кокпектинском	15	106	13508

Народонаселение средней Киргизской степи состоит из 183101 души мужского и 159583 женского всего 342684; число же душ киргизов, составляющих Большую орду, неизвестно; однако ж, принимая в соображение число аулов, которых считается до 1679, получим число душ во всей Киргизской степи 543,084 обоего пола, что составляет 3 челов. на одну географическую милю, или около 2 верст на человека, за исключением мест неудобных.

Все население Киргизской степи состоит из двух главных племен: русских, поселившихся здесь со времени учреждения в степи внешних окружных приказов, и киргизов, которые считают себя потомками татар, составлявших Кучумово царство и удалившихся в степь по завоевании этого царства русскими.

...Следующая таблица показывает разделение жителей по званиям и вероисповеданию.

Разделение жителей по званиям

Невключенных в ревизию	Мужч.	Женщ.
Духовенство православное, белое	8	6
Иноверческое (магометанское)	21	16
Чиновников и приказных служителей	277	404
Военно-служащих } офицер. чинов	121	95
	нижн. чинов	8712
Нижних чинов гражданского ведомства	67	40
Личных дворян и разночинцев неслужащих	—	3
Всего, невключенных в ревизию	9206	4495

Поселян

Купцов 3-й гильдии	4	8
Мещан	4	4
Крестьян государственных	2795	2438
Итого поселян	2803	2450

Иностранцев

Оседлых	12	12
Кочевых	171.090	152.770
Итого		173905
Итого		155232
Всего податных состояний		173.905
		155.232

Разделение жителей по вере

Христиан	}	Православных	11.891	6.783
		Раскольников	14	15
		Прочих исповеданий	83	8
Евреев		23	7	
Магометан		171.102	152.782	

По неимению достаточных сведений, нельзя сделать точного заключения о движении народонаселения иностранцев, а о русских можно видеть из следующей таблицы:

В 1851 году

	Муж.	Жен.	Всего
Родилось	367	321	688
Умерло	230	184	414
Браков заключено	—	—	232

Селения Киргизской степи, как военные пункты, расположены вообще на местах весьма удобных, при заложении которых обращалось особенное внимание на то, чтобы строения их были удобны для обороны от вторжения неприятеля и прекращения в них пожаров; все вообще селения Киргизской степи находятся при хороших водах и снабжены другими, необходимыми для жителей, потребностями; самые замечательнейшие по народонаселению укрепления: Акмолинское, Копальское и приказы Кокчетавский и Каркаралинский; соразмерности же жителей с пространством, по причине неразмежевания земель, и ответственности народонаселения к плодородию, вспомогательным источникам промышленности и торговли, по неимению сведений, определить невозможно. Средняя величина изб в селениях Киргизской степи 1½ куб. сажени. Все они в настоящее время пользуются льготой от воинского постоя.

„Военно-Статист. Обзорение Кирг. Степи Зап. Сибири“,
1852 г., № 3—4 с. 46—49, 50—51.

НЕВЕЖЕСТВО РУССКОЙ АДМИНИСТРАЦИИ

Наблюдая русское общество Ташкента, я был поражен не только недостатком знаний о крае, но также и заметным отсутствием интереса к этому. Для многих казалось мало понятным, каким образом я мог заинтересоваться краем и прибыть из столь

далекой страны, чтобы посмотреть на Туркестан, бывший для них квинт-эссенцией всего неприятного. Конечно, имелись исключения из этого, но я говорю об общем впечатлении. Количество русских, знающих персидский или турецкий язык, или склонных к ознакомлению с историей, археологией и производительными силами края, или же интересующихся так или иначе жизнью окружающего их народа, — удивительно невелико. В Ташкенте возникло было отделение „Общества естественной истории и антропологии“, заседания которого происходили в доме генерал-губернатора. Но то ли из-за страха перед высокопоставленным лицом, присутствовавшим на заседаниях, то ли из-за отсутствия интереса к делу, отделение скоро прекратило свое существование.

Ташкентское отделение „Общества поощрения русской торговли“ влечит также жалкое существование. Созданное было — Средне-Азиатское Общество оказалось закрытым властями.

Скайлер, I, 84

Читатели, вероятно, уже заметили, что мои статистические сведения склонны к тому, чтобы изменять мне как раз в таком месте, где они становятся полезными и интересными. Лучшим моим объяснением этого будет, пожалуй, цитата из донесения одного должностного лица, занимавшего одно время высокий пост в Туркестане:

„Все наши знания о крае заключаются в отрывочных описаниях различных местностей и в сведениях, добытых при рекогносцировках наших войск. Что же касается статистической информации, время от времени поступающей к нам от начальников округов, то она столь смутна и поверхностна, а иногда даже столь противоречива, что было бы бесполезно говорить о ней. Так называемые статистические комитеты, учрежденные в различных местностях Средней Азии, существуют лишь на бумаге. Главный статистический комитет Средней Азии был создан в 1868 г., но он оказался неспособным выполнять поставленные перед ним задачи, вследствие полного невежества представителей местной власти, не представляющих требуемых от них сведений. В 1869 г. распоряжением главнокомандующего были учреждены статистические комитеты в различных областях.

В Сыр-Дарьинской области комитет возник впервые в 1870 г. Он обратился к представителям местной администрации с циркуляром, содержащим вопросы по статистике подведомственных им местностей... Статистические сведения, представленные властями Семиреченской области, содержали между прочими материалами следующие: „Климат — отсутствует; производительные силы — неизвестны“. Таков объем наших знаний о стране, которую мы завоевали“.

Скайлер, I, 293—294.

БЫТ КАЗАХОВ (КИРГИЗ)

Киргизы, благодаря простоте их жизни, в значительно большей степени являются детьми природы, нежели большинство

других азиатских народностей, обладая всеми недостатками и положительными качествами детей. Верно, что первое знакомство с ними оставляет неприятное впечатление, и несомненно, что те стороны, которые видит путешественник, являются худшими их сторонами. Однако, узнав киргиз более близко, нельзя не любить и даже не уважать их, и мнения всех, кто жил в Средней Азии, сходятся на том, что киргизы превосходят все остальные племена.

Скайлер, I, 38.

Стада и табуны составляют единственное богатство киргиз и являются несомненно одним из источников дохода Российской империи; исчисление общего количества его, однако, не легко. Согласно статистическим данным 1869 г., на меновых дворах в Оренбурге и Троицке киргизами было продано: верблюдов — 1150 голов, лошадей — 1001 гол., крупного рог. скота — 16031, овец — 273 823, на общую сумму в 1 500.000 руб. В Петропавловске, на сибирской границе, торговля скотом за время с 1856 по 1865 г. достигала в среднем более 2½ милл. руб. ежегодно, а торговля кожами и шкурами — 400.000 руб. в год.

Скайлер, I, 34.

Курьезен факт обращения киргиз в магометанство в результате ошибочной политики русского правительства. В начале лишь немногие из их султанов и главарей имели представление об учении ислама. В степи не было ни мечетей, ни мулл. Русские, однако, упорно (столь же упорно, как и при внедрении татарского языка для сношений с киргизами) считали их магометанами, строили мечети и посылали мулл, пока весь народ внешне не был обращен в мусульманство... Точно таким же образом в текущем столетии русские чиновники сделали бурят буддистами, хотя они были всего на всего шаманистами...

Скайлер, I, 38.

ОЗЕРО КАРАБАШ

В Киргизской степи, так же как и в Западной Сибири, на правой стороне Иртыша, находятся месторождения поваренной соли.

Одно из них — озеро Карабаш, замечательное особым характером образования соли, похожей на каменную, посетил в 1869 г. чиновник акцизного управления Я. С. Слащев и, составив подробное описание, дозволил нам воспользоваться собранными им сведениями и наблюдениями, из которых и составлена настоящая статья.

Озеро Карабаш лежит в Киргизской степи, в 80 в. от Семипалатинска к ю.-з. и в 28 вер. от ст. Черемуховской. Длина его с с.-в. на ю.-з. простирается до 5-ти, а ширина около 3-х верст. Поверхность озера, заключающая около 12 кв. в., представляет вид гладкого, беломраморного пола, из неправильных по форме многоугольных плит, в 1, 1½ и 2 кв. саж., с едва заметными между ними слоями осадившейся сверху кристаллической соли. В тихую безветренную погоду, а также в продолжение всей

зимы поверхность плит покрывается рассолом, глубиной от 2 до 4 вершков и никогда более. При ветренной погоде рассол сгоняется к одному краю озера, чаще к с. в., где глубина его доходит иногда до $2\frac{1}{2}$ червертей, и в это время остальное пространство озера, более $\frac{2}{3}$, обнажает свое соляное поле; летом, во время жаров, оно совершенно сухо. Через Карабаш, во всю ширину его, проходит с в. на з. большая дорога; в других местах проезд неудобен, потому что слой соли, на 10-ти саженьях расстояния от берегов, весьма влажный и рыхлый, с топкой глинистой под ним почвой.

...Соль добывается киргизами с ранней весны до поздней осени, или с 1 апреля до ноября. Самая богатая выломка бывает осенью; но летом, когда рассол весь испаряется с поверхности, и соляная площадь, скипаясь, делается весьма жесткой, добывание соли весьма трудно и почти невозможно по неимению железных орудий. Занимаются ломкой соли и казаки. Киргизы приезжают целыми караванами в 20, 30 и 40 телег (мнее не бывает), иногда на верблюдах, и таким образом съезжается их на озеро ежедневно около 200 подвод.

Выломка производится в ю.-з. части озера, а преимущественно в ю. в., недалеко от берега, где соляные плиты более тонки, толщиной около $\frac{1}{4}$; на середине озера выломка соляного пласта, толщиной в $1\frac{1}{2}$ арш., для киргиз недоступна. Они заезжают на лошадях с телегами и останавливаются на избранном месте. Почти ежедневное пребывание на озере большого числа лошадей вредит качеству соли. Орудия, которыми киргизы добывают соль, состоят из топоров и деревянных заостренных кольев. Сделав топорами прорубь, по спаю плиты до жидкой почвы, человек 10 вставляют колья и приподнимают плиту из гнезда, затем другую и т. д. Когда на плитах есть рассол тогда они поднимаются довольно легко; когда же нет его, тогда спай плит надрубается топорами. Вынутые плиты разрубают на куски, и тогда, придавая им правильную 4-х угольную форму, ставят ребром на несколько часов, для обсушки и затем кладут на телеги, имеющие один только остов кузов, без всякой обшивки или переплета прутьями или дранками, на каждую от 20 до 30 пуд. На верблюдов кладут по два куска, каждый пудов по 7-ми.

... Несмотря на несовершенство орудий, 10 человек выламывают в день более 1000 п. Зажиточные из них нанимают артель рабочих помесечно, причем выломка пуда соли обходится менее $\frac{1}{3}$ коп., перевозка до Черемуховской станции от 3 до 4 к., до Семипалатинска от 8 до 9 к. с пуда. Сбыт этой соли по всей Заиртышской степи огромный; она идет в Каркаралы, Сергиополь, Урджар, Копал, Кокпекты, Семипалатинск, Устькаменогорск, Павлодар, в Китай, а также доставляется и на правую сторону Иртыша, в Барнаульский и Бийский округи. Запасы складываются в вырытые ямы, на зимних кочевках, верстах в 20 от Иртыша. Богатые киргизы заготавливают к зиме по несколько тысяч пудов; недостаточные пудов по 200 и менее. Из этих-то запасов они провозят соль тайно через Иртыш, или одни, на казачьих лодках, или вместе с казаками; но преимущественно

контрабанда производится зимой. Продают киргизам Внутренней Орды, крестьянам и вообще жителям прииртышских селений, которые, в свою очередь, торгуют тайно с другими. Пуд соли в прибрежных селениях продается от 5 до 18—20 к. Ежедневно соль везется от Карабаша по степи караванами в 20, 30 и более 100 телег, в особенности по направлению к Устькаменогорску, отчего и самая дорога называется соляной, совпадающей с большим караванным трактом из Петропавловска, верстах в 15—20 от Иртыша. С достоверностью можно полагать, что выламывается в Карабаше и вывозится до 1 милл. пудов соли ежегодно; до 400 т. пуд. расходуется заиртышскими киргизами и до 600 т. пуд. во внутренних округах Сибири и в Китае.

И. С. Гуляев. Солен. оз. Карабаш в Киргиз. степи „Известия Географического общества“, № 4, 1871 г., с. 169—171.

ГОРОД ВЕРНЫЙ

По занятии нами Заилийского края в 1853 году, с целью упрочения русской власти над Большой Ордою, в следующем 1854 году, было заложено укрепление Верное, на том месте, где в средние века был город Алматы, т. е. Яблочный, известный по своей торговле и стоявший на большой дороге, по которой, между прочим, ходили генуэзские купцы в Китай.

Укрепление Верное сперва было центром управления Алатавского округа, подчинявшегося военному губернатору Семипалатинской области, но с учреждением Туркестанского военного округа, укрепление было сделано областным городом Семиреченской области, и стало называться городом Верным, хотя официально такое название ему не присвоено.

Кроме того, туземцы и многие русские называют Верный, по старинному, Алматами.

Верный лежит на ровной, песчано-глинистой местности, у самой подошвы Заилийского Алатау, на речке Алматинке. Алматинка берет начало в необыкновенно живописной местности, в горах, и течет весьма быстро, с шумом и пеной, по дну, сплошь устланному крупными камнями. По выходе из гор, река хотя и течет по ровной местности, но сохраняет прежнюю быстроту и свойство дна.

Алматинка имеет ширину не более трех аршин, глубины около четверти аршина, и во всякое время переходима в брод. При всем том, количество воды в речке уменьшается с каждым годом. На уменьшение воды в Алматинке имеет влияние, во-первых, то обстоятельство, что речка тотчас по выходе из гор разводится по арыкам или каналам для орошения полей, садов и огородов, а во-вторых, вследствие истребления лесов в верховьях реки. Алматинка впадает в другую горную речку Каскелен, которая, в свою очередь, вливается в реку Или.

Река Алматинка получила свое название, вероятно, от того, что истоки ее, в горах, густо поросли яблонями и урюком (абрикосами).

Город Верный состоит из следующих частей: Алматинской станицы (старая часть города), Алматинского выселка, Татарской слободы, и из нового, или собственного города, только что возникающего. Последний состоит из каменных, или вернее, кирпичных зданий, тогда как старые части города выстроены исключительно из елового леса. Как старый, так и новый город распланированы правильно.

Улицы прямые, ровные, в большинстве случаев усаженные (хотя довольно жидко) деревьями. При домах зачастую разведены садики.

Деревянные дома Верного, имеющие вид русских изб с деревянными крышами, почти все холодны, вследствие того, что, во первых, они законопачиваются не мхом, а сеном, которое частью выгнивает, частью растаскивается птицами, почему в стенах постоянно образуются щели, и во-вторых, деревянные полы и потолки, ссыхаясь, дают трещины и щели, которые также пропускают холод.

Кроме того жители не знают употребления двойных рам на зиму.

Количество зданий в Верном следующее:

	Каменных	Деревянных.
Церквей	1	1
Мечетей	—	1
Домов	234	972
Нежилых зданий	4	9
Лавок	—	226
Ларей и балаганов	—	164
Харчевень и пельменниц	—	21
Мельниц	—	62
<hr/>		
Всего построек	239	1456

Все эти сведения относятся к 1871 году.

В 1863 году было:

	Каменных	Деревянных
Церквей	—	1
Домов	1	678
Магазинов и лавок	—	55
Мельниц	—	32
<hr/>		
Итого	1	766

Следовательно, в восьмилетний период времени число зданий в Верном больше чем удвоилось. В такой же пропорции увеличилось и число жителей.

Город Верный замечателен разнообразием своих обитателей. Каких только народностей и племен вы не встретите на его улицах! Большинство населения составляет казачье сословие — коренные поселенцы; затем следуют малороссияне, пришедшие недавно и приютившиеся временно на территории нового города. К чи-

слу переселенцев следует отнести незначительное количество чуваш, мордвы, черемисов и других племен с Поволжья.

Кроме того, Верный населяют: татары, живущие в отдельной слободе; сарты — пришельцы из других городов Туркестанского округа (Аулие-ата, Чимкент, Ташкент), из кокандских и кашгарских владений; киргизы, принимающие полуоседлый быт; калмыки пришедшие из Кульджи после китайского погрома в 1864 году; они, большею частью, приняли христианство. В Верном употребляются, преимущественно, как чернорабочая сила, китайцы, приходящие сюда из Небесной Империи по торговым делам. Наконец, евреи тоже живут торговлею.

Вот перечень верненского населения по племенам и сословиям.

В 1871 году состояло:

	Муж. пол	Женск. пол	Всего
Дворян потомственных	109	45	155
Дворян личных	71	52	123
Почетных граждан	8	5	13
Духовенства белого	8	12	20
Купцов	174	107	281
Мещан	1176	1306	2482
Крестьян	174	101	275
Колонистов	5	3	8
Военного сословия	2512	250	2762
Казачьего	2048	1839	3887
Отставных и бессрочно-отпускных солдат	583	180	763
Сартов	459	106	565
Китайцев	9	3	12
Калмыков крещеных	91	52	143
Калмыков некрещеных	107	81	188
Лиц, непринадлежащих к выше изложенным сословиям	187	93	180
Проживающих по паспортам	191	83	277
Итого	8186	4457	12637

Из этой таблицы усматривается: 1) значительное превосходство русского населения над инородным и 2) значительный перевес мужского пола над женским. На 100 мужчин здесь приходится 54 женщины.

В 1863 году было: 4322 мужчин, 1842 женщины, всего 6164; на 100 мужчин 43 женщины.

И так, хотя в восьмилетний период население и увеличилось, но численное отношение между мужчинами и женщинами изменилось гораздо в меньшей пропорции.

Главнейшее занятие жителей составляет земледелие. Роды возделываемых злаков суть: рожь яровая и озимая, пшеница, овес, ячмень, просо и греча. Кроме того, в значительном количестве засеивается картофель.

В 1871 году было:

	Посеяно четвертей	Снято четвертей
Ржи озимой	498	1754
яровой	249	2922
Пшеницы яровой	1937	19022
Овса	3079	33831
Ячменя	420	1881
Гречихи	23	191
Картофеля	223	1239

Хлеб служит для собственного употребления и не вывозится за границу. Впрочем часть его сбывается киргизам, а часть идет на винокуренный и пивоваренный заводы.

Огородничеством жители занимаются весьма охотно. В числе возделываемых овощей достоин быть упомянутым особый вид сладких дынь кульджинских семян.

Нельзя не сказать еще об одной отрасли верненской производительности, представляющей исключительную редкость во всей Средней Азии, именно о пчеловодстве. Пчеловодство началось здесь с 1857 года; в 1859 году было 254 улья; в 1871 году имелось 75 пасек и до 1456 ульев. При этом надо заметить, что 1869 и 1870 годы были неблагоприятны для пчеловодства вследствие засух, от которых цвет на траве и деревьях посох и пчелы остались без пищи.

После земледелия главнейшая отрасль народной производительности есть скотоводство. В 1871 году в Верном было следующее количество скота:

Лошадей	3611 шт.
Рогатого скота	2266 "
Овец	729 "
Свиней	449 "
Коз	126 "
Верблюдов	88 "

Итого . 7269 шт.

В 1862 году было скота только 4460 штук.

Из крупной заводской производительности могут быть упомянуты винокуренное, водочное, кожевенное и кирпичное производства.

Остальные находятся в кустарном виде.

В 1871 году было заводов:

Название зав.	Число	Количество производ.	Сумма произв.	Число рабоч.
Винокуренных	1	45000 вед.	171000	145
Пивоваренных	1	1755 "	1510	5
Кожевенных	3	236,59 шт	87,774	57
Кирпичных	11	520000 "	7800	52
Водочных	1	1588 "	7524	6
Итого	17		270638	265

Торговля Верного, благодаря выгодному положению города в средоточии путем из Кульджи в Ташкент и в Коканское ханство и из Кашгара в Семипалатинск, развивается заметным образом. Прежде караваны проходили через Верный не останавливаясь; в последнее же десятилетие они стали разгружаться для попутной распродажи. Кроме того, много купцов из Ташкента и соседних владений, кокандских, кашгарских и из Кульджи нарочно приходят сюда для продолжительной торговли. В окрестностях Верного производится ежегодно значительная закупка скота у киргизов не только для Ташкента и Кульджи, но и для Петровска, до которого слишком тысяча двести верст.

В настоящее время в Верном два базара: большой и малый, а все число лавок (в 1871 году) простиралась до 390, тогда как в 1868 году их было около 60, а в 1859 около 20. Верненская торговля развивается по мере того, как упрочивается спокойствие на границах и утверждаются дружеские отношения с соседями.

Проведение телеграфа также окажет благотворное содействие развитию всех отраслей производительности. Телеграфные столбы пожертвованы всем земством Семиреченской области, в том числе и киргизами, и уже расставлены до самого Верного. Есть надежда, что в нынешнем году проволоку успеют протянуть от Семипалатинска не только до Верного, но и дальше по дороге в Ташкент, до границ Сыр-Дарьинской области, а в будущем году телеграфная проволока, вероятно, протянется и до Ташкента.

Грамотность в Верном также делает некоторые успехи. Здесь следующие школы: 1) приходская школа в Алматинской станице. В ней обучается 175 мальчиков и 39 девочек, 2) приходская школа в Алматинском выселке, где обучаются 45 мальчиков, 3) мусульманская школа в тагарской слободе, с 70 учениками, которые обучаются муллою, 4) ремесленная школа с 21 учеником, обучающимися, кроме грамоты, еще различным ремеслам, 5) школа садоводства с 21 учеником, которые обучаются опытным садоводом из Крыма. Эта последняя школа выстроена в прекрасном городском саду, где ученики усвоенное по теории (в течение зимы) применяют на практике (в течение лета). Ученики набираются из всех станиц Семиреченской области, и по окончании курса приносят в свои деревни правильные понятия в лесоводстве, садоводстве и огородничестве.

В приходские и в ремесленную школу поступают дети не только казачьего сословия, но и привилегированного, хотя число последних и не велико. В населении Верного большой охоты к чтению не замечается. Городской библиотеки и до сих пор еще не заведено. Публика удовлетворяется кое-какими книгами, выписываемыми при управлениях и штабах батальонов.

В верненской областной почтовой конторе в 1872 году получается 46 названий различных периодических изданий, в количестве 178 экземпляров; но это количество не все остается в Верном, а часть экземпляров идет в те пункты области, куда еще не устроен почтовый тракт. Больше всего выписывается военных изданий („Русского Инвалида“ 14 экземпляров и „Военного Сбор-

ника" 12); затем следуют „Сияние“ 14 экземпляров и „Дело“ 9 далее идут издания относящиеся до мод („Модный Свет“ 8 экземпляров, „Новый Русский Базар“—7 и „Ваза“ 6 экземпляров); „Отечественные Записки“ и „Иллюстрация“ получают в количестве 7-ми экземпляров, „Вестник Европы“, „Сенатские Ведомости“, „Досуг и Дело“ и „Сын Отечества“ в количестве 5-ти экземпляров. Остальные издания выписываются в меньшем числе экземпляров.

Относительно нравственности, к сожалению, ничего нельзя сказать утешительного. Пьянство сильно развито и едва ли уменьшается. Здесь пьют не только мужчины и женщины, но и дети обоих полов. Пьянство и другие причины порождают в здешнем населении и самоубийства, случающиеся довольно часто.

Нравственнее прочего населения здесь малороссы, отличающиеся честностью, трудолюбием и кротостью характера; но случаи самоубийства встречаются и между ними. Они пришли сюда недавно, и надо полагать, что совершенно чуждая им среда и обстановка развивают в них тоску по родине, которая иногда и разрешается самоубийством,

Л. Костенко. Очерки Семиреченского края, „Воен. Сборник“, 1872 г., т. LXXXVIII, с. 164—165, 167—173.

ОДНА ИЗ ПЕРВЫХ КОРРЕСПОНДЕНЦИЙ ИЗ ВЕРНОГО

Все, что касается заселения и оживления деятельности Сибири, должно в сильной степени интересовать наших читателей, так как это один из самых живых современных вопросов. Поэтому спешим сообщить здесь письмо, адресованное в „Русский Дневник“ из „Укрепления Верного“, на западных границах Китая:

„Наше укрепление (пишет корреспондент „Русского Дневника“) растет не подням, а по часам. И как ему не процветать в стране, благоприятствуемой всеми дарами природы и так долгождавшей водворения цивилизации? Давно ли здесь была пустыня, в которой с самого сотворения мира не бывало оседлости, только лишь посещалась одними кочевниками, а теперь здесь город, в котором более пяти тысяч жителей! Поверьте, что не пройдет десяти лет, как наше Верное превратится в обширный город, которому будут завидовать не только сибирские, но и русские города. Наше укрепление лежит под одними почти градусами широты с Хивой и с Миланом; плодородие здешней почвы удивительное: сам-восемь, сам девять здесь самый обыкновенный урожай хлеба. Скоро мы будем здесь делать виноградное вино, но более всего ожидаем мы для здешней страны от разведения хлопчатой бумаги. В России знают киргизские степи только золотоискатели; но можно быть вполне уверенным, что никакие золотые прииски не дадут такого дохода, какой бы принесла здесь предприимчивому капиталисту хлопчато-бумажная мануфактура. Хлопку нам привозили в Верное и из Хивы, и из Бухары, из Кашгары и Кульджи, и она обошлась бы втрое

дешевле чем в Москве: работников здесь не занимать стать; наши казаки не-прочь от промышленности; киргизы также скоро бы поняли всю выгоду труда. Притом, рано или поздно, но в будущем мы должны рассчитывать и на прилив китайского трудолюбивого населения в наши степи.

„Вырабатываемые на здешней фабрике товары шли бы во все концы Средней Азии, и, конечно, это самое верное средство вытеснить из нея английские хлопчатобумажные произведения. Первая фабрика, основанная в центре Средней Азии, конечно, скорее всех сумела бы не только удешевить товары, но и вырабатывать их, применяясь ко вкусу и потребностям тамошних потребителей.

„Но и независимо от фабричной деятельности, Верное может современем сделаться одним из первых торговых городов по своему центральному положению. Здесь перекрещиваются дороги, ведущие с одной стороны из России в Кашгар и оттуда в Индию, а с другой стороны из Китая в Ташкент и далее в Персию...

„СПБ Вед.“ 1859 г. № 37.

ИЗ РАБОТ ЧОКАНА ВАЛИХАНОВА

В последнее время правительство наше деятельно занялось преобразованиями в нашей администрации, в судоустройстве и обратило особое внимание на народное образование.

... В виду таких важных преобразований, готовящихся для моей родины, я считаю долгом представить благоусмотрению вашего высокопревосходительства некоторые мои соображения и заметки.

Россия в числе сыновей своих имеет немало народностей иноверческих и инородческих, которые ведут образ жизни, диаметрально противоположный образу жизни коренного русского населения, и имеют нравы и обычаи, диаметрально противоположные нравам и обычаям русских славянского племени. Понятно, что преобразования, проектированные для христианского и оседлого русского населения, по вышеизложенным причинам, не принесут никакой пользы, если будут всецело применены к кочевым и бродячим инородцам Европейской и Азиатской России.

... Посему нет вопроса общественного, который бы был так всемогуще-важен, как вопрос о народных реформах. Нет сомнения, что все законодатели и реформаторы имели и имеют в виду общественную пользу, но понятие о том, что полезно и что вредно для общественного развития в разные века были различные и теперь между нами ходит много диких гипотез, которые, по рутине и по привычке к прошлым преданиям, принимаются многими на веру, как непреложные аксиомы, хотя науки ясно доказали их ошибочность и несостоятельность. В наше время самыми важными и близкими для народа, считаются реформы экономические и социальные, прямо касающиеся насущных нужд народа, а реформы политические допускаются, как средства

для проведения нужных экономических реформ, ибо каждый человек отдельно и все человечество коллективно стремится в развитии своем к одной конечной цели — к улучшению своего материального благосостояния и в этом заключается так называемый прогресс.

... Условия племенного организма, среды, климата и почвы должны быть всегда на первом плане, ибо все человеческие побуждения и мотивы обуславливаются совокупным влиянием физических и социальных условий.

Я счел нужным сделать это длинное и может быть несколько докторальное вступление потому, что большинство членов комитета, составленного при областном правлении для решения вопроса о судебной реформе в области сибирских киргизов, основало свой вывод на одних только народных мнениях, собранных притом от султанов, биев и других знатных киргизов, не приняло во внимание не только научных фактов, но вообще тенденций и требований нашего века. Уже было замечено выше, что народные мнения редко бывают самостоятельны, но и при несомненной самостоятельности не могут быть данными для обсуждения важных реформ и серьезных вопросов. Мнения султанов и биев еще менее заслуживают уважения, ибо интерес целой нации, по строгой справедливости, должен предпочитаться выгодам отдельного сословия. Вообще вопросы о реформах требуют большой осторожности и глубоких соображений, ибо от них зависит народное — „быть или не быть“.

Из всех инородческих племен, входящих в состав Российской империи, первое место по многочисленности, по богатству и, пожалуй, по надеждам на развитие в будущем, принадлежит нам, киргизам. Мы занимаем одну обширную сплошную территорию, между тем как другие инородцы разбросаны среди русского населения. Нас считается в русском подданстве до 80 тысяч, а с не верноподданными нашими соплеменниками мы превышаем миллион, тогда как всех татар в Европейской России, включая в это число башкир, ногайцев и киргиз Букеевской орды полагается едва один миллион. Вся так называемая среднеазиатская торговля России есть не более, не менее, как торговля наша: на долю Бухарии, Кокана и других стран Центральной Азии приходится весьма незначительная пропорция в общем торговом балансе. Народ наш, наконец, не в такой степени дик и груб, как думает об этом большинство русских. Говоря серьезно, киргизский народ принадлежит к числу наиболее миролюбивых и, следовательно, к числу наименее диких инородцев Русского царства. В этом отношении мы уступаем только бурятам, но и то потому, что буряты имели счастье принять самое гуманное и высокое учение — буддизм, а мы же имели несчастье подчиниться грубому исламу. Народ наш имеет богатую, не лишенную поэтических достоинств, растительную литературу, более близкую к индогерманскому эпосу, чем к восточным произведениям этого рода. Наконец, что всего важнее, формы нашего общественного развития находятся в том самом безыскусственном периоде, когда они представляют наибольшую

аналогию с результатами высшего, культурного развития. На этом факте основаны все наши надежды на будущее.

... Только вследствие невнимательности, которая, надо сказать, в отношении нас, киргиз, вошла уже в привычку областного начальства, комитет, бывший при областном правлении, мог принять, без всякой критической оценки, мнения султанов, биев и других знатных киргиз за главное основание для своих работ и только по укоренившейся невнимательности мог утвердить в своем проекте те ненужные и вредные для большинства преобразования и изменения, которых добивался привилегированный класс киргизского народа, и которых не хотел простой, или, как выражаются степные аристократы, „черный“ киргизский народ. Для правильной оценки собранных от народа мнений стоило только комитету вникнуть в сословные отношения киргиз и в отношения их к непосредственному русскому начальству.

... Показания во время ревизии г. военным губернатором окружных приказов давали волостные управители, старшины, султаны, бии и богатые киргизы, другими словами, ордынские чиновники или ордынцы, имеющие в виду быть чиновниками. Народ, т. е. небогатые, нечиновные и нетитулованные киргизы, в даче мнений в совещаниях по этому предмету, участвовал очень мало, даже, можно сказать, вовсе не принимал участия. Справедливость этого факта подтверждают печати и тамговые знаки, приложенные к показаниям: они принадлежат исключительно султанам и старшинам. Простые киргизы по отдаленности кочевок от мест, где учреждены приказы приезжают на ревизию только по крайней необходимости и по окончании ревизии, истощив свои скудные запасы, тотчас же уезжают. Удерживать народ для совещаний почетные киргизы, кажется, не старались, по привычке заочно располагать голосами и мнениями своих родичей, да и удержать голодных киргиз было бы для них не так легко. Некоторые султаны и бии, внесенные в список биев 1854 года и участвовавшие при первых совещаниях по нашему делу, через день и два, уезжали, тайно, в свои аулы, оставив печать в чужие руки, чтобы приложить их к народному решению, каково бы оно ни было. Затем оставались при приказах, как было уже замечено, одни ордынские чиновники и честолюбивые богачи. И эти лица, при чтении проекта, обнаруживали непростительное равнодушие, некоторые даже засыпали. Вообще никто из киргиз, за небольшим исключением, не понимал или не хотел понять, в чем дело и что от них хотят.

Причина такого непонятого равнодушия киргиз в столь важном деле были: во-первых, невежество и непонимание своих интересов, во-вторых, то, что киргизы не были заранее приготовлены к пониманию того, что им читали и на что от них требовали скорого ответа; равнодушествовали киргизы и вследствие недоверия к русскому правительству. Они сомневались в нашей искренности и думали, что спросы наши делаются для одной только формы или с какой-нибудь другой, невыгодной для них, целью. В каждом действии русского чиновника киргизы видят одно только зло, посягательство на их свободу и

льготы. И это очень понятно потому, что киргизы о русском начальстве судят по действиям своих участковых заседателей.

В киргизских законах нет таких устрашающих мер, которыми наполнены и новейшие европейские кодексы. У киргизов телесные наказания никогда не существовали.

Из приведенных фактов и доказательств видно:

1) Что начала мирового суда, проектированные для русских губерний, во многих началах своих положительно неприменимы в отношении киргизского народа.

2) Суд биев, действующий у киргизов теперь, при господствующем у них родовом быте и родовых отношениях, вполне удовлетворяет развитию народа, как продукт, непосредственно выработанный самим народом.

3) Что суд биев имеет некоторые преимущества перед судом мировым, по крайней мере, в отношении киргиз.

4) Что желание большинства, массы киргизского народа, при отобрании от них мнений по вопросу о судебной реформе, было выражено в пользу древняго суда биев, без всяких изменений и дополнений.

Принимая во внимание все вышеизложенные причины и руководствуясь тою истиною, что для нормального роста народа, на какой бы степени развития он ни стоял, необходимы: саморазвитие, самозащитение, самоуправление и самосуд, мы приходим к тому неотразимому заключению, что суд биев следует оставить, до поры до времени, в том самом виде, в каком он был до издания закона 1854 г., а закон этот, как рожденный под влиянием бюрократических идей, единственно в видах формализма и порядка, следует отменить...

Подписал штабс-ротмистр Валиханов. 28 фев. 1864 г. Омск.

Сочинения Ч. Ч. Валиханова. СПб. 1904 г., с. 151—172.

ИЗ ЧЕРНОВЫХ БУМАГ Ч. ВАЛИХАНОВА.

... В Европе до сих пор господствует ложное понятие, представляющее кочевые племена в виде свирепых орд и беспорядочных дикарей. Понятие о кочевом монголе или киргизе тесно связано с идеей грубого и скотоподобного варвара. Между тем большая часть этих варваров имеет свою литературу и сказания — письменные или изустные. К числу первых принадлежат монголы и зюнгары, а к числу вторых — кочевые орды монголо-тюркского корня. Степной ордынец — киргиз стоит морально, по своим умственным способностям, гораздо выше оседлого простолюдина татарина или турка. Склонность к поэзии, особенно к импровизации, отличает все кочевые расы. Поэтический ум бедуинов и поэты-импровизаторы их хорошо знакомы европейцам. Все путешественники, посещавшие аравийские пустыни и шатры, писали с удивлением о голых мальчишках, которые на все вопросы выстреливали правильно сложенными, размеренными четверостишиями. Такие же явления представляют и монголо-тюркские поколения. Влияние ли беззаботной кочевой жизни или

постоянное созерцание природы, — всегда открытого звездного неба и беспредельных и зеленых степей были причиною к поэтическому и умозрительному расположению духа этих степных кочевников — нам нет нужды знать: решение этого вопроса предоставляем ученым, наблюдающим природу, ее влияние на человека и следствие этого влияния. Мы же представим только факты и данные.

Из всех народов татарских, относительно поэтических способностей, киргизы занимают едва ли не первое место. Об них можно сказать то же, что заметил наш заслуженный ориенталист Сенковский об арабах: бедуин — стихотворец от природы и по преимуществу поэт. Хотя в произведениях киргизских бардов нельзя заметить, в строгом смысле, той правильности стиха, как в поэзии арабов, но все-таки и они имеют известное правило и рифму. Язык киргизский, как выдающийся из диалектов тюркских, не имеет той обработанности и, так сказать, эластичности, как гиперболический и фигулярный язык араба; следовательно и поэтические достоинства их должны быть различны. Как поэзия степей, она имеет отношение к поэзии Аравии, к жизни пустыни — однообразие сюжета — картины кочевой жизни, описание раздоров племен и вражда их еще более сближают это сходство. Во всяком случае поэзия киргиз, как верный очерк жизни, понятий и отношений своего общества, чрезвычайно любопытна и представляет множество занимательных сторон.

...Мусульманство пока не въелось в нашу власть и кровь. Оно грозит нам разъединением народа в будущем. Между киргизами еще много таких, которые не знают и имени Магомета, и наши шаманы во многих местах степи еще не утратили своего значения. У нас в степи теперь период двоеверия, как было на Руси во времена преподобного Нестора. Наши книжники также энергически, как книжники древней Руси, преследуют свою народную старину. Под влиянием татарских мулл, средне-азиатских ишанов и своих прозелитов нового учения, народность наша все более и более принимает обще-мусульманский тип. Некоторые султаны и богатые киргизы запирают жен своих в отдельные юрты, как в гаремы.

Набожные киргизы начинают ездить в Мекку; а баявы наши, вместо народных былин, поют мусульманские апокрифы, переложенные в народные стихи. Вообще киргизскому народу предстоит гибельная перспектива достигнуть европейской цивилизации не иначе, как пройдя через татарский период, как русские прошли через период Византийский. Как ни гадка византийщина, но она все-таки ввела христианство, элемент бесспорно просветительный. Что же может ожидать свежая и восприимчивая киргизская народность от татарского просвещения, кроме мертвой схоластики, способной только тормозить развитие мысли и чувства? Мы должны во что бы то ни стало обойти татарский период и правительство должно нам в этом помочь. Для него это так же обязательно, как для нас спасение утопающих. Для совершения этого человеколюбивого дела на первый раз следует только снять покровительство над муллами и над идеями ислама и

учредить в его округах вместо татарских школ русские. Затем реакция обнаружится сама собою. Было время, когда русское правительство считало распространение европейского просвещения между некоторыми иноплеменными народами своими почему-то не выгодным для себя. По крайней мере такой политики держалось оно и в отношении кавказских мусульман и киргиз. Горцы и киргизы не допускались в кадетских корпусах в специальные классы, где преподаются военные науки. Закон этот теперь отменен, следовательно признан ложным.

...И у нас в степи все благодетельные меры правительства, все выгоды новых учреждений не приносят ожидаемых результатов именно вследствие того, что они парализируются возрастающим религиозным изуверством. Киргизы наши теперь более чуждаются русского просвещения и русского братства, чем прежде. О вреде мусульманского изуверства и вообще всякого религиозного фанатизма на социальное развитие народов, после всего сказанного нами выше, мы считаем излишним распространяться. Известно, что и в Европе преобладание теологического духа проявлялось в народном развитии самым бедственным образом.

...Мы не имеем никаких данных о числе киргиз, принявших православие со времени основания внешних округов, но надо думать, что число это было не незначительно. В некоторых казачьих станицах почти половина населения состоит из крещеных киргиз, например, в Ямышевской, Чистой и в некоторых других. В 1861 году или в 1862 году, хорошо не помним, областное начальство в первый раз дозволило некоторым крещеным киргизам оставаться в степи на прежних инородческих правах: мера эта, по нашему мнению, должна в будущем принести не маловажную пользу киргизскому народу. Киргизы до сих пор думали, что сделаться христианином, значит сделаться казаком или мещанином. Теперь же вследствие совместного житья и смешанных браков, религиозная вражда будет смягчаться и крещение не будет, как прежде, разрывать родственных связей.

...Мы далеки от того, чтобы советовать русскому правительству вводить в степи христианство каким бы то ни было энергическим путем, точно также не предлагаем ему преследовать ислам, подобные крутые меры ведут всегда к противным результатам. Христианство, вводимое между инородцами сибирскими через наших миссионеров и священников, по свидетельству компетентных людей, идет крайне неуспешно и, что всего важнее, оказывает на народ не совсем благодетельное влияние. Остяки убегают от православия в леса и так боятся проповедников русской веры, что скорее обращаются в ислам, чем в православие. Кастрен говорит, что остяки потому только не селятся по берегам Оби, богатой рыбою, что боятся русской веры и русских миссионеров. Еще князь Щербатов говорил, что инородцы жаловались ему на бесчеловечие и мздоимство попов своих, кои только грабить и мучить их приезжают („Очерки Сибири“, „Библиотека для чтения“, октябрь 1862 года).

...Пользуясь возникшим вопросом о духовном суде, можно

было бы предпринять коренные реформы в духовном управлении нашей степи.

1) Отделить киргизскую степь от ведомства оренбургского муфтия, как народ различествующий от татар по исповеданию веры, и назначить особого областного ахуна, который бы состоял подобно советнику от киргиз при общем присутствии областного правления.

2) Утверждать в звании мулл только коренных киргиз или киргизских хоже, если будут настоятельные просьбы о том со стороны народа.

3) Не назначать мулл более одного в округе, а должность указных в волостях упразднить.

4) Не позволять ишанам и ходжам, приезжающим из Средней Азии, и татарским семинаристам жить в кочевьях киргиз без определенных занятий, и иметь строгое наблюдение, дабы они не образовали между киргизами дервишеских и мистических обществ подобно тем, которые существуют теперь в Баян-Аульском и Каркаралинском округах.

Но против такого зла, как ислам, недостаточно одних палиативных мер. Отнятие судейских прав не лишит мулл того влияния, которое они будут иметь как священники. Кроме мулл у нас много и других вредных шарлатанов. Мы говорим о татарах и средне-азиатцах, которые занимаются медицинской практикою. Если-б они пользовали доверчивых киргиз безвредными травками, заговорами и амулетами, подобно знахарям и лекарям, мы не стали бы об них и говорить. Но дело в том, что господа эти лечат не иначе, как на смерть; от всех грудных болезней употребляют они чилибуху, а иногда и сулему, от сифилистических болезней дают ртуть и киноварь в такой ужасной дозе, что больные большею частью отравляются. Кровопускание делают всем и каждому без всякой причины, потому только, что Мохамед заповедал это в коране. Наконец, в самом народе нашем таится многих темных предрассудков и вредных обычаев. Вытравление плода, выдавливание его в последний период беременности, убийство дитяти после рождения у нас в общественном мнении преступлениями не считаются. От того по статистическим источникам преступления эти между киргизами не значатся. Но мы бы мало согрешили против правды, если-б сказали, что половина совершеннолетних киргизских девиц, способных к оплодотворению, не раз были преступны в детоубийстве. Обычай этот тем более ужасен, что прелюбодеяние в девичьем состоянии у киргиз не составляет большого порока и не приносит грешной такого позора и безчестия, как в обществах европейских. А что делают киргизы с роженицами? Вследствие-ли ранних и излишних половых наслаждений или по узкости таза, что вероятно происходит от постоянной верховой езды, роды у киргизок бывают большею частью трудные. Киргизы же ненормальные роды приписывают навождению злого духа и потому бьют, пугают рожениц, тянут им язык. Понятно, что при таких диких понятиях и, наконец, при совершенном отсутствии акушерок и бабок, много беременных женщин умирают от родов или побоев.

Много гибнет народу от тифа, от простуды, от сифилиса и других болезней от того только, что некому подать больным разумную медицинскую помощь. У нас полагается один доктор на округ и, кажется, для того только, чтобы писать медицинские свидетельства и рассекать трупы. Доктора эти обязаны прививать киргизам оспу, но киргизы боятся их более, чем остяки священника. На доктора киргизы смотрят, как на чиновника и пользы от него не ждут. От оспопрививания убегают или откупаются.

Сочинения Ч. Валиханова, СПб, 1904, с. 192—201, („Записки Русского Географического Общества“, по отделению этнографии, том XXIX).

О КОЧЕВЬЯХ КИРГИЗ.

Киргизы Семипалатинской области исключительно живут скотоводством. В северной полосе преобладает табуноводство, в южной овцеводство, соединенное с разведением верблюдов. Баян-Аульский округ принадлежит к числу округов, занимающихся преимущественно табуноводством.

...Но, несмотря на все препятствия, представляемые внешней природой, скотоводство, как и всякая другая промышленность, должно иметь известные условия, от которых зависит его успешное движение, иначе оно не могло бы существовать. В чем заключаются эти условия? Определить эти условия не трудно, если принять во внимание:

1) Что в старые времена, во времена опустошительных войн и вседневной баранты, киргизы были богаче, чем теперь, и повсеместные упадки случались редко. Народная память, из событий прошлого столетия, сохранила воспоминание только о двух голодных годах, но в эти годы причиной наших бедствий была не столько гололедица, сколько огонь и меч — заклятье киргизских врагов калмыков. Что сибирские киргизы до основания внешних приказов были богаче, это факт неподверженный ни малейшему сомнению: стоит только посмотреть на число скота, который был пригоняем на Оренбургскую и Сибирскую линии в конце прошлого и в начале нынешнего столетия, и на официальные исчисления 20 и 30 годов. В эту последнюю эпоху было не мало киргиз, имевших 10-тысячные табуны лошадей.

2) Что в наше время число скота у киргиз все более и более уменьшается и падежи делаются чаще и опустошительнее. В этом можно вполне убедиться, если сравнить исчисления 20 и 30 годов с исчислениями 40 и 50 годов.

Правда, что в прошлые времена киргизы продавали своих детей в русские станицы и за один куль муки, но причиной голода были: не гололедица, не суровая зима, а войны и баранта. В старину исходным пунктом всех киргизских мотивов и забот был скот. Мы устраивали свою жизнь, приравливаясь к требованиям скотоводства. У наших предков постоянных зимовок не было, точно также как и приуроченных мест для летних пастбищ. Когда в одном месте был голод, киргизы уходили на

другие более благоприятные, не стесняясь никакими расстояниями. Киргизы Меньшой Орды лето кочевали под Оренбургом и в горах Мугоджара, а зиму проводили на Сыре и в песках Бурсук и Каракум. Киргизы Средней Орды в одно лето из-под Семипалатинска шли к Троицку и обратно. При таком образе жизни понятно, что голодные зимы не имели такого рокового характера, как теперь.

По сему обширный район кочевок должно считать самым важным и главным условием для скотоводства. Земля, достаточная для прокормления целого города, не будет удовлетворять одного киргизского аула, ибо каждый аул должен иметь особое зимовое место (зимовку) с зимними пастбищами, особые пастбища для весенних, осенних и летних стойбищ. Для зимовок требуется густые леса, или лесистые горы, вообще места, которые могут защищать скот от зимних непогод. Для летних кочевок, напротив, места открытые, привольные и обильные текущими водами или озерами. Летние кочевки выжигаются осенью для уничтожения личинок насекомых, беспокоящих стада в летние жары, между тем как зимние остаются все лето нетронутыми. Таким образом киргизы, занимая, повидимому, огромные пространства земли, в сущности пользуются в данный момент только незначительною частью и поэтому постоянно нуждаются в земле.

На основании этих фактов можно думать, что разделение земель наших по округам и приурочение летних и зимних пастбищных мест известным родам и личностям должно считать одною из главных причин, вредящих скотоводству. Теперь нужно из малого пространства земли извлекать наибольшую пользу, а это совершенно невозможно, пока скотоводство будет в киргизской степи единственным средством существования.

...Из всего сказанного следует, что для успеха скотоводства необходимы:

1) Обилие земли и большой район для кочевок.

2) Густые леса и лесистые горы для зимовок и открытые привольные, безлесные места, обильные водою, для летних пастбищ.

...Так как киргизы эти страдают единственно от неимения зимовых мест и так как в границах округа, кроме гор Баян-Аульских, нет других урочищ, могущих быть надежными зимовками киргизам, то я осмеливаюсь просить ваше высокопревосходительство упразднить Баян-Аульский приказ, приписав подведомственные ему волости в состав других округов или же от имени народа перенести на урочище Бель-Агач, лежащее на тракту, на половине дороги между г. Алмоллы и Каркаралинской станицей и имеющее все удобства для поселения приказа: плодородную почву, сенокосные луга и положение на торговом пути и среди летних кочевок Баян-Аульских киргиз, последнее обстоятельство особенно важно для народных сборов во время ревизии г-на военного губернатора. Киргизы Баян-Аульского округа готовы взять на себя часть расходов не только по перенесении приказа на другое место, но и для переселения казачьей станицы, дав каждому казачьему семейству по три лошади.

Казачи Баян-Аульскої станиці хлібопашеством не займаються, а живуть тільки оброком, який беруть с киргиз, отдавая им в временное пользование станичные свои участки, следовательно перенесение приказа и станицы на хлебопашные места будет одинаково выгодно, как для казаков, так и для киргиз.

В заключение всего считаю долгом заявить вашему высокопревосходительству, что при предстоящем размежевании земель для Баян-Аульскої станицы я полагаю бы справедливым прежде всего наделить зимовками и лесными участками коренных жителей киргиз, а затем оставшиеся места отдать казакам, так как по закону казаки должны быть наделены землей без стеснения киргиз в их пастбищах.

Сочинения Ч. Валиханова, СПб 1904, с. 321—6. („Записки Русского Географического Общества“, по отделению этнографии, т. XXIX).

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
От редакции	3
I. Первые шаги царизма по завоеванию Казахстана. Завоевание средне-азиатских ханств.— Экспедиция Бековича-Черкасского.— „Указ капитану от гвардии кн. Черкасскому“.— Продвижение в Казахстан со стороны Сибири. Политика Петра I по отношению к Ср. Азии.— Характеристика царской колониальной политики.— Русско-азиатские границы	7
II. Военная колонизация края, Уральское казачье войско.— Пути оккупации края.— Сибирское казачье войско.— Методы колониальной эксплуатации	23
III. Царизм и казахские феодалы. Принятие казаками российского подданства.— Неплюев и Абул-Хаир-хан.— Абул-Хаир-хан.— Нур-Али-хан.— Каип-хан	39
IV. Царская политика по отношению к завоеванным народам: казахам, башкирам и др. Башкирские восстания.— Политика царского правительства в отношении казахов и Башкир.— Из воззвания Батырши. Торговые отношения со Ср. Азией.— Рабство в Ср. Азии, Сибири	53
V. Казахские восстания против царизма в XVI веке. Пугачевское восстание и казахский народ.— Отголоски пугачевского восстания среди казахов.— Батырь Сырым-Датов	
VI. Колониальная политика царизма первой половины XIX в. (по конец 60-х гг.). История завоевания Ср. Азии и Казахстана.— Экспедиции Перовского, Черняева и Кауфмана.— Нота кн. Горчакова от 21 ноября 1864 г.— Зверства царских войск.— Продолжение захвата Ср. Азии и Казахстана.— Поход в Хиву.— Политика „разделяй и властвуй“. О необходимости движения вверх по Сыру.— Колонизация Семиречья.— Киргизский рассказ о взятии Ташкента (отрывок)	93
VII. Интересы торгового и промышленного капитала в Казахстане и Ср. Азии. Учреждение торговли России с Индией (из статьи М. П. Погодина).— О предметах ведомства кампании (для азиатской торговли).— Мнение ген. Хрулева о военных предприятиях в Ср. Азии.— О жел. дороге между Каспийским и Аральским морями.— Торговля со Ср. Азией.— Записка купца Владимира Кузнецова о торговле с Кульджею.— Кульджа, Чугучак и города по западной границе с Китаем.— О русско-китайской торговле через Семипалатинск.— Предметы торговли с Казахстаном и Ср. Азией.— Торговые пути в Ср. Азию.— Из отчета уездного начальника о состоянии торговли в Иссык-Кульском уезде	141
VIII. Борьба казахских масс против российского царизма в первой половине XIX в. Внутренняя или Букевская орда.— Восстание Исатая Тайманова.— Восстание Кевисары Касымова.— Показания русских пленных, возвращенных из Бухары.— Восстание Исета Кутебарова	
IX. Реформа управления Степным краем. Восстания 1869—70 гг.— Сущность реформы.— Тургайская область и ее устройство.— Восстание 1869 г.— Восстание казахов (киргиз) на Мангышлакском полуострове	229
X. Казахстан в 1860—70 годах. Население Азиатской России.— Характеристика Казахстана.— Экономика Казахстана.— Первая народная перепись в киргизской степи.— Казахи (киргизы) полуострова Бузачи.— Русские войска в Казахстане. Администрация в Казахстане.— Невежество русской администрации.— Быт казахов (киргиз).— Озеро Карабаш.— Город Верный.— Одна из первых корреспонденций из Верного.— Чокан Валиханов и его сочинения	247

Отв. редактор К. Павлов. Техредактор
П. Курочкин. Корректор А. Краснов.
Обложка худ. Фрама М.

Сдано в набор 3. III. 36 г. Подписано
к печ. 15. V. 36 г. Формат 62×94/16.
Тираж 3000 экз. Изд. л. 18,5
Бум. листов 9,25, учетно-авт. листов
22. Тип. знаков в бум. листе 109.800
Индекс П.—8. Цена без переплета
3 р. 50 к., переплет 1 р. 25 к. Упол.
Главлита 14 — 1328

Алма-Ата, Карла Маркса, № 51. Типо-
графия треста „Полиграфкнига“. Зак.
№ 198